

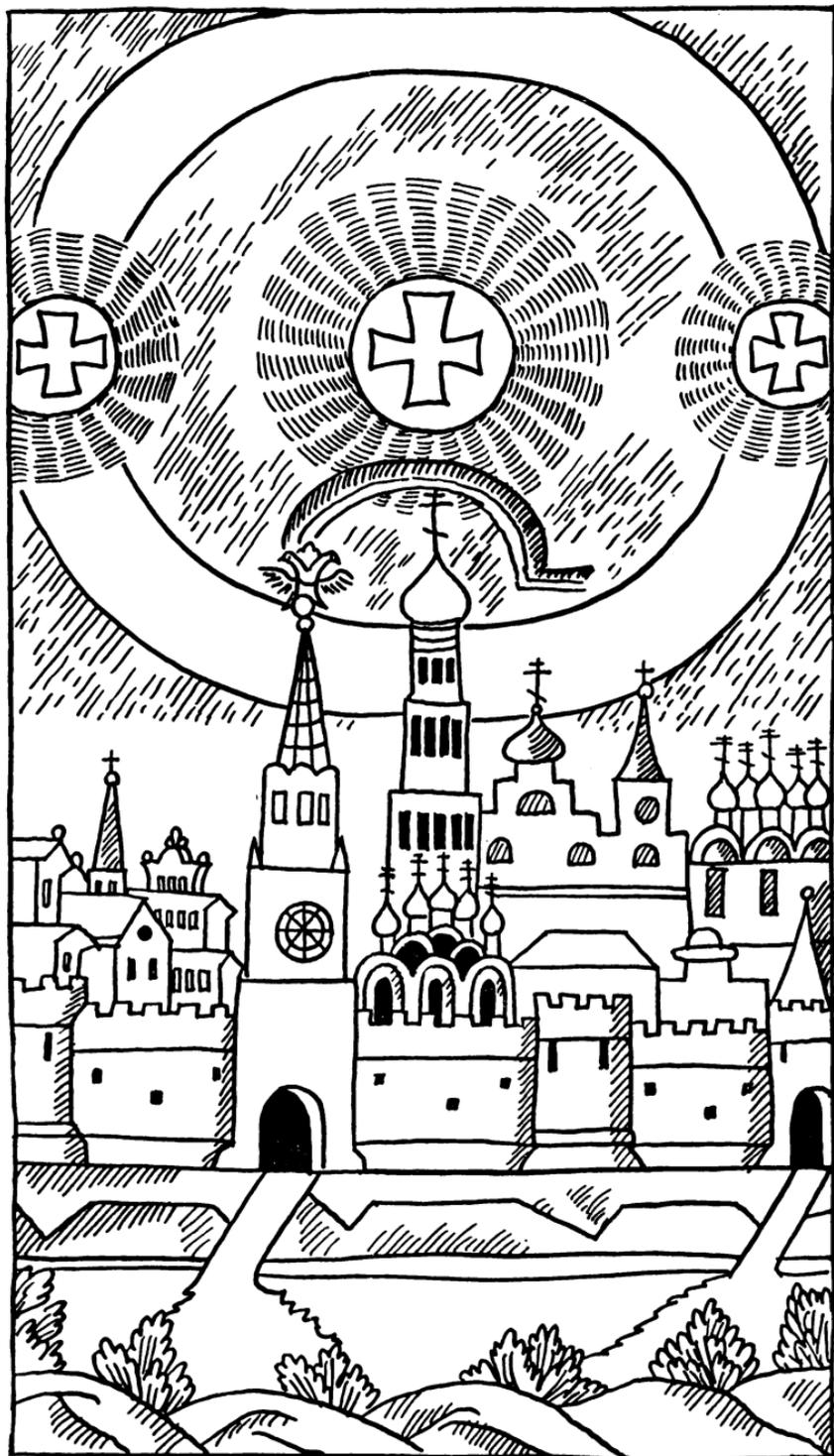
Сокровища
древне-
русской
литературы

Русская
бытовая
повесть

Сокровища древнерусской литературы

Сокровища древнерусской литературы

Русская
бытовая
повесть

XV - XVII вв.

Москва
«Советская Россия»
1991

84P1
P89

Составление, вступительная статья и комментарий
А. Н. Ужанкова

Оформление
Б. А. Диодорова

В издании воспроизведены русские миниатюры
XVI—XVIII вв.

Р 4702010101—002 инф. 91
М-105(03)91

ISBN 5—268—01157—x

© Ужанков А. Н., 1991 г., составление,
вступительная статья, комментарий.

Истоки русской художественной прозы

Первые занимательные произведения светского содержания, которые с полным основанием можно отнести к оригинальной беллетристике, появились на Руси в XV веке. И хотя сама литература начала формироваться уже в XI столетии, возникнуть раньше они не могли в силу определенной специфики древнерусской литературы.

В средневековый период художественный метод отражения бытия не существовал обособленно от научно-познавательного метода по причине синкретизма (нерасчлененности) личного и общественного сознания. В результате развитие литературы, а стало быть, и жанровой системы, было тесным образом связано с развитием философско-мировоззренческой мысли Древней Руси.

Из всех жанров древнерусской литературы бытовая повесть наиболее четко и полно отражает мену мировоззренческих представлений, поскольку появление этого жанра было обусловлено формированием иного — нового — типа сознания. В истории русской средневековой философской мысли можно выделить три временных периода: X—XIII века, XIV — первая половина XVII в., вторая половина XVII в. — первая треть XVIII в. Но даже в рамках одного периода, скажем X—XIII веков, представления не были, конечно, идентичны. В X веке мифологическое сознание, основанное на эмпирическом знании, столкнулось, после крещения Руси в 988 году, со стройной космологической системой христианства и с отвлеченными категориями развитого абстрактного мышления. Тогда началось формирование нового христианского мировосприятия. А в конце периода, в XIII веке, уже сформировалась (как на основе усвоенного заимствованного знания, так и осмысления своего собственного практического опыта) христианская мировоззренческая система на уровне религиозных убеждений.

Христианство, принятое Русью в качестве государственной религии, на семь столетий становится *основой* мировоззренческих представлений древнерусских книжников. Церковный канон не допускал никаких отклонений от официальной трактовки священной истории, изменения религиозных культов и обрядности. Под воздействием христианской литературы формировались средневековые представления о Божьем творении — мире и человеке.

В сознании книжно-образованных людей X—XIII веков видимый и невидимый миры составляют сотворенную Богом Вселенную. В центре нее находится сам Творец. Оттуда взирает он на видимый мир и правит им. Его взор — из центра мироздания — отразили иконописцы в обратной перспективе иконы. В момент молитвы, стоя перед иконой и общаясь через нее с Богом, человек, последний в ряду Божьих творений, как

бы «замыкал» собою мироздание. Именно на человека и был обращен идущий из глубины иконы взгляд Создателя.

В XI веке человек представлялся как малый мир, «микрокосмос» — подобие большого мира — «макрокосмоса», Вселенной. «Сотворил Бог человека, как бы некий второй мир: малый — в великом», — говорит Иоанн Дамаскин¹.

Для сознания XI—XIII веков было характерно стремление к символическому толкованию Святого Писания, истории, явлений природы и самого человека.

В одном из ранних произведений древнерусской литературы первой половины XI века — «Слове о Законе и Благодати» русский митрополит Иларион дал свое толкование Ветхого и Нового заветов (вслед за раннехристианскими писателями), показав посредством глубокого анализа их смысла закономерность прихода христианства на Русь.

История человеческого общества, явления природы имели свои символические значения, и человек старался раскрыть их тайный смысл в своем стремлении познать окружающий его мир.

Двенадцать месяцев символизировали собой двенадцать апостолов; четыре времени года — четырех евангелистов. Весна — символ воскресения Христа, крещения и обновления. Этот символ использовал древнерусский епископ и писатель Кирилл Туровский в «Слове на Фомицу неделю» (вторую неделю после Пасхи), проводя искусную параллель между Воскресением Христовым и оживающей природой: «Ныне солнце красуясь к высоте въсходить и радуясь землю огреваеть — взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос... Днесь весна красується оживляющеи земное естество, и бурнии ветри тихо повевающе, плоды гобзують (изобилуют), и земля семена нитающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная есть вера Христова... бурнии же ветри — грехотворнии помыслы... земля же естества нашего, аки семя слово Божие приемши... дух спасения ражаеть...»²

Лето символизировало вечную жизнь; осень (время жатвы) — канун Страшного суда, «пожинаний» плодов, т. е. оценка человеческой жизни; зима — преддверие Рождества и Крещения Христова.

Как мир делится на видимый и невидимый, тесно взаимосвязанные между собой, так и жизнь человека делится на две фазы: временную, протекающую на земле в мире видимом, и вечную — после смерти. Земная жизнь — приурочивание к вечной: «По грехам вашим да будет вам...»

Даже время, конечно же, земное, поскольку в вечности отсутствует его течение, имело свой специфический бег: его движение было направлено из настоящего в прошлое. Вся история шла в прошлое. «Перед-

¹ Антология мировой философии. — 1969. — Т. I. — С. 625.

² Цит. по: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОРДЛ. — Т. XIII. — М.; Л., 1957. — С. 416.

ние» события — это древние, более ранние события. Впереди в истории шли наши предки, мы — за ними. Вспомните упрек киевского князя Святослава молодым князьям Игорю и Всеволоду Святославичам, героям «Слова о полку Игореве», за их желание «преднюю славу» самим похитить, и «заднюю» самим поделить... И если в нашем нынешнем сознании движение истории не изменилось, то направление движения во времени, в наших представлениях, стало противоположным: мы устремились из настоящего в будущее, т. е. против течения времени.

«Будущее», «будущий век» в представлении книжников Древней Руси — это «жизнь нетленная» после смерти, это жизнь праведников в вечности. Будущее же земное летописец Нестор назвал «предбудущим» — временем перед будущим. Земное будущее было не суть важным и не предугадывалось. Предсказания волхвов называли «кудешеством», негодным делом. Предсказания же пророков, святых — откровением и даром Божиим¹.

Мир устроен волею Бога, и его движение изначально predetermined. Отсюда — провиденциализм во взглядах на историю: события жизни независимо связаны между собой, каждое из них происходит повелением свыше. Такое мировосприятие отразилось в «Повести временных лет».

Как и весь окружающий его мир, человек — божественное творение. И в значении своем они почти равнозначны. Наблюдая непознаваемый, с его точки зрения, окружающий мир, человек убеждался в величии Творца.

Человеческая судьба так же predetermined, как и вся история и отдельные ее события. Но в эту predeterminedность вмешивалась борьба добра и зла в мире, доброго и плохого начал в человеке.

В средневековом сознании человек был греховен от рождения, поскольку на нем лежит грехопадение прародителей — Адама и Евы. С тех пор за человека, его душу борются две взаимоисключающие силы — Христос и Антихрист, воплощенное добро и зло. Человеку не отказано в праве выбора того или иного жизненного пути, хотя во многом он подвластен воздействию борющихся сил. Злые дела в жизни совершаются по наущению дьявола: вражда между князьями, братоубийства, обман и т. д. Добрые дела — по воле Бога: «Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злему убийству и крови пролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету»², — констатирует «Повесть временных лет».

Но человек — подобие Творца и вершина его творения. Если он избирает добродетельный жизненный путь и в праведном образе заканчи-

¹ Более подробно о категории времени см.: Ужанков А. Н. Будущее в представлении писателей Древней Руси XI—XIII веков // Русская речь. — 1988. — № 6. — С. 78—84.

² Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. — М., 1978. — С. 181.

вает его, то может искупить и первородный грех и получить прощение за неосознанно совершенные жизненные прегрешения.

Это путь большинства святых. Но, в принципе, любой смертный должен стремиться к праведной жизни и благочестивым поступкам, искупающим грехи. Примеры тому он постоянно находит в житийной литературе, которая с особой заинтересованностью разрабатывает эту тему, сосредоточивая внимание на духовно-нравственной жизни героя, его моральной борьбе со злом.

Для житийной литературы XI—XIII веков, как и для икон, характерна статичность фигур — отсутствие движения, поскольку движение сопряжено с изменением времени — земным уделом, а святые вечны.

Первые русские святые, князья-братья Борис и Глеб отказались от действия — взятия силой Киевского княжеского престола, не пошля ратью против старшего брата Святополка, в результате чего от Бориса ушла вся дружина. Более того, братья даже не оказали сопротивления подосланным убийцам и *не боролись* за жизнь в этом мире, за что и получили жизнь вечную и венец мученический в мире ином. И спустя два столетия после своей гибели они не изменились, остались такими же молодыми, когда пришли на помощь сроднику своему Новгородскому князю Александру Невскому в его битве с крестоносцами, т. е. время стало над ними не властно.

Для житийного героя характерны поступки, важные в плане личного самосовершенствования. В то же время в летописях, воинских повестях и княжеских жизнеописаниях подчеркиваются *действия* общественной направленности, отражающие заботу о княжестве, государстве, но и они должны быть, по средневековому убеждению, столь же высоконравственны. В «Повести временных лет», выражаясь древнерусским словом, «образ являют» киевские князья Владимир Святославич, принявший в качестве государственной религии на Руси христианство, его сын Ярослав Мудрый, прозванный так народом за его мудрую деятельность и добродетельную жизнь, внук Ярослава Мудрого — Владимир Мономах — тонкий политик и доблестный полководец. Все они показаны в динамике военных походов, битв, строительстве городов, даже охоте, т. е. в движении, в жизни.

Главными персонажами сочинений XI—XIV веков были выдающиеся личности, чаще всего князья и духовенство, реже бояре и воины, а центром внимания — их гражданский или духовный подвиг, праведная жизнь. В этот период историческая тема доминировала в оригинальной литературе и разрабатывалась несколькими типами повестей: воинской («Слово о полку Игореве», «Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.); о княжеских преступлениях («Повесть об ослеплении Василька Теробовльского», «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»); житийной («Повесть о Меркурии Смоленском») и т. д.

Что же касается бытовой тематики, то эта лакуна заполнялась пе-

реводными сочинениями. В XI—XII веках уже были известны византийские повести «Девгениево деяние» и «Повесть об Акире Премудром», приобретшие большую популярность у древнерусского читателя.

Мирская жизнь обыкновенного человека не привлекала внимания древнерусских писателей того времени. Однако некоторые черты быта все же проникали в литературные произведения, подготавливали почву для возникновения нового жанра. Есть они и в «Житии Феодосия Печерского», но это монашеский быт. Есть они в «Поучении» Владимира Мономаха и в «Летописце Даниила Галицкого», но это княжеский быт. Литература рассматриваемого хронологического отрезка не касалась мира простого человека.

Монголо-татарское нашествие затормозило социально-экономическое развитие Древней Руси, но не могло изменить эволюционного процесса, наметившегося в философско-мировоззренческих, точнее — религиозно-мировоззренческих представлениях. Этот процесс был характерен и для Западной Европы. В Италии, например, период ренессансного гуманизма продолжался в литературе с начала XIV до второй половины XVI века и закончился созданием своеобразного «предклассицизма», хотя и «опередившего» на столетие настоящий французский классицизм, но не имевшего под собой должной идеологической основы.

Французский гуманизм, по сравнению с итальянским, запоздал в своем возникновении более чем на столетие, стал складываться только в первой трети XV века. До XVI века задержался процесс формирования литературы зрелого английского гуманизма. Гуманистические тенденции в испанской литературе проявились в конце XVI — первой половине XVII века.

В конечном итоге этот процесс привел к возникновению в Западной Европе в XVII веке (вначале во Франции) литературного направления — классицизма, имевшего уже под собой теоретическое обоснование.

Процесс гуманизации древнерусской литературы хотя и соответствовал общеевропейским тенденциям, но имел свои сугубо специфические черты и хронологические рамки.

Этот этап в истории древнерусской литературы начинался переходным периодом, длившимся почти столетие (вторая половина XIII в. — первая половина XIV в.), который можно сравнить с «ситуацией культурного перелома» нового времени¹, когда в уже устоявшейся мировоззренческой системе появляются представления, выходящие за рамки этой системы и приведшие в конечном итоге к значительному ее изменению.

Символ, характерный для XI—XIII веков, как средство раскрытия смысла, уступал место реалиям. Накапливаемый практический опыт при-

¹ См.: Поляков М. Вопросы поэтики и художественной семантики. — М., 1978. — С. 290—291.

вел к качественному скачку в познавательном мышлении и изменению в XIV—XVI столетиях системы мировосприятия.

Общий взгляд на мироздание, всеобщую историю сменился в этот период конкретным взглядом на русскую историю, ее отдельные события, остановился, наконец, на живом человеке.

Смена мировоззренческих представлений сказалась в творчестве писателей и иконографов. Произошедшие перемены особо заметны в иконе.

Постепенно к концу XVI века обратную перспективу вытесняет привычная для нас линейная перспектива. Иконограф взглянул на мир глазами обыкновенных людей. Линии предметов потянулись от зрителя к центру иконы и сошлись где-то в глубине бесконечности. Наблюдателем мироздания стал человек.

В результате значительных изменений в мировоззрении в центре мироздания оказывается человек. Возникает интерес к личности, к поступкам, чувствам и мыслям людей, отразившийся прежде всего в исторической литературе. В произведениях появилась субъективная авторская оценка происходящих событий. Так, наконец, наряду с официальной государственной точкой зрения, выразителями которой всегда выступали летописцы, в литературе стал проявляться частный взгляд на историю и личность. Примером тому может служить переписка царя Ивана Грозного со своим бывшим воеводою Андреем Курбским, сочинения Ивана Пересветова и др.

Конечно, XVI век нельзя еще сравнивать с XIX веком — расцветом глубокой психологической русской прозы, но все же к концу XVI века намечился существенный поворот во взглядах на человека. Из подвластного двум началам — добра и зла — творения он постепенно превращался в мыслящую, способную к самоосознанию (но пока еще не к самопознанию) личность.

В XIV—XVI столетиях переводится разнообразная средневековая научная литература, развиваются ремесла. Интересно отметить, что наряду с новыми трудами («Луцидариус», «Шестокрыл») переводятся в этот период и многие известные ранее книги по естествознанию, географии, истории («Шестоднев», «Богословие» Дамаскина, «Толковая Палея», «Хроники» Георгия Амартола и Константина Манассии). Но теперь предпочтение при переводе отдавалось максимально насыщенным информацией источникам.

Появился значительный интерес к своему историческому прошлому. Возникают новые редакции старых произведений эпохи Киевской Руси, в которых появляется больше подробностей и реалий быта, заметно усилился интерес к историческим личностям. Это ощущается, например, в состоящем из княжеских житий обширном сочинении по истории России — «Степенной книги царского родословия».

Да и сам взгляд на историю претерпел серьезные изменения: уже не предопределенность управляла историей, а причинно-следственные связи. Одно событие выходило из другого, стало формироваться представ-

ление об исторической изменчивости мира, о мире как о движении. Появляется осознание неповторимости эпох и событий, ценности человеческой личности.

В произведениях XI—XIII веков природа, как творение Бога, была неподвластна человеческому познанию, человек подчинялся явлениям природы, как проявлениям воли высших сил. В результате таких представлений динамичный пейзаж в «Слове о полку Игореве» выражает волю и отношение высших сил к поступку Игоря Святославича, начиная с предупреждения — затмения солнца — и заканчивая помощью в его побеге.

Отношение к природе в XV—XVI веках изменилось. Она поддалась познанию и, как результат, оказалась в услужении человеку. Появились ее живые, а не символические описания в литературе. Из функционального пейзаж превратился в описательный — картину природы, даже в исторических сочинениях, как, например, в «Казанской истории»: «Место же, где вырос город, было таково: подалее от него подходили к нему высокие горы, вершины которых покрывал лес, простирались глубокие стремнины, непроходимые чащи и болота; вблизи же города, возле одной из стен, находилось небольшое озеро, имеющее вкусную воду и богатое всякой мелкой рыбой, пригодной для питания людей, из него берет начало река Щука, которая сначала обтекает вокруг города, а затем, немного пройдя, впадает в реку Свягу...»¹

Начало нового периода в истории древнерусской литературы принято относить ко второй половине XIV века, когда в ней обозначились общерусские тенденции (это время формирования русского централизованного государства), появились новые темы, жанры, произошли даже языковые изменения (на базе единого для восточных славян языка стали формироваться языки украинский, русский, белорусский).

Изменения в мировоззрении подготовили благоприятную почву для развития в древнерусской литературе собственных беллетристических сочинений. Московская Русь по-прежнему читала переводные повести времен Киевской Руси («Повесть об Акире Премудром», «Девгениево деяние»), появляются и новые: роман об Александре Македонском — «Александрия», «Повесть о Стефаните и Ихнилате», цикл сказаний о царе Соломоне и другие. Но своих сюжетных повестей, как явления собственно словесного искусства, беллетристики, до XV века Древняя Русь не имела.

Это был прорыв в иной литературный мир: мир условных, неисторических личностей, условного места и времени, свободно развивающегося сюжета — плода воображения, с причинно-следственной связью событий в его развитии.

В отличие от традиционных для того времени жанров исторической,

¹ Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. — М., 1985. — С. 395.

житийной, церковно-дидактической прозы, преследовавших определенные назидательные цели, беллетристика отвечала наиважнейшему требованию — быть увлекательным чтением. Поэтому в этих повестях значительно повышается роль сюжета, занимательность фабулы, для чего вводятся новые и непривычные темы, скажем, «женской любви», придумываются экзотические страны, необычайные приключения героев и т. д.

К первым оригинальным произведениям светского сюжетного повествования, подобным переводным «Александрии» или «Стефаните и Ихнилату», уступающим им, правда, по объему, можно отнести «Сказание о Дракуле воеводе» и «Повесть о Басарге и его сыне Борзосмысле».

Автор повести о воеводе Дракуле одним из первых в древнерусской литературе попытался выразить, как в одном человеке могут сосуществовать добрые и злые качества, приводящие его к противоречивым поступкам. Более ранние произведения литературы акцентируют внимание только на каком-то одном из этих качеств, не допуская никаких противоречий в описании характера. Обнаружение их — это, конечно, еще не открытие характера, оно произойдет позднее, в XVII столетии, но это значительный шаг к этому открытию.

Небольшая по объему повесть состоит из двух десятков эпизодов. В каждом из них выявляется новая грань характера Дракулы, происходит скрупулезная отделка образа. Как отметил тонкий ценитель и исследователь литературного стиля А. В. Чичерин, «автор до того входит в последовательно злую логику своего персонажа, что порою, кажется, восхищается стройностью этой логики, *цельностью типа* (выделено автором. — А. У.). Именно так Гоголь будет любить созданных им уродов, Достоевский — своих Свидригайлова, Ставрогина, даже — Смердякова»¹.

Древнерусский писатель, несомненно, достиг значительного творческого успеха, создав *в своем воображении* и запечатлев в литературном сочинении столь сложный, уже определенно можно сказать, художественный образ. Важно еще раз подчеркнуть, что это один из первых *вымышленных* персонажей в древнерусской литературе.

Придуманы персонажи, место действия и сам сюжет и в уже упоминавшейся «Повести о Басарге...». В ней, прежде всего, привлекает образ семилетнего сына купца Басарги — Борзосмысла. Само имя героя «говорящее»: его можно перевести как «быстрый ум» или «сильный разумом». Развитие сюжета подтверждает истинность смысла имени.

Совсем еще ребенок, Борзосмысл отгадывает три загадки несправедливого царя, которые не могли отгадать взрослые, умудренные жизнью люди, вынужденные в результате или предать за свою свободу веру отцов, или же томиться в тюрьме, и освобождает православных христиан «от латинского мучения». Очевидный сказочный мотив отгадывания загадок положен в основу сюжета повести. Но в отличие от сказок,

¹ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. — М., 1977. — С. 40.

которые построены на отражении (пересказе) действия, повесть уделяет внимание описанию обстановки, деталям, персонажам. Очень характерны для повести «живые детали», делающие зримым, живым литературный образ. Скажем, когда купец Басарга вернулся в печали на свой корабль, то увидел сына, играющего с прутиком: сев на него, как на коня, и погоняя, «скачет по кораблю, как обычно дети играют»...

При всей занимательности сюжета повести все же еще сохраняют и важнейшую функцию любого произведения средневековой литературы — назидательность. Правда, наметилось существенное отличие в приемах изложения идеи произведения в повести от традиционных жанров. В них обычно идеи высказывались автором прямо и однозначно, от собственного лица, например, как в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Подобаеть намъ поведати величество и милость Божию, како сътвори Господь волю боящихся его, како пособьствова Господь великому князю Дмитрию Ивановичю... над безбожными половци и агаряны»¹.

В повестях идея стала выражаться в самом сюжете и становится понятной читателю в процессе развертывания событий и описания поступков и мыслей героев. Скажем, рассказ о приключениях старца, прошившего руку царской дочери, призван был подтвердить истинность евангельских слов: «Просите — и дастся вам...», в которых герой повести усомнился (прием этот повторится и в «Повести о царе Аггее», написанной два века спустя). Поступки отрока Борзосмысла соответствуют его благочестивым стремлениям освободить христиан от власти неверного царя и т. д.

Две повести XV века — о Тимофее Владимирском и о Луке Колоцком — сохранили тесную связь с религиозной тематикой, обе отстаивают идею праведной христианской жизни и искупления грехов в этом мире. В них много бытовых деталей, описаний чувств и переживаний героев и не такие уж и простые образы главных персонажей.

Повесть XV века еще не чисто мирская, еще не произошла секуляризация литературы (отделение религиозного начала от мирского), она только наметилась, отсюда в некоторых повестях сохранились религиозные элементы и слабо прикрытая назидательность.

Конец XV века и век XVI — это расцвет публицистики в древнерусской литературе. Все отчетливее стала проявляться в ней вера в разум, в убеждающую силу слова, характерная и для эпохи европейского Возрождения XVI века. От сочинения к сочинению, не только публицистических, но и исторических, все настойчивее утверждалась идея возможности организации общества на разумных началах, высказывались суждения о долге царя перед своими подданными, о служении государства интересам народа и многое другое.

Под этим натиском веры в разум в светскую литературу все более

¹ Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. — М., 1981. — С. 132.

и более проникает прагматизм во взглядах на историю и человеческую жизнь, вытесняя постепенно теологический взгляд на человеческое общество. Многие публицисты в своих сочинениях старались уже не прибегать к подкреплению своих рассуждений богословскими цитатами, но чаще стали ссылаться на естественные законы природы, призывая следовать им в устройстве общества и государства.

Элементы художественности в XVI веке проникают в деловую письменность, а формы деловой письменности — в литературу, в частности в публицистику. В литературных целях используются эпистолярные жанры — выдуманная переписка Ивана Грозного с турецким султаном, челобитные Ивана Пересветова, статейные списки.

Любопытен путь проникновения вымысла в литературные произведения. На стадии религиозного мировоззрения X—XIII веков, когда восприятие слова основывалось на вере, вымысел воспринимался как правда, был неотделим от нее и не воспринимался как самостоятельная мыслительная категория. В процессе освобождения мировосприятия от церковного влияния, при появлении попыток анализа действительности произошла дифференциация правды-неправды, веры-неверия. «Неправда», «вымысел» при необходимости выдавалась за «правду». В свою очередь, использование деловых жанров в литературных целях придавало вымыслу достоверность. Вымысел проник в исторические сочинения XVI века, особенно сказывается в «Степенной книге», отмечен в «Казанской истории».

Вымысел этого времени носит двойственный характер. С одной стороны, это политический — «государственный» — вымысел, отстаивающий, к примеру в «Сказании о князьях владимирских», политическую теорию Русского государства, с другой — литературно-художественный, продиктованный законами развития литературы. Так появляются в «Степенной книге» романтическая биография княгини Ольги, история любви князя Юрия Святославича Смоленского к княгине Юлиании Вяземской.

В своем поступательном развитии древнерусская литература подошла к художественному освоению вымысла — основы любого жанра изящной словесности, вплоть до современного романа, рассказа и повести. И если в «Повести о царице Динаре» героиня воспринималась как историческое лицо и, соответственно, присутствуют факты истории, то пять других сохранившихся светских повестей XVI века более вольны в своем повествовании.

Из всех повестей XV—XVI веков своими литературными достоинствами выделяется «Повесть о Петре и Февронии Муромских» крупнейшего публициста XVI века Ермолая-Еразма.

Она задумывалась, видимо, как житие чтимых в Муроме местных святых князя Петра и его супруги Февронии, но получилась поэтическая повесть. Правда, несмотря на это, она включалась в книги для повседневного духовного чтения — Четьи Минеи.

Повесть очень близка сказке (в народе, нужно сказать, бытовал и сказочный сюжет о мудрой деве), народным образам, простонародному языку. В ней показан пример истинной любви, отстаивается высокая нравственность супружеской верности и праведной жизни. Этим повесть снискала себе заслуженную популярность, а ее персонажи — Петр и Феврония — стали олицетворять в народе супружеское благочестие.

С этими двумя повестями в светскую повествовательную прозу вступает женская тема. Ее развивает «Повесть о целомудренной вдове». Автор повести со свойственным XVI веку пиететом описывает ум и находчивость героини в испытаниях своего поклонника, позволившие вдове отклонить его притязания и сохранить верность мужу.

На столкновении благочестия и любовной страсти строится и сюжет «Повести о благочестивом рабе». Соблюдение отцовской заповеди помогает юноше избежать насильственной смерти, приуроченной ему его госпожой за то, что он стал свидетелем ее любовных похождения.

И еще две повести XVI века, неожиданные по теме для древнерусской литературы, — о папе Григории и Андрее Критском. В мировой литературе мотив кровосмешения известен со времен античности, а вот в русской литературе он появился только в XVI веке, хотя сама по себе тема греховности, конечно же, не была новой, ведь на пей зиждется практически вся средневековая словесность. Сюжет и персонажи этих повестей вымышлены, и важно отметить, что описываемые события происходят в чужих землях, да и сами герои — чужеземцы, т. е. древнерусские писатели не стали разрабатывать эту тему на русской почве. Грехопадение героев приводит их к покаянию, покаяние — к прощению, прощение — к награде на исходе жизни: и Григорий и Андрей Критский занимают высокие посты в католической церкви.

При общем взгляде на мирскую литературу XVI века можно отметить развитие в ней рационалистических тенденций. Они были доминирующими в публицистике, стали живительным источником для беллетристики.

Развитие древнерусской литературы по XV век включительно во многом сходно с литературным процессом в Западной Европе. Но их дальнейшие пути расходятся. Клерикальные круги, имевшие значительный вес в русском обществе XVI века, отрицательно относились к набравшей силу мирской литературе. Крупнейшие церковные деятели и писатели — Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, митрополит Даниил, Максим Грек — называли беллетристику «неполезными повестями», относя ее к непотребному чтению, и призывали в своих выступлениях к душевно-полезному чтению богоотеческой литературы.

Хотя в итоге XVI век был не очень богат на беллетристику, тем не менее в целом это был значительный этап в становлении жанра светской сюжетной повести на пути к бурному развитию древнерусской бытовой повести в XVII веке.

В XVII веке быстро развивается мирское направление в мировоззрении, происходит обмирщение культуры. Если еще в XVI веке наиболее образованную часть общества составляло духовенство, а в области формирования идеологии культуры и просвещения прочные позиции занимали монастыри, то в XVII веке заметен рост образованности в среде дворян и посадского населения и ориентация последних на западноевропейскую науку и просвещение.

В этот период произошла культурная переориентация России. Писатели XI—XVI веков, в большинстве своем религиозные деятели или монахи, ориентировали русскую литературу, в основном, на литературу византийского круга (греческую, болгарскую). Странники западноевропейского образования развернули борьбу с ревнителями «греческого». Переводятся с европейских языков многочисленные произведения по технике, механике, географии, медицине, биологии. На Руси становится известной гелиоцентрическая система Коперника из переведенной части атласа Блеу, названной «Зерцало всей вселенной» и «Селенография» И. Гевелия.

Следует, однако, заметить, что научные сведения имели прикладное значение, носили разрозненный характер и делались только первые слабые попытки к их общетеоретическому осмыслению.

Тем не менее, секуляризация мировоззрения и культуры дала за счет расширения социального круга читателей и писателей значительный толчок в развитии древнерусской литературы. В ней усиливается сюжетность, развлекательность, изобразительность, тематический охват — все те качества, которые необходимы для быстрого расцвета светской повествовательной прозы.

Значительно изменился подход к изображению событий, народа, отдельных лиц и мотивация поступков или причин исторических событий. Исторические события этого времени существенно повлияли на меню представлений.

Смертью царя Федора Ивановича прервалась династия московских государей. После первых в истории России выборов «всем народом» русского государя в 1598 году подверглась серьезному сомнению теологическая точка зрения на божественное происхождение царской власти. За время Смуты (так русские книжники XVII века называли его начало) появилось более десяти самозванцев на русский престол. Самозванство подвергло сомнению и другую идею — о неподсудности монарха человеческому суду. Отныне писатели будут стремиться давать в исторических сочинениях собственные характеристики историческим лицам, внося субъективизм и в интерпретацию исторических событий. Этот процесс скажется и на трактовке тех или иных событий и в светской повести, в собирательном образе царя — персонаже повестей, в мотивации его поступков («Повесть о царе и мельнике» и др.).

Литературу XVII века отличает стилистическое и жанровое разнообразие.

В начале века создаются житийные повести, близкие к жанру жития, — «Повесть об Улиании Осорьинной», «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о Соломонии Бесноватой».

«Повесть об Улиании Осорьинной» интересна тем, что написана на фактическом материале, показывает быт русской семьи, прослеживает значительный отрезок жизни своей героини. Это один из первых в русской литературе художественных образов русской женщины. Двум другим повестям присуща сильная религиозная окрашенность, но, в отличие от житий, они содержат массу бытовых деталей.

Женскую тему в литературе XVII века продолжают «Повесть о царе Казарине и о жене его», «Повесть о Карпе Сутулове» и др.

Повести середины века стали обращаться к «исторической» царской теме. Правда, в них нет самой истории, а преобладает вымысел. В небольших по объему произведениях выписан какой-то придуманный эпизод из правления византийского царя Михаила («Повести о царе Михаиле», «Сказание о златом древе...») или вымышленных царя Казарина («Повесть о царе Казарине и о жене его») и царя Аггея («Повесть о царе Аггее»).

Древнерусские писатели обращаются и к своему историческому прошлому — царствованию Ивана Грозного и создают повести из его жизни: «Повесть о царе Иване и старце», «Повесть о царе и мельнике», «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне».

В XVII веке потеряло свою остроту проявившееся в XVI веке деление литературы на официальную и неофициальную, но зато получили развитие два других начала — литература придворная и демократическая. Последняя приобрела поистине массовый характер. Особой популярностью пользовались демократические повести. Их авторы — выходцы из мелких дворян и среднего чиновничьего сословия — описывали привычную и хорошо знакомую жизненную среду. Поэтому в этих повестях очень много черт повседневного быта, в качестве литературных героев выступают «мелкие люди» — купцы, чиновники, крестьяне, бедняки. В сочинениях присутствует и самоирония, и сатира на чиновно-бюрократический уклад жизни («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче»).

Бурное развитие в XVII веке ремесел и торговли, в том числе и с другими странами, нашло отражение в целом корпусе повестей о купцах. Причем, если в более ранних из них еще имеет место религиозный оттенок («Повесть о купце», «Сказание о богатом купце»), то в более поздних уже доминирует любовная тема («Повесть о купце Григории») и даже антиклерикальная сатира («Повесть о Карпе Сутулове»).

Близкие друг другу «Сказание о молодце и о девице» и «Повесть о старом муже и молодой девице» — произведения на любовную тему, но совершенно иного морально-этического уровня, нежели повести XVI века, иной стилистики. Они раскованы в повествовании, строят свой сю-

жет на пикантной теме любовных отношений, у них прекрасный живой язык, тонкий юмор, нетрадиционные образы и метафоры.

Древнерусская литература этого периода активно усваивает стиль, литературные приемы и темы переводных западноевропейских произведений. XVII век на Западе — это бурное развитие рыцарского романа да и вообще приключенческих жанров.

Древняя Русь, отдавая дань этому веянию, при создании подобных сочинений вспоминала своих былых богатырей и их чертами наделяла новых героев («Повесть об Иване Пономаревиче», «Сказание о Еруслане Лазаревиче»).

Одна из важнейших заслуг XVII века в развитии русской литературы — открытие характера. Если в XV веке у персонажа «Повести о Дракуле» были только обнаружены добрые и плохие черты, то у персонажей лучших светских повестей XVII века уже показано сложное переплетение этих черт, возникает представление о характере и его формировании под воздействием обстоятельств и влиянием других персонажей, количество которых в повести значительно расширяется. Повесть перестает быть повествованием об одном герое. Становится заметней активность персонажей: они перемещаются из одного места в другое («Повесть о Савве Грудцыне»), на первый план выступают поступки и поведение в целом («Повесть о Фроле Скобееве»), более пристальное внимание уделяется их помыслам («Повесть о Горе-Злочастии»).

Некоторые повести второй половины века, такие, как «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве», многие исследователи относят к предысторкам русского романа. В них наличествует сложный занимательный сюжет¹, имеются любовные перипетии, большое количество персонажей. Написаны они живым языком да и по своему объему также выделяются из общего ряда повестей. Сопоставление этих сочинений с повестями первой половины века показывает дальнейшую тенденцию в эволюции повести — развитие в ней любовно-приключенческого плана, что привело к формированию в конце XVII — начале XVIII века самостоятельного жанра авантюрной повести¹.

Если подытожить сказанное здесь, то проблема человека в древнерусской литературе на всем ее семисотлетнем протяжении была центральной. И весь путь ее можно обозначить как путь, начинающийся в XI веке с постижения мироздания и определения места человека в нем, до постижения в XVI—XVII веках самого человека, попыткой открытия его внутреннего мира и характера; от духовности к душевности. И жанру древнерусской бытовой повести суждено было внести свою лепту в открытие человеческого характера.

Литература подошла к новому периоду в своей истории. Своя судьба ожидала и оригинальную светскую сюжетную повесть.

А. Н. Ужанков

¹ Эти повести не вошли в предлагаемый сборник. Их много, и они представляют самостоятельную тему для отдельного разговора.

Русская
бытовая
повесть

XV—XVII вв.

Повесть о спасении утопающего

Чудо святого пророка Ильи.
Сотворено бысть на память его в Новгороде Нижнем.
Господи, благослови, отче.

В лето 6926-го, обходя круга солнечного и по лунному течению индикта 11, месяца июля 20, на память святого пророка Ильи, в лето благовернаго иже в благочестии просиявшего великого князя Василия Дмитриевича, правящему стол митрополии Киевские и всеа Руси преосвященнаго Фотеа, митрополита Киевского и всеа Руси, в богохранимом глаголемем в Новгороде Нижнем бысть некто муж благоверен, именем Григорей, сын Оксентиев. Сей имеяше брата по плоти и жену и чаде, и прилежаша всякой добродетели, и посту и молитве, и к церкви тщание неленостно творя. Бяше бо издетьска учен божественному писанию своим ему родителем, еще же и милостыни прилежаще по силе.

Сему случися сичева вещь, якоже сам ми последи исповеда.

Бысть, рече, в дни ты належашу зелному вару солнечному, якоже изнемогати мнозем от зелнаго пека солнеч-

наго не токмо человеком, но и скотом бяше тщета велия и плод земным.

Бысть, рече, дни того печаль велиа сердю моему, и начах помышляти в себе, откуда ми приключися сицевая туга сердечная, или от зельнаго вара солнечнаго, или от иного чого, в недоумении о сем бых; мы же глаголем: или чудотворения ради хотящаго быти.

Многажды, глаголаше, дни того устремися ити к реце, яко да прохладю тело мое, негли престанет ми печаль, и възбранен бых други ближними моими, и не бе престать печали моей, и паки възсхотех ити, и възбраняше ми своя жена, глаголюши, яко «день есть святаго Ильи, не мози, господине мой, творити сего». Аз же, смиренный, от многыя туги и печали не могах стерпети. И бысть к вечеру заходящу солнцю, паки устремихся ити к реце, не поведя сего и жене моей, но скры въ сердци моем, изветом поях с собою младейша два сыновца моя, бяше един 11-ти лет, а другой — 9-ти лет сущи, и взях сосуд и внидох вонь, и обо чаде мои со мною, и преехав реку, рекою Оку.

Бяше же прилежащи граду тому и другаа река славнейша, глаголемаа Волга. И межю обою реку концев берега абие влекохся с риз своих.

Бяше же уже солнце зашло, а луне възходяще о первом часе нощи, внидох, убогий, по обычаю в воду, еже похладить плоть мою, искус имех плаваню, многажды обе реки плавах, сущи в воде до пояса, таже до перси, и бых яко нужею влеком. Аз же мнех, яко от быстрости водныа снесен бых, и възсхотех по обычаю плавати, и нестьми мощно. Аз же разумех припадшую ми беду и възсхотех створити на лица моем знамение креста, и бысть рука немощная, яко не възвести ея. Аз же възсхотех молитву створити, и не възмогах ни уст отвърсти, спроста рещи, раслабяше вся уды моя и приидох в дно реки. И бых яко от некого повлекох и тма зелена бысть в очю ми, и шюм страшен и грозен слышашеся. Аз же не виде никогже, развее кущи и якоже и езел на реце бывает. И мнит ми ся, яко лепо иду в сквозе врата его и бых в глубине седя. И оттоле же приидох в глубины водныа и бых храним некоею благодатию, яко не приблизитися ко мне воде ни мало. И от многыя беды и скорби жажка велиа одержаша мя. Аз же недоумех, что створити, и въздох умней мои очи сердечней вкупе же и душевней ко всемилостивому и человеколюбцю Богу, иже ведущему тайная сердца человеком, и рекох: «Боже милостивый, прещедрый вла-

дыко, человеколюбче всемогый, неизреченне и непостыж-
не, иже иногда спасл еси святых своя ученики от глубины
морская: пресвятого Ионы пророка, бывша три дни и три
нощи в сердци морстей, в ките, тридневна бывша в образ
тридневнаго погребения, и повеле китови изврещи того

на сушу, иже архиереем Николю изведый Дмитриа, бывша ему во дне моря и в своем храме здрава посажю, такоже святым мучеником Мимою об ноць раба Еутропиева в мори представи его господину своему здрава, непогубленным, от него блюдом».

И что много глаголю? Нъ несть ми времени глаголати, понеже приближися до смерти, такоже и ныне.

«Господи, господи Давидъскы, аз реку, изведи ис темници душу мою и от ада преисподняго глубины сея, все же исповедах ти имени твоему, и паки, не възведи мене в препловени дний моих, арку, не готова суца от жития сего, удиви на мне, грешнем, милость свою молитвами пречистыя ти матери, пресвятыя владычица наша Богородица, Богородица приснодевыя Мариа, и всех святых твоих», — сия вся помыслих в уме моем.

И бых в глубине от первого часа нощи до пятого часа дни, якоже ми после поведают, егда спасен бых. Аз же мнев сия вся в едином часе створишася на мне, и приде ми мысль, яко день есть великого пророка Ильи, вонь же утопох, и рех в себе: «Угодниче Христов, святой великий пророче Илья! Удиви милость свою на мне грешнем на свой честный праздник, изведи мя от глубины сея водная, якоже възкресил еси сына вдовича умрша, тако и меня избави в гресех умрша».

Абие в том часе свет превелик осия мя паче солнца и тма отбеже, и шум, и трепет, и гроза бежаше от мене, тацем же образом множество рыб малых от великих суть. Аз же, не виде ничтоже от них, възрадовахся и бых мало в ослаблении. И абие скорый на помощь теплый заступник неизреченных чудес предивнаго пророка, се муж грядет ко мне вборзе, светло сияя, велми престар есть, имя браду превелику, бяше же власы главы его и брады, аки волна, чиста ризы же его: тацех несъм видел ни в царех, ни в князех, еже видех поведаю, тации суть не могу изрещи. И приближися ко мне и рече ми: «Григорие, избавляет тебя Исус Христос мною, рабом своим, вѣстав, поиди вслед мене». Аз рех к нему: «Кто еси, господине?» Он же рече: «Аз есмь раб Божий, Илья Фезвитянин, приходо избавити тя от глубины водная», и идох вслед его, изведе мя до света, и абие невидим бысть от мене, и ста во мне крепость.

Жена же моя не ведуще бывшего, отрочате же мои оба, якоже глаголеть, видевшя кончину мою и внидоша в судно, в немже бяхом переехали реку, от брега убо сташа дале же не умеюще, и плывущим же их по реце на них,

начаша въпити со слезами. Неции же христолюбци перед их во инех судех и възвестиша в дому моем вся, яже бывшая о мне. Брат же мой и жена моя, да и весь дом мой начаша рыдати и плакаться, слезы многыя леюще, и слышавше же рыдание и вопль окрест живущии ближнии стечашася в дом мой. И бысть плач вели в дому и недоумеяху, что створити от многыя печали. Брат мой поим мужа ловящая рыбы и сосуды, мрежа, и вся, яже удобная на искание мое, и искаху ночь ту, внюже утопох, и не обретоша. О сем в велице печали быша. Абие к утру нача искати мя по берегу, егда како извержет мя на сушу, якоже есть утопающим обычай изьметати.

И бысть к пятому часу дни по Божию повелению приключися некоим мужем шествовати по реце к горе по Волзе на остров, глаголимый Тлъстый, сена ради. Единому же от них ужем судно влекуще, а прочии в судех сидяще, внезапно же узрит главу челоуечю, выникающую пред собою, абие же и до перси, и ста ужасен и познаша, глаголаше в себе, яко Григорей жив есть. И рече другом своим: «Приидете и видете чюдо преславно». Они же въскочиша скоро, притекоша ко мне и познаша мя, яко жив есмь, извлекоша мя на сушу и быша хрепетнии, вкупе же и радостнии о обретеннии моем, преже бяху слышали бывшее о мне, плачь и рыдание в дому моем, яко ми сами поведываху. И совлекоша мя на сушу, и въспросиша мя, како спасен бых от глубины водныя и како суши предан бых. Аз же от многыя печали и скорби не мощи ничтоже рещи, развее, яко «святый Илья избави мя, аще почию мало, и вся вы поведаю», испросих крест възложити на ся. Они же положиша мя в судно и прикрывши наготу мою, привезоша мя в град, и възвестиша в дому моем, яко обретоша, мя жива. И слышав брат мой и жена, и чада мои, и весь дом мой, въскоре притекоша ко мне. Всеи гражане, слышавше събрашася на мя, еще властелем града того, именем Александр, муж благонарочит, и всеи велиции мужие, но и князи мнози, случишася в то время в граде том, быша ту. И бысть плачь велий, рыдание от всех, вкупе же и радость о спасении моем. Въспрошаху мя всеи людие: «Какъ спасен бых от воды?» Аз же поведаю им вся быша о мне по ряду.

Якоже мунувшей прииде благоверный князь Костянтин Дмитриевич, и сей слыша о сем и удивися, и прослави Бога, и всеи сущии с ним.

Си вся аз слысах от него, якоже сам ми поведа, ся вся написах вам, и приложити. И всеи единогласно просла-

вих Бога и его угодника, святого пророка Илью. И приносяще в послушество Господне слово, иже написа божественый Лука, глаголюще, яко «се мертв бе и оживе, изгыл бе, обретесе».

Григорей же призва отца своего духовнаго и исповеда вся, яже преже содеянная, от него причастився телу и крови Христовы, Божию благодатию, оттоле бысть весь здрав, не вда себе в объядение и в пьянство, ни в иныя, ни в которыя дела, прилежаще всякой добродетели, посту и молитве паче перваго, и церкви тщание творя неленостно, всим же милостыню творя по силе. И услыша слово господне, в себе глаголющее, иже написа великий Иоан ко оному, иже 38 лет в недуге лежащему, да его Исус обрете в церкви здрава, и рече ему: «Се целью еси к тому, ино грешай».

Григорей же прочаа лета живота своего поживе в страхе Божии со всем домом своим, слава и хваля человеколюбца Бога и его угодника великаго пророка Ильи, иже избави от толикыя беды.

Богу нашему слава в веки.

Сказание о Дракуле воеводе

ысть в Мунгьянской земли греческия веры христианинъ воевода именован Дракула влашескимъ языкомъ, а нашимъ — Дьяволъ. Толико зломудръ, яко же по имени его, тако и житие его.

Придоша к нему некогда от турьскаго поклицарие и, егда внидоша к нему и поклонишася по своему обычаю, а капъ своихъ з главъ не сняша. Он же вопроси ихъ: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и таковоу срамоту ми учинисте?» Они же отвещаша: «Таковъ обычай нашъ, государь, и земля наша имеетъ». Он же глагола имъ: «И азъ хошу вашего закона подтвердить, да крепко стоите». И повеле имъ гвоздиемъ малымъ железнымъ ко главамъ прибити капы и отпусти ихъ, рекъ имъ: «Шедше, скажите государю вашему: онъ навькъ от васъ ту срамоту терпети, мы же не навькохомъ, да не посылаетъ своего обычая ко инымъ государемъ, кои не хотятъ его имети, но у себе его да держитъ».

Царь же велми разсердити себе о томъ, и поиде воин

ством на него, и прииде на него со многими силами. Он же, собравъ елико имеаше у себе войска, и удари на турковъ нощю, и множество изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възратися. И кои с нимъ з бою того приидоша, и начат ихъ сам смотрити; кой раненъ спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на коль повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хоцет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани zde». Царь же, слышавъ то, поидет прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не сме на него поити.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дасть дань. Дракула же велми почести поклисаря оного, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Азь не токмо хощу дань давати царю, но со всемъ своимъ воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелить, тако ему служу. И ты возвести царю, какъ поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мне и моимъ людем, а язъ скоро хощу по тебе ко царю ити, и дань принесу, и самъ к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хоцет прийти к нему на службу, и посла его почести и одари много. И велми рад бысть, бе бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинилъ, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався съ всем воинством, и приставове царстии с нимъ, и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапно вернулся, и начат пленити градове и села, и множество много поплени и изсече, овых на коліе сажаху турков, а иных на полы пресекая и жжигая, и до ссущих младенецъ. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множество много користи взем, възвратись, приставовъ тех почтив, отпусти, рекъ: «Шедше, повесте царю вашему, яко же видесте: сколько могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и азъ еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побеженъ бысть.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики боляринъ, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатъ-

ство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и то-
лико грозенъ бысть.

Источникъ его и кладязь на единомъ месте, и к тому кла-
дязу и источнику пришли путие мнози от многихъ странъ,
и прихождаху людие мнози и пияху от кладязя и источ-
ника воду, студена бо бе и сладка. Он же у того кладязя
на пустомъ месте постави чару велию и дивну злату, и хто
хотяще воду пити, да тою чарою пиеть, на томъ месте да
поставит, и, елико оно время пребысть, никто ж смеаше
ту чару взяти.

Единою ж пусти по всей земли свое веление, да кто старъ, иль немощенъ, иль чимъ вреденъ, или нищъ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати имъ ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к нимъ и глагола имъ: «Что еще требуете?» Они же вси отвещаша: «Ведает, государю, Богъ и твое величество, как тя Богъ вразумит». Он же глагола к ним: «Хотите ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим не нужни будете?» Они же, чающе от него велико нечто, и глаголаша вси: «Хотемъ, государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к бояром своимъ: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людям и никто ж да не будетъ нищъ в моей земли, но вси богати; второе, свободих ихъ, да не стражут никто ж от них на семъ свете от нищеты иль от недуга».

Единою ж придоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разво, и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множество бесчисленное людей на колехъ и на колесах, и вопроши его: «Добро ли тако сътвориш, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на колъи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроши его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь, от Бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своимъ деломъ въсприали». Он же призвавъ перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великым государемъ, не зная ничто ж? А ныне самъ еси глаголалъ, яко ти мученици суть, азъ и тебе хочу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученикъ». И повеле его на колъ посадити проходомъ, а другому повеле дати 50 дукать злата, глагола: «Ты еси разуменъ муж». И повеле его на возе с почестиемъ отвести и до Угорскыя земли.

Некогда ж прииде купецъ гость некий от Угорскыя земли въ его град. И по его заповеди остави возъ свой на улицы града пред полатою и товаръ свой на возе, а самъ спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукать злата. Купецъ же иде къ Дракуле, поведа ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию ноцъ

обрящеши злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повеле свое злато, несъ, положити на возе в нощи и приложи единъ златой. Купец же въставъ, и обрете злато, и прочет единою и дващи, обреташесь единъ лишній златой; и шед къ Дракуле, глаголя: «Государю, обретох злато, и се есть единъ златой не мой, лишній». Тогда же приведоша и татя оного и съ златом. И глаголя купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведалъ злато, готовъ бых и тебе с симъ татемъ на колъ посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срамъ ей вырезати, и кожу содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпе среди града и торго повесити. И девицамъ, кои девъства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ся, и роженъ железенъ разжегши, вонзаху въ срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снѣдь будет.

Единою ж яздящу ему путем, и узре на некоем сиромыхе срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвеща: «Имамъ, государю». Он же глаголя: «Веди мя в дом твой, да вижю». И узре жену его, младу суцу и здраву, и глаголя мужу ея: «Не си ли лень сеяль?» Он же отвеща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глаголя жене его: «Да почто ты леность имещи к мужу своему? Онъ долженъ есть сеяти, и орати, и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежду светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хочещи ему учинити, а здрава суци телом. Ты еси повинна, а не мужъ твой, аще ли бы муж не сеяль лну, то бы мужъ твой повиненъ был». И повеле ей руце отсеци и трупъ ея на колъ всадити.

Некогда ж обедоваше под трупиемъ мертвых человекъ, иже на коліе саженых множество бо округ стола его; он же среди ихъ ядяше и темъ услажашесь. Слуга ж его, иже пред нимъ ясти ставляше, смраду оного не моги терпети, и заткну носъ, и на страну главу свою склони. Он же вопросы его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на колъ всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можетъ тебе дойти».

Иногда же прииде от угорскаго короля Маттеаша апоклисарь до него, человекъ не малъ, боляринъ, в лясах родом. И повеле ему сести с собою на обеде среди трупия

того. И пред нимъ лежаше единъ коль велми дебелъ и высокъ, весь позлащенъ, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учинихъ сей коль тако? Повеж ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: неки великий человекъ пред тобою согреси, и хощещи ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право реклъ еси; ты еси велика государя посоль кралевьскы, тебе учинихъ сей коль». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделалъ буду, твори, еже хощещи: праведный бо еси судия — не ты повиненъ моей смерти, но азъ самъ». Дракула же расмися и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на семъ коле». И почти его велми и, одаривъ, отпусти, глаголя: «Ты вправду ходи на поклизарство от великих государей к великим огосударемъ, научен бо еси съ государьми великими говорити, прочии же да не дерзнуть, но первое учими будутъ, какъ имъ съ государьми великими беседовати». Таковъ обычай имеше Дракула: отколе к нему приходяше посоль от царя или от короля неизященъ и не умеаше противъ кознем кто отвещати, то на коль его всажаше, глаголя: «Не азъ повиненъ твоей смерти — иль государь твой, иль ты самъ. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль самъ дерзнулъ еси, не научився, то самъ убиль еси себя». Тако поклизарю учиняше коль высокъ и позлащенъ весь, и на него всаждаше, и государю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и не научена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочки железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеровъ тех посети повеле, да никто ж увестъ съделаннаго имъ окаанства, токмо тезоимениты ему диаволь.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеашъ; он же поиде противъ ему, и сретеса с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своихъ изданъ по крамоле. И приведенъ бысть Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницу. И седе в Вышеграде на Дунаи, выше Будина 4 мили, 12 лет. А на Мунтъянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницу, да аще восхоцет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латиньскую веру приметъ, аще ль же ни, то умрети в темници хоцеть. Дракула же

возлюби паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави светъ, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приать латыньскую прелесть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтъянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало, яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немъ, яко, и в темници сидя, не остана своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше ихъ, ову на колъ посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие ощипавъ, пускаше. И научися шити и темъ в темници кормляшесь.

Егда же краль изведе его ис темници, и приведе его на Будинъ, и дасть ему домъ в Пещи противу Будина, и еще у краля не былъ, случися некоему злодею уйти на его дворъ и съхранися. Гонящии же приидоша, и начаша искати, и найдоша его. Дракула же воставъ, взем мечъ свой, и скочи с полаты, и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочии же бежаша, и приидоша к биреву, и поведаша ему бывшее. Бирев же съ всеми посадники иде ко кралю, жалуюся на Дракулу. Корол же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвеща: «Зло никое ж учиних, но онъ самъ себе убил; находя разбойнически на великаго государя домъ, всякъ такъ погибнетъ. Аще ли то ко мне пришел бы, явил, и азъ во своемъ дому нашел бы того злодея, или бы выдалъ, или простил его от смерти». Кралю же поведаша. Корол же нача смеятися и дивитись его сердцю.

Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско безъ милости начаша их сеци и гнаша их. Дракула же от радости възгнавъ на гору, да видить, како секуть турковъ, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящись яко турчинъ, и удари его единъ копиемъ. Он же видевь, яко от своих убиваемъ, и ту уби своих убийць мечем своимъ 5, его же многими копия сбодоша, и тако убиень бысть.

Корол же сестру свою взят, и со двема сынми, въ Угорскую землю на Будинъ. Единъ при кралеве сыне живет, а другой был у варадинского бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила, тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибегъ ко кралю; еще не же-

нився, прижил его Дракула съ единою девкою. Стефан же молдовский з кралевы воли посади на Мунтянской земли некоего воеводскаго сына, Влада именем. Бысть бо той Владъ от младенства инокъ, потомъ и священникъ и игумень в монастыри, потомъ ростригся и сел на воеводство, и женился, понялъ воеводскую жену, иже после Дракулы мало побылъ, и убилъ его Стефанъ волосьскы, того жену понялъ. И ныне воевода на Мунтянской земли Владъ, иже бывы чернецъ и игумень.

В лето 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лето 6998 генваря 28 вдругье переписах азъ, грешны Ефросинъ.

Сказание о Дракуле-воеводе

Перевод

ыл в Мунтянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, наш и в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон наш подтвердить, чтобы крепко его держались». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым обычай такой чужд, а у себя его блюдет».

Царь же весьма разгневался, и пошел на Дракулу вой-

ной, и напал на него с великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину — того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а женщина!» А когда снова пошел войной против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу пойти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу почесть воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никто никакого зла бы ему не причинял, а, напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему великие почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и поселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели: сколько смог, послужил ему. И если любя ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что, если

кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет, или обидит, не избежать тому смерти. Будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог откупиться он от смерти, так грозен был Дракула.

Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца и родника, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина; они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог поставит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезни».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где было бесчисленное множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетель-

ных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его в колеснице довести до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото, и пересчитал его и раз, и другой, и увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим воров».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» — «Да, государь», — отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «По-

чему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его, он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть смрада и заткнул нос и отвернулся. Тот же спросил его: «Что ты делаешь?» А он отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И повелел Дракула сесть с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный кол, весь позолоченный, и спросил Дракула посла: «Скажи мне, для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь; вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести великие, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на его коварные вопросы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. На меня же не возлагай вины. Если государь твой, зная, что неумышленно ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой государь и убил тебя; если же ты сам решился идти, неученый, то сам себя и убил». И тогда готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не от-

правлял послом к многомудрому государю глуного и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола.

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш; Дракула выступил ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру, а если не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему сестру родную, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной той вере.

Рассказывали о нем, что, сидя в темнице, не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучил их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привезли его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды, — но еще не был допущен Дракула к королю, и вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же пришли и стали искать преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил; остальные же обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же со всеми посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так:

«Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о происшедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо простил бы его». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его праву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска; приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Тот же, видя, что убивают его свои, сразил мечом пятерых своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего старшего сына, Михаила, видели тут же в Буде — бежал к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтянской земле некоего воеводского сына по имени Влад. Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом монастыря, а потом расстригся и сел на воеводство, и женился он на вдове воеводы, правившего недолгое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне воевода в Мунтянской земле тот Влад, что был чернец и игумен.

В год 6994 (1486) февраля в 13 день описал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин.

Сказание о Вавилонском царстве

Слово о Вавилоне, о 3 отрокъ. Послание от Леукія царя, а во крещеньи нареченаго Василя, еже посла в Вавилонъ испытати зднамения у святыхъ трехъ отрокъ Онанья, Озарья, Мисаила

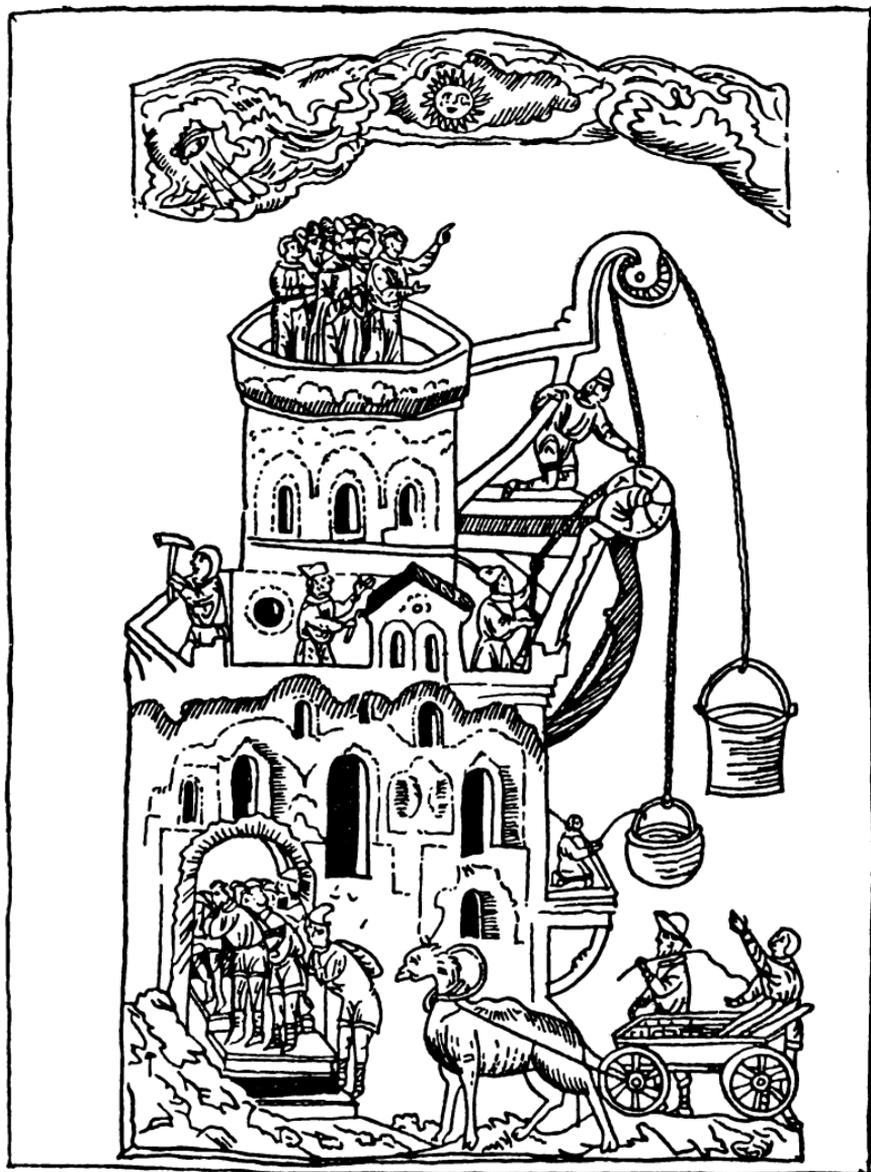

первое посла 3 человеки крестьяньскаго роду и сурьскаго. Они же рекоша: «Неподобно нам тамо ити, но пошли из Грекъ гричина, из Безъ обяжанина, из Руси русина». И посла, яко хотяхут.

Бяше близь Вавилона за 15 дний, рече имъ царь Василей: «Аще будетъ зднамение святыхъ zde, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобникъ вере хрестьянстей и поборникъ на врагы иноверныя за род хрестьянский».

И поидоша 3 мужи, Гугрий грецинъ, Яковъ обежанинъ, Лаверъ русинъ, и ехали 3 неделе до Вавилона. И приидоша тамо и не видиша града: обросль бо бяше былемъ, яко не видити полаты. Они же пустиша кони и нашли бо бяху путець, малаго звери хождение. Бяше бо в былии томъ слико трава, а две части гада, но не бысть имъ страха. И поидоша путемъ темъ и приидоша ко змию.

Бяшет ту лествица от древа купариса приложена

чрез змея, а написано бо бяше на ней 3 слова: греческы, обезскы, рускы. 1-е слово греческы: «Котораго человека Богъ принесетъ к лествице сей...» 2-е слово обезскы: «Да лезеть чрес змея без боязни...» Третье слово рускы: «Да идеть с лествице чресъ полаты до часовнице». Бяшетъ бо лествиця та 18 степеней: така бяшетъ толстота

змея того. Взидоша горе, оже тамо — другая лествиця внутрь, написано тако же.

И преидоша чрес полаты, бяху бо полаты полны гада, но не створиша им ничто же.

Они же пришедше и влезоша в церковь, и наполнишася благоухания уста их: бяху бо много деяния въ церкви написана. И поклонишася гробомъ святыхъ 3-хъ отроковъ Онаньи, Озарьи и Мисаила и ркоша: «Приидохомъ к вам по Божию изволенію и великаго царя Василия богохранимаго просить от вас зднаменія». И стояше кубокъ на гробе Онаньиные златъ с каменіемъ драгымъ с жемцюзом украшеным, полнъ мура и ливанъ, и стекляницу, того не видихом. Мы же, взявше ис кубка того, быхомъ веселе. И воставше от сна мыслихомъ взяти кубокъ с виномъ и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба въ 9-й час дни: «Не возмете зднаменія зде, по идите в царевъ домъ, возмите зднаменіе!» Они же ужасны быша велми. И бысть имъ глас 2-е: «Не ужасайте, идите!»

Они же вставше идоша. Бяше бо царева полата от часовнице. И внидоша в цареву полату и видиша ту одръ стоящъ, и ту лежаше 2 венця царя Навходоносора и царице его. Они же взявше, видиша грамоту, написано греческымъ языкомъ: «Си венци створене бысть, егда Навходоносоръ царь створи тело златое и постави на поле Дирелмстей». Бяху бо венци те от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. «Си венци сокровены бысть доселе, а ныни положена бысть и на царе богохранимом Василии и цареце блаженнии Александре молитвами святых 3 отрокъ».

И вшедъ въ 2-ю полату и видеша запоны и памфиры царьскыя, иде же прияша руками, и бысть все, акы прах. И бяхут ту ларци со златомъ и серебром, и отвергше, видиша злато и серебро и каменіе многоценное и драгое. И взяша камень великихъ числомъ 20 донести цареви, а собе, яко могут отнести, и взяше кубокъ таковъ же, яко же у трех отроков.

И приидоша къ церкви и вшедше поклонишася трем отрокомъ, и не бысть им глас. И начаша тужити, и взявше от кубка того, испивше и быхомъ весели. И бысть им глас заутра свитающи дни неделному и рекошач имъ: «Умьемъ лице свое!» И узревше кубокъ церковный с водою, и умывше лица своя, и воздаша хвалу Богу и трем отрокомъ. Отпевше и заутренюю и часы, и бысть имъ глас яко: «Взяте зднаменіе, поидите путемъ своим, Богомъ водими, къ царю Василию». Они же, поклони-

шася, испивше по 3 стеклянице и поидоша къ змии. И прислонивше лествицю, полезоша чрес змея, и принесоша все, еже имеаху.

Сынъ же обежанинъ, именемъ Яковъ, запенъся съ 15 степени и полете долу и убуди змея. И вѣсташа на змеи чешуя, акы волны морьскыя. Они же, вземше друга своего, поидоша сквозе былие с полу дни и видеша коня и другы своя. Егда начаша вскладывати бремя на своя коня, и свистну змей. Они же от страха быша акы мертвии.

А где стояше царь Василей, ожидая детей своих, — бяшесть я нарекъ себе акы детей, — бяше бо змея того свистъ и тамо. И падше от свиста того, ослепле бяхут, и мнозе от стадъ их изомроша, яко до 3000: подошелъ бо бяше за 15 дний. И отступиша от того места за 16 дний и рече: «Уже мои дети мертве». И паки рече: «Еще пожду мало».

Сии же вѣставше, яко от сна, и поидоша, и постигоша царя за 16 дний, и пришедше, поклонишася цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по единому.

Патриарх же взем 2 венца и, прочеть грамоту, възложи на царя Василия и на царицу на Александрею, родомъ арменина наречеся. Царь же, вземъ кубокъ, повеле наполнити сухимъ златом, а камней 5 драгих посла въ Ерусалимъ к патриарху. А что собе принесоша, поведавше цареви злато и сребро и камение драгое и жемчюгъ великый. Царь же не взяше ничего же, но еще дасть имъ по 3 пернера злата. И отпусти я и рече им: «Поидета с миромъ, где суть отци ваши и матери, и прославите Бога, и 3 отроки, и царя Улевуя, а во крещеньи нареченаго Василия».

Царь же оттоле восхоте ити во Индею. Давидъ же царь критъскый рече: «Поиди на страны полунощныя, на врагы иноверныя, за род крестьянескъ!»

Сказание о Вавилонском царстве

Перевод

Слово о Вавилоне, о трех отроках. Посольство царя Левкия, нареченного в крещении Василием, который посылал в Вавилон испросить знаменья у святых трех отроков — Ананиш, Азарии, Мисаила

начала он хотел послать трех человек, христиан сирийского рода. Они же сказали: «Не подобает нам идти туда, но пошли из Греции грека, из Обезии обежанина, из Руси русского». И он отправил посланцами тех, кого они хотели.

Когда они были за пятнадцать дней пути до Вавилона, царь Василий сказал им: «Если здесь будет явлено знамение святых, то я не отрекусь от Иерусалима, но буду приверженцем веры христианской и поборником против врагов иноверных за род христианский».

И пошли три мужа, грек Гугрий, Яков-обежанин, русин Лавер, и ехали до Вавилона три недели. А когда пришли туда, не увидели града: все быльем поросло так, что не видно было дворца. Пустили они коней и нашли тропу, по которой ходили малые звери. В зарослях же тех была лишь часть травы, а две части гадов; но не

было у них страха. И они пошли тем путем и пришли к змею.

Через змея была положена лестница из кипарисового дерева, а на ней была надпись из трех частей: по-гречески, по-обезжски и по-русски. Первая надпись по-гречески: «Которого человека Бог приведет к лестнице этой...» Вторая надпись по-обезжски: «Пусть перейдет через змея без боязни...» Третья надпись по-русски: «Пусть идет с лестницы через палаты до часовни». И была та лестница из восемнадцати ступеней: такова толщина того змея. Взошли они на верх ее, а там — другая лестница, вниз, в город, и написано на ней то же.

А когда они проходили через палаты, то палаты были полны гадов, но те не причинили им никакого вреда.

Когда же они подошли к церкви и вошли в нее, уста их наполнились благоуханием, ибо в церкви было написано много деяний святых. Поклонились они гробам святых трех отроков — Анании, Азарии и Мисаила — и сказали: «Пришли к вам по велению Божию и великого богохранимого царя Василия просить от вас знамения». И стоял на гробе Анании золотой кубок, украшенный дорогими камнями и жемчугом, полный мирра и ливана, и стеклянная чаша, подобной которой и не видывали. Они же пригубили из того кубка и возликовали. А восстав от сна, подумали было взять кубок с вином и нести к царю. Но был им глас от гроба в девятый час дня: «Не отсюда возьмете знамение, а идите в царев дом и там получите знамение!» Они же пришли в великий ужас. И был им глас вторично: «Не ужасайтесь, идите!»

И, встав, они пошли. Царева же палата была у часовни. И когда они вошли в цареву палату, тут они увидели ложе, а на нем — два венца: царя Навуходоносора и царицы его. Они же, взяв их, увидели грамоту, написанную греческим языком: «Эти венцы были сделаны, когда царь Навуходоносор воздвиг золотого идола и поставил его на Дирелмесском лугу». И были те венцы из сапфира, из марагда, крупного жемчуга и аравийского золота. «До сих пор эти венцы были скрыты, а ныне молитвами трех святых отроков должны быть возложены на богохранимого царя Василия и на блаженную царицу Александру».

А войдя во вторую палату, они увидели царские одежды, порфиры, но едва прикоснулись к ним руками, как все обратилось в прах. И стояли тут украшенные золотом и

серебром ларцы, и, открыв их, увидели они золото, серебро и драгоценные камни. И взяли они двадцать великих камней, чтобы отнести к царю, а себе взяли столько, сколько могли унести, а также взяли и кубок, такой же, какой был на гробнице трех отроков.

Затем они вернулись к церкви и, войдя в нее, поклонились трем отрокам, но не было им гласа свыше. И стали они тужить, но отпили из кубка того и возликовали. А утром на рассвете воскресного дня был им глас, изрекший: «Умоем лица свои!» И они увидели церковный кубок с водой, умыли лица свои и воздали хвалу Богу и трем отрокам. Когда же они отпели заутреню и часы, был им глас такой: «Знамение вы взяли, теперь, ведомые Богом, пойдите своим путем к царю Василию». Они же поклонились, испили по три чаши и пошли к змею. И, приставив лестницу, перебрались через змея, и перенесли все, что с собой взяли.

Сын же обежанин, именем Яков, загнулся, и с пятнадцатой ступени полетел вниз, и разбудил змея. И поднялась на змее чешуя, как волны морские. Они же, подхватив друга своего, пошли сквозь заросли и к полудню увидели коней и своих слуг. А когда они начали укладывать на коней своих принесенное, свистнул змей. Они же от страха пали замертво.

Свист змея достиг и того места, где стоял царь Василий, ожидая детей своих, — ибо нарек он их своими детьми. От того свиста ослепли и пали замертво многие из их братья, до трех тысяч, ибо царь подошел к Вавилону на пятнадцать дней пути. И отступил он от того места на шестнадцать дней пути и сказал: «Уже дети мои мертвы». А затем сказал: «Еще подожду немного».

Те же, вставши, как ото сна, пошли, и настigli царя за шестнадцать дней пути, и, придя, поклонились царю. И рад был царь и все войско его. И они рассказали ему всё — каждый по очереди.

Патриарх же взял два венца и, прочитав грамоту, возложил их на царя Василия, и на царицу Александрию, родом из Армении. Царь же, взяв кубок, повелел наполнить его чистым золотом, а пять дорогих камней послал в Иерусалим к патриарху. И обо всем, что они принесли для себя, — о золоте, и серебре, и драгоценных камнях, и крупном жемчуге, — посланцы поведали царю. Царь же не взял себе ничего, но и еще дал им по три золотых монеты. Отпустил их и сказал им: «Идите с

миром к отцам вашим и матерям и прославляйте Бога, и трех отроков, и царя Улевуя, в крещении нареченного Василием».

Оттуда царь пожелал было идти в Индию. Давид же, царь критский, сказал: «Пойди на страны северные, на врагов иноверных, за род христианский!»

Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле

Сказание о трех царей: Оркади, о царе Несмеяне Гордомъ
и о царе Борзосмысле Дмитревиче

некоемъ великомъ граде, во Антиохи, царствовал на царстве царь, именовемъ Аркадию. Царствующи во Антиохи 16 лет, жиль и преставися, и погребенъ бысть во Антиохи Анфилогиемъ, потриярхомъ антиохискимъ. По преставленію же Аркадию, к царю собращеся множества народа гречен и сотвориша советъ промежь собою с потриярхами, и послаша посланиковъ своих в Римъ, и призваша къ себе властелина от римскихъ велможъ. И ведоша посланики в Римъ, изобразе к себе единого от упатъ, именовемъ Несмеянъ Горды, молиша его, добы шел в Антиохию и царствовал над греки. Он же прият моления ихъ и шедши царствова над ними. По дьявольскому новожъдению нача Несмеянъ Горды царь с пришедшими своими с рымълены града того прелшати своимъ деяниамъ и златомъ и сребромъ, иных привлекоша неволю, во свою латынскою веру приводитъ.

Минушеса многия лета, окояныны понуждаеть к

своей латыньской вере неволю не тъкмо во своемъ царьстве, — изъ ыныхъ царьствъ купцы прихождху купли ради, онъ же дьявольскимъ научениемъ привлекоша ихъ къ своей латынской вере. А кто не хочетъ христьянскаго веры отстать, — и онъ, окоянны, по дьявольскому научению техъ купцовъ в темъницы вметаеть, гладомъ томить, имена ихъ на себе взываетъ.

В то же время неки купецъ, зело богатъ, именемъ Дмитрей, исхождаху ему ис Царяграда, с нимъ же бысть рабовъ множества, и с нимъ бысть сынъ его единачадны, младъ возрастамъ. Плавалъ же по морю 8 месяцавъ, внезапу воста ветеръ великъ и носяше корабль волною, и узреша издолече видивъ гратъ великъ, и возрадовашеся радостию великою, и обратися, и присташа во присътаниша короблиное. И виде множества короблей, помыслиша в себе, яко великъ сей гратъ и богата земля, купцовъ многа. Сниде купецъ Дмитрей с коробля своего, иде во гратъ, и стретоша его граждене и рекоша ему: «Откуды, господине, и коея веры еси?» И рече купецъ Дмитрей: «Азь есмь христьянинъ греческия веры от преслоушаго града купецъ греческия веры!» — «Купче, единыя еси греческия веры с нами, толка за наша прегрешения имеемъ у себе царя законоотступника латынскаго веры, томить насъ, хотя привлещи во свою латыньску веру! Видеши, господине, — приходеть купцы со всехъ странъ, хотяше торговать!» — «Вемъ!» — «Царь же повеле имъ три загатки отгадать, приводя ихъ к своей латыньской вере: не можетъ имъ техъ три загатки отгадать, — и за то всажены бысть в темъницы! Мы же имели у себе учителя, потриярха Анфилофия, царь же откоянны, не вемы како, сослалъ его въ заточения!»

Купецъ же Дмитрей, слышавъ токовыя глаголы от граждень, возвратися на корабль свой и хотя отплыть от града того, и приди на корабль свой, а ужъ на корабле его стоятъ сторожи царевы, понеже закон токовъ царевъ: егда приде ко граду корабль, коковъ и от которава царства, повелить царь сторожамъ своимъ стеречь, чтобы не ушелъ купецъ прочь.

Дмитрей же купецъ, воздевъ упование на Бога и въземъ дары великия, и поиде к царю, имя же царю — Несмеянъ Горды. И приде к нему купецъ Дмитрей, и ста пред царемъ, и рече: «Государь царь Несмеянъ Горды! Купчишка еси, пришелъ из греческия земли от преслаушаго Царяграда, чтобы, господинъ, дары принель, а мне, купчишку, во своемъ царьстве велель торъговать

всякими товарами!» И рече царь: «Завѣтре буди ко мне отобедать!»

Наутре же приде к царю обедать. Пообедовъши же, и рече царь купцу: «Купче, коея еси веры?» Купецъ же рече царю: «Я есми, государь, веры християньския, греческаго языка!» И рече царь: «Аз чаел, еси единыя веры со мѣною! И аз хотель тебе дать во своемъ царьстве торговать всякими товарами и хотель тебе отпустить з дары и с проводники — ин ты со мѣною не единыя веры! Купче, ведома тебе буди: отгодай мне три загатки. Аще ли отгадасшь, — азъ тебе повелю во своемъ царьстве торговать

всякими товары, аще ли не отгадаешъ — и ты прбуди со мною в моей вере, аще ли не хочешъ со мною быть в моей вере, — и то тебе велю главу твою отсеци мечемъ своимъ, а товар твой взять в козну!» Дмитре же купецъ ста на долги часъ, пониче главу свою. И Несмеянъ царь рече: «Что царю не отвешаешъ?» И, склонися, купецъ рече царю: «Государь царь Несмеянъ Горды! Дай же мне сроку на три дни!»

Приде Дмитърей на корабль, плаче и рыдаетъ, чая на себе смерти от царя. А сынъ его игъраетъ на корабли на дървце: единою рукою дървца держитъ, а другою рукою по дървцу бияше и седя, яко на кони, и скокаша по кораблю, якоже токовъ извычай детишенъ игру творяше. И видевъ отрокъ отца своего, плаче велми печаленъ, и абия отрокъ, отложивъ игру свою прочъ, и скоро притече ко отцу своему и рече: «Вижу тя, отче, велми печаленъ! Что тебе прилучилося в граде семъ от царя?» И рече Дмитре сыну своему: «Чадое мое милое! Еще еси ты млатъ, семи летъ, и ты играешъ подецьки, таво не ведоешъ отцовай печали! И не веселися, чадое милое, что мне царь смерть скозал! И тебе, чадое мое, не пособить!» И рече отрокъ отцу своему: «Отча, скажи мне, кокую тебе царь смерть скозалъ? И аз тебе пособлю». И воздохнувъ из глубины сердца своего, и рече купецъ сыну своему: «Как, чада милое, пособити, толику младу суцу? Мне, отцу своему, пособить не смыслишь! Аз, чадое, отецъ твой — мужъ совершен, смыслю много, болши тебе, — аше не знаю, что царю отвещати, — а ты, млат, хочешъ пособить!» И рече детища отцу своему: «Ведома тебе, отча, буди: удалъ конъ познаваецца на рати, а веренъ друхъ у дела познаваецца! Токмо поведой мне, отча, слова царево! Аще не поведашъ, — самъ от царя смерть наведешъ и меня погубишь!» Слышевъ же отецъ от сына своего мудрыя речи, подивися и рыдание свое утали, печаль свою на радость преложи, и рече отецъ сыну своему: «То мя печаль и рыданье — сказаль мне царь, велель пред собою 3 загацьки отгодать. И сихъ ради трехъ загадакъ кораблей множества купцевъ сидятъ въ темъницахъ и терпетъ великую муку и скорбь имене ради Христова! И заповедалъ царь, не велить хлеба на торгъ печь, дабы гладомъ мерли, аще ли кто не хочеть, да обратились ево латынской вере! Азь, чадое, страха царева убоися, взялъ сроку на три дни, а в четверты денъ хочеть главу отсеци мечемъ, а товар мой хочеть взять в козну!» И рече сынъ отцу своему: «Прости мя, Господи, и ты, отча, — скорби, и рыдания, и печаль — без-

умных людей, а се ты, отча, тому жь уподобися: хочешь единъ печаль свою в себе удержать, а мне ты, сыну своему, не поведоешь! И аз тебе, отча, пособлю и загадки царева отгадаю!» И взять отрок игру свою и начать играть.

И пришедше той четверты день, приде купецъ к сыну своему и рече ему: «Сынъ мой! Четверты день, коего я у царя просил, пришел! Что велишь глаголати пред царемъ?» И рече отрокъ: «Придемъ, отча, пред царя, и возми себе единого раба да меня, да буди воля Господня! Якоже годна Господеви, тако и совершимъ!» Купецъ же Дмитрей подивися разуму ево и мудрому ево ответу, сына своего, и помыслиша в себе: «Что ся хочеть быты!» И ста купецъ сыномъ своимъ и с рабомъ пред царемъ.

И рече царь купцу: «Купецъ! День твой пришел, коего ты просилъ, — отгадывай загадки мои!» И рече сынъ купцевъ: «Дай мне, царю, меду пить, — я тебе загадки твои отгадаю!» И рече царь детищу: «Не тебе аз загадки загадываю, но сему купцу!» И рече детиша: «Царь! Аз — купцевъ сынъ еси, — загадки твои за отца своего отгадаю!» Царь же, наливъ чашу меду, и дастъ детишу. Детише же дастъ отцу своему. Отецъ же, испивъ меду, хотя отдать чашу, и рече детише отцу своему: «Отча! Не довай царева даяния чашу, но скры в недры своя, понеже царева дояния не отходитъ вспяты!» Отецъ же скры чашу въ недры своя. Царь же, наливъ вторую чашу меду, и дастъ детишу, детише же дастъ рабу своему, повелиша пить, скрыти в недры. Рабъ же тако сотвориша повеления. Царь же, наливъ третью чашу меду, и дастъ отроку. Отрокъ, выпивъ, и скры чашу в недры своя. И рече детиша: «Царева даяния не отходитъ вспяты!» И рече царь отроку: «Отроча! Тебе глаголю, отгадывай загадку мою: много ли от востока до запада?» Отрокъ рече: «От востока до запада 12 часовъ, от запада до востока 12 часовъ, и всего тово во дни и в ночи от востока солнца до запада 24 часа!» И удивися царь младому ево разуму и мудрому ево ответу. И паки наливъ чашу меду, и дастъ купцу, и сыну ево, и рабу ихъ. Они же, выпивъ чаши, и скрыша в недры своя и рекоша: «Царево дояния не отходитъ вспяты!» И рече царь отроку: «Отроча! Вторая загадка: от чего десятая часть в мире пребываетъ и десятая часть убываетъ?» И рече царю отрокъ: «Аз твою загадку отгадаю завѣтра, ась ты, царю, постави престоль свой среди двора своего и сиди на немъ!»

Наутре же приде онъ купецъ с сыномъ своимъ и с

рабомъ и ста пред царемъ и поклонишися ему, и рече царь: «Млады отрокъ! Отгодывой мою вторую загадку: чесо днемъ десятоя часть в мире убываетъ, а десятоя часть в миру пребываетъ?» И рече отрокъ царю: «Государь царь, Несмеянъ Горды! То ли твоя мудрая загадка? У насъ ети твои загадки младыя отроки, мне сверстники, промежъ собою загадываютъ и отгадывают! То ли твоя, царю, загадка? — Сонъце зноемъ высушаетъ десятою часть воды в мори, и в реках, и в озерах. Пониже ночь имеетъ в себе мокроту и росу впускаетъ в мори, и в реки, и в озера, — ито десятоя часть в мире прибываетъ ношъшию, — то тебе, царю, вторая загадка!» И удивися царь таковому сво разуму и многорозумному ево мудрому отъвету, — борзо таково смышленъ. И рече царь: «Отроча! Отгадывай третью загадку: чтобы естъ окояння не смеялись поганы вамъ, провославнымъ християномъ?» И рече отрокъ к царю: «Дай мне сроку на петъ дней, а въ те 5 дней повели проповедникомъ своимъ по въсемъ торгамъ и по всему граду, чтобы все шли к лобному месту, и ты повели себе сотворить на лобномъ месте выше всехъ людей место, чтобы гласъ твой былъ слышитъ во все люди!» И дасть ему царь сроку на петъ дней, а в те пять дней, по велению его и по приказу, все устроили.

В шести день сяди царь на высокое место, на престоле своемъ. И сбрашеся вси людия града того. Царь же на лобномъ месте сяди и держаше у себе в руке мечъ, а въ другой руке жезль, и хотя имъ отсеци главу купцу, и сыну ево, и робу их. И приде купецъ с сыномъ своимъ и с рабомъ их, и ста пред царемъ, и поклонишися ему до земъли. И рече царь детишу: «Млады отрокъ борзомысленны! Отгадывай мою третью загадку: чтобы поганья не смеялись вам, провославнымъ християномъ?» И рече отрокъ: «Ты, царь, великъ еси, а сидишь на высокомъ месте, и гласъ твой сходитъ во все люди слышитъ, — азъ я — отрокъ младъ, а се стою на земъли ниско, отгатыки моеи никто не услышит, — соиди ты, царю, с високова места своего, да пусти мене и дай мне одеяние свое, и жезль свой, и мечъ, — азъ тебъ отгадаю загадку твою!» Слыше же царь, попы, и тироны, князи, и бояри, и вси людие: «Государь царь! Отрокъ естъ младъ, что можетъ сотворить?» Царь же сниде с високова места своего и даде отроку одеяние свое, и жезль, и мечъ свой. Отрокъ же възде на високо место. Царь же помыслиша в себе: «Что будетъ?» — а того не ведает, яко Богъ дастъ царьствовати кому хочеть, се и творить. И бысть в народе шумъ великъ:

всякъ хошет видить, что ся будетъ. Рече отърокъ: «Повели, царю, молчати!» И бысть тишина великая. И возопи отърок великимъ гласомъ: «Попы, и тироны, князи, и бояря, и вси людие, мужие и жены! В которю веру хошеть веровать? Во светую ли Троицу: Отца и Сына и Светаго Духа, или в проклятою ельенскую веру?» И возопиша вси людие единымъ гласомъ: «Хошем, господине, веровать во светую троицу: Отца и Сына и Светаго Духа!» Отрокъ же извлекъ мечъ и отсече царю главу и рече себе: «То твоя третья загатка отгадана! Не смейся, поганы, намъ, православынымъ християном!»

И бысть в мире молва велика, и рече отрок: «Миръ вамъ, православынымъ християномъ!»,— и вси умолкоша. И паки рече отърокъ: «Изберитя себе царя от православныя веры!» И возопиша вси людие единымъ гласомъ, глаголаше: «Ты нас избавил от толикая веры и от злаго мучителя — ты намъ буди царь!» И рече отърокъ: «Колѣи естъ изволил Богъ, и мне бысть у вас себе царемъ! Царь же именуеця слуга Божиим изволением, и царство бо ему даеця Божиимъ повелениемъ, и мы возвеличим Господа и прославимъ матер его, яко избавилъ Господь отца моего, и мене, и раба нашего от латынъского сего мучительства и от толикая напрасныя смерти. И вась милостию своею посетил Богъ, не отринувъ вась от православныя веры, и вамъ подобаетъ славить Троицу светую: Отца и Сына и Светаго Духа. Сие сотворил Божиимъ повелениемъ, а не нашим изволением: аше Богъ с нами — никто же на ны!» И зкликнуша вси людие единымъ гласомъ, яко едиными усты глаголюще: «О Божи мудрости владыки много леты, государю нашему, царю Борзосмыслу Дмитреевичу!»

Но вопрошиша царь народа: «Был ли у вась патриарх вселенны, и священники, и дьяконы, или чернорисцы, или чернецы?» Они рекоша ему: «Новы государь, царь Борзосмыслъ Дмитриевичъ! Потриарха нашего онъ, окоянны богоотступникъ, Несмеян Горды, не вемъ, камо сослалъ в заточения!» Царь же Борзосмыслъ Дмитриевичъ повеле пустити заповедь великую во область Антиохиского царства: аше кто где обряшетъ потриарха, или священники, или дьякона, или чернорисцавъ, или чернецовъ, дабы привели их во градъ Антиохию к новому царю Борзосмыслу Дмитревичу. И многих поповъ и дьяконовъ обретоша: иных при миру утоишеса, а чернецовъ обретоша в пустынехъ и въ лесах в пещерах. И призва их во гратъ Антиохию и скозаша имъ нового царя Борзосмысла Дмитревича,

христианина веры. А патриарха нигде не обретоша. Печальнѣ же бысть царь о патриархе. И приде неки пастырь овцам поведати царю: «Азь видель патриарха, в горе живушу, в пещере, былия едуше, а въместо воды росу лижуше!» От радости посла царь к патриарху кнѣзей и боярь, и множества людей и пастырей, повеле его молити, дабы шель во Антиохию и сел бы на свой престол, якоже первыя, и научиль людей вере христианской, како подобаеть жити православнымъ христианомъ и по заповедемъ Божиимъ ходити, «и мене бы благословил на царство сестъ!» И приде и сказаща ему, и онъ прият моления ихъ и пришелъ во гратъ Антиохию. И пришелъ предъ царя и поклонися ему до земъли. А царь, воставъ, и поклонися ему ниже ево, и благословения принялъ на царство сестъ, и проводиль ево с честью, и повеле сести на престоле своемъ по-прежънему, и велель научить людей вере христианьския, и жить по-прежънему. Аминь.

Повесть о Дмитриии Басарге и о сыне его Борзосмысле

Перевод

Сказание о трех царях — Аркадии, царе Несмеяне Гордом
и о царе Борзосмысле Дмитриевиче

В одном великом городе, в Антиохии, царствовал в своем царстве царь по имени Аркадий. Царствовал в Антиохии шестнадцать лет, жил да и преставился, и погребен был в Антиохии Амфилохием, патриархом антиохийским. По кончине же Аркадия собралось во дворце его множество людей греческих, и устроили они совет с патриархом, и послали послов своих в Рим, чтобы призвать к себе властелина из числа римских вельмож. И отправились посланные в Рим, избрали себе одного из правителей, по имени Несмеян Гордый, и умолили его, чтобы пошел в Антиохию царствовать над греками. И тот внял их мольбам, и, прийдя, воцарился над ними. Но по дьявольскому наущению начал царь Несмеян Гордый с пришедшими с ним римлянами город тот весь соблазнять, и своими действиями, и золотом, и серебром, а кого, побуждая к тому и против воли, в свою латинскую веру приводить.

По прошествии многих лет окаянный понуждает перейти в свою латинскую веру насильно не только людей в

своём государстве: из иных государств купцы приходили торговать, так он по дьявольскому наущению и их завлек в свою латинскую веру. А если кто не желал от христианской веры отречься, так он, окаянный, по дьявольскому наущению таких купцов в темницы бросает, голодом морит, имущество их себе забирает.

В то же время один купец, очень богатый, по имени Дмитрий отправлялся из Царьграда, и было с ним много рабов, и был с ним сын его единственный, малый возрастом. Уж плывал он по морю восемь месяцев, как внезапно поднялся сильный ветер и носил корабль по волнам, и увидели вдруг вдалеке город большой, и возрадовались радостью великою, и повернули к нему, и пристали в гавани корабельной. И увидел купец множество кораблей, подумал про себя, что велик этот город, и богата земля, и купцов много. Сошел купец Дмитрий с корабля своего, пошел в город, и встретили его горожане и спросили: «Откуда ты, господин, и какой веры?» И ответил купец Дмитрий: «Я христианин греческой веры, из преславного града купец греческой веры!» — «О купец, одной ты греческой веры с нами, но только имеем мы за наши прегрешения у себя царем вероотступника, латинской веры, мучает нас, желая склонить к своей латинской вере! Видишь, господин, — приходят купцы со всех сторон, желая тут торговать?» — «Вижу!» — «А царь повелел им всем три загадки отгадать, приводя их в свою латинскую веру: никто не может тех загадок отгадать — бросает их в темницы! Был же у нас и учитель, патриарх Амфилохий, но царь окаянный, не ведаем как, и его сослал в заточение!»

И купец Дмитрий, услышав такие слова от горожан, возвратился на свой корабль и решил отплыть от того города, но пришел на корабль свой — а уж на корабле его стоит царская стража, ибо правило было таково у царя: как придет к пристани корабль, какого бы ни было царства, повелевает царь страже своей стеречь, чтоб не ушел купец прочь.

Дмитрий же купец, возложив все надежды на Бога и взяв с собою большие дары, пошел к царю, а имя царя — Несмеян Гордый. И пришел к нему купец Дмитрий, и стал пред царем, и сказал: «Государь царь Несмеян Гордый! Купчишка я, прибыл из Греческой земли из преславного Царьграда, чтобы ты, господин, дары мои принял, а мне, купчишке, в своем царстве разрешил торговать всякими товарами!» И сказал царь: «Завтра приходи ко мне обедать!»

И наутро пришел он к царю обедать. После обеда сказал царь купцу: «Купец, какой ты веры?» Купец же ответил царю: «Я, государь, веры христианской, греческой веры! И сказал царь: «А я думал, что ты одной веры со мною! И хотел тебе дать в моем царстве торговать всякими товарами, и хотел тебя отпустить с дарами и с проводниками — а ты со мной не одной веры! Так знай же, купец: должен отгадать мне три загадки. Если отгадаешь — разрешу тебе в моем царстве торговать всяким товаром, но если не отгадаешь — перейдешь в мою веру, а если не пожелаешь со мною быть в моей вере — повелю отсечь твою голову мечом моим, а товар твой забрать в казну!» И задумался Дмитрий-купец надолго, поникнув головой. А Несмеян-царь сказал: «Почто царю не ответствуешь?» И, поклонясь, сказал купец царю: «Царь-государь Несмеян Гордый! Дай же мне сроку три дня!»

Пришел Дмитрий на корабль, плачет и рыдает, ожидая себе смерти от царя. А сын его играет на корабле с прутиком: одной рукою прутик держит, а другою рукою по пруту бьет и, сев как на коня, скачет по кораблю, как обычно дети играют. Как увидел мальчик отца своего, плачущего и опечаленного, тотчас он, отбросив свою игру, быстро прибежал к отцу своему и сказал: «Вижу, отец, что очень печален ты! Что с тобою случилось в городе этом у царя?» И ответил Дмитрий сыну своему: «Чадо мое милое! Молод еще ты семи лет, и играешь по-детски, так что не поймешь отцовской печали! И не веселись, чадо милое, ибо осудил меня царь на смерть! И я тебе, мое чадо, не помочь!» И ответил мальчик отцу своему: «Отец, скажи мне, на какую тебя смерть обрек царь? И я тебе помогу!» И, вздохнув от всего сердца своего, сказал купец сыну своему: «Как, чадо милое, можешь ты помочь, будучи столь малым? Мне, отцу своему, помочь не сообразишь! Вот я, чадо, отец твой, — муж зрелый, понимаю много и больше тебя, — но не знаю, что царю отвечать, — а ты, маленький, хочешь помочь!» И ответил ребенок отцу своему: «Пусть известно тебе, отец, будет: удалой конь познается в бою, а верный друг в деле познается! Лишь поведай мне, отец, слово царское! А коли не поведаешь — сам от царя смерть получишь и меня погубишь!» Услышав от сына своего столь мудрые речи, подивился отец и рыдать перестал, печаль свою в радость превратил, и сказал отец сыну своему: «Оттого у меня печаль и плач, что сказал мне царь, чтобы я перед ним три загадки отгадал. А из-за этих трех загадок множество купцов, чьи

здесь корабли, сидит в темницах и терпит великое мучение и скорбь имени ради Христова! И повелел царь даже хлеб на продажу не печь, чтобы голодом мерли, так чтобы тот, кто и не желает, но обратился в его латинскую веру! А я, чадо, гнева царского испугался, попросил сроку три дня, а на четвертый день хочет мне голову он отсечь мечом, товар же мой забрать в свою казну!» И сказал сын отцу своему: «Прости меня, Господи, и ты, отец: скорби, и рыдания и печаль — удел слабоумных людей и вот ты, отец, им уподобился: хочешь сам в себе печаль свою держать и мне, сыну твоему, ее не поведаешь! Я же тебе, отец, помогу и загадки царские отгадаю!» И вернулся мальчик к игре своей и продолжал играть.

И как наступил тот четвертый день, пришел купец к сыну своему и сказал ему: «Сын мой! Четвертый день, о котором царя я просил, наступил. Что скажешь говорить пред царем?» И ответил мальчик: «Пойдем, отец, к царю, возьми с собою одного раба да меня, а в остальном пусть будет воля Господня! Как Богу угодно, так и поступим!» И подивился купец Дмитрий разуму его и мудрости его, сына своего, ответу, и подумал про себя: «Что-то будет!» И предстал купец с сыном своим и с рабом перед царем.

И сказал царь купцу: «Купец! День тот настал, о котором просил ты — отгадывай загадки мои!» И ответил сын купца: «Дай мне, царь, медку испить — я тебе загадки твои разгадаю!» И сказал царь ребенку: «Не тебе я загадки загадываю, а этому купцу!» И ответил ребенок: «Царь! Я — сын купца, загадки твои вместо отца своего разгадаю!» И царь, налив чашу меду, подает ее ребенку, а ребенок передает отцу своему. Отец же, выпив мед, хотел вернуть чашу, но сказал ребенок отцу своему: «Отец! Не возвращай царского дарения чашу, но спрячь ее поглубже, ибо царевы дарения не отдаются назад!» И отец спрятал чашу за пазуху. Царь же, налив вторую чашу меду, дал ребенку, и ребенок передал ее рабу своему, приказав выпить и спрятать поглубже. И раб совершил повеленное. Тогда царь, налив третью чашу меду, дал ее ребенку. Ребенок же, выпив, спрятал чашу поглубже. И сказал мальчик: «Царевы дарения не отдаются назад!» И сказал царь мальчику: «Мальчик! Тебе говорю, отгадай загадку мою: далеко ли от востока до запада?» Мальчик ответил: «От востока до запада двенадцать часов, от запада до востока двенадцать часов, и всего так со днем и с ночью, от восхода солнца и до его заката, — двадцать четыре часа!» И поразился царь юному его разуму и мудро-

му его ответу. И, снова налив чашу меда, дал купцу, и сыну его, и рабу их. Те же, выпив чаши, спрятали их за пазухи свои и произнесли: «Царевы дарения не отдаются назад!» И сказал царь отроку: «Мальчик! Вторая загадка: чего десятая часть в мире прибывает, а десятая часть убывает?» И ответил мальчик царю: «Я твою загадку отгадаю завтра, но ты, царь, поставь престол свой посреди двора своего и сядь на него!»

И наутро пришел тот купец с сыном своим и с рабом, и предстал перед царем, и поклонился ему, и сказал царь: «Отрок младой! Отгадывай мою вторую загадку: чего десятая часть днем в мире убывает, а десятая часть в мире прибывает?» И ответил мальчик царю: «Царь-государь Несмеян Гордый! Это ли твоя мудрая загадка? У нас такие твои загадки маленькие мальчики, мои сверстники, друг другу загадывают и отгадывают! Это ли, о царь, твоя загадка? — Солнце зноем осушает десятую часть воды в море, в реках и в озерах. Но так как ночь приносит с собою сырость и влагу, вносит их в моря, и в реки, и в озера, — то десятая часть в мир возвращается ночью, — вот тебе, царь, вторая загадка!» И удивился царь таковому его разуму и многосмысленному его мудрому ответу, что так он смышлен. И сказал царь: «Мальчик! Отгадывай третью загадку: что нужно сделать, чтобы, проклятые, не смеялись язычники над вами, православными христианами?» И ответил мальчик царю: «Дай мне сроку пять дней, а за эти пять дней прикажи вестникам твоим по всем площадям и по всему городу объявлять, чтобы шли все к лобному месту; и ты повели тебе построить на лобном месте выше всех прочих место, так чтобы голос твой был слышен всем!» И дал ему царь сроку пять дней, и в эти пять дней по велению его и по приказу все устроили.

На шестой день сел царь на высокоом помосте, на престоле своем. И собрались все жители города того. Царь же, сидя на лобном месте, держал в своей руке меч, а в другой руке жезл, собираясь отсечь голову и купцу, и сыну его, и рабу их. И пришел купец с сыном своим, и с рабом их, и предстал перед царем, и поклонился ему до земли. И сказал царь ребенку: «Ну, смышленный маленький мальчик, отгадывай мою третью загадку: так что нужно сделать, чтобы язычники не смеялись над вами, православными христианами?» И ответил мальчик: «Ты, царь, велик ведь, и сидишь на высокоом месте, и голос твой расходится так, что все люди его слышат; я же — маленький мальчик, и вот я стою на земле так низко, что отгадки моей никто не услы-

шит; сойди же ты, царь, с высокого своего места и пусти меня, и дай мне одежду твою, и жезл твой, и меч,— и вот тогда отгадаю я загадку твою!» И услышал царь, что попы, и воины, князя и бояре, и все люди кричат: «Царь-государь! Мальчик ведь мал, что он может сделать?» И сошел царь с высокого места своего, и дал мальчику одеяние свое, и жезл, и меч свой. Мальчик же взошел на высокое место. Царь же подумал про себя: «Что будет?» — а того не знает, что Бог позволяет царствовать, кому пожелает, и делает так. И начался среди народа страшный шум: каждый желает увидеть, что случится. И сказал мальчик: «Повеси, царь, молчать!» И настала тишина великая. И крикнул тогда мальчик громким голосом: «Попы и воины, князя и бояре, и все люди, мужчины и женщины! В какую веру хотите веровать? В святую ли Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа,— или в проклятую языческую веру?» И вскричали все люди единогласно: «Хотим, господин, веровать в Святую Троицу: в Отца, и Сына, и Святого Духа!» И мальчик извлек меч, и отсек царю голову, и сказал про себя: «Вот и третья твоя загадка отгадана! Не смейся, поганый, над нами, православными христианами!»

И поднялся на площади шум великий, но сказал мальчик: «Мир вам, православным христианам!» — и все смолкли. И снова сказал мальчик: «Изберите себе царя православной веры!» И вскричали все люди единогласно, так говоря: «Ты нас избавил от языческой веры и от злого мучителя — ты нам и будь царем!» И сказал мальчик: «Коли есть на то воля Божья, быть мне у вас царем! Царем же зовется слуга по Божией милости, и царство ему дается по Божьей воле, мы же возвеличим Господа и прославим мать его за то, что избавил Господь отца моего и меня, и раба нашего от латинского этого мучения и от безвременной такой смерти. И вас милостью своею посетил Бог, не отринул вас от православной веры, и подобает вам прославлять Троицу Святую: Отца, и Сына, и Святого Духа. Все это я совершил Божьим повелением, а не своим желанием: если Бог с нами — кто против нас!» И воскликнули все люди единогласно, будто одними устами говорили: «О, по Божьей мудрости владыке многие лета, государю нашему, царю Борзосмыслу Дмитриевичу!»

Но спросил царь народ свой: «Был ли у вас патриарх вселенский, и священники, и дьяконы, или монахи, то есть чернецы?» И те ответили ему: «Новый государь, царь Борзосмысл Дмитриевич! Патриарха нашего тот окаянный

богоотступник, Несмеян Гордый, не знаем даже куда, сослал в заточение». И повелел царь Борзосмысл Дмитриевич разнести приказ его главный по всем областям Антиохийского царства: если кто отыщет патриарха, или священников, или дьяконов, или черноризцев, то есть монахов, — чтобы вели их в город Антиохию, к новому царю Борзосмыслу Дмитриевичу. И многих попов и дьяконов сыскали — иные из них в миру утаились, а черноризцев нашли в пустынях, и в лесах, и в пещерах. И призвал он их в город Антиохию, и рассказали им о новом царе Борзосмысле Дмитриевиче, христианине по вере. А патриарха нигде не нашли. И печалился царь о патриархе. Тогда пришел один овечий пастух и поведал царю: «Видал я патриарха, в горах живущего, в пещере, питается былъем, а вместо воды росу слизывает!» В радости послал царь к патриарху князей, и бояр, и множество людей, и пастухов, повелел его умолить, чтобы шел в Антиохию и сел бы на свой престол, как и прежде, и учил людей христианской вере, — как подобает жить православным христианам и заповеди Божии блюсти, «и меня бы благословил на царство сесть!» И пришли, и сказали ему, и принял он просьбы их, и вернулся в город Антиохию. И пришел он к царю, и поклонился ему до земли. Царь же, поднявшись, ему поклонился, и ниже его, и благословение принял на царство сесть, и проводил его с честью, повелев сесть на патриарший престол, как и прежде, и просил учить людей вере христианской и жить, как и жили. Аминь.

Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены

От Евангелиа, главы от Матфеа. Слово о старце,
просил у царя дщери за себя, яляся царь дать

ский старецъ, живый в пустыни, томляху его три строки от Евангелиа: «Толцете — отвръзетса вамъ, просите — дастся вамъ, ищете — обряцете». И взять по-сохъ свой, поиде въ град.

И прииде ко цареви полате, и толъкнувшу ему во двери полаты, идеже царь седить. Таже царь повеле пустити его к себе въ палату. Царь же рад ему бысть.

И вопроси его царь: «Что ради, старче, прииде к нашей дръжавѣ?» Старецъ же рече: «Седехъ, царю, в пустыни многыа лета и молихъ Ёга. И прииде ми помысль таковъ. Господь рече во Евангелие: «Толцете — отвръзетса вамъ». Ино ми, царю, первое слово его, господарево, збылося: пришелъ есми к твоей полате, и ты ми велель, царю, двери отвръсти; то ми и пръвое збылося». Таже глаголетъ старецъ ко царю: «Царю господине! Есть у тебя дщи, дай ми ея!» Царь же помыслил советъ благъ, рече старцу: «Наутрие ответъ дам ти, старче».

Наутрие прииде старецъ ко царю в полату; царь же помысли нечто Божию промыслу быти не просто, рече старцу: «Калугере! Мочно ли добыти мне камень драгый самоцветной?» Рече старецъ: «Господине царю! Добуду ти камень драгый самоцветный». Рече царь: «Аз ти, старче, дарую свою дочь, аще ты мне камень такой добудешь».

Старцу же второе прошение слово збылося Христово: «Просите — и дасться вамъ».

Абие старецъ, благословя царя, поиде ко морю; и обрете в лукомории пещеру, помысли старца в ней живуща, рад бысть зело; прииде в пещеру, и влезе, и обрете старца уже преставльшася, и благодари Бога, Господа Вседръжителя, и старца, живущаго о Бозе и скончавшася. Абие и слышитъ во единомъ угле пещеры нечто борчить, акы муха, и зрить сосудъ сцянъ, а в немъ акы муха, а покрыто крестомъ спроста. И глаголетъ к нему старецъ: «Что ты zde живешь, и кто тя покрылъ знаменiemъ симъ крестнымъ?» В сосуде же отрече старцу: «Сей старец, лежай в пещере: сей, запечатал в сей сосуд». Абие молить старца: «Испусти мя ис сосуда». Старецъ рече: «Дай же ми слово таково, что ти мне добыти камень драгый самоцветной». Бесъ же далъ ему слово таково, воскоро добыти камень драгый светлый. Старецъ же сложи с сосуда крестъ, бесъ же искочи ис пещеры и ста пред пещерою, акы великий дубъ, рече старцу: «Пожди мене на семь месте, старче». Абие бесъ искочи в море и возмути ветры великими и волнами силными, и изнесе бесъ камень драгый самоцветный, и дасть старцу. Старецъ же подивися Божию милосердию, рече Христосъ: «Ищите и обрящете».

Рече старецъ бесу, что: «Яко дивлюся вашему величеству: овогда велики есте, овогда мали есте?» Бесъ рече: «Наше существо таково, яко хотимъ: и малъ, и великъ, и светелъ, и мраченъ, и скоръ, якоже молния». Рече старецъ: «Аще можеша таковы быти, якоже и в сосуде видех тя?» Онъ же воскочи к нему на длань, якоже и в сосуде былъ. Старецъ же словомъ Божиимъ запечатле, тем же крестомъ, Богъ вестъ, в той же сосуд, и двери пещере загради, и отъиде во глад ко царю, и дасть ему камень драгый.

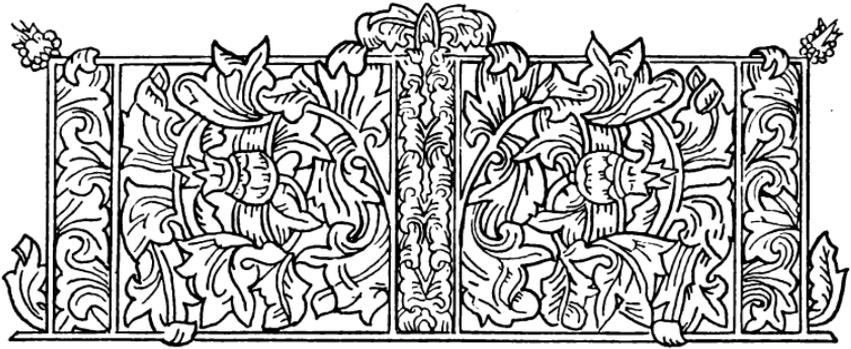
Царь почюдися, и взял, и преставль ему свою дочь. Старецъ рече царю: «Господине! Дивлюся Божию милосердию, исполнил есми свой помысль уже: «Толцете — отвръзетеся вамъ, просите — и дасться вамъ, ищите — и обрящете»; ино, господине царю, те словеса все збылися».

Рече старець царю: «Дщи твоа тебе, и камень драгый тебе».

Абие старець благослови царя и возвратися во свою пустыню, иде пръвое былъ.

Богу нашему слава ныне и присно и в веки веком, аминь.

Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены

Перевод

Из Евангелия, главы от Матфея, слово о старце,
как он просил у царя дочь себе в жены и царь согласился дать

Или некий старец отшельник, долго и мучительно раздумывал он над тремя евангельскими строками: «Стучите — и отворят вам, просите — и дано будет вам, ищите — и найдете». И, взяв посох свой, пошел в город.

И пришел старец к царскому дворцу, и постучал в двери той палаты, где царь сидит. Царь велел пустить его к себе в палату. И рад был царь ему.

И спросил его царь: «Зачем, старец, ты пришел к нашей державе?» Старец же ответил: «Я, царь, много лет жил пустынною и молился Богу. И пришла мне такая мысль. Господь сказал в Евангелии: «Стучите — и отворят вам». И на мне первое это слово господне сбылось: пришел я к твоей палате, и ты, царь, велел мне двери отворить; так на мне сбылось первое изречение». Затем говорит старец царю: «Царь-господин! Есть у тебя дочь — дай мне ее в жены!» Царь же хотел хорошо подумать и сказал старцу: «Завтра утром я тебе дам ответ, старец».

На другой день утром пришел старец к царю в палату; царь же решил, что просьба старца не простая и сделана она не без Божьего промысла, и сказал старцу: «Монах! Можешь ли ты добыть мне камень драгоценный самоцветный?» Ответил старец: «Господин царь! Добуду я тебе камень драгоценный самоцветный». Сказал царь: «Я тебе, старец, отдам свою дочь, если ты мне камень такой добудешь».

Так сбылось и второе прошение старца по слову Христову: «Просите — и дано будет вам».

Затем старец, благословив царя, пошел к морю; и пошел он на берегу моря пещеру, подумал, что отшельник в ней живет, и обрадовался; он вошел в пещеру, прошел в глубь нее и нашел отшельника, уже умершего, и возблагодарил Бога, Господа-Вседержителя, и помолился о старце, жившем во славу Божью и скончавшемся. И слышит он, как в одном из углов пещеры нечто жужжит, словно муха, и видит сосуд стеклянный, а в нем находится что-то, похожее на муху, а сосуд покрыт крестом. И спрашивает у него старец: «Зачем ты здесь находишься, и кто тебя покрыл крестом этим?» Из сосуда же кто-то ответил старцу: «Тот старец, что лежит в этой пещере, заключил меня в этом сосуде». И затем стал молить старца: «Выпусти меня из сосуда!» Старец же сказал: «Дай мне слово, что ты мне добудешь камень драгоценный самоцветный». Бес же дал ему слово, что добудет быстро драгоценный светящийся камень. Старец снял с сосуда крест, бес же выскочил из пещеры и стал перед пещерою, громадный, как великий дуб, и сказал старцу: «Подожди меня на этом месте, старец!» Затем бес бросился в море, поднял на нем сильные волны и ветер, и вынес драгоценный камень, самоцветный, и дал его старцу. Старец же удивился Божию милосердию — сказал Христос: «Ищите — и найдете».

Сказал старец бесу: «Удивляюсь я вашей — бесов — величине: в чем причина того, что иногда вы так велики, а иногда малы?» Бес же сказал: «Наше существо таково; мы такие, какими хотим быть: я могу быть и мал, и велик, и светел, и темен, и скор, как молния». Сказал старец: «Можешь ли стать таким, каким я в сосуде видел тебя?» Бес же вскочил ему на ладонь и стал таким, каким он был в сосуде. Старец же запечатал его в сосуде словом Божиим, по Божию изволению, и тем же крестом, что на сосуде был, и двери пещеры завалил, и пошел оттуда в город к царю, и отдал ему камень драгоценный.

Царь изумился, взял камень и вручил старцу свою дочь. Старец же сказал царю: «Господин, удивляюсь я Божьему милосердию: уже выполнил я свое желание, постиг смысл этих слов: «Стучите — и отворят вам, просите — и дано будет вам, ищите — и найдете»; ведь все слова эти, господин царь, сбылись». И сказал старец царю: «Дочь твоя тебе, и камень драгоценный тебе».

Затем старец благословил царя и вернулся в свою пустыню, где и раньше был.

Богу нашему слава ныне, и всегда, и во веки веков, аминь.

Повесть о Тимофее Владимирском

Повесть о презвитере, впадшем в великий грех тяжкий,
иже бысть в Руской земли в княжение государя
и великаго князя Ивана Васильевича Московского и всея Русии
и при митрополите Филиппе

е во граде Владимире презвитерь пекий живый, именовем Тимофей. Случи же ся ему быти, по Божью поущению, искусь сицевъ на пагубу души его.

В первую убо неделю святаго и великаго поста обычай имуть православнии христиане, боголюбивии людие — мужие и жены, и младые дети — поститися во всю неделю. Постивше же ся, в пятокъ вечера ко отцемъ духовным на покаяние приходити и о гресехъ своихъ очищатися, и в субботу на литургии приимати святое тело и кровь Христа, Бога нашего. Тако же и к сему попу Тимофею прииде на исповедание греховъ своихъ девица некая, красна зело, дщи славныхъ града того. Бысть же има наедине в церкви двема, и начать презвитера дияволь на неутолимую похоть разжигати. Презвитер же, не могий терпети разгорения плоти своя, и падеся з девицею в церкви, не убоися Божия суда и вечнаго мучения лютаго.

И сотворивъ грехъ з девицею, и убоися изымания,

и бежа ис церкви вопъ в домъ свой, и утаяся всех людей, да не явленъ будетъ властелемъ града того, и про то бы ему злою смертию не умрети. И оседла конь свой, и прменив образ свой поповский, и облечеса в воинскую одежду, и не явися, и не сказася жене своей, ни детемъ своимъ, и всед на конь, скоро погна из дому своего и из града своего, бежа на чюждую страну, в поганую землю татарскую, в Казань.

И тако в Орду прибежавъ, и вдадеса царю казанскому служити, и отвержеса веры христианския, и священнический чинъ попра, и бусарманскую срацынскую злою веру приять, и взять себе две жены.

Охъ, увы! Первые бе очиститель, и говейн священникъ, и предстатель престолу Божию, и поручник грешных душъ, потом же — золь гонитель бысть, и лють кровопийца христианскъ, и восвода в Казани храбръ. И часто его посылаше царь с татары своими воевати отечество его, Русския земли христианъ. Живяше же он 30 летъ в Казани, царю служилъ, и разбогателъ вельми.

Богъ же, не хотя смерти грешнику, но еже обратитися ему, и живу быти, восхоте же и сего преступника в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же обычное и беззаконное дело, якоже и прежде, — пролияти кровь неповинных русских людей. Он же иде по словеси царя и возвратися в Казань с руским полонемъ. Идущу же ему чистым и великимъ полемъ к Казани, и пусти полкъ свой напреди себя, сам же единъ остася назади, ездяше, некоего ради орудия. Едущу же ему на коне своемъ в полудни после полка своего, далече остася и пояше умилно красный стих любимый Пресвятеи Богородице: «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь».

Тогда же по случаю бежа пленникъ ис Казани, некий отрок русинъ, и западше, лежаще, утаяся в дуброве по страну путя того, ждущий, докуду минеть весь полкъ татарский, чтобы востати от места того, и паки бы побегать не блюдяся, к Руси.

И егда отрокъ слыша поюща стихъ, и, воставъ от лежакия своего, и мневъ поюща его стихъ быти русина, не бояся, радостен изыде оттуду, и потече из дубровы на путь свой, и явися тому, окаянному варвару, прежде бывшему попу. Он же, видя отрока ярыма своимъ очима звериными, и похватив мечъ нагъ, и хоте отроку главу отсеци. Пленник же паде на землю з горкими слезами, милости прося у него, чтобы не убиенъ былъ от него. И сказа ему

о себе, яко «Пленникъ есмь, русинъ, бежа ис Казани на Русь, и слышах тебя, по-руски поюща великий стихъ Богоматере, еже любезнейши естъ той стихъ всех стиховъ богородичныхъ, и у нас его на Руси честно поють, славяще Пресвятую Богородицу, молитвенницу и заступницу нашу, и чаяхъ тебя русина быти и явихся, господине, лицу твоему, не бояся». Преступникъ же то слыша, и жестокое и каменное свое сердце во умилении положи и нача великимъ гласомъ жалостно плакати и рыдати, и сшедъ с коня о землю убивашеся, яко устрашится отроку тому, и вмале не побежа от него, дивяся в себе, что се таково сотворилося; бе бо и отрокъ той грамотенъ же. И плакася от полудне того до вечера, донеле гортань его премолча и слезы исчезосте от очию его. И обзрися со отрокомъ ту, и спа до утра на траве, давъ отроку нечто мало снести, самъ же ничего не вкуси.

Пленникъ же нача прилежно вопрошати, глаголя: «Что се, господине, естъ, и что плачь твой, и почто горко плачеша? Повеждь ми, рабу своему». Онъ же устранися от плача и мало пришедъ в себе, все отроку вышеписанное поведи, яко попъ на Руси былъ. Пленникъ же увещеваше его на покаяние обратитися, яко Богъ нашъ милостивъ естъ и кающихся от греховъ очищаетъ. Онъ же рече отроку: «Молю же тя, отроча, и заклинаю тя Богомъ вашимъ Исусомъ Христомъ, пришедшимъ в миръ грешники спасти, да сотвориши ми любовьъ духовную; иди ныне от мене без боязни к Москве на Русь, и пришедъ, возвести о мене вся митрополиту вашему, еже сказа ти. Аще естъ такому грешнику покаяние, и они бы меня восприяли, и запретили, и простили, како подобаетъ по заповеди Господа нашего Исуса Христа; дабы и попечаловался о мне великому князю московскому, дабы и онъ простилъ во всемъ моемъ зле, еже много летъ воевахъ землю его и христианство губя. Да рукописанне бы прощения мне во всемъ написалъ, и двема печатми запечатавъ, великаго князя печатью да своею другою печатью, да тогда веру иму, и поехалъ бы к Москве без боязни. Да по двюю месяцу прислалъ бы ми с тобою на сие же место, и азъ бы с радостию и без сумнения к Москве ис Казани приехалъ, и вдался бы я в монастырь, плакатися греховъ своихъ. Ты же, брате, потрудися Бога ради о мне всемъ сердцемъ своимъ без лености, Господь же ради труда твоего мзду воздастъ ти во царствии небеснемъ». И одари отрока серебромъ немало. И обеща ему отрокъ истинно и неложно повеленное имъ сотворити.

И воставше заутра, и тако же много плакався бусурманъ той, и целовавшися оба, и разъехавшеся. Отрока

отпусти к Руси, и сам х Казани за полком своимъ скоро погна.

Отрок же к Москве пришед, и скоро сказа вещь сию митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христове в той же час скоро шед в полату, и возвести сыну своему духовному, великому князю, все по ряду и подробну, еже что ему отрокъ сказа. Князь же великий и митрополить умилишася зело, и в размышлении оба надолзе быша, и призваше отрока паки пред себя, вопрошающе его, истинно ли тако бысть. Отрок же паки то же сказа имъ истинну подробну. И помянуша они евангельское слово, реченное: «Аще изведеши честное от недостойности, яко уста моя будеши». И советовавше между себе князь же и митрополить, и написавше грамоту, и запечатавше своими печатми, и послаша со отроком к бусорману тому, и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во светъ, сказаша, и во всемъ его простиша, и наказавше звати его, чтобы ехалъ к Москве безо всякия боязни, и да будетъ честенъ в службе великому князю.

Наставшу же третиему месяцу, пленникъ, отрокъ той, тщася безо лжи любовь Божию сотворити и тамо итти; то бо есть любовь истинная, кто положитъ душу свою за брата своего. И иде отрокъ полем многия дни до уреченного места того. И поспе на срокъ свой, и ту пришед, ждаше бусормана два дни и мневъ, якоже не быти ему.

В третий же день зряше отрокъ прилежно х Казани прямо, на горе висоце на древо возлесе, узре: и се гнаше полемъ единъ человекъ от Казани путем на дву скорых драгих конехъ своихъ к месту тому, вельми спешася. Отрок же позна, яко той есть другъ его, бусорман, и вмале скрыся от него, искушая его. Он же прискочи на место то, и не виде отрока, чаяше, яко солгахъ ему, и не пришедша во уреченный час и день. И свержеся с конех своихъ долу на землю, и плакася вельми горко, яко могущу что и самое камение с собою на плачь подвинути, и не можаше от плача утешитися, верстою бы онъ в пятьдесят летъ бывъ. Тако же скоро отрокъ явися ему. Он же видевъ его борзо з горы идуща к себе, и тако же позна его, и потече скоро к нему, противу его, и объемъ, паде на выю отроку, и целуя его и плакася з горкими слезами, глаголя ему: «Что ти воздамъ, любимый мой брате, и целестный друже, и верный посланниче, и великотрудниче, еже о мне, поганомъ, сотворилъ еси!» Отрок же вземъ влагилице из-за пазухи своея, и развергъ, и вынялъ из нея грамоту, и даде ему. Бусорман же примъ, и прочте со

многими слезами, и вопияше непрестанно гласомъ мытаревымъ: «Боже, милостивъ буди мне, грешному, беззаконному преступнику! Боже, очисти грехи моя и помилуй мя!» И простеръ руце свои на небо и рече: «Боже щедрый, благодарю тя, человеколюбче, грешнымъ милостиве, яко сподобилъ мя еси, окаяннаго, от начальнаго пастыря моего беззаконию моему прощение прияти». И абие внезапно падъ на землю тихо, и позе свои, яко живъ, простре, и обретеса мертвъ.

Отрок же во ужасе надолзе бывъ, и разуме истинно, яко умре. И сня с него драгия ризы и всю коньскую збрую, и облече на него смиренныя свои одежды, ископа землю, и погребе его ту со слезами, и ночь ту преспа у гроба его. Тимофей же явился ему во сне у гроба своего, благодарение воздавая ему: «Яко тебе ради прияхъ от Бога прощение грехъ своихъ, да возми кони мои со всемъ, еже на них, за труды своя, и иди отсюду на Русь, и поминай меня до живота своего молениемъ и милостынею и прощением».

Отрок же наутрие простився у гроба его, и взя кони оба драгия Тимофеевы, со збруею, и обрете на них басманы великие, полны насыпаны злата и сребра и драгихъ камней, и вседъ на конь, и поеде на Русь, радуясь и веселяся.

И приехавъ к Москве, и подробно поведа о Тимофеи, еже случися ему, великому московскому князю и митрополиту, и како погребе его, и како его виде во сне, и оставшаяся вся показа имъ. Князь же и митрополить удивишася о семъ и прославиша Бога, како покаяннемъ и слезами очистився, и простишася греси его, и душа его спасена бысть. Князь же и митрополить все имение Тимофеево повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли уделъ даде ему.

Сия же повесть многа летъ не написана бысть, но тако в людехъ в повестехъ пошашесе. Аз же слышахъ от многихъ сие и написахъ ползы ради прочитающимъ, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекутъ ко всемилостивому Богу истиннымъ покаяннемъ, и отпущение греховъ получатъ, и жизни вечную сподобятся прияти, и в безконечныя веки на небеси с преподобными имуть царствовати. Аминь.

Повесть о Тимофее Владимирском

Перевод

**Повесть о священнике, впавшем в великий грех тяжкий,
что случилось в Русской земле во время княжения государя
и великого князя Московского и всея Руси Ивана Васильевича
и при митрополите Филиппе**

Ужил в городе Владимире некий священник, по имени Тимофей. Случилось ему, по Божьему попущению, в такое искушение впасть на пагубу своей души.

В первую неделю святого и Великого поста есть обычай у православных христиан и боголюбивых людей, чтобы и мужчины, и женщины, и малые дети постились всю неделю. После же поста в пятницу вечером они приходят к духовным отцам для покаяния и очищаются от своих грехов, а в субботу на литургии причащаются: принимают святое тело и кровь Христа, Бога нашего. Так и к этому попу Тимофею пришла на исповедь грехов своих некая девица, очень красивая, дочь известных в городе родителей. Остались они вдвоем в церкви наедине, и начал дьявол разжигать неутолимое плотское желание священника.

Священник же не смог выдержать своего столь сильного желания и согрешил с девицею в церкви, не убоился ни Божьего суда, ни вечного мучения лютого.

И совершив грех с девицей, и испугавшись, что его схватят, он бежал из церкви вон, в дом свой, и спрятался там от всех людей, чтобы утаиться от правителей города и чтобы не пришлось ему умереть злой смертью. Оседлал он своего коня, изменил свой облик поповский, оделся в воинскую одежду, не появился и не сказался ни жене своей, ни детям своим, но сел на коня и быстро поскакал из дома своего и из города своего, бежал в чужую страну, в поганую землю татарскую, в Казань.

И, прибежав в Орду, стал служить казанскому царю и отрекся от веры христианской, пренебрег своим священническим саном, принял басурманскую сарацинскую злую веру и взял себе две жены.

Ох, увы! Вначале был очистителем душ, благочестивым священником, предстателем за души грешных у престола Божия, потом — стал злым гонителем, и лютым кровопийцей христиан, и храбрым воеводой в Казани. И часто посылал его царь с татарами своими воевать его отечество, христиан Русской земли. Жил же он тридцать лет в Казани, царю служил и очень разбогател.

Бог же не хочет смерти грешника, он хочет, чтобы исправился он и был живым, захотел он и этого преступника в прежнее благочестие привести.

Через некоторое время послал его царь на то же обычное и незаконное дело, что и прежде, — проливать кровь неповинных русских людей. Он же пошел по повелению царя и вернулся в Казань с русскими пленными. Когда он шел чистым и великим полем к Казани, то пустил отряд свой впереди себя, сам же отстал и ехал один — ради какого-то дела — сзади. Когда же ехал он на коне своем в полдень далеко позади полка своего, запел жалостно свой любимый красивый стих Пресвятой Богородице: «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь».

Тогда же случилось так, что бежал пленник из Казани, некий юноша русский, и лежал он, прижавшись к земле, укрываясь в дубраве, в стороне от дороги, ожидая, пока пройдет все войско татарское, чтобы подняться из своего укрытия и опять побежать, не опасаясь погони, на Русь.

И когда отрок услышал пение стиха, он встал с места, где лежал, без страха, так как думал, что человек, поющий стих, — русский, и, радостный, вышел оттуда, и побежал из дубравы на дорогу, и появился перед окаянными

варваром, бывшим попом. Тот же с яростью взглянул на отрока своими звериными глазами, выхватил меч обнаженный и хотел отроку голову отсечь. Пленник же упал на землю с горькими слезами, милости прося у него, чтобы тот его не убил. И рассказал ему про себя: «Пленник я, русский, бежал из Казани на Русь, и, услышав тебя, поющего по-русски великий стих Богородицы, — тот стих, что приятнее для души всех других стихов богородичных, и у нас на Руси его с благоговением поют, почитая и славя Пресвятую Богородицу, молитвенницу и заступницу нашу, — подумал я, что ты русский, и поэтому показался, господин, перед лицом твоим без страха». Когда преступник услышал это, умилилось его жестокое и каменное сердце, и начал он громко и жалостно плакать и рыдать, и сошел с коня, упал на землю с рыданием, так что напугался отрок и чуть не побежал от него, недоумевая, что такое случилось; отрок тот был образованным человеком. И плакал Тимофей от полудня того до вечера, до тех пор, пока гортань его не замолчала и слез в глазах его не осталось. И осмотрелись они с отроком вокруг, и спал он до утра на траве, дав отроку немного поесть, сам же ничего не ел.

Пленник же начал подробно расспрашивать его: «Что случилось, господин, и что значит плач твой, и почему горько плачешь? Расскажи мне, рабу своему». Он же перестал плакать и, придя в себя, рассказал отроку все то, что уже было написано выше, — что он попом был на Руси. Пленник же увещевал его покаяться, ибо Бог наш милостив и тех, кто кается, от грехов очищает. Он же ответил отроку: «Молю тебя, отрок, и заклинаю Богом вашим Иисусом Христом, пришедшим в мир спасти грешников, покажи мне свою любовь духовную: иди сейчас от меня без боязни к Москве, на Русь, и, придя, возвести обо мне митрополиту вашему, расскажи ему все, что я сказал тебе. Если есть такому грешнику покаяние, пусть бы они меня приняли обратно, и дали отпущение грехов, и простили, как подобает по заповеди Господа нашего Иисуса Христа; пусть попросит он за меня великого князя московского, чтобы и он простил меня за мое зло, ведь много лет воевал я землю его и христиан губил. Пусть бы он прощение мне во всех моих грехах в грамоте написал и двумя печатями бы запечатал — печатью великого князя да своею другой печатью, митрополита, тогда я поверю в прощение и поеду к Москве без страха. Да пусть бы он прислал через два месяца грамоту с тобой на это же самое место, и я бы с радостью и без сомнения к Москве из Казани поехал, и

пошел бы я в монастырь оплакивать свои грехи. Ты же, брат, потрудись Бога ради обо мне всем сердцем своим, без лености, Господь же за труд твой воздаст тебе мзду в царстве небесном». И одарил отрока серебром богато. И обещал ему отрок истинно и без обмана выполнить его повеления.

И когда встали утром, снова так же много плакал басурман тот, и поцеловались оба и разъехались. Отрока он отпустил на Русь, а сам быстро в Казань погнал вслед за полком своим.

Отрок же пришел в Москву и сразу же рассказал об этом митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христовой в тот же час, не замедлив, пошел во дворец и возвестил сыну своему духовному, великому князю, все подробно и последовательно, о чем ему отрок сказал. Князь же великий и митрополит очень разжалобились, и оба долго размышляли, и позвали отрока к себе, и расспрашивали его, действительно ли так все было. Отрок же опять то же самое рассказал им, всю истину подробно. И помянули они евангельское слово: «Если выведешь честное из нечистоты, то будешь как будто бы уста мои». И, посоветовавшись между собой, князь и митрополит написали грамоту, запечатали ее своими печатями и послали с отроком к тому басурману, и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся из тьмы в свет, написали, и во всем его простили, и велели звать его, чтобы ехал он к Москве безо всякой боязни и честно бы служил великому князю.

Когда настал третий месяц, бывший пленник, отрок тот, стремился безо лжи сотворить любовь Божию и идти туда, ибо это и есть любовь истинная, если кто положит душу свою за брата своего. И шел отрок полем много дней до назначенного места того. И поспел в срок, и, придя туда, ждал басурмана два дня, и думал уже, что тот не придет.

В третий же день увидел отрок, пристально глядя в сторону Казани — он на высокой горе влез на дерево: вот едет полем один человек со стороны Казани на двух быстрых дорогих конях, едет к месту тому и очень торопится. Отрок же узнал друга своего, басурмана, и спрятался от него, чтобы его проверить. Басурман же прискакал на место то и, не увидев отрока, подумал, что тот солгал ему и не пришел в назначенный день и час. И бросился с коней своих ниц на землю, и плакал так горько, что мог бы и камень заставить плакать вместе с собой, и не мог от плача утешиться, хотя по возрасту было ему уже пятьдесят

лет. Тогда быстро отрок вышел к нему. Он же, увидев отрока, бегущего к нему с горы, узнал его и побежал к нему навстречу, и, обняв, упал ему на шею, и целовал его, и плакал горькими слезами, и говорил ему: «Чем я отплачу тебе, любимый мой брат, не обманувший меня друг и верный посланник мой, много потрудившийся для меня, за все, что ты для меня, поганого, сделал!» Отрок же, взяв некую суму из-за пазухи, раскрыл ее, и вынул из нее грамоту, и дал ему. Басурман же принял ее, и прочел со многими слезами, и вопил непрестанно голосом мытаря: «Боже, милостив будь ко мне, грешному, беззаконному преступнику! Боже, очисти меня от грехов и помилуй меня!» И простер руки свои к нему и сказал: «Боже щедрый, благодарю тебя, человеколюбца, милостивого к грешникам, что сподобил меня, окаянного, получить прощение моему беззаконию от первого из пастырей!» И затем внезапно тихо упал на землю, и ноги свои, как живой, протянул, и умер.

Отрок же долго был в ужасе и убедился, что тот умер. И снял с него дорогие одежды, и всю сбрую с коней, и одел его в свои смиренные одежды, выкопал могилу и предал его погребению со слезами, и ночь ту спал у могилы его. Тимофей же явился ему во сне у своей могилы и благодарил его: «Так как благодаря тебе принял я от Бога прощение грехов своих, то возьми моих коней со всем, что есть за них, за труды свои и иди отсюда на Русь, и поминай меня до конца своей жизни в молитвах, и милостыню и прощение твори».

Отрок же утром попрощался с могилкой его, взял обоих дорогих коней Тимофеевых со сбруей и нашел на них сумки большие, доверху насыпанные золотом, серебром и драгоценными камнями, сел на коня и поехал на Русь, радуясь и веселясь душой.

Приехал к Москве, и подробно рассказал то, что случилось с Тимофеем, великому московскому князю и митрополиту, и то, как он похоронил его и как видел во сне, и все, что привез, показал им. Князь же и митрополит дивились случившемуся, тому, как Тимофей покаянием и слезами очистился от грехов, и простились ему грехи его, и душа его была спасена, и прославили Бога. Князь и митрополит все именем Тимофеево повелели отроку тому отдать. Еще к этому князь и земли в удел ему дал.

Эта повесть много лет была не записана, но в рассказах была известна людям. Я же слышал от многих эту историю и записал ее пользы ради всех читающих, чтобы не

отчаивались согрешившие в спасении своем, но обращались к всемилостивому Богу с истинным покаянием; и отпущение грехов они получают, и сподобятся жизнь вечную принять, и в бесконечные времена на небе с преподобными будут царствовать. Аминь.

Повести о хмеле

Слово о хмеле о высокоумном хмелю
и о художных и нестройных пианицах. О хмелю

ако глаголетъ хмель к всякому человску, и к священничьскому чину, и к княземъ, и к бояром, и к слугам, и к купцем, и к богатым и ко убогим, и к женам, старым и младым: «Не осваивайте мене».

Аз есмь силен боле всех плод зѣмных, от корени есмь силна, от племени велика и многородна. Мати моя сотворена Богом. А имею у себе позитонци, а ютробу необьядчиву, руке мои держат всю землю, а главу имею у себе высокоумну, а умом есмь неровен, а языком многоглаголив, а очима бессрамен.

Аже кто здружится со мною, а имет мене осваивати, прѣвие доспею его блудника и к Богу не болебника, на молитву не встанлива, а в ночь не сонлива, не изоспався стонет. Наложу ему печаль на сердце; вставшу ему с похмелиа, глава болит, очи света не видят, а ум его не идет ни на что же на доброе, а ясти не требует, грѣтань его пресышет, пити хоцет, испиет чашу и другую с похмелиа и ины многы, и тако напивается по вся дни. Въздвиг-

ну в нем похоть плотскую и в вся помыслы злыя и потом ввергу его в болшую погыбель.

Аще познается со мною князь, учиню его безумна, люта на люди и несмыслена; и имет пити чрес ночь, а спати до полудни, а людем исправы нету, а боляре у сирот посылы емлют, сироты и вдовици обидимы всплачют, тогда узревше люди таковаго князя, извергут его ись княже-ния.

А иже познается со мною боярин, доспею его злоблива и немилосерда до сирот и сребролюбива. И узре его добрый князь извержет его ис сану.

А иже познается со мною купец, доспею его скорбна, в утле клобуце, в ветсе свите, в издраных сапозех. А у людей имет куны заимовати, ани ему не дадут, видя его пианьчива.

А иже познается со мною слуга княж, доспею его от князя в ненависти, ладно будет ни дворянин, ни селянин, в недозоре ему и умрети.

А иже познается со мною селянин, а имет ходити часто по пиром, доспею село его пусто, а самого в злых днех, а жену и дети по работам.

А иже здружиться со мною мастер каков бы ни был, отиму у него ум, доспею его лихою пианицею горее всех и еще злы дни наведу на него, дела своего делати не хочет, но хочет пити и не будет ему добра.

А иже познается со мною жена какова бы ни была, а иметься упивати допиана, учиню ея блудницею, въздвигну в ней помысл на блуд и потом ввергу ея в болшую погыбель и будет от Бога отлучена, а от людей в посмесе, луче бы ся не родила.

А иже кто не лищится пианьства и злаго запойства, сътворю его аки оканнаго, горе идол. Идоли бо не могут творити ни добра, ни зла, а пианы человек в добра место зло творит.

Аще би пил в меру, добро бы ему было. Пианый человек согрешив не кается, а трезвы согрешив кается и спасен будет. Пианый человек горее беснаго, бесный бо стражет неволею, добудет себе вечную жизнь, а пианый человек стражет своею волею, добудет себе вечную муку. Пришедше иереи молитву сотворят над бесным и прогоняют беса, а над пианым, аще со всея земля сошлись бы попове и молитву бы сотворили, но вем, яко не прогнати пианьства, самоволнаго беса. Сего ради лишимся пианьства. Пианый человек горее блуднаго, блудный бо на новь мессец блудит, а пианый напиваяся по вся дни блудит.

Пианица приложен еѣ къ свинии. Свиния бо, аще где не внидет, да рылом потычет. Тако и пианица, аще в кый двор не впусят, да у тына постоит послушывая, пьют ли во дворе сем. А люди вспрашивает, в котором дворе пьютъ.

Да се вы поведаю, братие, колико еѣ пагубы роду человеческому в злом пианстве. Божественны апостол рече, яко пианицы царствія Божіа не узрят, но уготована имъ еѣ мука, с прелюбодеи и с татми, с разбойники в веки мучитися.

И проявлено еѣ в первых родех от Бога, яко силнии мужи, угодници Божіи быша, пианствомъ погыбоша. Цари из царства изринушася, а святители святительство погыбша, а силнии силу испрометаша, а храбрии мечю предани быша, а богати нищи сътворишася, а здравии болни быша, а многолетнии вскоре изомроша. Без Божіа суда вскоре пианицы умирают, яко удавленици. Аще кто пиан умрет, то сам себе враг и убийца, а приношение его ненависно Богу.

Лепо же нам помянути о сем пианстве. В сем бо пианстве съдевается нам все злое безаконіе. Се пианство нам ум погубляетъ, орудіа портит, прибытки теряет. Пианство князем землю пуну сътворяет, а люди работы доводит, а простым людем долг съдевает, а хитрым мастером пианство отимает ум, не может смыслити дела своего, а простым мастером ох сътворяет и убожие. Зло будет имъ злое се пианство. Братію сваживает, а мужа отлучает от своєї жены, а жены от мужей своих. Се пианство ногама болель творит, а руки дрожат, зрак очию погыбаєт. Пианство к церкви не пузит, Богу молитися не хочет, книги чести не дает и во огнь вечный посылает. Пианство красоту лица изменяет, смех трезвымъ сътворяет. О ком мълва в людех — о пианицы, кому блядня — пианицы, кому сини очи — пианицы, кому ох — пианицы, кому горе — пианицы, кому рано ясти и пити — пианицы, о ком бывають свары и суды и работа — пианицы, кому стенание и трясение — пианицы, кому скарядия — пианицы, кому проспати заутрение — пианицы. Ох увы, пианства, сего злаго бежим, братие, обычая, злаго пианства, нелепаго запойства. А се слышаще, братие, апостола Павла глаголюща к Тимофею: «Чадѣ Тимофее, к тому не пей воды, но мало вина приемли. Да будет телу здравіе, а души спасение». Аминь.

Повесть о хмеле

Бе некий человек. Живяше бо в дебрии и сотвори себе хижу, и живяше в ней много лет. И в некое время не ста у него пищи, и иде той муж искати себе на потребу снеди, и ходяще по лесу много и абие обрете стоящу яблонь, велии добру, и взя от того древа едино яблоко, и вкуси, и бысть сыт велми. И нача яблоки собирати съ яблони той, и узре на яблони траву: обвилася около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и нача быти от тое травы глас сицев: «Человече, знаеши ли ты меня и слышал ли еси про меня?» И человек той ста изумелся, нападе на него ужас великий и нача вопрошати той человек: «Кто есть ты, глас испущаеш? Аз бо тя не знаю, повеж ми». И глас бысть от тое травы: «Глаголю тебе, человече, аз бо есмь хмель». И рече человек той: «Кто ты, хмель, и какую силу знаеши в себе?» И глас бысть от травы той: «Глаголю тебе, человече, аз бо есмь хмель и начну ти всю тайну свою; слыши мои глаголы и внимай. Аз бо есмь силен боле всех плодов земных, от корени есми сильного и многоплодного, и племяни великого, а мати моя сотворена Богом. А имею у себя ноги [тонки], а утробу не ожерчиву, а главу есми имею высокую, а язык многоглаголив, а ум розной, а очи себе имею мрачнии, завидлив, а сам я спесив велми и богат, а рuce мои держат всю землю.

А таков нрав имею: аще которой человек станет меня держатца, царь или князь, или боярин, или кто святителский чин имеет, или чернец, или черница, или купец, или муж, или жена, всякова чину человек, учнет толко меня держатся, первое dospею его блудником и к Богу не молебника, на молитву нестанлива и ум его отиму. Начнет без ума ходити, и, встав он с похмеля, не может, на постели своей стонет, и глава болит, и очи его света не видят, и руки его дрожат, и на душе его мутитца, и делать ничего не хочет, и ничто ему доброе на ум не идет, толко душа его жадает, как бы напитися. Аще у которого человека лучится гостем званым быть, на обеде друзьям и сердоболям, а буде меня не станет, тут бо несть ни радости и ни веселия, той бо и обед не честен, и не похвален. Аще у коего обеда пребываю, тут бо много радости и веселия, той бо и обед честен и славен, всех людей, пребывающих в дому его. Аще кто напьется и с похмеля испьет чашу, а потом жадает другую, и потом иные многие испивают, и как напиваютца по вся дни, а я в ту пору отрыну от него

доброе, и воздвигну на него помысл бесовский, и потом введу его в большую погибель, и учиню его горда и ленива, и напущу на него тягость большую, и пойдет из него во пьянстве всякая неподобная речь, и станет с всяким бранитца и задиратца, покажетца ему, что он силен добре и богат и лутче всех.

Аз бо тебе глаголю, человече: аще который князь или боярин учнет меня держатца, то аз доспею его у Бога немилости, а у царя не в жалованье, и сотворю его хуже нищаго и убогаго. Аще ли от питя умрет, и та душа его будет в огни негасимом, а тело у церкви не положат; а покамест он жив, и напився станет сидеть и пить до полуночи, а спать до [полудни], и на людей учнет восхвалятися, тогда вси людие ево, сироты и вдовицы восплачются и разбежатца от его пьянства.

Еще глаголю тебе, человече: аще которой мастерой человек учнет меня держатца, аз бо сотворю его ленива, и руки его станут дрожать, и делать ничего не восхощет, и створю его злым пьяницею хуже всех людей, и учнет пить и пропеться весь, а жена и дети пойдут в мир, и дом его весь раззорю, и не будет жилища его ничего, и род и племя от него отступятца.

Еще глаголю тебе, человече: аще учнет меня держатца которой гость или купец, всяк торговой человек, и аз сотворю его безумна, и живот свой весь растерзает и пропьет, и будет ходить во вечаной ризе и во издраных сапогах, и станет себе заимывать у которого господина, и ему никто не даст и не поверит, и не дадут, видя его пьянство, и род и племя от него отступятца.

Еще глаголю тебе, человече: аще учнет меня держатца которой боярин, доспею его у государя в ненависти, и будет он ни дворянин, ни селянин, и ум его отниму, начнет без ума ходити и без призору умрет.

Еще глаголю тебе, человече: аще которая жена учнет меня держатца, сотворю ея злу пьяницу, имет она пити, таясь мужа своего, и наведу на нее похоть телесную, и потом введу в большую погибель и в большой позор, и будет она от Бога отлучена и от людей в посмех.

Еще глаголю тебе, человече, ко всем людем всякому чину, мужам и женам, кто станет держатца, аз таков нрав имею: добро все от него отставлю и наведу на него все худое, и учнет по дворам ходити и пить. Слыхал ли еси ты, человече, о пьянице? Пьяница есть примененна ко свинье, свинья бо где видит, ино рылом потыкает, так и пьяница, аще в котором дворе пьют, и тут стоит и слушает, пьют ли

в том дворе, и спрашивает, в котором дворе пьют. И стоит у ворот и забьнет, и просит пить, а сорама нет и стыда не имеет, толко во уме своем имеет, как бы напиться, а в котором дворе пьют и ему не дадут, и отойдет от двора того и зломыслит на господина дому того, бранит неподобною лаею и никого не боитца, и он никого не почитает, сам себя величит, и велика сотворяет, и со всяким бранитца, и со всяким задираетца, покажетца ему, что он силен добре и богат лутче всех.

Человек от пьянства — царь царства отстанет, а сильный человек силы отстанет, а храбрый мечю предаи бывает, а здравы немощен бывает, а многолетны скоро умирает без суда Божия. Аще кто пьян умрет, и тело его у церкви не положат, и пения Божия не будет, а душе мука зла. Пьянство ум отнимает, рукоделия портит, прибыли теряет, пьянство князя сотворяет во убожество, и землю его пусто творит, и долг наводит; пьянство мастером ум отнимает, не может смыслить дела своего, и сотворять его во убожество; пьянство же от жен мужей отлучает, а жен от мужей; пьянство поги отнимает; пьянство в бездонную беду человека вводит; пьянство зрения очей отнимает; пьянство к церкви Божии не пустит, честь княз не дает, Богу молиться не дает. Ведай себе, человеце, на ком худое платье, то пьяница, или наг ходит, то пьяница ж, кричит кто или вопит, той пьяница, кто убился или сам ноги или руку переломил, или голову сломил, то пьяница; кто в душегубительство сотворит, то пьяница; кто в грязи уваялся или убился до смерти, кто сам зарезался, то пьяница. Негоден Богу и человеком пьяница, толко единому, дьяволу и людям всем... пьяница. Язык долог у пьяница; что есть недоброе, то все пьяница. Как ево в животе не станет, и ево во огонь кинут пьяницу, в мѹку волокут пьяницу, черви едят пьяницу, мраз велик пьяницу, розными учнут муками мучить пьяницу, с сотоною во огни царствует пьяница.

О человеце, якоже аз глаголю тебе, сия вся заповедаю, словеса моя, вонми во уши своя, отложи проч от себя смоквицу сию, якоже еси сорвал, да не увидиши зла над собою».

Он же той муж, слыша от тое травы глас, глаголющ сицевы словеса, и пристрашен бысть велми, и дивяся, что от травы тоя исходит глас человеческой, и зверзет он смоквицу на землю, и поиде той человек в хижичу свою, и песе яблока в хижичу свою на пищу себе и размышляя: «Великое чюдо показася мне. Слышах бо аз от плода, яко угодное есть, то есть временное, а ни мало вкушати

от вина, много убивают много человек; питье бо есть некоторого человека в добро не вводит, но толко во зло глагол возводит, а Господь от того человека отходит, видя безмерное его пьянство, а дьявол о таком человеке радуется, о неверном и поганом человеке так не радуется, как о пьяном человеке православные веры; неверному и поганому ничто сотворити, а над пьяным человеком, что хочет, то и сотворит, и на вся злая наводит, а Господа Бога нашего прогневает пьяны человек. Аще ли кий человек от пьянства бывает лишен, и тем Господа Бога своего возвеселит, а анел, хранитель души его и телу, ходит с ним, радуется, а беси от такового человека отходят и гнев большей на него имеют. А Господь Бог такова человека своею милостию и благодатию хранит его ото всякого дьявольского нахождения, и станет Божие исполнять, воздержание доброе и благоприятно Богу, и получит душе своей спасение, и обрящет от Господа Бога милость в сем веце и в будущем, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Повесть о Луке Колочском

ого же лета от Можайска за пятнадцать версть во отчине князя Ондreja Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова ж, праправнука Данила Московскаго, явися знамение в Колочи.

Некий человекъ, именемъ Лука, простых людей, ратаев убогих, в последней нищете сый, на некоемъ древе в некоемъ месте обрете икону Пречистыя Богородицы, держащу на руку младенецъ Господа нашего Исуса Христа. Со единыя страны иконы тоя на затворце образ Николы чюдотворца, а з другую Илии пророка. И вземъ ю и целова с верою многу и постави ея у нивы своея на месте просте на древе. И придиe инъ некий человекъ и взять ю у него. Лука ж моливъ его, давъ ему хлебъ овсянъ, и взять к себе паки икону, и поиде с нею в дом свой.

И бысть в дому его разслабленъ человекъ лежаща многа летъ. Лука же показа ему икону, и како наиде ея и поведи ему вса. Человекъ же инъ разслабленный удивися и моляше Луку, да принесеть к нему икону тую; Лука же принесе к

нему. Разслабленный же приложи чело и очи и усне ко святей иконе Божия Матери и в той час воста весь здоровъ, яко ж никогда же болев.

И сие слышано бысть от всех, тамо живущих, и стекошася мнози, приносаша болящия и недужныя, и вси здравии быша. И начаша приходити оттовсюду людей множество, приношаху недужныя, и расслабленныя изцелевашуся. И многа чудеса безчисленна бываху, и начаша чтити Луку вси люди, яко же пророка Ильи, апостола его имеяху великой чти и славе. Лука же поиде со иконою из с Колочи к Можайску. И яко же приближашася ко граду, изыде во стретение князь Ондрей Дмитриевич з бояры своими и весь град от великих и до малых да иже до сущихъ млеко. И быша знамения и чудеса многа от иконы Божия Матери.

Таже оттуду поиде Лука со иконою к Москве, и стреташа ея со кресты митрополит со епископы и со всем священ-

нымъ соборомъ. Тако же и князи и княгини з детми своими, и бояре, и воеводы и вси велможи и все православное крестьянство множество. И была чюдеса безсчисла многа: слепии прозираху, хромии хожаху, разслаблены востаху, немии глаголаху, глусии слышаху, во всяком недуге сущии здравии бываху. И что много глаголати, елико не может умъ человекъ зрещи безпрестани тогда бываемых тмы тмами безсчисленных неизреченных чюдес.

И хожаше Лука от града во градъ со иконою Божия Матери, и везде чюдеса безсчисленная и неизреченна бываху от то иконы Божия Матери. И вси даяху Луке: князи, и бояре, и вси православные крестьяне,— имения многа в милостыню, и в честь, и в дары, и чествоваху Луку, яко апостола.

Лука же бысть отнюд простъ человекъ, яко от последних поселянъ, но и добродетель законную имеюще в себе. И возвратися паки в первое место своею иконою с чюдотворною на Колочю и со всем своим богатством, а богатства много безсчислено собра. И постави двор себе, яко некий князь, предтекущих ему отроков много имеяще, во утварех украшени. И трапеза его много брашна имеши, тучных и драгих и питий благовонных много, и ядыше и упивашеся со и сущими его служатели. И на ловы ездяше съ ястребы, и соколы, и з кречаты, и псов множество имеяше, и медведи имаше, и сими тешашеся.

От то иконы же Пречистыя Богородицы чюдеса многи бываше, ея же Лука во церкви постави, создании от него, идеже ныне монастырь стоит Колочцкый. И приходящии отовсюду одержими всякими недуги, изцелени приимаху.

Сотвори же ся Лука напрасен и безстуден. Егда убо ловцы князя Ондreja Дмитриевича съ ястребы и соколы повелениемъ князя своего на лов выезжаху, он же соколников бияше и грабаше и ястребы и соколы себе взимаше. И се ни единою, ни дважды, но многожды и всегда бываше.

Князь же Ондрей Дмитриевич терпяше вса сия, иногда же посылаше к нему, он же к нему жестоко и сурово отвещеваше. Князь Ондрей же Дмитриевич смирениемъ и терпениемъ смолчеваше. Та ж нача ловчих княже Ондревых бити и грабити, и медведи и с ларми взимаше к себе, и с ними веселяшеся и утешашеся.

По сем же некий жесток был ловчей у князя Ондreja Дмитриевича, и приготовив время, и уловив медведя зла и люта суца и повеле его вести близ двора Лукина. Лука же виде из хором своих и выиде сам к медведю со служащими

его и повеле ловчему князе Ондрееву пустити его у себя во дворе. Ловчей же княж Ондреев лукавство сотвори над Лукою: той час пусти медведя, и приде медведь на Луку, а Лука не успе вскоре отоити, и вша медведь Луку, едва отняша Луку от медведя, точию дышуца.

И в той час пригна к Луке князь Ондрей Дмитриевич, и видев Луку в последних дышуца, и рече к нему: «Почто еси бесовское позорище и пласание возлюбил и пьянству совокупилса, како тя Бог прославил своєю матери, Пречисты Богородицы образомъ чюдотворнымъ, ты ж сия ни во что положи, но к неполезному мирскому житию шел еси, тако тебе и случися».

Он же плакаше и слезы точа и моляшеса ему, полезное устроить по немъ. Князь же Ондрей Дмитриевич многим его безчисленным имениемъ на том месте манастырь постави во имя Пречистыя Богородицы и глаголемы Колочский, и чюдотворную икону Божия Матери в нем постави, иже чюдеса творит и до сего дни с верою приходящим.

Лука же в немъ и пострижеса и поживе в немъ неколико лет и во умилении и в слезах, дондеже и преставися и положен в нем.

Повесть о Луке Колоцком

Перевод

том же году в пятнадцати верстах от Можайска, в вотчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова и праправнука Даниила Московского, свершилось знамение на Колоче.

Некий человек, по имени Лука, из простых людей, бедных земледельцев, на одном дереве в некоем месте нашел икону Пречистой Богородицы, на которой изображена она держащей на руках младенца Господа нашего Иисуса Христа. С одной стороны на створке той иконы написан образ Николы-чудотворца, а на другой Ильи-пророка. Взял ее Лука, с верою поцеловал и поставил ее у поля своего на неприметном месте, на дереве. Но пришел другой человек и забрал ее у него. Лука же умолил его, дав ему хлеб овсяный, и снова вернул себе икону, и с нею возвратился в дом свой.

А в доме его много лет лежал расслабленный больной. Лука показал ему икону и рассказал, как нашел ее. Человек больной удивился и просил Луку, чтобы он принес к нему ту икону, Лука же принес ее к нему. Больной при-

ложился челом, глазами и устами к святой иконе Божьей Матери и тут же стал здоровым, как будто никогда и не болел.

И услышали эту весть от всех, там живущих, и стекались многие люди, приносили больных и недужных, и все выздоравливали. И начало приходить множество людей отовсюду, приносили недужных, и больные исцелялись. И бесчисленное множество чудес было, и начали все люди почитать Луку, как пророка Илью, за апостола его принимали в великой чести и славе. И Лука пошел с иконой из Колочи к Можайску. И когда приблизился он к городу, навстречу вышел князь Андрей Дмитриевич с боярами своими и весь город от мала до велика, и даже до младенцев. И были знамения и чудеса многие от иконы Божьей Матери.

Затем пошел Лука оттуда с иконой к Москве, и встретили ее с крестами митрополит с епископами и со всем священным собором. Также князья и княгини со своими детьми, бояре, и воеводы, и все вельможи, и множество православных христиан. И было чудес бесчисленное множество: слепые прозревали, хромы начинали ходить, расслабленные вставали, немые говорили, глухие слышали, и все, бывшие больными, здоровыми становились. И что много говорить, если не может человеческий разум постичь тьмы тем бывших тогда непостижимых чудес.

И ходил Лука из города в город с иконой Божьей Матери, и везде бесчисленные и непостижимые чудеса были от той иконы Божьей Матери. И все — князья, и бояре, и все православные христиане — давали Луке большие богатства в милостыню, в честь и в дар, и чествовали Луку как апостола.

Лука же, хотя и простой был человек, из бедных крестьян, но добродетель настоящую в себе имел. И возвратился на прежнее место свое на Колоч с чудотворной иконой и со всем своим богатством, — а богатства очень много собрал. И устроил себе усадьбу, как некий князь, со светлыми и большими хоромами, слуг много набрал и юношей завел, украшенных в нарядные одежды, прислуживающих и шествующих перед ним. И трапеза его была богата кушаньями и дорогими благовонными винами, и много ел и пил он со своими приспешниками. И на охоту ездил он с ястребами, с соколами и с кречетами, и псов много имел, и медведей, и с ними тешился.

От той иконы же Пречистой Богородицы много чудес

было. Лука же ее в церкви поставил, которую он сам построил, где ныне стоит монастырь Колочский. И больные, мучимые всякими недугами, приходили и исцелялись.

Лука же возгордился и потерял стыд. Когда охотники князя Андрея Дмитриевича по его повелению с ястребами и соколами на охоту выезжали, он сокольников бил и грабил, а ястребов и соколов себе забирал. И это не один, не два, но много раз и постоянно бывало.

Князь же Андрей Дмитриевич терпел все это, но иногда посылал к нему, он же отвечал сурово и жестоко. Князь же Андрей Дмитриевич со смирением и терпением молчал. Тот же начал ловчих князя Андрея бить и грабить, медведей вместе с клетками себе забирал, с ними веселился и тешился.

У князя же Андрея Дмитриевича был один ловчий жестокого нрава; однажды поймал он злого и лютого медведя и велел вести его мимо двора Луки. Лука, увидев это из своих хором, вышел к медведю со своими слугами и приказал ловчему князя Андрея выпустить медведя на своем дворе. Ловчий же князя Андрея подстроил Луке хитрость: тут же выпустил медведя, и кинулся медведь на Луку, а Лука не успел отойти, и схватил его медведь; едва живого отняли Луку у медведя.

Тотчас пришел к Луке князь Андрей Дмитриевич и, видя его чуть живого, сказал ему: «Зачем бесовские игрища и пляски полюбил, пьянству предался, — ведь Бог прославил тебя чудотворным образом матери своей, Пречистой Богородицы, ты же не оценил этого, а к грешной мирской жизни отошел, поэтому и случилось с тобой такое».

Лука же плакал, слезы проливая и умоляя князя, чтобы тот с пользой распорядился его достоянием. Князь Андрей Дмитриевич на бесчисленные его богатства в том месте поставил монастырь во имя Пречистой Богородицы, именуемый Колочским, и чудотворную икону Божьей Матери в нем поставил, которая творит чудеса и до сего дня всем, с верою приходящим.

Лука же в нем постригся, прожил несколько лет в умилении и в слезах, пока не преставился, и положен в нем.

Повесть о царице Динаре

Дивна повесть мужествена о храбрости и мудрости
целомудренья девица, Динары царицы,
дщери иверского царя Александра

мршу иверьскому властодержавцу Александру Мелеку и не имеющую детища мужеска полу, но едина дщерь остана 15 лет, зело разумна и мужествена, и не посягну присовокупитися мужеву, и предаде ей отец ея властодержавство свое. Она же бе мудра и разумна и нача владети по преданью отца своего, въ дни перскаго царя.

Царство царицы Динары. Первее — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имеаше прилежание к Божественому Писанию и о преднихъ царех и властодержавцех, како бе пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навыве воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цветов медь, тако и сиа Динара от памятныхъ книгъ. И со многу кротостию правяше державу свою, и попечение велие имяше о своем властодержавстве. Яко добрый кормъчий преплавати корабль чрез морскую пучину, и госпожа же сия печашеся, како бы ей быти в тиxости.

И доиде слух прьскому царю, яко умре Александръ и приа власть Иверьскую дщи его, царевна Динара. И умысли персинъ приати Иверию и попрати веру их, еже въ Христа, и посла к ней, сице рек: «Аще хочещи от мене милости и державъствовати, да сугубыя дары подаси нашему величеству. Аще ли не тако — не повелеваю ти власти держати, но отъиди. Аще ли невъскоре послушаеши — и величество мое възъяриши на ся, и милости не имам дати ти!»

Динара же царица, видевъ посланники перския, с таковыми глаголы пришедшая, и посла к персину свои послы и с дары свыше отца своего, и глаголя: «Еже ми повелеваеши не дръжати власти, но не от тебя бо прияхъю, но от Бога ми дано свыше. И ты како имаши часть въ жребии Богоматере? Но не того ради да послахъ сиа дары к тебе. Вы убо бесерменский законъ, мы же истинный законъ имамы. И како глаголеши и величаешися, яко тленъ еси, не дано ти будет свыше!»

И виде перьсинъ посланники ея с таковыми глаголы пришедша, и не възприа даров ея, но съ зверозлобиемъ своимъ отпусти посланники ея безделны, глаголя имъ: «Милость даю вам: аще хочете царствовати, но въ единыхъ срачицахъ повелеваю вам остатися; аще же не тако — иду на васъ с величествомъ воинства моего и възприиму тя и вся велможа твоя с тобою!»

Динара же царица, слышавъ таковыя глаголы от перьскаго царя посланниковъ, отосла посланники его, и рече: «С таковымъ ополчениемъ вооружаешися на мя, противу немощной чади, девици! Аще и победиши мя, — не получиши чести, яко немощную чадъ победилъ еси. Аще ли възприму от Христа, Бога моего, победу на тя и от Богоматере его помощь, и женскою възступлю ногою на царское тело, и отъиму главу твою, тогда каковой чести сподоблюся, яко царя перьскаго победивъ женскою храбростию; иверьскимъ женамъ нанесу похвалу, а перскимъ царемъ наведу срамъ!»

И слышавъ персинъ, и възъярися люте, и поиде со многымъ ополчениемъ на страну ея.

И пачя Динара царица посылати велможа своя противу перьскаго воинства. Они же рекоша к ней: «Како можемъ стати съпротивне многого воинства и такового перьскаго ополчения?» Динара же царица отвеща к нимъ: «Въспомяните Девору и Гедеона, како победиша множество вои мадиамляны! Не Богъ ли дарова имъ победу? И ныне той же Богъ нашъ и наша заступница Пречистая Бого-

родица! Не отягчайте! Аще ли ныне не въоружимся противъ иноверныхъ и за свою веру не умремъ? Умремъ же всяко! И предамы себе в работство? И кою славу воздадимъ своему благочестию, посрамлени и беспамятни погибнемъ! Въсприимите себе мужество, и отверзите от себе женочрество! Егда убо наполнившимся долинамъ отъ дождевныя туча воды и преизлишнюю мокроту имущимъ, и во днехъ от великаго жженна солнечнаго иссушитъ мокроту, и много время пребудетъ земля суха, но и бесплодна, и нужно собрание плодовъ ея. Тако же и в державе земля наша: умножившимся народомъ и распространшимся; егда же ли возмутъ ны персы и распленятъ, како можемъ собранн быти и коеи чести достойни будемъ, аще не въсприимемъ храбрости и дадимъ себе въ страхование, поверземъ свое благочестие! Отженемъ от себе женочрество, и въсприимемъ попечение о своихъ сокровищехъ. Егда убо жена зача въ чреве, и нача готова ей быти; тако же и вамъ, богатство и честь въсприимшимъ, и гордости наполншимся; поверзаете народъ единовѣрныхъ своихъ, и оставляете любы къ едиnorodнымъ своимъ! Последи же и сами възрыдаете и повержени будете, яко худый рубъ, на землю, и потоптаемъ погами, никимъ же не бегомъ. Отложите гордость, и отверзете от себе страхование, и облецетесь въ храбрство, еда же не пленятъ вы перси, и расточатъ васъ, и расхитятъ богатство ваше! Но что ради тако закосяемъ? Ускоримъ противъ варваръ, якоже и азъ иду, девица; и восприиму мужескую храбрость, и отложу женскую немощь, и облекуся в мужеумную крепость, и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложу броня и шлемъ на женскую главу, и восприиму копие в девичю длань, и въступлю въ стремя воинскаго ополчения, но не хошу слышати враговъ своихъ, пленяющихъ жребий Богоматери и данныя от нея намъ державы! Та бо царица подасть намъ храбрость и помощь о своемъ събытии. Они же убо, персы, борзящеся и без сна пребывающе, и конемъ ихъ томящеся день и ноцъ, и в великомъ труде пребывающимъ. Яко болящиа жене приближается родити, и пребываетъ в великомъ разстоянии тела своего, тако же и персомъ в великомъ истомлении. Но ускоримъ противу ихъ и не дадимъ впити имъ во свою страну, и идемъ на нихъ Богоматере помощи, аще въсхоцетъ Владычица подати намъ победу надъ врагы своими, вся убо ей возможна. Но не отягчайтесь! Своего ради благочестиа идемъ и начнемъ, да Богомати совершитъ ны. Азъ же преди васъ начну съ врагы братися!»

Велможи же слышаше таковая от устъ ея, и охрабрив-

ишеса, и собравшеса вси, и рекоша: «Дерзай, госпоже, дерзай!»

И повеле Динара собрати вся воя своя, и поиде самодержкательница к Тевризѣ в Шарбенский монастырь, к Пречистой Богоматери, помолитися о дарованней помощи, пещи и необувенныма ногами по острому камению и жестскому пути. И пришедъ въ Пречистой Богородицы храм, и паде предъ образомъ ея и рече: «Владычице-дево, госпоже Богородице! Въ твоёмъ жребии державствую по твоему преданию, еже ми еси предала своимъ милосердиемъ, отца моего приала еси, мне же, немощной чяди, власть вручила еси над своимъ достояниемъ державствовати. Но виждь, госпоже, гордаго сего и свирепаго персина, надеюща на ся и уповающа на множество воинства своего. Азъ же, царице, надеюсь на тя, и уповаю на милосердие твое, и помощи от тебе прошу. Не дай, госпоже, своего достояния в поправление врагомъ своимъ, но стани в помощь нашу, и не возвыси надеющихся на ся, и не уничижи уповающихъ на тя! Но, о Владычице, потщися на враги, и ускори на помощь нашу, и даруй храбрѣство немощной чяди, и сокруши врагы своя, и покори под ноги верующимъ в тя. Аще, госпоже, твоимъ посещениемъ и непобедимымъ воеводствомъ Богоматере побегну враги твоя, и вся намъ преданая тобою от перскихъ сокровищъ да не восприиму на расхищение, но дамъ, госпоже, в домы твоя, на украшение церквамъ твоимъ, и на воспоминание твоеа помощи и заступления, еже покажеша милость во своемъ жребии!»

И изыде изъ церкви, и седе на конь свой, и рече къ всемъ воеводамъ своимъ: «Друзи и брати! Азъ главу свою положити напередъ васъ хошу за достояние Богоматере, и за наше благочестие, и за все православие нашея дръжавы. Аще ли и вы тако жъ сътворите, Богъ да поспешитъ намъ и Пречистая Богомати его да подасть намъ помощь. Аще ли не сотворите, Богъ да съкрушитъ васъ, и Пречистая Богомати его да предасть васъ в работу и в расхищение, якоже израильскыхъ иереевъ!»

И поиде изъ своея дръжавы въ сретение персина.

И приближися къ перскимъ полкомъ, и вземъ копие в руку, и ударися скоро на персьскія полки, возопи гласомъ велиимъ въ услышание обоимъ полкомъ: «Господа нашего Иисуса Христа силою и Пречистыа его Матере помощьюъ да побегну перси!» И удари персина копиемъ, и пронзе.

И от гласа таковаго побегоша персы. Она же и вся воя ея погнаша ихъ и сечяху безъ милости; ять царя перскаго, и отъять главу его Динара царица, и вънзе на коние

свое, и несе ю въ град Тевриз перский. И прият град, и пленивъ, и взя вся сокровища предних царей: камень многоценное и блюдо, с него же, глаголють, Навходоносоръ царь яде, и бисеру драгаго, злата же множество много. И возложи дань на Тевризь, на свою потребу — на масти драги, а с Шамахии повеле на своя воя конския подковы имати. А прочая грады раздаде вельможамъ своим.

И возвратися во свою страну показавши славную победу Богоматерию, непобедимую победительницею, враги гордыя победи.

Такову бо Пречистая дарова помощь немощной чяди, и такову храбрость показа женскимъ ополчениемъ, и от таковаго гласа девицы толикое множество перских вои устращися, и таковымъ девица пронзениемъ копиа смути, и таковую скоростию девичью и от гласа ея перси вси от страха омертвеша, и таково дерзновенье девицы дарова в чуждую страну, и такову державу немощной чяди вручи, и таковъ разумъ дарова Богомати!

И пришел Динара царица въ свою страну, и преданное ей Богоматерию сокровища царская, обещание свое исполни: блюдо златое, и камень, и бисерь, и злато, и вся царския потребы, еже от перских имений, раздаде в дома Божии въ своей области, и не прикоснуса ни ко единому от царских сокровищъ.

И нача дръжавъство свое тихо и немятежно, и от персъ имаше дань и до преставления своего. И никто же не смеаше от того времени дръзнути на ню от окрестныхъ еа странъ, и повсегда Пречистые заступлениемъ пребывают, никим же обладаеми.

И правяше власть свою 38 лет и шесть месяць. И по преставлении своем предаде власть сродником своимъ. И погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри.

Даждь до днесъ неразделно дръжавъство Иверьское пребываетъ.

Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврейскаго, от колена Июдина.

Богу нашему слава и Пречистой его Матери в веки. Аминь.

Повесть о царице Динаре

Перевод

Дивная и мужественная повесть о храбрости и мудрости
целомудренной девицы Динары царицы,
дочери иверского царя Александра

Когда умер иверский государь Александр Мелек, у него не было детей мужского пола, но только одна дочь осталась, пятнадцати лет, очень разумная и мужественная, и решила она не выходить замуж, и передал ей отец управление государством. Она же была мудрой и разумной правительницей и начала править по заветам отца своего, и было это во времена персидского царя.

Царство царицы Динары. С самого начала правления показала она любовь к управителям своим, милость к народу и праведный суд. И больше всего любила она Божественное Писание, читала о прежних царях и государях, какими они были и как они правили, и от этого чтения научилась она воинской храбрости. Как пчела собирает мед с цветов, так и эта Динара собирала мудрость из

исторических книг. И со многой кротостью правила она государством своим и имела о нем великую заботу. Как хороший кормчий заботится о том, чтобы провести корабль через морскую пучину, так и она заботилась, чтобы государство ее жило в мире.

И дошел слух до персидского царя, что умер Александр и что власть в Иверии перешла в руки дочери его, царевны Динары. И задумал перс захватить Иверию и унижить веру их — веру в Христа, — и послал к ней посольство с такими словами: «Если хочешь милость от меня получить и править своим государством, то вдвое больше прежних дары приноси нашему величеству. Если же так не сделаешь — не разрешу тебе править, но изгоню. Если же ты быстро не послушаешься меня, тогда и величество мое на себя разъяришь, и милости никакой от меня не получишь».

Царица же Динара, приняв посольство персидское, пришедшее к ней с такими словами, послала к персу своих послов и дары послала бóльшие, чем отец ее посылал, и так ему ответила: «Ты не разрешаешь мне государством управлять, но власть я приняла не от тебя, от Бога она дана мне, свыше. Разве ты владеешь частью жребия Богоматери? Но не поэтому я послала эти дары к тебе. Вы, персы, соблюдаете басурманский закон, у нас же закон истинный. Почему же ты держишь такие речи и так величаешься, хотя ты тленен и нет тебе на это соизволения свыше!»

И увидел перс посольство ее, пришедшее с таким ответом, и не принял даров ее, но со звериной злобой своей отпустил посланников ее обратно без чести, сказав им: «Милость даю вам: если хотите царствовать, то повелеваю вам остаться в одних исподних рубашках, если же не согласны — иду на вас со всем своим многочисленным войском, захвачу тебя и всех вельмож твоих с тобою!»

Динара же царица, услышав такие речи от посланников персидского царя, отправила их назад, сказав: «Со столь сильным ополчением ты собираешься идти против меня, немощного подростка, девицы! Если и победишь меня — чести не получишь, так как окажется, что победил ты слабого ребенка. Если же я приму от Христа, Бога моего, победу на тебя и получу помощь Божьей Матери, и женской ногой наступлю на твое царское тело, и отсеку голову твою, тогда неслыханной сподоблюсь чести, царя персидского победив женской храбростью; иверским женам буду в похвалу, а персидским царям будет позор».

И, услышав это, перс разъярился люто и пошел со многим ополчением на страну ее.

И стала царица Динара вельмож своих посылать против персидского войска. Они же сказали ей: «Как можем мы сопротивляться многочисленному войску и выступить против таких персидских полков?» Динара же царица ответила им: «Вспомните Девору и Гедеона, как они победили множество воинов мадианитянских! Не Бог ли даровал им победу? И теперь тот же Бог наш и наша заступница Пречистая Богородица! Не сокрушайтесь! Неужели теперь не вооружимся мы против иноверных и за свою веру не умрем? Умрем же с честью! Неужели предадим себя в рабство? Какую худую славу разнесем мы о своем благочестии, посрамленные и всеми позабытые погибнем! Станьте мужественными, отбросьте женскую слабость! Если долины наполняются водой во время дождей и имеют излишнюю влагу, а потом вдруг через некоторое время от сильного солнечного зноя влага высыхает, то долгое время земля будет не только сухой, но и бесплодной, и трудно будет получить плоды с нее. Так и в державе нашей: народ умножился и расселился всюду; когда же победят нас персы и захватят в плен, как сможем вновь соединиться и какой чести достойны будем, если не проявим храбрости и дадим себя запугать, предадим свое благочестие! Отбросим же от себя женскую немощь и позаботимся о своих сокровищах. Если жена зачнет дитя во чреве, то с этих пор она постоянно готова; так и вам, богатство и честь получившим, надлежит быть готовыми; вы же гордости наполнились, предаете народ единоверный свой и забыли о любви к своим единокровным! После же сами возрыдаете и будете повержены, как последняя ветошь, брошенная на землю, которую топчут ногами и которая никому не нужна. Забудьте о гордыне, и отбросьте страх, и укрепитесь мужеством, чтобы не пленили вас персы, и не рассеяли вас, и не расхитили богатство ваше! Почему так долго медлим? Быстро выступим против варваров, ведь и я, девица, иду против них; я восприму мужскую храбрость, забуду про женскую немощь, укреплюсь мужским разумом, препояшу бедра свои оружием, возложу на себя броню и шлем на женскую голову, возьму копьё в девическую руку, вступлю в стремя воинского ополчения, но не хочу слышать угрозы врагов своих пленить жребий Богоматери — державу, врученную нам от нее! Эта царица подаст нам храбрость и помощь в защиту своего достоинства. Персы торопятся и даже ночи без сна проводят; и

кони их устали от великих трудов днем и ночью. Когда роженице приближается время родить, находится она в постоянном напряжении тела своего; так и персы находятся в великой усталости. Но быстро выступим против них и не дадим им войти в страну нашу, идем на них — с помощью Богоматери; если Владычица захочет, то даст нам победу над врагами нашими, ведь ей все возможно. Не сокрушайтесь! Защищая свое благочестие, идем против врага и начнем бой, а Богоматерь закончит наше начинание. Я же впереди вас начну сражаться с врагами!»

Вельможи, услышав это из уст ее, исполнились мужества, собрались все и сказали: «Дерзай, госпожа, дерзай!»

И велела Динара собрать всех воинов своих, и пошла самодержица к Тевризу, в Шарбенский монастырь, к храму Пречистой Богоматери, помолиться о даровании помощи, пошла пешком и босыми ногами по острым камням и твердой дороге. И, придя в храм Пречистой Богородицы, упала перед образом ее, и сказала: «Владычица-дева, Госпожа Богородица! В твоём жребии управляю я государством по твоему завету, в той стране, что ты передала мне своим милосердием после того, как призвала к себе отца моего; мне же, слабому ребенку, вручила власть над своим достоянием, править государством. Но посмотри, госпожа, на этого гордого и свирепого перса, самонадеянного и уповающего на многочисленность своего войска. Я же, царица, надеюсь на тебя, и уповаю на милосердие твое, и помощи от тебя прошу. Не дай, госпожа, попрасть врагам твое достояние, но приди к нам на помощь, не возвысь тех, кто надеется сам на себя, и не унизь тех, кто уповает на тебя! Устремись, Владычица, на врагов, приди скорее на помощь к нам, даруй мужество слабому ребенку, сокруши врагов своих и покори их под ноги тех, кто верует в тебя. Если, Госпожа, твоим участием и непобедимым воеводством я одержу победу над врагами твоими, то все персидские сокровища, преданные нам по твоей воле, не расхищу, но дам, госпожа, в дома твои, на украшение храмов твоих, на память о твоей помощи и заступничестве, если ты покажешь милость к нашей стране — к твоему достоянию по жребию!»

И вышла Динара из церкви, и села на коня своего, и обратилась ко всем воеводам своим: «Друзья и братия! Я гилосу свою положить прежде вас хочу за достояние Богоматери, за наше благочестие и за все православие нашего государства. Если и вы также поступать будете, Бог поспешит к нам на помощь и Пречистая его Богоматерь

помощь нам свою подаст. Если же не поступите так, пусть Бог сокрушит вас и Пречистая его Богоматерь пусть предаст вас в рабство и в разграбление, как некогда иереев израильских».

И пошла Динара из своей страны навстречу персу.

И приблизилась она к полкам персидским, взяла копьё в руку и бросилась быстро на персидские полки, воскликнула громким голосом так, что слышали оба войска: «Силою господина нашего Иисуса Христа и помощью Пречистой его Матери пусть бегут персы!» И ударила перса копьём, и пронзила его.

И от такого сильного возгласа побежали персы. Она же и все воины ее гнали их и секли без милости; захватила Динара царя персов и отсекла ему голову, и надела ее на копьё свое, и понесла так в Тевриз, персидский город. И захватила город, и большой полон, и взяла все сокровища прежних царей: драгоценные камни и блюдо, с которого, как говорят, сам царь Навуходоносор ел, и жемчуг драгоценный, и великое множество золота. И возложила дань: с Тевриза стала брать дань для себя — драгоценные благоволия, а с Шемахи — дань для своих воинов стала брать — конские подковы. А остальные города раздала своим вельможам.

И возвратилась в страну свою со славною победой, одержанной с помощью Богоматери, непобедимой победительницы, врагов гордых победила.

Такую помощь Пречистая Богородица даровала слабому ребенку, такую храбрость показала она женским ополчением, от такого сильного воинского клича девицы такое множество воинов персидских утрашилось, и в смятение пришло от такого девического умения пронзить копьём, и от такой быстроты девушки-военачальника, и от голоса ее персы все от страха помертвели, и такую дерзость даровала она девице — идти войной в чужую страну, и такое государство вручила ей, слабому ребенку, в управление, и такой разум ей даровала Богоматерь!

И пришла Динара царица в свою страну, и выполнила свое обещание о персидских сокровищах, данных ей Богоматерью: блюдо золотое, и камни, и жемчуг, и золото, и все царские украшения, которые взяла у персов, раздала в храмы Божии в своей стране и не прикоснулась ни к одному из царских сокровищ.

И начала править тихо и немятежно, и брала она дань с персов до самой своей смерти. И с тех пор никто из окрестных стран не смел напасть на нее, и навсегда ее стра-

на находится под покровительством Пречистой Богоматери, никто из врагов ее не захватил.

И правила Динара тридцать восемь лет и шесть месяцев. И после смерти своей передала власть над страной родственникам своим. И погребена она была в Шабенском монастыре.

И до наших дней государство Иверское не разделено.

Говорят же о правителях Иверии, что они происходят от рода Давида, царя еврейского, от колена Иудипа.

Богу нашему слава и Пречистой его Матери вовеки. Аминь.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Повесть от жития святых новых чудотворец муромских, благовернаго, и преподобнаго, и достохвалнаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида, и супруги его, благоверныя, и преподобныя, и достохвалныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Еуфросинии. Благослови, отче

Догоу Отцу, и сприсносущному слову Божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому Божию естеству безначалному, купно в Троицы воспеваемому, и хвалимому, и славимому, и почитаемому, и превозносимому, и исповедуемому, и веруемому, и благодаримому, содетелю и творцу невидимому и неопisanному, искони самосилно обычною си премудростию свершающему, и строящему всяческая, и просвещающему, и прославляющему, еже хотящу, своим самовластиемъ. Яко же бо исперва сотвори на небеси аггелы своя, духы и слуги своя, огонь палящъ, умнии чинове, бестелесная воинства, их же не исповедимо величество есть, тако и вся невидимая сотвори, о них же недостижно есть уму человеческу. Видимая же небесная стихия сотвори: солнце, и луну, и звезды. И на земли же древле созда человека по своему образу и от своего трисолнечнаго божества подобие тричислено дарова

ему: умъ, и слово, и духъ животен. И пребывает в чело-
вечех умъ, яко отецъ слову; слово же исходит от него, яко
сынъ посылаемо; на нем же почиет духъ, яко у коегождо
человека изо усть слово без духа исходити не может, но
духъ с словом исходит, ум же началствует. И да не про-
должим слова в твари человечестей, но на предлежащее
возвратимся.

Богъ же безначальный, создав человека, почти и, надо
всем земным существом царем постави и, любя же в чело-
вечестем роде вся праведники, грешныя же милуя, хотя
бо всех спасти и в разум истинный привести. Егда же
благоволением Отчим и своим хотением и споспешеством
святаго Духа единый от Троица Сынъ Божий, не ии ни
иначе, но той же Богъ слово Сынъ Отчь, благоволи родити-
ся на земли плотию от Пречистыя девица Мария, и бысть

человекъ, еже не бе не преложив божества; еже бе на земли ходя, никако же отчих недръ отлучися. И во страсть его божественное его естество безстрастно пребысть. Безстрастие же его неизреченно есть, и невозможно есть никакою притчею сказати, ни мощно к чесому приложить, занеже все тварь его есть; в твари же его разумеваем безстрастие, ибо аще какову древу стоящу на земли, солнцу же с небеси сияющу на нь, в ту же годину древу тому, аще ключится посекаему быти и сим страдати, ифиръ же солнечный от древа того не отступит, ниже спосекается з дровом, ни стражет.

Глаголем же убо о солнце и о древе, понеже тварь его есть; жижител же и содетель неизглаголим есть. Сей бо пострада за ны плотию, грехи наша на кресте пригвозди, искупив ны миродержителя лстца ценою кровию своею честною. О сем бо рече сосуд избранный Павел: «Не будите раби человеком, куплени бо есте ценою». По распятии же Господь наш Исус Христось тридневно воскресе, и в четыредесятный день вознесеся на небеса, и седе одесную Отца, и в пятидесятный день ото Отца послав Духъ святыи на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просветиша верою, святым крещением.

И елицы во Христа крестишася, во Христа облекошася. Аще ли же во Христа облекошася, да не отступают от заповедей его, не яко же лстцы и блазнители по крещении оставльше заповеди Божия и лстяще ся мира сего красотоми, но яко же святии пророцы и апостоли, тако же и мученицы и вси святии, Христа ради страдавшие в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениях, в трудех, в бдениих, в пощениих, в чищениях, в разуме, в долготерпении, во благодати, в Дусе святе, в любви нелицемерне, в словеси истинне, в силе Божии, — иже сведоми суть Единому, ведущему тайны сердечныя. Ими же землю просветил есть, яко же небо звездами украси, и почтив их чудотворенми, овых убо молитвъ ради и покаяния и трудов, овых же мужества ради и смирения, яко же сих святых прослави, о них же нам слово предлежит.

1

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержествуяи благоверный князь, яко поведяху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеку дьявол всели неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты, яко

же быше и естеством; приходящим же людям являшеся, яко же князь сам седяше с женою своею. Теми же мечты многа времена приедоша. Жена же сего не таяше, но поведаше князю, мужеви своему, вся ключшаяся ей. Змий же неприязнивый осили над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумеяшеся. И рече жене си: «Мыслю жепо, но недоумеюся, что сотворити неприязни тому? Смерти убо не вем, како нанесу на нь? Аще убо глаголеть к тебе какова словеса, да воспросиши и с лестию и о сем: вест ли сей неприязнивым духом своим, от чего ему смерть хоцет быти? Аще ли увеси и нам поведашеши, свободишися не токмо в пынешнем веце злаго его дыханиа и сипения и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши». Жена же мужа своего глаголь в сердцы си твердо приимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же, добру память при сердцы имея, глаголь с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многи инья речи, и по сих с почтением вопросив его, хваля, рече бо, яко: «Много веси, и веси ли кончину си, какова будет и от чего?» Он же, неприязнивый прелестник, прелщен добрым прелщением от верныя жены, яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча». Жена же, слышав таковую речь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведаша князю, мужеви своему, яко же рекль есть змий. Князь же, то слышав, недоумеяшеся,— что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

Имеяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра. Во един же от дний призвав его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекль есть жене его. Князь же Петръ, слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити не сумняся мужестве, како бы убити змиа. Но и еше быше в нем мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычай ходити по церквам уединяся. Бе же вне града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хоцещи ли, да покажу ти Агриков мечь?» Он же, хотя желанне свое исполнити, рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди вслед мене». И показа ему во олтарной стене между керемидома скважню, в ней же лежаще мечь. Бла-

говерный же князь Петръ взем меч той, прииде и поведа брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убиет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти в храмину к брату своему и том же часе шед к сносе своей во ину храмину и виде у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, встрети некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносе моей, брат же мой оста в своем храму, мне же, не косневшу никамо же, вскоре пришедшу в храмину к сносе моей, и не свем и чюжуся, како брат мой напреди мене обретеса в храмине у снохи моея?» Той же человекъ рече ему: «Никако же, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своая храмины!» (Он же разуме быти пронырство лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда убо семо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоей в храмину, и видех тя с нею сидяща, и чюдяхся, како напред мене обретеса. Приидох же паки, ничто же нигде паки помедлив, ты же, не вем, како мя предтече и напред мене zde обретеса?» Он же рече: «Никако же, брате, ис храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своая никако же бех». Князь же Петръ рече: «Се есть, брате, пронырство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотел убити его, яко непщюя тебе своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никако же иди, аз же тамо иду братися со змием да некли Божиею помощию убиен да будет лукавый сей змий».

И взем меч, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, и виде змия зраком аки брата си, и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явися, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися, и бысть мертвъ, и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачей исцеления, и ни от единого получи.

II

Слыша же яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли, и повеле себе тамо повести, не бе бо сам мощен на кони сидети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязаньския земли и посла синклит свой весь искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь,

нарицающуся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом и не бе, кто бы его чюль. И вниде в храмину и зря видение чюдно: сидяше бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!» Юноша же той не внят во умъ глаголь тех, рече к девице: «Где есть человекъ мужеска полу, иже zde живет?» Она же рече: «Отець и мати моя поидоша взаем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети».

Юноша же той не разуме глаголь ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси, и глагола к девицы: «Внидох к тебе, зря тя делающу, и видех заец пред тобою скача, и слышу ото устну твоею глаголы странны некаки, и сего не вем, что глаголеши. Первые бо рече: нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию. Про отца же твоего и матеръ рече, яко идоша взаим плакати, брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрети». И ни единого слова от тебе разумех!»

Она же глагола ему: «Сего ли не разумеши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте. Аще бы был в дому наю пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моей отроча и видев тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матеръ и про брата, яко отецъ мой и мати моя идоша взаем плакати — шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: се есть заимованный плач. Про брата же ти глаголах, яко отецъ мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древия вземлют. Брат же мой ныне на таково дело иде, и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги в нави зрети».

Глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повежь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра, служай ему. Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови непризвиваго летящаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачей и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша zde мнози врачеве. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же

рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе! Аще кто уврачует и, князь мой дасть ему имение много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его?» Она же рече: «Да приведеши князя твоего семо. Аще будет мяхкосердъ и смирен во ответех, да будет здрав!»

Юноша же скоро возвратися ко князю своему и поведи ему все подробну, еже виде и еже слыша. Благоверный же князь Петръ рече: «Да везете мя, где есть девица». И привезоша и в дом той, в нем же бе девица. И посла к ней ото отрок своих глаголя: «Повеж ми, девице, кто есть хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и возмет имение много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь хотя и врачевати, но имения не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть врачевати его». И пришед человекъ той, поведи князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петръ, яко не брегий словеси ея, и помысли: «Какъ князю сущу древолазца дщи пояти себе жену!» И послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачество ея, да врачует. Аще ли уврачует, имам пояти ю себе жене». Пришедше же реша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея, и дуну на ня, и рек: «Да учредят князю вашему баню, и да помазует сим по телу своему, идеже суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здравъ!»

И принесоша к нему таково помазание. И повеле учредити баню. Девицу же хотя во ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. Посла к ней съ единым от слуг своих едино повесмо лну, рек, яко: «Си девица хочет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу, и порты, и убрусецъ в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повесмо лну и дасть ей и княже слово сказа. Она же рече слуге: «Взыди на пещь нашу и, снем з гряд поленце, снеси семо». Он же, послушав ея, снесе поленце. Она же, отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сий утипок поленца сего, и шед даждь князю своему от мене, и рцы ему: в кий час се повесмо аз очецу, а князь твой да приготovit ми в сем утинце станъ и все строение, киим сочтется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок поленца и речъ девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невозможно есть в

такове мале древце и в таку малу годину сицева строения сотворити!» Слуга же пришед, сказа ей князю речь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть, человеку мужеска возрасту въ едином повесме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сотворити срацицу, и порты, и убрусець?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлесея ответу ея.

И по времени князь Петръ иде в баню мытися и повелением девица помазанием помазая язвы и струпы свои. И един струп остави не помазанъ по повелению девицы. Изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрии же узрев си все тело здорово и гладко, развие единого струпа, еже бе не помазал по повелению девицю. И дивляшесея скорому исцелению. Но не восхоте пояти ю жену себе отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петръ поехав во отчину свою, град Муром, здравствуяи. На нем же бе един струп, еже бе не помазан повелением девичим. И от того струпа начаша многи струпы расходитися на теле его от перваго дни, в онъ же поехав во отчину свою. И бысть паки весь острушен многими струпы и язвами, яко же и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостью слово дасть ей, яко имат пояти ю жену себе. Сня же паки, яко и преже, то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре исцеление получив, поят ю жену себе. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничто же от Божиих заповедей оставляюще.

III

По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего. Благоверный же князь Петръ по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгиня же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея; Богу же прославляющу ю добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде ко благоверному князю Петрови навадити на ню, яко: «От коегождо, — рече, — стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благоверный же князь Петръ, хотя ю искусити, повеле да обеду-

ет с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же, яко же обычай имейше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петръ приим ю за руку и, развед, виде ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему съ яростию боляре его, ркуще: «Хощем, вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя, но княгини Февронии не хощем, да господствует женами нашими. Аще хощеши самодержцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взем богатство довольно себе, отоидет, амо же хощет!» Блаженный же Петръ, яко же бе ему обычей, ни о чесом же ярости имея, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же рчет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившеся безстыдия, умыслиша, да учредят пиръ. И сотвориша, и егда же быша весели, начаша простирати бестудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святых Божий даръ, его же ей Богъ и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и боляре глаголють тебе: дай же нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, его же просита!» Они же, яко единеми усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхут, яко господствуеши над ними. Взем богатство довольно себе, отоидеши, амо же хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аци просите — примете. Аз же вам глаголю: дадите мне его же, аще аз вопрошу у ваю». Они же, злии, ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко: «Аще рчеши, единою без прекословия возмеши». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супруга моего, князя Петра!». Реша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мыслей, яко аще не будет князь Петръ, да поставят себе инаго самодержьцем: кийждо бо от боляръ во уме своем держаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержавства, кроме Божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещаает. Рече бо, яко иже аще пустит жену свою, разве словеси прелюбодейнаго, и оженился иною, прелюбы творит. Сей же блаженный князь по Еуангеллию сотвори: одержание свое, яко уметы вмени, да заповеди, Божия не разрушит.

Они же, злочестивии боляре, даша им суды на реце —

бѣше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человекъ у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человекъ, приим помысль от лукаваго беса, возрев на святую с помыслом. Она же, разумев злый помысль его вскоре, обличи и, рече ему: «Почерпи убо воды из реки сѣя с сѣю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пить. Она же рече: «Равна ли убо сѣ вода есть, или едина слажешѣ?» Он же рече: «Единая есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женско есть. Почто убо, свою жену оставя, чужія мыслиши?» Той же человекъ, уведѣ, яко в ней есть прозрения даръ, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезе. Блаженный же князь Петръ яко помышляти начат: «Како будетъ, понеже волею самодержѣства гонзнувъ?» Предивная же Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый Богъ, творец и промысленикъ всему, не оставит нас в низшете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче поваръ его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония, ходящи по берегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сѣя на утрии дровие велико, имущи ветви и листовие». Еже и бысть: вставши бо утре, обретоша тыя древца велико дровие имуще ветви и листовие.

И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды со брега, приидоша же велможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже! От всех велмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвративши на свое отечествие. Мнози бо велможа во граде погибоша от меча. Кийждо их хотя державствовати, сами сѣ изгубиша. А оставшии вси со всем народом молят тя, глаголюще: господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господствует женами нашими, ныне же, со всеми дома своими, раби ваю есмы, и хощем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!»

Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И беху державствующе во граде том, ходяще во всех заповедех и оправданных господних бес порока, в молбах непрестанных и мило-

стынях и ко всем людем, под ихъ властью сущим, аки чадолюбивии отецъ и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатства тленнаго щадяще, но в Богъ богатеюще. Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наймника. Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию правяще. Странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напасти избавляюще.

IV

Егда же приспе благочестное представление ею, умолиша Бога, да во един час будет преставление ею. И совет сотворше, да будут положена оба въ едином гробе, и повелеша учредити себе въ едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи между собою. Сами же въ единое время облекошася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петръ во иноческом чину Давидъ, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиния.

В то же время проподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиния, во храм Пречистыя соборныя церкви своима рукама шияше воздух, на нем же бе лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, прислав к ней, глаголя: «О сестро Еуфросиния! Хочу уже отоитти от тела, но жду тебе, яко да кунно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошию воздух во святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хочу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дело воздуха того святаго шияше, уже бо единого святаго риз еще не шив, лице же нашив; и преста, и вотче иглу свою в воздух, и преверте нитью, ею же шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помолився, предаста святая своя душа в руце Божии месяца июня в два десять пятый день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный князь Петръ внутрь града, у соборныя церкви Пречистыя Богородицы, Феврония же вне града в женстем монастыри, у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко во мнишестем образе неугодно есть положити святых въ едином гробе. И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тело вложиша во особый

гроб и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородицы до утриа, святыя же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тело вложиша во особый гроб и поставиша вне града в церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста. Общій же гроб, его же сами повелеша истесати себе въ едином камени, оста тощ в том же храме Пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обретоша гроби их особыя тщи, в ня же их вложиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборней церкви Пречистыя Богородицы въ едином гробе, его же сами себе повелеша сотворити. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятущеса, тако и по честнем ею преставлении: паки преложиша я во особыя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обретошася святии въ едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я во едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рождества пресвятыя Богородица внутрь града, еже есть дал Богъ на просвещение и на спасение граду тому: иже бо с верою пририпуща к раце мощей ихъ, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от Бога власть убити летящаго свирепаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женстей главе святых муж мудрость имела еси! Радуйся, Петре, яко струны и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпел еси! Радуйся, Февроние, яко от Бога имела еси даръ в девственней юности недуги целити! Радуйся, славный Петре, яко заповеди, ради Божия самодержъства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину ночь малое древие велико возрасте и изнесоша ветви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смиреннии, и молитвах, и в милостыни без гордости поживиста; тем же и Христось дасть вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преоблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вы, о преоблаженная супруга, да помолитесь о нас, творящих верою память вашу!

Да помянете же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах, неведый, аще инии суть написали, ведуще выше мене. Аще убо грешен есмь и груб, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надеяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хва-

дами почитити, и не у хвалы коснухся. Хотех вама ради
вашего смиреннаго самодержьства и преподобьства по пре-
ставлении вашем венца цлести, и не уплетения коснухся.
Прославлению бо есте и венчани на небесех истинными
нетленными венцы ото общаго всехъ владыки Христа.
Ему же подобает со безначалным его Отцем купно и с пре-
святымъ, благим и животворящим Духом всяка слава,
честь и поклонение ныше и присно и въ веки векомъ.
Аминь.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Перевод

Повесть о житии новых муромских святых чудотворцев, благоверного, и преподобного, и достойного похвалы князя Петра, названного во иночестве Давидом, и супруги его, благоверной, и преподобной, и достойной похвалы княгини Февронии, названной во иночестве Ефросинией. Благослови, отче

лава Богу Отцу, и вечно сущему слову Божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому и безначальному Божию естеству, воедино в Троице воспеваемому, и восхваляемому, и прославляемому, и почитаемому, и превозносимому, и исповедуемому, в которого веруем и которого благодарим, создателю и творцу невидимому и неопisanному, изначала по своей воле своею премудростию все свершающему, и создающему, и просвещающему, и прославляющему тех, кого изберет по своей воле. Прежде всего сотворил он ангелов своих на небесах, духов и слуг своих, огонь налящий, чины ангельские, бес-телесное воинство, силу которого нельзя описать, все сие невидимым для нас сотворил, так что непостижимо это

уму человеческому. Сотворил и видимые небесные стихии: солнце, и луну, и звезды. На земле же издревле создал человека по своему образу и, подобно своему трехсолнечному божеству, три качества даровал ему: разум, речь и душу. И разум человека является словно отцом слов его; слово же исходит от ума, как посылаемый отцом сын; на слове же почиет дух, потому что уста каждого человека слов без духа произнести не смогут, но слово с духом исходит, а разум руководит. Да закончим слово о сути человеческой и возвратимся к тому, о чем начали речь.

Бог же, не имеющий начала, создав человека, оказал почет ему — над всем, что существует на земле, поставил царем и, любя в человеческом роде всех праведников, грешников же прощая, захотел всех спасти и привести в истинный разум. С Отчего благословения, по своей воле и с помощью святого Духа единый от Троицы — Сын Божий не кто иной, как Бог — слово, Сын Отца, соблаговолил родиться во плоти на земле от Пречистой девы Марии и стал человеком, не потеряв божества своего; и, хотя по земле ходил, он отчих недр не отлучился. И когда принял мучение, то божественная сущность его не подверглась страданиям. И бесстрашие это его невозможно определить, и никаким иносказанием не выразишь этого, ни с чем не сравнишь, потому что всё создано им самим; и в творениях его есть бесстрашие — ведь вот, если дерево стоит на земле и солнце озаряет его и в это время окажется, что дерево то начнут срубать, и в этом заключается его страдание, то эфир солнечный, заключенный в нем, из него не исчезнет, тем более не погибнет с деревом, не страдает.

Говорим же о солнце и о дереве потому, что это им сотворено, создатель же и творец этого человеческими словами определен быть не может. Он ведь плотью пострадал за нас, грехи наши к кресту пригвоздив, искушив нас у дьявола ценою крови своей честной. Об этом так сказал избранник Божий Павел: «Не будете рабами людей, ибо искуплены дорогой ценой». А после распятия, через три дня, господь наш Иисус Христос воскрес, и на сороковой день вознесся на небо и сел одесную Отца, и на пятидесятый день волею Отца ниспослал Дух святой на святых своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И те, кто во имя Христа крестились, должны Христу служить. А если служат Христу, пусть не отступают от заповедей его и живут не так, как обманщики и лжецы, после крещения забывшие заповеди Божии и прельстив-

шиеся соблазнами мира сего, но как жили святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благодати, пребывая в Духе святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе Божьей — все они известны Единому, который знает все тайны сердечные. Ими Господь землю просветил и украсил ее, как небо звездами, почтил их даром чудотворения, — одних ради молитв, и покаяния, и трудов их, других же — твердости их ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых будет наша повесть.

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, каким был на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилиставишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с лъстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши

тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквям. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это,

брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел взять себя туда — из-за тяжелой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли займы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли займы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал

меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаимы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаимы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойдя и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струнья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И онять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз,— говорил он,— окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним, за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько по-

желает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой сторо-

ны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженя отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кро-

тостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, в преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма Пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви Пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного

камня, остался пустым в том же городском соборном храме Пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви Пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: принадлежащие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставляя супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповаю и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого

правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

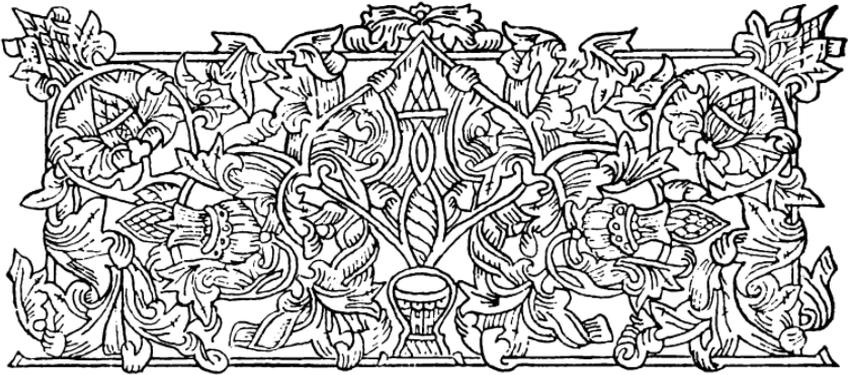
Повесть о целомудренной вдове

ва купца от единогоа веси беста имуща любовь себе, единъ же ею бе богатъ зело, другий же не потолику, жену же имеяше зело краснейшу и целомудрену, яко же вещь последи показати хочеть; оумершу бо мужу ея, оста вдовствующи. Купецъ же онъ другый, ведый добродетель са и целомудрие, восхоте пояти ю себе в жену, срамляше же ся рещи ей, еда како не восхочеть; имяше же всегда помысль на ню. Она же, разумна сущи, разуме что хочеть сотворити, и единою глагола ему: «Брате и господине Семионе! Вижу тя от помышления смущаема, но рци ми без всякаго сумнения яже хочещи, и аще мощно будетъ извещу ти». Онъ же первее стыдяшеса извещати вещь, последи же исповеда и моляше сию пояти себе жену; она же обеща ему, аще сотвориши. «Яже ти заповедь дамъ, и азъ сотворю волю твою». Глагола ей: «Иже аще заповедаеши ми, сотворю вскоре». Рече же ему: «Иди в домъ свой, и ничтоже вкуси, дондеже призову тя». Онъ же с радостию обеща сотворити. Не дасть же ему днии оуречены, когда призоветъ его. Минувшу же первому и второму

и третьему дню, и не призва его; онъ же любве ради са терпяше крепко, Богу сиа по смотрению сотворшу, ведущему где хощеть призвати его. В четвертый же день посла к нему. Онъ же вмале не исчезе гладомъ и не возмогъ ногами своими приити от изнеможения, обаче носимъ некимъ прииде. Она же уготовавше трапезу и постелю такоже, и глагола ему: «Се трапеза и одръ; что повелеваеши преже сотворити?» И рече ей: «Помилуй мя, даждь ми преже вкусити, повеже исчезаю, ниже помысла имамъ что есть жена от одержащаго мя глада». Тогда глагола ему она: «Се егда взалка, и мене и всяки похоти забы, точию да хлеба насытисися; егда же придуть ти сицевые помыслы, такову лечбу поста восприими, и избависися всякаго помысла лукава. Веру же ими ми, брате, яко по смерти мужа моего ничтоже тебе или иному совокуплюся николиже, по покровомъ Христа моего сице пребуду в чистоте». Тогда умилился мужъ и почюдився разуму ея и целомудрию, и глагола ей: «Понеже благоизволи Богъ спасти мя твоего ради разума, что совещаеши ми сотворити?» Она же боящися оуности ради и сущу ей красоты бояшеся, да не како и сама времени зовущу сицево постражетъ, и глагола ему: «Мню, яко не любиши никоже Бога ради, якоже мене; азъ же во истину Бога ради люблю тя; но понеже заповедь имамы владыки нашего Бога, глаголюща: аще кто хощеть по мне ити, и не возненавидитъ отца, и мать свою, и жену свою, и чада, и братию свою, и сестры, и сродники своя, и еще же и душу свою, но можетъ быти мой оученикъ, и аще хощеши да совещаю ти: оудалимъ себе другъ от друга яко да вменить и тебе Господь яко отречеса жены своеа его ради; мне же такоже да вменится яко отрекохся мужа моего, и се оуже монастырь есть в стране нашей, и аще всяко желаеши отврещися мира, тамо шедше отрещися и оугодиши во истину Богу». Онъ же абие расточивъ богатство свое нищимъ, иде в монастырь онъ, и пребысть до смерти своеа, и бысть искусенъ инокъ. Подобно же блаженнаа и целомудреннаа она, шедъ в монастырь женский, и оугоди Богу. Сия же вся самый онъ отецъ Семионъ исповеда намъ, и прославихомъ Бога.

Повесть о благочестивом рабе

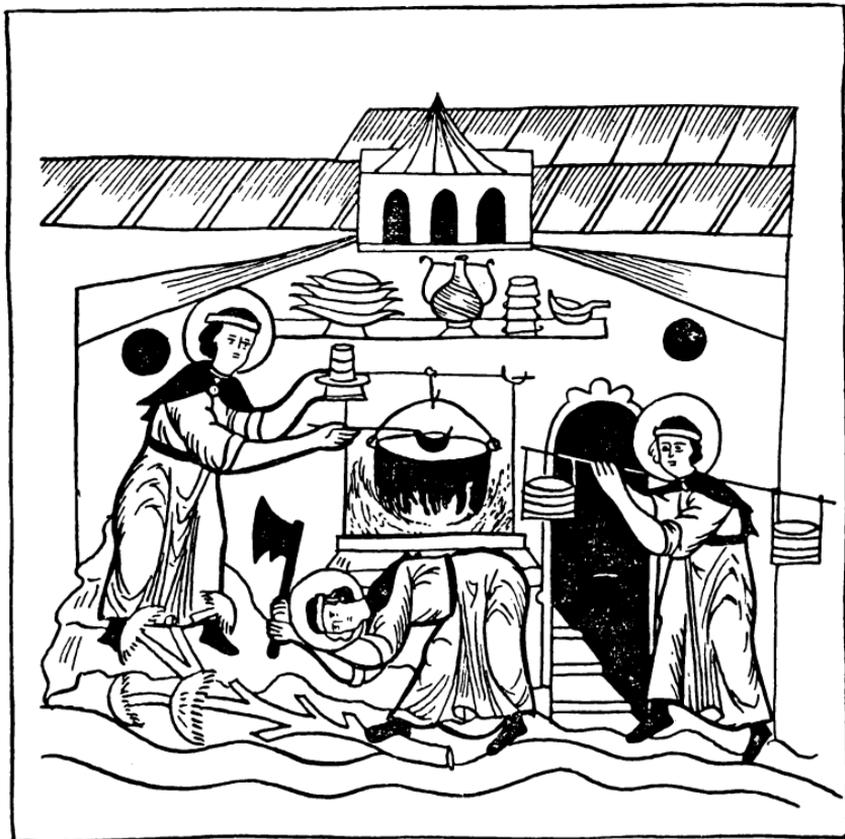
ысть некий мужъ веренъ Господеви и житиемъ добръ, той же имяше у себя сына единородна суща. И во времена некая бысть гладъ крепокъ по стране той, и оскуде добрый той мужъ всякою телесною пищею: и рече онъ рабъ Христовъ: «Чадо мое любимое! видиши ли, яко мы оскудехомъ, и не имеемъ что ясти: уже къ смерти гладной приближаемся, промыслити же о себе не свемы, но токмо едино запродадимъ тя; и ты будеши живъ, и мы не умремъ голодомъ». И глагола ему сынъ его: «Отче мой, твори надо мною еже хочещи!» Отецъ же его приведе ко единому от вельможъ и глагола ему: «Хочещи ли купити сына моего?» Вельможа онъ возре на нь, рече: «Хощу». И вземъ цену, дасть отцу его. Божий же человекъ и Христовъ рабъ призва къ себе сына своего, и прослезися жалостно, и рече: «Чадо мое возлюбленное! Утроба моя! Послушай мене и сохрани заповедь мою до кончины живота своего спасенъ будеши; се же ти, чадо, заповедаю: егда начнуть служити божественную литургию, и ты никакоже не отступай в то время отъ церкви до послѣдняя молитвы; или лучиттися мимо ити, в то время какъ литур-

гию Божию служить, не могли мимо пройти, не дослушавъ конца. И аще, чадо, сие мое наказание сохраниши, и владыко Христось помилуетъ тя отъ всякия беды, ради великия своей милости и для великия службы божественныя покрыетъ тя милостию своею». И сий рекъ, разыдошася кийждо в дома своя.

Доблий же онъ отрокъ, по наказанию отца своего, нача прилежати к церкви Божией, паче же во время божественныя литургии, и сие творящу ему не мало время. По летехъ же некоихъ целомудренный онъ юноша виде госпожу свою со инымъ некимъ рабомъ не въ коемъ тайномъ блудъ творящу; узревъ же онъ и ужасеся и умолча, никому же сего не поведаетъ, паче же Бога моляше, глаголя: «Господи, отпусти госпоже моей беззаконие сие, яко соблазнь диявола есть и прелесть его!» Госпожа его начатъ помышляти лукавое въ сердцы своемъ на предивнаго отрока сего, и глагола въ себе: «Егда видель ты, некогда скажетъ господину своему на нихъ». И тако окаянная она умысли на целомудреннаго да погубить его, исполнися гнева и злобы, и глаголя мужеви своему: «Се рабъ купленный несть добръ, яко втайне соглядываетъ, и главы твоея ищетъ, и мыслить како бы погубити тебя, и мне госпоже своей много досажаетъ укорными словесы злыми и беззаконными, да лепо ти есть сего убить, неже онъ насъ погубить». И слыша се вельможа господинъ его, и верова словесамъ лукавымъ, осуди кроткаго и молчаливаго сего отрока на смерть, и глагола епарху другу своему: «Друже мой! Молю ти ся, учини по дружбе наю: имамъ раба, егоже пришлю к тебе съ убрусомъ, и ты отсеки главу ему, и по егоже пришлю после его, и тому отдаси главу, вложи въ убрусъ». И посла неповиннаго отрока, дастъ ему убрусъ, глаголя: «Иди к епарху, другу моему, с убрусомъ, и даждь ему».

Онъ же не ведяще, яко на смерть посланъ бяше; идущу жъ ему мимо церкви и слышитъ поющу божественную литургию, и по заповеди отца своего ста у церкви, моляся Богу, дожидая конца пения, да исполнить службу свою камо посланъ.

Госпожа же его гнева полна сущи, ускори послать виноватаго онаго раба к епарху по главу праведничу, и глагола к рабу своему: «Иди к епарху, и рцы ему, и еже дастъ ти, принеси ко мне вкоре, яко потребна ми вещь есть». Идущу же ему, виде друга своего въ церкви стояща, и божественнаго пения слушающа, и рече ему: «Камо идиши, друже?» Онъ же рече: «Господинъ посла мя к

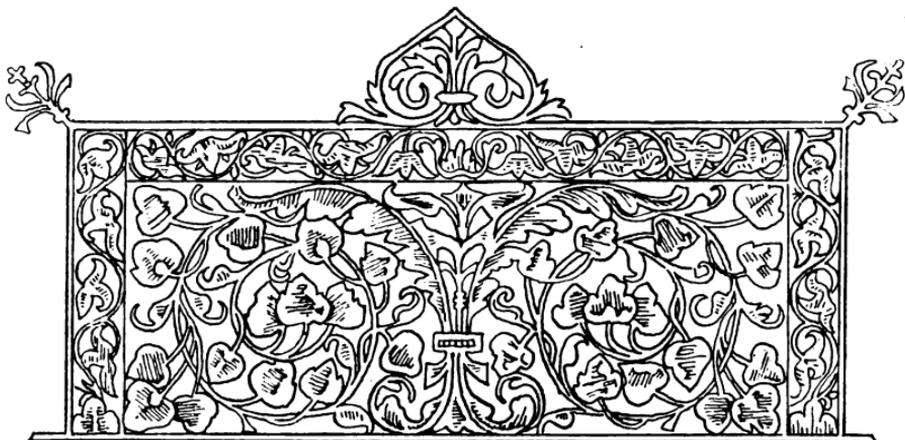

епарху града сего со убрусомъ симъ». Онъ же рече: «И азъ от госпожи своя къ нему жъ посланъ». «Молю ти ся, друже мой, азъ хочу послушать божественнаго пения, ты же возми убрусъ сей и донеси его к епарху, да оба подъемлемъ орудие едино». И взявъ убрусъ другъ его, отнесе к епарху. И в той часъ епархъ отсече ему главу и вложи во убрусъ. И егда совершися божественная литургия; доблий же отрокъ прииде к епарху; и возьмъ епархъ главу во убрусе, дасть ему, рекъ: «Дажь ю господину своему». Отрокъ же возьмъ главу, принесе ю, дасть господину.

Видевше же господинъ и госпожа вещь дивну, ужасаша и дивящися въ себе, глаголюще: «Яко осужденный на смерть живъ прииде, а посланный на животъ мертвъ обретеся!» И призва вельможа того вернаго раба своего, и нача его вопрошати ответа: «Како гонзю смерти?»

И поведѣ отрокъ предъ всеми: «Яко не хотя преступить заповѣди отца своего, стахъ у церкви на молитву, дондеже скончася божественная служба; видевъ же друга моего идуща, и вопросихъ, и дахъ ему убрूसъ, сей да донесетъ его к епарху. Сей же зле скончася, азъ же по совершении пения идохъ на свое орудие, и дасть мне епархъ убрूसъ сей». Слышавше воздвигшася вси, прославиша Бога, яко соблюде Богъ отрока праведнаго от смерти, заповѣди ради отца его и многаго ради смирения его и правды.

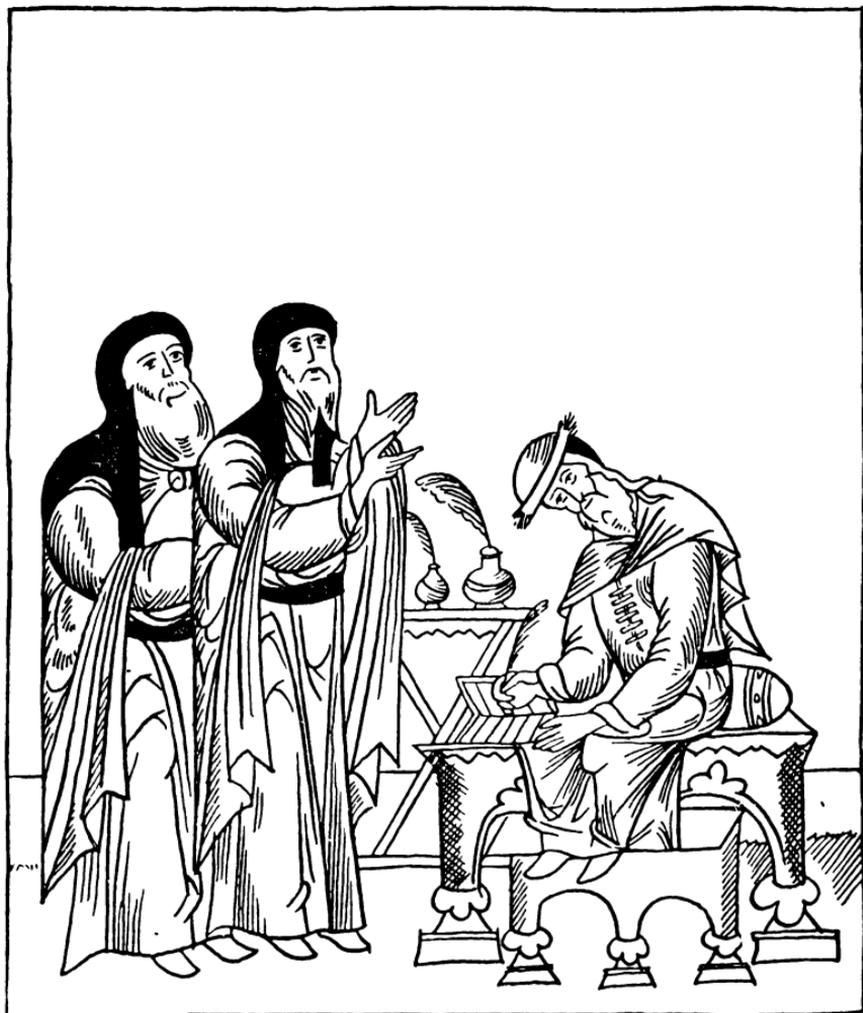

Повесть о папе Григории

о странахъ римскихъ некии король, именемъ Перькусь мудры, име у себя единого сына и дщерь едину, ихъ же велми любилъ. И егда бысть старъ и разболеся велми, и призва к себе всехъ бояръ и велможъ и рыцарей и князей, и рече имъ: «Милые мои князи и бояры! ведаете, что мне от сея болезни не востати; и дщерь у себя имею, а не совокупилъ ея законному браку, и ныне приказываю тебе, сыну своему, и благословляю, дабы онъ, братъ ея, после моя смерти сестру свою, а мою дщерь, мужеви совокупилъ по закону и имелъ ея по смерти моеи честно». Се рекъ и умре. И потомъ плачь и вопль велий во граде томъ учинися о королевской смерти. Сынъ же сего королевствовалъ велми мудро и свою сестру имелъ и почиталъ добре, и любилъ и без нея ни пилъ, ни елъ, и прилучися ему таковое разжение велми к своей сестре еже бы прелюбодеяние сотворити; и призва сестру свою и началъ ей помышление свое поведати: «Молю убо тя, сестра моя, не буди противна воли моеи, сотвори желание мое; аще сице-

ваго желанія моего не сотвориши, не можеш ми мене видети жива!» Она же ему рече: «Братъ мой, не сотвори сего греха, понеже бо братъ ми еси и азъ есмь тебе сестра; но воспомяни заповѣдь отца нашего, какъ тебе заповѣдалъ под клятвою, дабы девство мое сохранилъ. Бойся Бога, понеже бо грешныхъ ненавидитъ Господь Богъ». И тогда король братъ ея не послушалъ прошенія ея, и сотвори над нею волю свою, и потомъ королевна нача велми плакати, и никто же не могъ ея утѣшити, но и король братъ ея множицею утѣшалъ, а любодѣяннє свое совершалъ; и егда прииде полгодное время и уведа король, что сестра его во чреве зачатъ, и опечалися зело, и нача плакати, но утѣшити его отъ печали никто возможе; сестра же его нача разговаривати: «Милой мой братецъ! послушай мене! не мы одне на свете первыя, что Господа Бога прогневали и такое преступленіе сотворили! Есть у насъ человекъ старъ и мудръ зело, и отецъ нашъ призывалъ его к себѣ, и спрашивалъ у него о всемъ, и тайну отца нашего ведалъ и хранилъ, и мы призовемъ его и скажемъ ему: что онъ намъ придумаетъ, то мы и учинимъ». Призвалъ же король того человека и сказалъ ему с великою жалостию все по ряду, что ему приключилося. Человекъ же той рече ему: «Послушай, кралю, моихъ словесъ: аще хоцеши сие дело чтобъ тайно было, и ты вели собрати всехъ князей и бояръ державы своя, да предъ всеми отдаши королевну свою мне на руки, а самъ поиди ко гробу Господню и ко всемъ святымъ местамъ помолитися, и проси ты прошенія у Господа Бога о своемъ согрешеніи. Азъ же, взявъ сестру твою к себѣ, з женою моею тайну сию покроемъ!» Слышавъ же король, похвали его мысль, и рече: «Се сотворю, что еси мя повелелъ». А в то время созва всехъ князей своихъ, бояръ, и рече имъ: «О милые мои верные князи и бояры! ведомо вамъ буди, что азъ иду ко гробу Господню и святымъ местамъ поклонитися, а сына не имамъ, но оставляю вамъ сестру свою, дондеже возвращуся, азъ тебе, стары рыцарю, отдаю сестру мою на соблюденіе». И простися со всеми и поиде святымъ местамъ поклонитися. Тогда той стары рыцарь взявъ королевну на свои руки в свой градъ, и сказа жене своей всю тайну, и наказалъ ея велми, дабы все дело было тайно, и жена его в томъ обещаніе верно даде ему, что ея таити до смерти своя. Королевна же, будучи у рыцаря, пребываша с рыцаревою женою в особой храмине, и егда приспе время рожденія, и видевъ то рыцарь, хоте призвати попа младенца окрестити. Королевна же рече: «Не хоцу азъ, дабы сие отроча не кре-

щено было». И повеле рыцарю учинити лодицу малую и повивъ, велела его положить в ту лодицу, а под голову того младенца повеле положить пятьдесят фунтовъ злата, а под ноги фунтъ серебра, и листъ повеле написать: «Кто сие отроча обрящетъ, да вестъ яко отъ брата и сестры рожденное и некрещено, и иматъ под главою пятьдесятъ фунтовъ злата, а в ногахъ фунтъ сребра; и кто обрящетъ отроча сие да окреститъ его, за то возьметъ себе злато, а сребро хранити ему в научение грамоте». И положи тотъ листъ в сосудъ с великими слезами; и повеле рыцарю детище то в лодице пустить по морю, дабы онъ плылъ по морю, куды Богъ ему изволитъ. Рыцарь же, взявъ младенца,

злато, и сребро, и епистолию, положи в лодицу и пусти по морю; егда же бысть у двора своего, сrete его посоль кралеvский, прииде от земли святыя. Рыцарь же вопроси того посла: «Откуда еси идещи?» Отвеща же ему посоль: «Иду азъ отъ земли святые». Рыцарь же рече ему: «Что намъ поведаша?» И рече посоль: «Государь нашъ король умре, и тело его везуть из земли святые». Слышав же сие рыцарь, велми плакася горко и жена его; егда услыша о смерти кралеvской, велми печална быша; и поиде рыцарь з женою своею к кралеvне. Она же видевъ ихъ печалныхъ и рече имъ: «Чего ради вы печальны?» Они же рекоша: «Госпоже милостивая! несть мы печальни о семъ, что избавилася еси отъ великия сея болезни!» Она же рече: «Несть тако; но скажите мне аще что и не радостно». Тогда рыцарь нача си поведати: «Некий посоль прииде отъ земли святые, и поведаетъ намъ, что государь нашъ король, а твой братъ, умре». Она же повеле посла того предъ собою поставити, и егда поставиша посла того предъ нею, и нача его спрашивати о короле брате своемъ. Онъ же рече: «Братъ твой и нашъ государе умре, и тело его везуть из земли святые к его граду, дабы онъ подле отца своего погребенъ былъ». И слышавъ же кралеvна падъ на землю, и от великой жалости плакася горко, с воплемъ неутешнымъ, и глаголя: «Ныне азъ потеряла надежду мою и половина души моеи, брата своего едиnorodнаго!» Тогда рыцарь утешаще ее многими словами: «Видиши ли, милостивая наша кралеvна, яко печали той не помощи, но сама себе от печали болезнь приимеши, а в кралеvстве большее смятение учиниши; но пойдемъ мы с тобою, где телу брату твоему погребену быти, учинимъ ему погребение честно!» И кралеvна от печали мало нечто отдохнула, и шед ко гробу брата своего, и погребе его честно во граде. В то же время некий князь бургонской посла своя послы честныя к кралеvне, хотя ея восприяти за себя и сочетатися с нею бракомъ. Она же ему отказала: что до смерти мужа себе не хоцу имети. Посоль же слышавъ же речения ея, возвратишася и поведаша вся князю своему. Князь же сие слышавъ, велми разгневался, и собравъ силу немалу и прииде в землю ея, и многая места огнемъ позже, и люди казни, и много зла сотвори, и от того великого страха кралеvна уиде в некий крепки градъ, и тамо многое время живе.

Лодица же та малая со младенцемъ по морю долголи плыла, про то Богъ вестъ, и приплыла в пятниши день к некому монастырю, и приключися в то время игумену ходити при мори, и узре лодицу малу, и повеле ю рыбаремъ

ко берегу приприводити, и обретоша в лодице младенца в драгомъ платъе, и повеле его взяти, и обретоша писание, и прочеть его, и взявъ под главою злато, и подъ ногами сребро, и уведа яко высокоаго роду, и взявъ его, и окрестивъ, и даде имя Григории. И потом отдавъ его ради воспитанія некоему рыбабу. Рыбаръ же воспита его, и бысть отроча красно. Егда же бысть седми летъ, взявъ его игуменъ к себе в монастырь в научение грамоте, и вскоре изучиша божественнаго писанія, и того ради иноцы его возлюбиша духовною любовію; бысть же чтець божественнымъ книгамъ. В некое же время прилучися Григорию того рыбаба с сыномъ играть мечемъ, чая рыбаба отцемъ своимъ, и некимъ прилучаемъ удари мечемъ сына рыбаба; сынъ же рыбаба нача плакати и жаловатися матери своеи; мати же его, вышедъ, нача Григорія поносити, глаголя: «Что, Григоріи, биши сына моего, онъ есть лутчее тебя; и мы ведаемъ откуда еси ты?» И рече к ней Григорій: «Мати моя возлюбленная! или несть азъ сынъ твой, что тако мя поносиши?» Она же рече: «Неси ты сынъ мой, и не вемы откуда еси ты, но ветромъ носимы яко некотораго дни обретохъ тя в малой лодице по морю плавающа, и игуменъ даль тя намъ воспитати». Услышавъ же сие Григоріи, нача горко плакати, и тече ко игумену и рече ему: «Честный отче! азъ чаяхъ сынъ что есмь онаго рыбаба, но ныне уведалъ, яко не сынъ его есмь, и егда отецъ и матери не вемъ, но молю тя и вседушно прошу, честный отче, отпусти мя в военъски чипъ послужити. Азъ бо зде болше сего не хочу жити». И рече ему игуменъ: «Сыне мои милый! не мысли того, понеже вся братія любятъ тя, а по моеи смерти будеши зде начальникъ». Рече же ему Григорій: «Азъ игуменства зде не желаю, но пойду своихъ родителей искати». И услыша сие игуменъ, иде в келию свою, и взявъ писание, кое обрель в лодице, и даде Григорию. Онъ же прочеть, и разуме яко от брата и сестры рождень есмь и рече: «Боже вседержителю! каковыхъ азъ родителей имехъ! ныне же егда тако есть, пойду в землю святую работати Господеви за грехи родителей своихъ и тако животъ свой скончаю». Игуменъ же, слышавъ сие, благоволити и отпусти его с плачемъ; потомъ и вся братія и людие монастыря того плакахуся о отшествіи его. И тогда Григоріи обреть корабль, и простався со игуменомъ, и с братіею, и со всеми людьми монастыря того, и сяде в корабль, и поиде ко святымъ местомъ. И плы от брега три дни и три ноци, воставше ветръ противенъ, и принесе его ко граду, идеже мати его живяше. Корабленицы же не

познаша града того или кралевство чие есть. Григории же вышедъ ис корабля, и отиде ко граду, и срете его неки гражданинъ. Григорий же моли гражданина того, дабы ему указалъ добрый домъ во обитание. Той же гражданинъ взя его к себе в домъ свой со всеми людми; а егда начаша хлебъ ясти, тогда Григории же вопросы господина дому о граде той земли, и о людехъ, и кто ими владетель. И отвеща ему господинъ дому того, и рече ему: «Имели мы у себя короля велми честна и слава, и умре во святой земли, не остави намъ детища, кому после его в земли кралевство держати, толко намъ остави едину сестру свою. Некии же князь восхоте ея въ жену себе пояти, она же отказа ему глаголя: яко по смерть свою мужа не хотяше имети. Князь же той прииде с воискомъ своимъ и силу ея поби, и многия грады огнемъ позже, а иныя за себя взялъ, опричь кренкаго града сего». И рече ему Григорий: «Азь есмь рыбарь и воинъ, и с мечемъ в воинстве храбръ; поиди убо, веждь начальнику града чего что онъ мне обещается дати? Азь буду воевати за правду девы оныя и за весь градъ противу ея неприятелей!» И рече ему господинъ дому: «Велми азь мы веселимся о приезде твоёмъ, тако и весь градъ возрадуется. Во утрии же день сие дело начальнику сего града возведу». И поутру рано той человекъ шедъ во градъ и поведи начальнику своему и всемъ людемъ; людие же града того возрадовашася. И призва Григория и поставиша его предъ кралевну, похвалы его ради. Кралевна же прилежно на него смотрила, и не позна что сынъ ея есть; приятъ же его и даде ему великия дары, и увещались, что ему землю ея очистить и наемъ у нея взяти, а про сына своего чаяла, что в те же поры утонулъ. Тогда же Григорий бысть славенъ богатырь, и вышедъ противу того князя, которы землю кралевнину воевалъ, и поби Григории силу его до самыхъ шатровъ, и самому князю главу отсече, и силу его разгна; и бысть славенъ богатырь, и во единъ годъ всю землю от рукъ неприятельскихъ свободи, и возвратися от победы к начальнику града по уговору плату свою взяти, и хоте ко иному граду итти. Рече же ему начальникъ града: «Предивный воинъ! довлеетъ тебе дати еже обещались, но иду ко кралевне, и помыслимъ о твоёмъ наиму». Приде же начальникъ ко кралевне и рече ей: «Госпоже кралевна! за сию службу сего Григория да посягнеши замужъ за него; и сама ты веси, госпоже, что отъ враговъ твоихъ без государя нашего терпишь, да впредь бы кралевство твое не поколебалась, и немятежно было, и дабы ради прошения нашего имети сего воина Григория себе в мужа

произволила, и онъ бы твое королевство и впредь соблюдалъ». Сие же слышавъ кралева, аще и не хотела мужа и до смерти имети, но за слово сие взяся в размышление до трехъ днехъ; егда же приспе день, тогда отвеща при всемъ народе: «Егда воинъ Григорий храбры и удалы насъ ради воевалъ, и королевство наше от рукъ неприятельскихъ избавилъ, и сего ради хочу его в мужа себе взяти». Слышавше князи и боляре и вси велможи возрадовались, и положили день срочны, в онъ же быти законному браку произволениемъ всея земли; и не ведяше сына с матерюю. Егда же соединилися законному браку, и они жили в веселии. Григорий же, по обычаю своему, никогда ни пилъ, ни елъ, но прежде входилъ во особую храмину и прочиталъ писание, кое с нимъ было в лодице положено, и оттуду со слезами исходилъ, и прилучися в некое время некоей девице видети короля плачуща, и прочитающа писание, и поведа госпоже своей кралевне: «В чемъ еси прогневала государя своего?» Она же рече к ней: «Яко никакова жена тако живе, яко же азъ з государемъ своимъ пребываю, но повеждь ми, чесо ради тако ми глаголеши?» И рече к ней девица: «Азъ видехъ многажды, како государь нашъ на всякий день прежде стола и после стола входитъ во особую храмину веселъ, а из нея изходитъ велми плачетъ, а чего ради творить, и азъ сего не вемъ». Некогого же дни отъехавшу королю на ловлю зверей, и кралева жена пойде в ту его особую храмину и обрете писание, и прочеть е, и разуме, что отъ нея то писание, и рече: «Кому сие писание обрести, аще не бысть мой сынъ Григории». И нача плакати велми: «Горе мне окаянной! чесо ради на сеи светъ родилася! лутчебъ мне было ащебъ умерла с матерюю своею!» Услышавше сие мужие и жены, стекошася ко храмине той, и видеша ю на земли лежащу, аки мертву, егда же ошутися, и бысть во уме своемъ, и рече: «Приведите ми в часть сей государя моего». И воины седше на кони, скоро гнаша до короля и рекоша ему: «Милостивый государь нашъ кралю! Кралева твоя велми болить и молить тебе, дабы ехалъ скоро». Слышавъ же король, скоро гна ко граду и иде храмину, идеже жена его. Она же видевъ его и рече ему: «Государь мой! повели да вси изидуть вонъ из храмины сея, а мы здесь одни останемся, да никто же бы слышалъ словесъ нашихъ». И егда изыдоша вси вонъ, она же нача вопрошати: «Государь мой милы и Богомъ мне данны супругъ! Повеждь ми, откуда еси ты и какова роду?» Онъ же рече к ней: «Ведаеши ли ты о вопрошении моемъ, что азъ земли святыя есмъ». Она же рече ему: «Аще ли ты мне

правды не повеси, то жива на свете не хочу быти!» Король же рече к ней: «Азь былъ человекъ убогий и не имелъ у себя ничего, токмо едину воинскую збрую, которою кралевство сие избавилъ от рукъ неприятельскихъ». Рече же ему кралева: «Повеждь ми, которыя еси ты земли и кто были родители твои? Аще ли ты правды мне не повеси, то жива на свете не хочу быти!» Онъ же рече ей: «Азь родителей своихъ не вемъ, токмо сие вемъ, яко некоторого монастыря игуменъ взялъ меня при мории и воспиталъ мя, и сказалъ мне, что яко взялъ на морю в ладице малой, и до сего времени дондеже в сю землю не приидохъ, и хранилъ мене». И егда услыша кралева жена, и показа ему писание свое; онъ же прирашенъ бысть и падъ на землю, и бысть прирашенъ. И рече ему кралева жена: «Возлюбленный государь мой! ты еси сыне мой, а братъ мой отецъ тебе былъ! А милое мое чадо! азь велела в ту малую ладицу и с писаниемъ симъ любезно положити и егда родихъ — ты о горе мне страшное! и много зла сотворше познахъ брата моего падение! Ныне же тебе, сына моего отъ него (и) меня рожденнаго, не познахъ и вместо мужа имехъ его! Лутче бы мне не родитися и матери своей не познати! О Боже милосердный, лутчебъ азь огнемъ сожжена была или червии изедена, чежели бы таковая сотворила!» И рече король Григорий: «Не чаялъ и азь в такую злую впасти напасть». Нача и онъ плакаться горко: «Господи Боже вседержителю! Что на мя тако прогневался еси, яко в такуюю азь напасть впадохъ! се мати моя, а стала быть мне жена!» Видевше такую великую напасть и печаль сына своего, и рече ему: «О возлюбленный мой сыне! Ныне стану азь Господу Богу молитися и труды ко трудомъ прилагати и странствовати до исходу души своея! Ты же владей кралевствомъ!» Рече к ней сынъ ея: «Не тако, мати моя, но ты государствуй в кралевстве семь; азь же поиду странствовати и плакать вся дни живота моего, аще Господь Богъ проститъ грехи наша!» И воста нощию, одеаяся в нищенскую одежду, и простився с материею своею, и поиде босыми ногами, идеже Богъ наставить и прииде в некий градъ и в домъ некоего рыболова, и моли его дабы пустилъ обначевать. Рыболовъ же виде человека благородна, а не странна, и рече ему рыболовъ: «Вижу бо ты, человеце, по образу, что не отъ простыхъ еси человекъ». Григорий же к нему рече: «Азь есмь странникъ, и всякия добродетели лишенный; но точию пусти мя, Бога ради, в домъ свой». Услышавъ же жена рыбарева, и рече мужу своему: дабы онъ пущень былъ. Рыбарь же веде его в домъ свой и даде ему хлебъ

ясти. Рыбарь же поведает Григорию: «Хощеши ли азъ знаю на море островъ пусто место подобно жити Бога ради странному человеку». Григорий же радъ бысть и паде ему в ноги и рече: «Скажи ми, господине, место сие». Рыболовъ же рече: «Во утри день азъ тя отвезу на место оно». Ноци же прошедше, взя рыбарь с собою Григория на море, и введоша в ладницу, и отплыша от брега поприщъ шестнадцать, и присташа к оному острову, и обретоша на немъ полату пусту. Григорий же вшедъ в ню, и повеле рыболову себя заключити, и ключъ воврещи в море. Рыболовъ же затворилъ Григория и заключи его замкомъ, и ключъ вверже в море, и возвратися в домъ свои. Григорий же пребысть в той в полате семнадцать летъ, плача и моляся Богу. В тоже время не стало в Риме папы. Бывшу же взысканию многу, еже бы обрести мужа свята на престоль святаго апостола Петра и Павла, и гласъ бысть с небеси глаголя: «Поищите мужа свята Божия именемъ Григория и освятите его папою». Слышавъ же людие таковое неизреченное чудо, и возрадовашася, и послашала по различнымъ странамъ искати свята мужа Григория. Посланникомъ же темъ прилучися обначевать у того же (рыболова); рыболовъ же вопросы ихъ: «Откуда есте, и куды путь вашъ?» Они же рекоша ему: «Друже нашъ! Много странъ обыдохомъ, ищуще мужа свята именемъ Григория, иже отъ Бога нареченъ быти папою в Риме». Слышавше рыбарь и воспомянулъ оного странника, и поведает имъ глаголя: «Прежде сихъ летъ ночевалъ у мене неки человекъ странень, именемъ Григорий, его же азъ отвезъ на море на неки островъ пустъ, и затворивъ и заключилъ его въ пустой полате, и завергъ тотъ ключъ в море, и тому летъ семнадцать чаю; по сие время онъ умре!» И прилучися того дни тому рыболову ловити рыбу, и изловилъ токмо едину рыбу, и распоролъ ю и обрете въ неи ключъ, иже кинулъ в море, егда заключилъ Григория. И возопи гласомъ велиимъ: «Видите ключъ, которы азъ кинулъ въ море, егда же заключилъ оного Григория!» Услышавъ же сие посланницы, возрадовашася радостию велиею. Во утрии же день наемъ даша рыболову, дабы ихъ отвезъ во островъ той; и егда быша на острове, и увидеша угодника Божия Григория, и рекоша ему: «Святче Божии! изыди к намъ хвалу воздати Богу вседержителю! Изволениемъ Божиимъ, да будещи папою великому граду Риму и всему христианству!» Григорий же рече: «Якоже Господеви годенъ, тако и будет!» Взяша же его и повезоша с великою честью радуясь, и хваляу воздаша, что Богъ дарова имъ такового угодни-

ка Божия! Егда же быша близъ града Рима, и учиниша звонъ во граде, и услышавъ же гражданае вси хвалю Богу воздаша, и сретоша его с великою честию; восприяша же отъ него благословение, последствующе во градъ, и поставиша его папою в Риме, в соборной церкви святыхъ апостоль Петра и Павла. Бысть же Григории папою, благолюбивъ и богобоязливъ, праведенъ же и благочестивъ, ходя по заповедемъ Господнимъ. Прослы же слава о немъ повсюду, ради добродетельнаго жития его, и того ради мнози людие от различныхъ странъ послушающе его на ползу душамъ своимъ. Доидеже слава о немъ матери его, яко есть таковъ святъ человекъ папою в Риме, и помысли во уме своемъ о себе, яко до пойду и азъ прощения просити о своемъ прегрешении, и кому иному повемъ грехи мои разве сего святаго мужа, и да объявлю ему все житие мое. А кто ея сынъ и она того не ведаеть. Прииде же в Римъ к папе, и припаде к ногама его, и поведа я грехи своя, и прося прощения от него; егда же уведа Григории мать свою на покаяни, и рече к неи: «О мати моя рожденная и супруга моя! азъ есмь сынъ твой и мужъ! Понеже предъ Богомъ исповедала еси грехи своя, и о семъ благодари Христа, яко трудъ и молитву приялъ есть Богъ; согрешения наша простилъ!» Слышавъ же сие мати, падъ, поклонися предъ ногами его и от великой радости велми плакася. Когда папа Григорий воздвигъ ея отъ земли и взяша (взя) в домъ свой с великою честию. По семъ святой папа постриже мать свою во иноческий образъ, и учини ея игуменьей в девичь монастырь надъ всеми девами. И тако святой Григорий и мати его очистишася от грехъ своихъ, и в старости глубоцей с миромъ ко Господу отиде (доша). Богу нашему слава, ныне и присно и во веки вековъ, аминь!

Повесть об Андрее Критском

Месяца июня въ 4 день житие иже во святыхъ
отца нашего Андрея Критцкаго

Е град Крит, и в том граде бе некий купецъ именем Поуливач. Иде из ложницы своя и слышавъ той купецъ птицъ, зовомы голуби, два глаголюще между собою: «Будеть у господина нашего радость: жена его ему родить сына, и нарекутъ имя ему Андрей. И той отроча убиеть отца своего, а матерь свою себе в жену возьметъ. И триста девиць стариць растлить блудомъ». (И той бе монастырь от града того 30 поприць).

И слышавъ той купецъ и удивися о глаголании птицъ техъ. И той убо купецъ заповеда бабе — повеле ево смерти предать. И какъ приспе время рождению его, баба же убояса суда Божия и смерти, смерти отроча не предаде, заповеди господина своего. И матери отроча того сказа. Мати же ево повеле во святом крещении ввестъ иерею, и нарекоша имя ему Андрей. И повеле мати его пререзати чрево ево поперехъ ножем и повеле на дщицу и привязати поясом и пустити ево на море. И баба сотвори тако, яко же повеле мати ево.

По повелению же Божию востаха волны морския и

принесоша ево к монастырю девичью, зовомы Купина, от града того тридесять поприщь. И поставиша ево под монастырем девичьим, и ста дщица у брега противъ монастыря.

И выде ис того монастыря черница воды почерпнути и узре отрача лежаща на дщице мужескъ полъ, едва дышуща, мало гъласа ево слышать. Та же убо черница узревъ и скоро поведи игуменье. Игуменья же повеле ударить в било, и собрашася вси черноризицы, 300 их числом. И идоша досмотрити отроцати и видеша утробу ево разрезану. И рече игуменья ко старицамъ своимъ: «О дивное чудо, сестры! Откуды сеи отроцате море принесло к нашей обители?» Они же недомысляхуся, и вси Богородицею (бѣше же монастырь во имя Богородицы Неопалимая Купины) и глаголюще ко игуменье: «Мы не вемы, госпоже, сего детища и не растлихомся». И рече игуменья: «Богу изволившу, тако и будетъ».

И взя ево игуменья и велела зашити утробу ево и вскормиша ево от козля млека и выкормиша ево до девяти летъ и даша ево к некоей старице в научение грамоте. И нача ево посылати с сестрами.

Отрокъ же бысть 15 летъ, и вложи на ум ево ветхи зломысленный ненавистникъ рода християнска дияволь мысль злую. И нача отрокъ той едину по единой девиче и старице оскверняти блудом, овогда силно творяще блуд, овогда любовию втайне. Улучи время, что и со игуменьею блуд сотвори.

Игуменья же виде свое беззаконие и собра вся сестры своя 300 числом и нача пред ними каятися греха своего, яко золь грех сотворила еси со отраком тем. И рекоша старицы: «Не ради мы тому греху». И поклонися игуменья до земли, и сестры рекли игуменье: «И нас отрокъ той всехъ растли овогда волею и неволею». И начаша плакаться.

И рекла игуменья: «Азъ вам поведаю, какъ меня отрокъ изнасилить блудомъ: прелстилъ мя святыми своими многими причами прежнихъ человекъ падений во грехъ, мытарей и гонителей и блудницъ и блудниковъ и всехъ праведныхъ от века. Рекъ: «Покаянием и слезами и милостынею спасохомся». Азъ же слышахъ такое глаголаніе его, и разслабе тело мое, и разгоресь сердце мое, и умъ мой поколебася. И тако в поползновении и во грехъ велики впадохъ. Простите мя, сестры моя!» И падоша до земли на многъ часть, лежаще на многъ часть на земли. А они тако же от нея прощения прошаху и прощение межъ себя прияша со сле-

зами. И тако стали иметь постъ и молитву и милостыню, а отрока из монастыря выслаша и закрепиша ворота монастырския твердо, чтобъ мужескъ полъ не ходиль нихто в монастырь.

Отрок же той Андрей поиде во град Критъ и не познаше отца своего, ни матери. И наняся у отца своего винограда стрещи. И даде ему заповедь: «Аще кого узриши идуща въ виноградъ мой во дни или в нощи, устрели ево до смерти». И тако отрокъ стреже у господина съвоего винограда и заповеди ево творяше.

И рече господин ево: «Поиду в виноград мой: искушу сторожа своего». И пришедъ полунощию к виноградным вратам. И увидевъ отрокъ той и взя лукъ свой и устрелил отца своего до смерти, чая, яко тать приде. И увиде отрокъ, что он господинъ ево есть, и убоился и шед скры ево под яблонью и поведа госпоже своей. И госпожа мало плакавъ погребе ево.

И мало время минувъ, восхоте отрокъ той попяти госпожу свою в жену. И браку сочетавшуся веселяся. И возлегши на одръ спати, ихвати жена его за чрево и на чъреве рубецъ. И рече госпожа ево: «Како сей у тебе рубецъ?» Он же сказа ей по ряду, госпоже, от детища сотворися над ним: и како его повеле убити отецъ ево, и какъ мати ево повеле утробу прорезати ножемъ, и какъ по марю на дщице плавал, к монастырю девичью приплыл, и какъ игуменья и сестры вскормиша козлием млеко, и какъ грамоте научися, и какъ сотвори с ними грехъ, и какъ изгнаша ево из монастыря вон, и какъ приде во град Критъ. «И ныне понял тя, госпожу свою, в жену».

Она же возопи гласом великим с плачем: «Не жена твоя есть, но мати твоя азъ! Ты любимый мой сынъ Андрей, отца своего устрели в винограде моем!» И вскочи Андрей вскоре со одра своего и рече: «О горе мне, окаянному, яко чрезъ законъ согрешихъ паче всехъ человекъ!»

И посла мати ево во град Критъ искат отца своего духовнаго искусна исповедати ему вся съвоя согрешения по ряду. Иерей же не прости ево за ево многая согрешения. Он же Андрей уби того отца своего духовнаго наложемъ церковнымъ до смерти, изыде из церкви тайно единъ.

И приде ко иному отцу духовному, тако же вся исповеда ему своя согрешения, еже согрешихъ от юности своя и до днесь, и доиде слово о блуде и о кровопролитии. Иерей же не прости ево грехъ: «Андрею, не подобаетъ нам таких на духъ принять». И рече Анъдрей: «Глаголя Христос: «Приде в миръ призвати грешныхъ на покаяние». Ты же,

иерей, не хочещи простити мя во гресех моих. Рече во Евангелии: «Аще свяжете на земли, будетъ связанъ на небеси, аще разрешите на земли, будетъ разрешенъ на небесехъ». Иерей же рече: «Не хочу азъ таковаго греха носити на себе, яко не имать таковаго прощения человеку сотворивы грехъ». Андрей же и того иерея уби и поясом своим извлече ево из церкви вонъ.

Так же прииде к третьему иерею, исповеда ему вся своя согрешения. И тотъ иерей не прости ево за его многия грехи. Андрей же и третьяго иерея уби замком церковным до смерти.

И рече Андрей себе: «Иду во град Критъ, да тамо есть епискупъ. Той мя приметъ на покаяние, прозорливъ бо есть, да иметъ мя простити, и богобоязливъ. Аще не иметъ мя простити, поиду в далнюю сътрану ко царю во Арду и въздвигну рать велию и град Крит зажгу, а людей в пленъ возму, а епискупа убью».

Блажь же и человеколюбецъ Богъ не хотя смерти грешником, ождая их на покаяние. И прииде Андрей во град Критъ и поклонися епископу. Епискуп же приятъ ево и повеле сыскать мать Анъдрееву. И видевъ епискупъ Анъдрея украшена мужеством, яко хочеть сосуд Божи быти избранный, и начя вопрошати наедине. Андрей же исповеда епископу своя согрешения по ряду, еже сотвори от юности своя и до старости. Епискуп же убояся суда Божия и смерти и посла ево по матеръ свою. И приде Андрей с матерью своею къ епископу. Епискуп же научивъ ихъ довольно и духовно и отпусти ихъ.

И повеле епискупъ погребъ выкопать трехсаженной, а в ширину пол сажени на две сътраны. Призва епискупъ Андрея с матерью и посла ево по чернилы и по бумагу. И какъ Андрей вниде в погребъ, епискупъ же повеле железною цкою покрыти ево и запечатать во погребѣ. И даде заповед 30 летъ: «И како наполнитца тотъ погребъ земли, и станеть земля наверху погребѣ, тогда прощенъ будетъ от греховъ своихъ». А матери ево епискупъ нозри прореза и замкнулъ замком, а кълючь того замка повеле ввергнуть в море. А богатство ихъ повеле епискупъ раздати злато и сребро нищимъ. И повеле епискупъ Андреевой матери по миру ходить и Господа Бога Спаса нашего славити и милости просити о своем согрешении. И рече епискупъ: «Тогда прощена будешь, какъ того замка ключь из моря выдетъ».

Андрей же пребывъ в погребѣ, моляся Богу о своем согрешении и приводя душу свою во многия притчи и каря-

ше себе. И сложи канонъ, иже поетца Великий в постъ пятая недели в четвертокъ. И достиже тридесятого лета.

И приидоша ко епископу гости со многих стран во град Критъ. И прилучися жена та, еже бе у ней замок на нозряхъ. И вопросиша у нея гости: «Какой у тебя на нозряхъ замокъ сей, коею притчею сотворися тебе?» Она же поведа имъ всемъ. И в то время повеле епискупъ на трапезу купить рыбы на торгу. И купиша рыбу, и спороша чрево ей, и выпаде из рыбы той ключъ. И показаша ключъ той епископу. Епискуп же повеле призвати Анъдрееву мать и повеле приложити к замку тому. И отпряну замокъ от носу ея. И повеле епискупъ Андрееву мать пострици во иноческий чинъ.

И прииде епискупъ ко Андрею со всем собором к погребу. Андрей же седяше наверху погребя, дописываетъ девятуя песнь канона великаго. И тогда епискупъ Критский восхвали Бога и Господа нашего Иисуса Христа, яко сподобися Андрей прияти прощение греховъ своих. И постриже епискупъ Андрея во иноческий чинъ.

И принесе епискупъ канонъ той, что сложил Андрей, в церковь и прочте ево всем людем вслухъ, на кождом тропари метания и поклоновъ положить людем всемъ повеле. И тако епискупъ похвали Бога вельми Господа нашего Иисуса Христа.

И призва епископъ Андрея к себе и рече: «Чадо мое, прости мя в семъ веце и в будущемъ. Иди и пребуди, чадо мое и брате, в монастыре моем три дни, а в четвертый день прииди и погреби тело мое грешное». И разболеся епискупъ в третий день и отиде ко Господу. Андрей же погребе епискупа в церкви Спасове.

Изволи Богу быть во граде Крите Андрею во епискупахъ 30 летъ. Богоугодно поживе и праведно, постомъ и молитвами и милостынею и слезами, и Бога умолив, и многия церкви воздвиже, и многия люди привлече ко спасению, и бысть ко всемъ людем милостивъ. И преставися в вечную жизнь о Христе Иисусе, Господе нашемъ. Ему же слава ныне и присно и во веки вековъ. Аминь.

Повесть об Ульянии Осорьиной

Месяца генваря въ 2 день успение
святых праведных Ульян, муромских чудотвориц

о дни благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси, от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом Недюрев, саном ключник, имяя жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дщерь Лукина, от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери и много богатства, и раб мпожество. От нею же родися сия блаженная Ульяния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю к себе в пределы муромские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия (Григорьева жена Лукина), Никифорова дщи Дубенского, и воспитающе во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю к

себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия же блаженная Улиания от младых ногтей Бога возлюбя и Пречистую его Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаще. И того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей ея посмехаема. И глаголаху ей: «О, безумная!

что в толицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девственную погубляеши». И нуждаху ю рано ясти и пити; она же невдаешся воли их; но все со благодарением приимаше и с молчанием отхождаше; послушание имея ко всякому человеку. Бе бо измлада кротка и молчалива, небуява, невеличава, и от смеха и всякия игры отгребашеся. Аще и многожды на игры и на песни пустошные от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагая, и тем потаити хотя своя добродетели. Точию в прядивном и в пяличном деле прилежание велие имяше, и не угасаше свеща ея вся ноци. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных и болных всяцем добром назираше, яко всем девитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх Божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща; и не лучися ей в девичестем возрасте в церковь приходити, ни слышати словес Божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетелному.

Егда же достиже шестаго на десять лета, вdana бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорьину, и венчани быша от сущаго ту попа, Потания именем, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святых отец закону Божию; она же послуша учения и наказания внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевше ю возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими непреткновенно совершаше, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога. По вся же вечера довольно Богу моляшеся и коленопреклонения по сту и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царских службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астарахани, она же в та времена по вся ноци без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продав, нищим цени даяше и на церковное строение; многу же милостыню отаи (свекра и свекрови) творяше в ноци, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своима рукама омывая, и кормя, и напаяя. Рабы

же и рабыни удовляше пищею и одеждею, и дело по силе налагаше, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающаго, ни сапог разрешающаго, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя, и исправляше, и на ся вину возлагаше; и никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше и великого чюдотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь принимаше.

Во едину же ночь, встав по обычаю на молитву, без мужа. Беси же страх и ужас велик напушаху ей; она же, млада еще и неискусна, тому убояся и ляже на постели и усну крепко. И виде многи бесы, прешедшие же на ню со оружием, хотяще ю убити, рекуще: «Аще не престанешь от таковаго начинания, абие погубим тя!» Она же помолися Богу и Пречистой Богородице, и святому Николе чюдотворцу. И явися ей святой Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою и благослови ю, глаголя: «Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения: Христос бо мне повеле тебе соблюдатьи от бесов и злых человек!» Она же абие от сна возбнув и увиде яве мужа свята из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию. И встав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть: но и притвор храмины тоя крепко заперт бяше. Она же оттоле извещение приимши, возрадовася, славя Бога, и наче перваго добрых дел прилежаше.

Помале же Божию гневу русскую землю постигшу за грехи наши; гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отаи творяше, взимаше пищу у свекрови на утрение и на полъденное ядение, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глагола ей: «Како ты свой нрав премени! Егда бе хлебу изобилие, тогда не могах тя к раннему и полуденному ядению принудити; а ныне, егда оскудение пищи, и ты раннее и полъденное ядение взимаешь». Она же, хотя утаитися, отвеща ей: «Егда не родих детей, не хотяше ми ся ясти, и егда начах дети родити, обесилех, и не могу наястися. Не точию в день, но и нощию множицею хочет ми ся ясти, но страмляюся у тебе просити». Свекры же, се слышав, рада бысть, и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в ночь; бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу приима, сама не ядяше, гладным все раздающе. И егда кто умираше, она же наимаше омывати, и погребалное даяше и на погребение сребре-

ники даяше; а егда в селе их погребяху мертвых кого нибуди, о всяком моляся о отпущении грех.

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом, и оттого мнози в домех запирахуся и уязвенных пострелом в дом не пуцаху, и ризам не прикасахуся. Она же отаи свекра и свекрови, язвенных многих своима рукама в бани омывая, целяше, и о исцелении Бога моляше. И аще кто умираше, она же многи сироты своима рукама омываше и погребалная возлагаше, погребати наймая, и сорокоуст даяше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити по них литургию, и (трапезы) в дому своем (поном), мнихом и пищим поставляше во всю 40-цу по вся дни, и в темницу милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во Астарахани три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши, не точию в ты дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону Божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тщашеся спону ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смыслено и разумно рассуждая, смиряше. Враг же наусти раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына на (царской) службе убиша. Она же вмале аще и оскорбися, но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустить ю в монастырь; и не отпусти, но совещастася вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлегаше на печи без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна принимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю ночь и до света. И потом в церковь вхожаше к заутрени и к литургии, и потом ручному делу прилежаше, и дом свой богоугодно строяше, рабы своя довольно пищею и одеянием удовляше, и дело комуждо по силе задаваше, вдовами и сироты печашеся, и бедным во всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотыне, и мужу ея преставлшуся, она же погребе и честно, и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже, печашеся о душе, как угодити Богу, ревнуя прежним святым женам, моляся Богу, и постясь,

и милостыню безмерну творя, яко многажды не остави у нея ни единой сребреницы, и займае даяше нищим милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пеню. Егда же приходяше зима, взимае у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и то раздая нищим, сама же без теплыя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрение острые вместо стелек подкладаше, и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же неколико время к церкви не

хождаше, но в дому моляшеся Богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы Богородичны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньше 60 лет, и дух святой на ней почивает». Поп же в велицем ужасе быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко вся то внят, еже он поведат пред многими, и рече: «Соблазнился еси, егда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания». И закла его не поведати никому. Сама же иде в церковь и, с теплыми слезами молебная совершив, целова икону Богородицыну. И оттоле боле подвизася к Богу, ходя к церкви.

По вся вечера моляшеся Богу во отходной храмине; бе же ту икона Богородицына и святого Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися Богу со слезами, и явися ей святой Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго же беса поймав, мучаше; святую же благослови крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопияше: «Аз ти многу спону творих по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приблизитися ради милостыни и смирения, и молитвы». Она бо безпрестани, в руках имея четки, глаголя Иисусову молитву. Аще ядяше и пияше, ли что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея подвижастася на славословие Божие: многожды видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигаше. — Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати, ниже чюжих кормити». Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми и лицом пременися. Мы же, видехом ю смущену, вопрошахом, — и не поведат ничто же. Не помнозе же сказа нам тайно, и заповедат не рещи никому же.

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем, и много имения в милостыню разда, точию нужные потребности домовные оставляше, и пищу точию год до года разчиташе, а избыток весь требующим растакаше. И продолжися живот ея до царя Бориса. В то же время бысть глад крепок во всей русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество

человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасти из земли всееное жита ея; кони же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснуться, но елико оставшься скоты, и ризы и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше, и в нищите обычныя милостыни не оставя, и ни единого от просящих не отпусти тща. Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну оставися в дому ея; и о том не смятеся, но все упование на Бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село (нарицаемое Вочнево) в пределы нижеградския, и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не ходяше к церкви, но в дому моляшеся; и о том немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Велице же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладом. От них же доброразсуднии обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша; она же со благословением и молитвою отпусти я: не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору деревяную, и в том хлеб сотворити, и от того сама с детьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща не отпусти; в то бо время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: «Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама гладом измирет!» Они же поведаша им: «Многи села обходимом и чист хлеб вземлем, а тако в сладость не ядохом, яко сладок хлеб вдовы сея». Мнози бо имени ея не ведаху. Соседи же, изобилны хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю; и тако же свидетельствующа, яко велми хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: «Горазди раби ея печь хлебов!» И не разумеюще, яко молитвою ея хлеб сладок. Потерпе же в той нищете два лета, не опечалися, не смутися, ни поропта, и не согреша ни во устах своих и не даст безумия Богу; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболеся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. В день лежа моляшеся; а в нощи, вставая, моляшеся Богу, особь стояше, никим подъядержима, глаголаше бо: «И от болнаго Бог истязует молитвы духовныя».

Генваря во 2-й день, свитающе дню, призва отца духовнаго и причастися святых таин. И сед, призва дети и

рабы своя и поучив их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях. Прирече же и се: «Желанием возжелах ангельского образа иноческаго (еще от юности моя, по) не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых — грешница сый и убогая, Богу тако извольшу, слава праведному суду его». И повеле уготовити кадило, и фимиям вложить и целова вся суцая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своея, последнее слово рече: «Слава Богу всех ради, в руке твои, Господи, предаю дух мой, аминь». И предаст душу свою в руке Божии, его же (измлада) возлюби. И вси видеша около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишется. И омывше, положыше ю в клете, и в ту ночь видеша свет и свеща горяща и благоухание велие повеваше ис клети тоя. И вложыше ю во гроб дубовый, везоша в пределы муромския, и погребоша у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в селе Лазареве за четыре версты от града, в лета 7112 генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися печи быти. Земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 августа в 8 день преставися сын ея Георгий. И начаша в церкви копати ему могилу в притворе между церковию и пещию, — бе бо притвор той без моста, — и обретше гроб ея на верху земли цел, неврежден ничим. И недоумеваху, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребяемаго. Того же месяца в 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и пойдоша в дом его, еже учредити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыша гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужаста не поведаша ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав, удивихомся, и открывше гроб, видехом так, яко же и жены реша от ужаста, начернахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгустевашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужаста не смеяхом досмотрети, точию видехом нозе ея и бедра целы суца, главы же ея не видехом, того дея, понеже на коньце гроба бревно пещное лежаше. От гроба же под пещь бяше скважня, ею же гроб той ис под пещья идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же ночь мнози слышаху у церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше. И мнози слышаху, и

прихождаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недугов приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и приходят болящии различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня. Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства.

Повесть о Марфе и Марии

Сказание о явлении чудотворного креста Господня, иже есть в Муромском уезде. Списано по благословию Моисея, архиепископа Рязанского и Муромского. Благослови Отче.

Еша убо в прежняя времена две девы, сестре сущи, дщере некоего мужа благочестива от дворянска рода; имя единой Марфа и имя второй Мария. По времени же возраста ею даны быша на брак благоверным мужем от пресловущих градов, еже есть Рязани и Муром: Марфа убо мужу некоему от честна рода рязанские земли, именем Иванну, но zelo небогату; Мария же мужу от племяни нарочита земли муромския, именем Логьвину, богатством же преизобилующу, аще и незело велика суща рода. О отечествии же имян ею и прослытия роду не поведано ми бысть.

Та же по некоем времени Иванну и Логьвину случися има снитися к сродникам жену своею. Егда же приспе время вечери быти, бысть между има пря о седении места: Иванну убо хотящу первосидения честнаго ради отечествия своего, такожде и Логьвину желающу богатства ради своего. И таковаго ради начинания и гордости своя виша

бысть разлучитися има от себе, не помянуша бо реченнаго Господем: «Егда зван будеши ким на брак и на вечерю, шед не сяди на преднем месте» и прочая. И паки: «Иже хотяя в вас болий быти, да будет последний» и прочая. И апостолу глаголющу: «Иже высоко в человецех, мерзость есть пред Богом». И за сию убо вину не токмо сии

едини разлучистася друг от друга, но и женама своима между себе до смерти своая изволиша ни писании ссылатися.

По неколицех же летех, яко же последи рекоша, случися Божиим судом преставитися Иванну и Логвину во един день и во един час. Женама убо ею, Марфе не сведомо бысть про логвинову смерть, Марии же бо про иваннову смерть. Тогда же убо по лишении мужу своєю встужившемася има сестра по сестре. И рече болшая сестра Марфа к себе сице: «Шед, посету аз зятя своего Логвина и поклонюся ему и сестру свою да вижду. И, аще будет зять мой призрит на мое смирение, аз же потщуся в дому его и пребывати. Аще ли презрит, аз же, токмо с сестрою си созревся и прощения получивши, восвоysi возвращуся». Такожде и меньшая сестра Мария рече в себе: «Иду к зятю Иванну. Поклонившася ему, с сестрою ся узрю. И аще зять мой приятелствен ми явится, и аз от имения своего удоволю его, и он тако же, яко и муж мой богат и славен будет по своему достоинству». И тако поидоста сестра к сестре.

И по Божию изволению снисдостася на пути близ града Мурома и сташа каяждо себе. Тогда послав меньшая сестра слугу своего известно испытати, кто есть ста ту. «Егда ли будет кая, рече, жена, и мы вкупе снидемся. Аще ли будет мужеск пол, и мы вдале отидем». И шед слуга ея и вопроси тех: «Кто сим путем грядет?» И отвещаша ему: «Идет вдова к сестре своей». И, пришед, слуга возвести сия госпоже своей. И госпожа его рече: «Добре убо нама снитися вкупе!» И тако сошедшеся и поклоншемася друга ко друзей, в лицах же своих не познастася, яко беша сестре. И восхотевшима вопроситися има между себе о отечествии и сродстве своем. И рече болшая сестра к Марии: «Госпоже моя! Кто ты и откуда еси?» И отвещавше Мария к сестре своей Марфе: «Аз многогрешная, имя ми есть Мария. Еду к сестре своей Марфе». Сице же вопроси и Мария Марфы: «А ты, госпоже моя, кто и от куду еси и что ти есть имя?» И отвеща Марфа к Марии: «Аз же многогрешная Марфа. Еду к сестре своей Марии». И тако познастася во отечествии, яко сестре беша, тако же и о смерти мужу своєю известистася. Тогда начаша сии между себе лобзанием любезным целоватися, яко же обычай им бе, и плакаться о мужу своєю, занеже жиста не в совете между себе, по смерть свою ни съезжахуся, еще же ни писанием не изволиша ссылатися. И елико бо по мужу своєю плачущеся, сугубейши сего ради себе за многовременное между

себе незрение и безсоветие. И едва мало от плача представше, порадовашася о Бозе и благодариста того, яко не лиши ея спребывания на кончине века ею. И ту представи повелеста себе трапезу и ядше и пища в славу Божию и веселистася. И по вечери сей успоша на месте том.

И в тонце сне явися има ангел Господень, глаголя Марфе и Марии коейждо особь на имя: «Господь посла к тебе злато по вере твоей к нему». Такжеже и другой: «сребро». Злато же убо даде Марфе, сребро же Марии. И повеле в злате крест Господень устроить, в серебре же ковчег кресту сковати. Вдати же оно повеле има, иже заутра прежде идущим человеком путем сим. Слышаста же сия, аки на яве мнящемася, взявше и ввивше каяждо злато и сребро в зарукавие си. И егда же има возбнувшима от сна, исповеда Марфа сестре си Марии виденное, такжеже и Мария Марфе возвести от ангела явленное има вкупе единако. Тогда восхотеста си уверити видение, аще истинна суть, и абие обретосте в зарукавии си Марфа убо злато, Мария же сребро. И возрадовастася о предивном том видении, паче же Божии даровании, и слезы от радости испутивше, Богу благодарить воздаяху, и печастеся о сем, како бы има повеленное от Бога сотворити.

Во утрии же день узревше грядущих мимо путем тем триех мужей во образе инок и возвасте к себе сих и возвестисте им вся о себе бывшая, еже от ангела има во сне видение и како приясте от него во сне злато соделати крест Господень, сребро же сотворити кресту ковчег, отдати же сия во устройство человеком, заутра первошествующим путем сим. Слышавше же чаемии иноцы от нею глаголы сия и рекоша к нима: «Не скорбита о сем, мы сего ради дела к ваю приходом!» Тогда Марфа и Мария отдасте старцем тем в злате слити крест Господень, в серебре же кресту ковчег устроить. И тако мнимии иноцы, взявше от рук сестру злато и сребро, отидоша от очию их. Сестрома же Марфе и Марии дошедшема града Мурома и ту обитаста в дому си.

Слышавше же ближницы и сродственницы пришествие ею, сошедшеся к нима, начаша о преже бывших има и мужию их и скорбети и сетовати. Еще же и сама плачущемася за безсовестное и несогласное между себе житие, паче же вдовства и сиротства. Та же возвестиста о себе сродником своим, како подвижимася коейждо от себе в путь к сестре си, не согласившимася, ниже сославшимася, и како сретостася на пути, идеже и преславное оно видение ото ангела видеша во сне, дающа има злато —

сотворити крест Господень, сребро же — устроити ковчег кресту и заутра преждешествующим человеком, еже и отдаша има на пути, и все порядку, еже прежде написася. Слышавше же сия ужики ею, вознегодоваша и реша к нима: «То како сицево сокровище, паче же Божие дарование, с небрежением отдаста, а не весте кому!» Или не чаясте zde обрести златаря, в сем велицем и многонароднем граде, на устроение Божия делеси!» Сице истязующе ею. Онама же отвещавшема к ним: «Иже явивыйся и давый нама злато и сребро им же повеле отдати сотворити дело Божие. Мы же и отдахом».

Бе же тогда собравшеся к нима не едины сродницы ею, но и от нарочитых града, бояр же и дворян. Вопросиша о месте том, идеже явися чудное видение то, и злато и сребро обретеся има, да идут тамо. Та же собравшеся множество людей и совещащеся убо тамо итти.

Поемше же с собою Марфу и Марию и придоша на место оно. И совет сотвориша твердо: со тщанием и всякою быстротою послати на все страны по путем и малым стезям коегождо господина с чюжим рабом и раба с чюжим господином на взыскание старцов оных: да аще кии от них тех старцов со златом и серебром обрящут, и ничто же скрыто или утаено от сих сотворят. Сице убо им урядившем и уже хотяху вскоре тещи на взыскание инок тех.

И абие узревше нецыи юноши трех инок, несущи крест Господень, в злате устроен, и ковчег, в серебре сотворен, и вложи юношам тем в сердце искони ненавистный сатана восхитити от рук старчих богодарованное сокровище сие, и уже окаянии коснутися хотяху. Старцы же рекоша им: «Человецы, отидите, отнюду же приидосте». Тогда же в той час узревше со онама сестрама Марфою и Марию муромстии градожителие триех старцов, грядущих и несущих крест Господень, и возбраниша неистовству отрок оных, сами же устремишася на сретение честнаго креста, несомаго от старцов, да с честью великою примут его.

Мнимии же старцы дошедше к сестрама и рекоша: «Марфо и Мария! Иже убо в видении от ангела данное вама злато и сребро, еже вдасте нам во устроение креста Господня и ковчегу ему, се по вере ваю, паче же повелением Божиим в том злате сей животворящий крест Господень сотворен, в серебре же ковчег кресту соделан. Приместа си на спасение и на благоденствие, миру же всему на исцеление недугом и разрешение страстем и бесом на прогнание». Та же сродницы тою и вси пришедшии с нима на взыска-

ние тех инок вопросиша их: «Где убо, отцы святии, бысте и откуда приидосте семо». Мнимии же иноцы рекоша: «Во Цареграде быхом». И паки вопросиша их: «Господие, колико время идосте от царствующаго града, еже есть ис Костантинополя?» Сим же рекшим: «Се убо третий час отнеле же изыдохом». Слышавше же сия, удивишася вси, тогда сущии ту, и начаша молити их, да причастятца брашну от трапезы их. Отвещаша же им непщующии старцы: «Несмы бо ядущии, ниже пьющии, но убо вам благоволи Бог в славу свою питатися от сих». И, се рекше, невидими быша от них. Тогда убо познавше Марфа и Мария с сродники своими и со градоначалники, яко тии, от Бога посланнии во образе инок, ангели суть. И воздаша хвалу Богу, творящему дивная и преславная чудеса.

По сих же убо восхотевшима сестрама Марфе и Марии совет сотворити и совопроситися со ужиками и с сродники своими о сем, да где убо има, поставить той святой животворящий крест Господень молитися: в дому ли си, или где в церькве Господне. И бысть има видение от чудотворнаго креста Господня во сне, глаголя: «Поставите мя во святилице Божии в церькви архистратига Михаила честнаго его собора на погосте, иже есть вмале отстоящъ от пути места сего, яко с поприще едино». Марфа же и Мария возрадовастеса о видении, яко не презре Господь желанья ею. Тогда дошедше со тцанием церькви тоя и поставиша той святой и животворящий крест Господень в предиреченней церькви архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных честнаго их собора, иже бе во уезде града Мурома, яко двадесяти и пяти поприщ града не достигши, пребывание имея во Унжеском стану на реке Унже, идеже подает благодатию Христовою бесчисленная чудеса и исцеления приходящим к нему с верою.

По сих же убо оныя благочестивыя две жене, Марфа и Мария, начасте к чудотворному оному целбоносному кресту притичюще. И не сии убо едины, но и всего града Мурома всенародное множество с великою верою прибегая; паче же различными болезнями одержимии прикасахуся, вскоре исцеление приемлюще, благодаряще Бога, в дома своя отхождаху.

Проходяше повсуду слава о нем, любит бо таковая сих з дерзостию притицати и скорее крылатых обноситца, еже и до царствующаго града Москвы самодержцем в слухи внидоша. И сердца тех к честному оному кресту верою воспалистася и, з желанием приемлюще сего, целоваху. Сего ради обыкоша и служители тоя церькви даже и до-

днесь по вся лета приносить того в царствующий град
Москву к державным и в благочестии сияющим царем и
святителем и всему православному христианству на освя-
щение душам и на отгнание страстем и на исцеление теле-
сем от различных недуг.

Повесть о Марфе и Марии

Перевод

или в прежние времена две сестры-девицы, дочери некоего благочестивого мужа из дворянского рода: одной было имя Марфа, а другой — Мария. По достижении совершеннолетия отданы были они замуж за людей благонравных из городов известных, каковы есть Рязань и Муром. Марфа за человека хорошего рода из Рязанской земли, но очень небогатого, по имени Иван; а Мария за человека по имени Логвин из видного в Муромской земле семейства, обладавшего большим богатством, хотя и не очень знатного по происхождению. О их же родовом имени и прозвище мне не было сказано.

И вот, по прошествии некоторого времени, случилось Ивану и Логвину вместе явиться к родичам жен своих. И когда наступило время ужина, произошел между ними спор о месте: кому из них сидеть выше. Ивану хотелось занять первое место ради своего происхождения, того же и Логвин желал ради богатства своего. По причине этого спора и гордыни своей разошлись они друг с другом; не вспом-

нили они тогда сказанного Богом: «Когда будешь зван кем-нибудь на свадьбу или на ужин, придя, не садись на первое место», и прочее. И еще: «Кто хочет из вас первым быть, да будет последний», и прочее. И апостол говорит: «Высокомерие в людях мерзость есть перед Богом». И по этой причине не только сами они разлучились, но и женам своим приказали до смерти своей не сноситься письменно друг с другом.

По прошествии же нескольких лет, как после рассказывали, случилось по Божией воле скончаться Ивану и Логвину в один день и в один час. А женам их не было известно: Марфе про смерть Логвина, а Марии про смерть Ивана. И в то время, когда лишились они мужей своих, стали тужить сестра по сестре. И подумала про себя старшая сестра Марфа так: «Пойду посету я зятя своего Логвина, поклонюсь ему и увижу сестру свою. Если зять мой примет мое смирение, то останусь жить в доме его. А если не примет, то я, повидавшись с сестрою и попросившись, возвращусь к себе». Также и младшая сестра подумала про себя: «Пойду к зятю Ивану. Поклонившись ему, с сестрою увижусь. Если зять мой с приязнью примет меня, я из имуществ своего уделю ему, и будет он, как и муж мой, богат и славен по своему положению». И так направились сестра к сестре.

По Божьему изволению встретились они на пути вблизи города Мурома и остановились недалеко друг от друга. Меньшая сестра послала слугу своего узнать точно, кто обосновался поблизости. «Если, — говорит, — это женщина, то мы вместе устроимся. А если лицо мужского пола, то мы отойдем подальше от него». И пошел слуга ее и спросил у тех: «Кто это путешествует?» Отвечали ему: «Направляется вдова к сестре своей». И, возвратившись, слуга известил об этом свою госпожу. Сказала его госпожа: «Хорошо будет сойтись нам вместе!» И, таким образом сойдясь, поклонились они одна другой, но не узнали друг друга и не догадались, что были сестры. Захотелось тогда узнать им друг от друга о своем происхождении и родных. И сказала старшая сестра Марии: «Госпожа моя! Кто ты и откуда?» Отвечала Мария сестре своей Марфе: «Имя мне, многогрешной, Мария. Еду к сестре своей Марфе». Также и Мария спросила Марфу: «А ты, госпожа моя, кто и откуда, и как имя твое?» И отвечала Марфа Марии: «А я многогрешная Марфа. Еду к сестре своей Марии». Тогда узнали они, что были родные сестры, и рассказали о смерти мужей своих. Начали они целовать друг друга по-род-

ственному, как по обычаю положено, и оплакивать мужей своих, что жили между собою не в мире, до смерти своей не виделись и даже не писали друг к другу. И, оплакивая мужей своих, еще более скорбели они о том, что и сами они много лет не виделись друг с другом и не советовались. И едва немного успокоились они, выразили радость свою и благодарность Богу, что не лишил он их совместного пребывания в конце жизни их. И, приказав поставить себе угощение, ели и пили во славу Божию и веселились. А после трапезы уснули в том месте.

И в тонком сне явился им ангел Господень и сказал, обращаясь особо к Марфе и Марии: «Господь послал тебе золото ради веры твоей в него». Так же и другой: «серебро». А золото отдал он Марфе, серебро же Марии. И приказал из золота сделать крест Господень, а из серебра выковать ковчег для креста. Отдать же все это повелел им тем людям, кои наутро первыми встретятся на их пути. Они же слушали все это, и показалось им, как бы наяву, что ангел взял и вложил каждой золото и серебро в зарукавники. Проснувшись, Марфа тотчас поведала сестре своей Марии о виденном. Также и Мария рассказала Марфе о явившемся им одновременно от ангела. Тогда захотели они увериться в истинности видения и тотчас нашли в своих зарукавниках — Марфа золото, а Мария серебро. Возрадовались они этому удивительному видению, особливо же божественному дару, и, пролив от радости слезы, благодарили Бога, думая лишь о том, как им исполнить Божие приказание.

А на другой день, увидев идущих мимо по той же дороге трех мужей в монашеской одежде, подозвали их к себе и возвестили обо всем случившемся: и то, что во сне явился им ангел, и как получили они от него во сне золото — сделать крест Господень, а серебро — соорудить ковчег для креста, отдать же все то в распоряжение людей, коих увидят первыми проходящими по этому пути. Неизвестные же иноки, услышав от них эти слова, сказали: «Не печальтесь о том, ибо мы ради сего и пришли к вам». Тогда Марфа и Мария отдали старцам золото — отлить крест Господень, а серебро — устроить ковчег для креста. И мнимые иноки, взяв из рук сестер золото и серебро, удалились, скрывшись из глаз. Сестры же Марфа и Мария дошли до города Мурома и стали жить тут в доме своем.

Близкие и родственники, услышав о их прибытии, сошли к ним и стали скорбеть и сетовать о всем, что было с ними и с мужьями их. И они сами вновь стали проливать

слезы о своей прежней несогласной и раздельной жизни, более же всего о своем вдовстве и сиротстве. И рассказали всё о себе родственникам своим — как собрались они, каждая по собственному почину, в путь друг к другу, предварительно не уговариваясь и не списываясь, и как встретились на пути, где увидели и преславное то видение, ангела, явившегося им во сне и давшего им золото — сделать крест Господень, а серебро — устроить ковчег для креста, и о людях, первыми встретившихся им на пути, которым отдали они дар, и все по порядку, как уже было ранее описано здесь. А родные, услышав это, вознегодовали и сказали им: «Как же вы такое сокровище, особливо же дар Божий, легкомысленно отдали неизвестно кому! Неужели не надеялись найти здесь, в большом и многлюдном городе, золотых дел мастера для устройства Божьего дела!» Так порицали их. А сестры отвечали: «Явившийся нам во сне и давший нам золото и серебро повелел отдать и сотворить дело Божие. Мы и отдали».

Собрались же к ним тогда не только родственники их, но и многие из городской знати, из бояр и дворян. Они узнали от сестер о том месте, где явилось им чудесное видение и где было дано им золото и серебро, дабы туда направиться. И собралось много людей и условились идти туда.

Взяв с собою Марфу и Марию, пришли они на то место. И твердо вознамерились: быстро и приняв все предосторожности, послать во все стороны, по всем дорогам и тропам, каждого господина с чужим рабом и раба с чужим господином для отыскания старцев тех: дабы, если который из них отыщет тех старцев с золотом и серебром, не мог бы ничего скрыть или утаить от других. И вот они об этом условились и уже хотели отправиться в путь.

Вдруг некие юноши встретили трех иноков, несущих крест Господень, вылитый из золота, и ковчег, выкованный из серебра. И внушил этим юношам искони ненавистный сатана мысль похитить из рук старцев сокровище, дарованное чудесным образом. И уже хотели окаянные коснуться сокровища. Но старцы сказали им: «Люди, идите, откуда пришли». И тогда же увидели жители города Мурома вместе с Марфой и Марией трех шествующих старцев, несущих крест Господень, воспрепятствовали неистовству юношей, а сами устремились на встречу честного креста, который несли старцы, дабы с честью принять его.

Мнимые же старцы подошли к сестрам и сказали: «Марфа и Мария! Вы дарованное в видении ангелом золото и серебро отдали нам для сооружения креста Господня

и ковчега, и вот ныне, по вере вашей, а особливо повелением Божиим из золота сего животворящий крест Господень сотворен, а из серебра ковчег для креста изготовлен. Примите их себе на спасение и благоденствие, а всему миру на исцеление недугов, умиротворение страстей и на изгнание бесов». Тогда сродники их и все пришедшие с ними для разыскания иноков приступили к ним с вопросами: «Где были вы, отцы святые, и откуда пришли сюда?» И отвечали мнимые иноки: «В Царьграде были». И еще спросили их: «Сколь долго шли вы, старцы, из царствующего града, то есть из Константинополя?» И ответили те: «Вот уж третий час пошел, как мы начали путь». Услышав то, изумились все бывшие здесь и стали просить старцев разделить их трапезу. Но отвечали им старцы: «Не пужны нам яства и пития, а вам да поможет Бог напитать себя во здравие». И, сказав это, стали невидимыми они для бывших тут. Тогда поняли Марфа и Мария, также родственники их и начальники града, что ангелы то, посланные Богом в образе иноков. И воздали они хвалу Богу, творящему дивные и преславные чудеса.

После всего происшедшего возытели желание Марфа и Мария посоветоваться с родичами своими о том, где им поставить тот святой животворящий крест Господень, дабы молиться ему: в дому ли своем или в какой-либо церкви господней. И было им видение. Явился им во сне чудотворный крест Господень и сказал: «Поставьте меня в святом месте, в соборной церкви честного архистратига Михаила на погосте, что неподалеку стоит от сих мест, на расстоянии одного поприща». И обрадовались сестры видению, ибо не презрел Господь желания их. Тогда отправились они в путь с усердием и поставили тот святой и животворящий крест Господень в предуказанной им соборной честной церкви архистратига Михаила и прочих бесплотных небесных сил, что стоит в уезде Муромском, в Унженском стане на реке Унже, в двадцати пяти поприщах пути от города Мурома. И подает тот крест Христовой благодатью всем приходящим к нему с верою исцеление, творя бесчисленные чудеса.

И после того стали благочестивые сестры Марфа и Мария приходить к чудотворному, дающему исцеление, кресту. И не они только, но и многое множество жителей города Мурома обращалось к нему за помощью с великою верою; особливо же страждущие различными болезнями, прикоснувшись к кресту, получали исцеление и, возблагодарив Бога, возвращались в дом свой.

Прошла повсюду слава о кресте, ибо скорее птиц крылатых она проносится и смело доходит до всех. Прошел о том слух и в царствующем граде Москве, достигнув самодержцев. И возгорелись верою в тот честной крест сердца их, и целовали они его, с радостью у себя принимая. Ради сего и вошло в обыкновение, что причт церковный с того дня и поныне каждый год приносит крест в царствующий град Москву к державным и сияющим в благочестии царям и патриархам и ко всему православному христианству, дабы очистить душу их, отогнать страсти и подать исцеление телу от многих болезней.

Повесть о Соломонии Бесноватой

Чюдо 26 Пресвятая владычица наша Богородицы и присно девы Марии. И святыхъ блаженныхъ иже Христа ради юродивыхъ Прокопия и Иоанна Устюжскихъ чудотворцевъ о некоей жене именемъ Соломонии, како избавита ю отъ насилия диавольскаго отъ водныхъ демоновъ

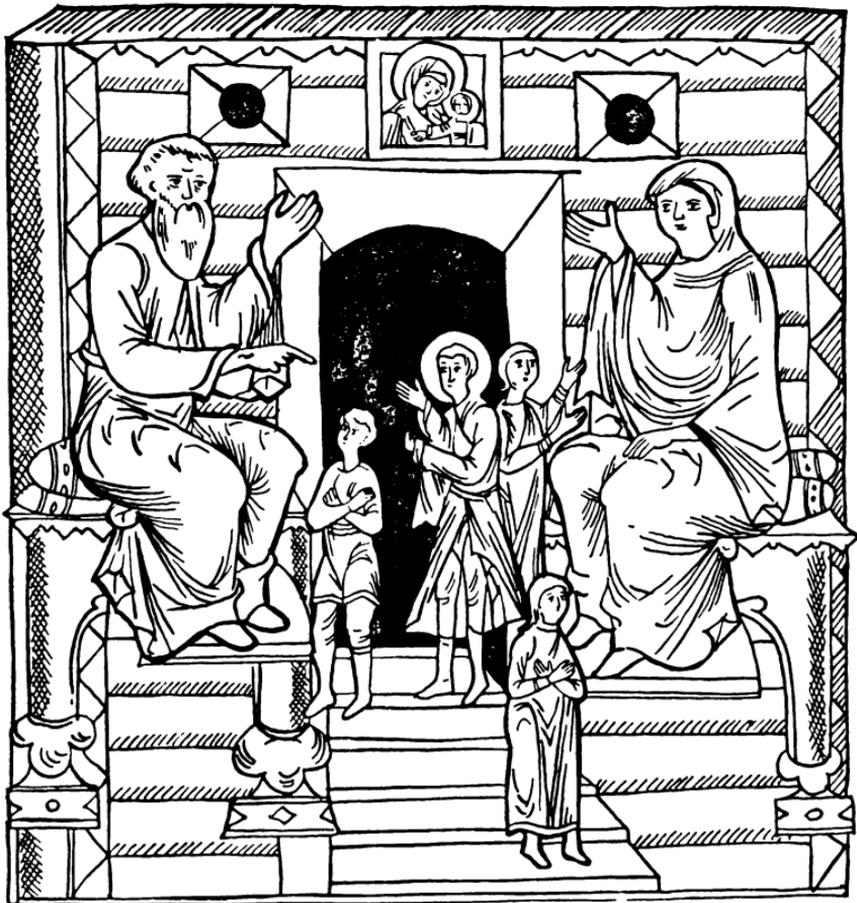
ратие, хощу убо воспомянути вашей любви повесть душеполезну и умилению достойну, яже бысть во дни наша. Яко не презре Господь Богъ милосердиемъ своимъ рода нашего, за премногия грехи наша, но посети с высоты святая своя милостивымъ своимъ благоутробиемъ. И сотвори силу и чюдеса многи по своей его милости, преблагословенною Пречистою Материею своею пресвятейшею владычицею нашею Богородицею, и святыми своими угодники праведными чудотворцы Прокопиемъ и Иоанномъ. И яко не токмо не презре но и помилова смирение наше, и не остави своего создания в конецъ погибнути, ниже забы дело руку своею. Яже содеяся днесь Пресвятою владычицею нашею Богородицею и присно девою Мариею общею за-

ступницею рода христианскаго, и великими стражи града нашего Великаго Устьяга предивными чудотворцы Прокопиемъ и Иоанномъ. Дивное и преславное чудо страха и ужаса исполнено. Яже азъ грешный пою Иаковъ слышахъ у некоторыя жены именемъ Соломонии, из самыхъ усть ея, при свидетелехъ отца ея духовнаго соборныя церкви священноиереа Никиты, и отца ея роднаго священноиереа Димитрия, и надписахъ сия в память и в воспоминание в предъ будущимъ родомъ. Яко да сие вземше узрять и убоятся, и сокрушеннымъ сердцемъ и умиленною душею своею, и со слезами прочтуть и послушаютъ, и прославятъ Господа Бога и Пречистую его Богоматерь и угодниковъ Божиихъ праведныхъ Прокопия и Иоанна Устюжскихъ чудотворцовъ, неусыпныхъ стражей, делателей евангелскаго винограда Христова.

Есть некая весь, глаголемая Егороцкая, во области Устюжскихъ пределъ, разстояниемъ от града яко чотыредесять поприщ, вверхъ по Сухоне реце. В ней же церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения. Тоя же церкви исрей бе именемъ Димитрий, и жена ему бе именемъ Улита. Имяста же у себе дщерь именемъ Соломонию. О ней же намъ ныне слово предлежитъ.

В лето 7169 году и доспевши сеи отроковицы Соломонии в совершенный возрастъ, восхотеста родители ея в законное сочетание мужеви вдати за некоего земледелца именемъ Матфеа еже и бысть, и бывши ей по браце в невестнемъ чертозе, и не по мнозе времени, воста мужъ ея от одра своего, и изде на предверие храма телесныя ради нужды. И по изшествии его, иже ненавида искони добра врагъ диаволь, яко не престаяше человеческий родъ боря, дабы ему не единому в геене мучитися, и взавидевъ и умысли таково самъ или послахъ от некоего потворника и волхва, от чело века неблага, по лукава обаянника на погубление тоя жены Соломонии. И в той часъ прииде врагъ ко храмину ея, и толкий во двери без молитвы, и рече человеческимъ гласомъ: «Соломоние, отверзи!» Она же, воставши от ложа своего, не разуме вражия кознодейства и отверзе двери храмины непущу мужа своего, пришедша к ней. И в той часъ прииде ей в лице и во очеса и во уши, яко некоторый вихоръ велий, и явися яко пламень некий синь. Соломония же ужасшися и в недоумении бысть, помышляше во уме своемъ, яко не мужъ ея прииде к ней, но некое страхованное неприязненное.

И паки по мале времени прииде к ней мужъ ея Матфей во храмину, она же наипаче ужасеся и пребысть ту

всю ночь без сна, понеже прииде на нея велие трясение и лютый ознобъ.

И в третій день та жена Соломонія оцуги во утробе своєї демона люта терзающа утробу ея. И бывши ея в то время во изступлении ума от вшедшаго в ню врага.

И в девятый день по браце по захождении солнцемъ, бывши ея в клетце с мужемъ своимъ, на одре восхотеста почити; и внезапно виде она Соломонія неприязненнаго демона пришедша к ней зверскимъ образомъ, мохнать и ногти имея у себе, и безбоязненно и безстыдно ляже к пей на одре. Она же зело убоявшеся его изступи ума своего. Той же окаянный зверь сочтася с нею сквернымъ смешениемъ. И абие она прииде во умъ на утрии в третій часть дни, и неповеда никому же бывшее диавольское

кознодейство. И от того дни окаянии они осиловаху ея, и начаша приходити к ней кроме великихъ праздниковъ, по пяти и по шти во образе человечестемъ, якоже некотории прекраснии юноши, и падаху на ню и скверняху и отхождаху. Людемъ же ничтоже видевшимъ того.

Соломония же внегда приходяще в чувственный умъ свой, поведую мужу своему вся бывающая о себе, како к ней демони приходяху. Он же ничто же ей отвеща. И живши Соломония с мужемъ своимъ неколико время, мучася и труждашеся демонскою вражиею силою люте зело. Видев же мужъ ея погубление жены своя, и отвезе ю ко отцу ея, и остави ю жити у него. Они же сквернии окаянии воднии демони и тамо начаша приходити къ ней. И егда она, Соломония исхождаше ис храмины своя на преддверие, они же окаянии невидимо восхищашу ея и уношашу в воды. Она же кричаше и вопяще гласомъ велиимъ зело.

Отцу же ея и матери и всемъ домашнимъ исходящимъ ис храмины по ней и нигде же видевши ея, и возвратившеся сетоваху и плакахуся ея ради. Соломония же живяше у нихъ в воде, овогда день, овогда два и три, не исхождаше, и тамо также мучаху ея сквернии они ругающеся всячески и оскверняху ея, и паки отношашу и пометаху ея, овогда на лесе, овогда же на поли нагу. И некими христоролюбивыми людьми обретаема и направляема бываше и дохождаше к дому отца своего. Отецъ же и мати ея, и вси домашнии, видевше погибель дщери своя, плакахуся по ней зело яко по умершей, и недоумевашуся, что сотворити о ней.

И по мале времени, паки они окаянии демони пришедше к ней, в то же время бывши ей в дому отца своего, и начаша ея злосмраднии онии бросати овъ во уголь храмины, ни же во другии уголь, инъ же на пещъ, ин же на полати. И тако ея мучаху зело на многи часы. И паки взяша некое ўже и привязавши ей за шию, и взяша камень жерновный и воздеша на ўже и положиша на лице и на перси ея. Такожде и столъ воздеша и повесивше ея со всемъ к стропу храмины тоя. Соседи же слышавше бывающая над беснованною оною женою таковое необычное страхование и великии стукъ, и шумъ во храмине ея, и ужасошася зело, и поведаша отцу ея полу Димитрию. Он же прииде во храмину и не виде никого же, токмо ея едину лежащу аки мертву, и ўже на выи ея и камень жерновный и столъ, и неведе она како отрешися от верху стропа. И бывши ея мертве на многи часы. И от того великаго мучения Соломо-

ния едва очнуса. Отецъ же ея видев ю ужемъ опутану едва разреши ю. Приидоша же ту и соседи и видеша вси тело ея избито и сине. Соломония же болезни тоя никако же чюяще на теле своемъ.

Отецъ же ея и мати начаша въ нощи запирати ю во храмине едину, бояху бо ся егда они чернии приходяху к ней, она же в то время бываше вне ума. И приносятъ они сквернии копие железное, и дають ей глаголюще сим копиемъ заколи отца своего и матерь. Заутра же воставая показуетъ копие отцу своему и матери, яко истинно есть копие, а не привидение. Беже ея таково мучение безпрестани от чернородныхъ, и покоя ни мала имеяше. Овогда ея уношаху в воды, иногда же ея вознесше на горы и на холмы превысокия и на храмины, и всячески поругавшися о ней низреваху ея долу. А инья ихъ вражия козни и бесовския невозможно усты человеческими изрещи и писанию предати. И мнози тому вражю кознодействию в той вси свидетели неложни бяху, яко сия жена тако пострада от множества демонския неприязненныя силы. И якоже при самомъ Христе Спасителе нашемъ, стрете его мужъ некий от града иже имяше бесы многи от многогъ летъ в ризы не облачашеся и в храмине не живяше, но во гробехъ, тако и zde.

По семже в мале времени паки приидоша сквернии они воднии демони многое множество, и начаша нудити ея, чтобы жена та у нихъ жила, и веровала бы якоже и они сквернии со отцемъ своимъ сатаню, такоже бы пила и ела с ними, и волю бы ихъ творила. Глаголюще ей, прежде ласканиемъ и честию, дабы ея отвратити ст христианския веры, и глаголаху ей окаяннии: «Соломоние, видиши ли коль добро, житие наше все, яко будеши ты у насъ в великой чести, и ни в чемъ тебе будетъ скудно». Она же ничтоже имъ отвеща. Видевше же они нечистии дуси яко не глаголетъ к нимъ ничто же, и добротою и ласканиемъ не возмогаша превратити ея от истынныя веры Христовы, таже начаша мучити ея расковавше ея по стене по руке и по нозе и в смыки вбиша. И начаша копии колоти и рожны збодати и ногты драти, и рекоша ей: «Соломоние, веруеши ли нама и во отца нашего сатану?» Она же ничтоже имъ отвеща, и отковавше ю от стены и возведоша на некое высокое место, и взявше ю за руки и за ноги, и низринуша долу на землю. Ей же лежащей аки мертве сущей, и паки взяша ю сквернии оттоле и приведоша к себе в темная их и скверная жилища и отдаша ея некоторой девице, юже называютъ окаяннии они Ярославкою, глаголюще ей: «Увещай сию жену,

дабы она с нами жила зде, и пила и ела, и в нашу веру веровала якоже и ты, а мы ея не могли превратити ласканиемъ и нуждею, и мучениемъ, и яко не глаголетъ с нами ничтоже». Сами же отидоша от паю вси. Девица же та нача ю вопрошати: «Како ты жено семо прииде, и коего еси ты града или веси?» И вопрошала у нея все порядку отца и матери. Соломония же все сказа девице яже о себе, девица же рече ей: «Жено, аще не хочещи зде у нихъ жити и ты с ними не глаголи ничтоже, и ни яжъ ни пей, и они тя помучатъ и паки отпустятъ».

Соломония же внятъ вся глаголы, иже глагола девица она Ярославка, и соблюдая вся глаголанная от нея опасно. Глагола же она и себе, девица и сказа ей, яко: «Рождение мое есть града Ярославля, и отдаде мя к симъ темнообразнымъ мати моя на рождении моемъ».

Посемже злии они и сквернии дуси глаголаша ей: «Соломоне, веруеши ли в насъ?» Она же ничтоже имъ отвеща. Взясша же ю темнообразнии и отнесоша на лесъ еле живу сущу от многого мучения и томления. Она же едва с великимъ трудомъ доиде до дому отца своего, и живши си в дому шесть днеи, паки окаянии они нечистии дуси пришедше невидимо, и похвативше ея и унесоша к себе, и бе у нихъ два дни и две нощи, и паки принесоша ю ко отцу ея.

Соломония же от сквернаго смещения ихъ имаше во утробе своей многи нечистыя духи. И носи ихъ время и полъ времени рекше полтора годы. И егда же прииде ей время родити ихъ, и бяше она в дому отца своего. И повелеваетъ отцу своему и матери и всемъ домашнимъ, дабы вышли вси изъ храмины тоя вонъ, токмо ея едину да оставятъ, яко, хочеть родити неприязненную силу демонскую, дабы ихъ сквернии тии пришедше не убили, егда начнетъ она родити ихъ. Они же и неволею послуша ея изыдоша вси, сетующе и плачюще горко, токмо оставиша ю едину во храмине. И по семъ прииде к ней темнообразныхъ демоновъ жена, и начат с Соломониею водитися. И в той часъ роди ихъ шестерыхъ, образом же они сини и темни. Темнообразная же она жена вземъ ихъ и унесе изъ храмины, и положи ихъ под помость.

Таже прииде отец Соломониинъ попъ Димитрий во храмину ту и вси домашнии его с нимъ. Плачуще и рыдающе о погибели дщери своея, и начаша хлеба ясти, и в то время окаянии темнозрачнии демони, котории вново родилися, воставше ис подмоста, и начаша они камениемъ метати и землю бросати во храмину. Отец же Соломо-

ниинъ и мати, и вси живущии в дому, видевше таковую папастъ и погибель, и побегоша изъ дому вси, Соломония же остана едина.

Преже помянута же жена, которая с нею водилась на рождени, и принесе ей сосудъ крови и повеле ей пити. Она же отрицашеся и не хотяше пити крови. И рече к ней темнообразная жена: «Соломоние, егда ты крови не пиеш и нами гнушаешися, и ты вземши копие или ножъ и заколи отца своего попа Димитрия». Она же рече имъ: «Дадите ми еще урочное время и азъ помалу заколю его». Сие же глаголаше имъ яко не може терпети от техъ чернообразныхъ демоновъ их же родила бе, понеже ссаху сосцы ея яко змии лютии.

И три дни и три пощи не внидоша во храмину домашнии вси, страха ради смертнаго от каменнаго метания. И в четвертый день едва внидоша, и не видеша никого же во храмине, понеже отиде демонская сила нечистии дуси в темная и мрачная своя жилища, унесоша же и Соломонию с собою тамо, и мучиша ю крепко, и смесишася с нею темнии сквернымъ смешениемъ. И от того сквернаго и нечистаго смешения паки зачатъ Соломония во утробе своей, от диаволскаго насилия.

И посемъ роди двоихъ демоновъ в дому отца своего и невидимо унесоша ихъ от нея. Во ино же время паки роди единаго демона, и паки роди двоихъ чернообразныхъ демоновъ, и когда раждаше ихъ Соломония, и тогда хлеба не ядаше и со человеки ничтоже не беседоваше, понеже тогда вне ума бываше. Но приношаху ей невидимо темнии они синцы птичию кровь и траву и корение, и темъ ея питаху.

И не по мнозе времени чернороднии они паки взяша ея невидимо и отнесоша к себе в воду, и бысть у нихъ тамо три дни и три пощи.

Отцу же ея и матери и всемъ отчаявшимся живота ея и плакавшимся на многи часы.

Егда же они чернороднии принесоша ю к себе, и начаша веселитися и радоватися, яко детей имъ народила. И вопрошахуть и синцы они глаголюще: «Что вамъ сия жена?» Они же рекоша: «Яко мати намъ есть». Посемже чернороднии седоста кождо по чину ихъ на своихъ местехъ, другъ друга честию болши творяшеся. И начаша ясти и пити и Соломонию принуждати, дабы с ними такожде пила и ела. Ей же отрицающейейся и не хотяше у нихъ пити и ясти. Они же темнии начаша муками претити ей. Она

же повинуся имъ и неволею изволи на ихъ хотении быти. И даша ей темнии ковшъ и начаша виномъ наливати, и всемъ темнымъ повелеша подносити ей, и имянны ихъ звати. Соломония же всемъ подаваше от первыхъ и до последнихъ, и бяше ихъ многое множество видети. Они же взирающе на ню и глаголаху другъ ко другу сице: «Всяко мы сию жену мучили и били и ножи резали и ужми вязали и давили, и сверхъ горъ долу низвергали, и поготми железными тело ея драли, и всякими различными муками и томлеными мучили, дабы отступила она от веры своея, и в нашу веровала и жила бы у насъ и волю нашу творила, и никако же возмогохомъ превратити ю». И глаголаху к себе: «Сваримъ воды в котле, и тамо вкинемъ ея, да негли повинется намъ убоявшись». Но обаче не сбысться советъ ихъ, понеже темная часть ихъ темна, и смышляху в темныхъ жилищахъ и живяху а не во свете.

И яко хотяше премилостивый и всесильный Господь Богъ и Спаситель рода чело́веческаго симъ чюдомъ прославити и возвеличити пресвятую Пречистую и преблагословенную Матерь свою пренепорочную владычицу нашу Богородицу и присно деву Марию общую христианскую надежду, и угодниковъ своихъ неусыпныхъ стражей великого града Устюга праведныхъ и блаженныхъ иже Христа ради юродивы Прокопия и Иоанна устюжескихъ чюдотворцевъ. И сего ради и беззаконий ради нашихъ продолжи и попусти Господь Богъ сеи жене Соломонии от чернородныхъ демоновъ поругане и мучиме быти, даже наибольши прославится и возвеличится сие великое дело, и в чюдодействии и удивление произыдетъ. Но аще Господь Богъ сию жену и попусти чернороднымъ демономъ мучити и поругатися ей, но милость его Божия и милосердие не оставляше ея до конца погибнути. Но за помощию и за стражбою бяше сия жена Соломония аггела хранителя живяше.

И по семъ паки отдаша Соломонию прежде помянутой девице Ярославке да научить ея по воли ихъ жити. Девица же вземъ у чернородныхъ и сведе ю к себе особь. Соломония же все поведати девице Ярославке, яже виде у темныхъ и слыша от нихъ глаголанная. Девица же Ярославка рече к Соломонии: «Жено, хочещи ли да отпрошу тя у темнородныхъ ко отцу твоему сходити и проститися?» Она же рече ей: «Хощу, другине моя». Она же нача учити мя и поведати ихъ имена, како коего зовуть. Учасе же ея девица Ярославка по десяткомъ яко единъ десятокъ именъ ихъ выучить, потомъ другой десятокъ, таже третий и четвертый, и всемъ имъ имена позна чрезъ учение девицы

Ярославки. Потомже рече девица Ярославка к Соломонии: «Жено, какъ тебе отпустить чернороднии ко отцу твоему и къ матери проститися, и ты вели отцу своему сии имена ихъ темная преписати, которые тебе ныне сказахъ и научихъ, и вели ему те имена заклинать во святемъ олтари, идеже бескровная жертва приносится Господови Богу. И потомъ тебе они чернороднии не возмогутъ унести к себе ни приблизитися къ тебе ни власти имети над тобою». Таже прииде та девица Ярославка ко онемъ темнообразнымъ и рече имъ: «Отпустите Соломонию ко отцу ея проститися, и какъ простится она со отцемъ своимъ и матерю, и со всеми домашними своими, и будетъ зде вечно жити».

Темнозрачнии же слышавше от девицы сея, и судиша тако быть. И понесоша ю ко отцу ея. И принесоша на некое блато бяше же ихъ темнообразныхъ многое множество. И начата ю въ блате ономъ топити.

И в то время Божиимъ промысломъ бысть туча велия с молниею огненною и с громомъ страшнымъ и трескотаниемъ зелнымъ. И нача ихъ темныхъ молниею палити и громомъ убивати и уби от нихъ множество, и бяше блато и езеро исполнено ими яко смолоу подернено.

Она же оттоле побеге от нихъ и скрыся в некоторую яму. Они же проклятии оставшыися демони и тамо ея нашедше и всякими муками неудобъ сказаемыми паки начаша ея мучити. И паки в той часъ Божиимъ промысломъ бысть буря зелна со громомъ и молниею, тии же чернороднии едва от нея отступиша. Соломония же от нихъ убеже с великою нуждею и тцетою дойде дому отца своего.

Видев же отецъ ея и мати и домашнии вси, возрадовашася, и яко мневше о ней уже вечно не быти ей изъ воды от темнозрачныхъ демоновъ. Соломония же нача поведати отцу своему попу Димитрию, како ея чернии демони мучили, и како отдавше ея девке Ярославке, и что ей Ярославка говорила, и како ея учила изусть темная ихъ имена, и все подробну отцу своему поведати.

Отецъ же и мати ея и вси сердоболи слышавше глаголемая от нея, плакашася зело на многъ часъ, и едва престаша от плача и написа отецъ ея попъ Димитрий темная и мрачная ихъ имена яже слыша у дщери своя, и нача ихъ заклинати во святомъ олтари идеже святая бескровная тайная жертва совершается.

Соломония же от демонского мучения и томления и отъ

ранъ в недугъ телесный впаде, и во единъ от дней мало усне от тоя болезни и виде во сне некоторую жену святолепную пришедшу к ней и глаголюшу: «Соломоние, поиди ты ко граду Устюгу Великому, а zde не живи нимало, от волхвовъ себе помощи не ищи, не будетъ ти от нихъ никоея ползы». Соломония же вопроша имени ея. Она же рече: «Азь есмь нарицаюся преподобная Феодора», — и абие вскоре невидима бысть.

Соломония же убудився от сна, и нача поведати отцу своему еже виде и слыша. Отецъ же ея, слышавъ глаголы ея, и нача посылати дщерь свою ко граду Великому Устюгу. Она же рече: «Не могу сего отче ни слышати», — возражаяше бо в ней демонская темная сила. Отецъ же ея попу Димитрий едва ю умоли чтобы ей ити ко граду Великому Устюгу.

И бывши ей на Устюзе и повелеша ей жити близъ соборныя и апостолския церкви Пресвятыя Богородицы на площади у некоторыхъ вдовы именемъ Соломонии, и начаша водити ея къ церквамъ Пресвятыя Богородицы в собор, и къ преподобнымъ чудотворцемъ Прокопию и Иоанну. И оттоле начаша черпородныхъ демони утробу ея рвати и терзати. Соломония же от того демонскаго терзания в недугъ телесный впаде.

Сердоболи же ея видевше ю болезненну зело, призвавше священника соборныя церкви Никиту именемъ. Он же прииде и исповедавъ ю, и по исповеди причастив пречистыхъ Христовыхъ таинъ. И по мале времени здрава бысть. И абие наложи на ню прелестный злый врагъ желание таково чтобы паки ити ей ко отцу своему попу Димитрию, и к домашнимъ своимъ в волость.

И бывше ей в дому отца своего неколико время. И во единъ отъ дней по захождении солнца приидоша нечистии леснии демони, и начаша кликати Соломонию гласомъ велиимъ, яко всемъ людемъ слышати сице рекуще: «Полонянка, полонянка!» И паки глаголаху отцу ея попу Димитрию вслухъ всехъ людей ту живущихъ на погосте, и глаголаху: «Поне, отдай ты намъ полонянку, а мы тебе дадимъ имения много колко тебе годно». И посемъ рекоша темнии, яко: «Намъ сию полонянку отдали братия наша, и аще ея ныне не отдаси намъ, и мы ея всяко оунесем же, яко намъ ея отдали братия наша воднии глаголюще, понеже она оболстила и прелстила ихъ, и они намъ глаголаша, «не можете ли вы ея увести в лесъ?» И по вся ноци прихождаху темныя демонския силы кричаще и вопиюще, и храмину разбивающе идеже Соломония пребываше.

В то же время бысть освящение церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в веси той на погосте. На освящении же церкви тоя приезжали с Устюга Великаго соборной церкви священникъ Никита да протодиаконъ Димитрий, и инии мнози людие. И то все вражие кознодейство и кличь достоверно вси слышаху, како они темнозрачнии зваху и прошаху у отца ея. И аще кто и каковъ человекъ в какихъ речехъ ихъ неприязненную силу по гласу и по вопросу оспорить или воспретить нечимъ, и они окаяннии врази всячески техъ человекъ лають, и обличающе всякими греховными винами, кто что в житии семъ сотворилъ или каковъ грехъ и сия вся обнажающе, и обличающе всякаго человека совесть. И по мале времени темнозрачнии отступивше мало.

Соломония же поживе у отца своего в волости яко осмь недель, и по многие дни прихождаху чернороднии и кликаху ея по предже писанному же, нарицаю ея полоянку. Всемъ бо людемъ слышащимъ гласъ ихъ, ихъ же самехъ не видяще.

Видите ли, братие и сестры, въ колико безстыдие злокозненный врагъ нашъ диаволь въходить, по Божию попущению грехъ ради нашихъ, понеже мы грешнии раби его законъ и заповеди его святыя по нашему обещанию не сохраняемъ и не соблюдаемъ, но паче преступаемъ. Первое, святаго крещения не хранимъ, им же омыхомся во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Но беззаконии своими и всяческими нечистотами, душевными и телесными Духа Божия, и аггела хранителя, духовнаго стража нашего отгоняемъ от себе. Второе, четверогодныхъ постовъ не исполняемъ, ихже оставиша и узаконоположиша святии апостоли и ихъ наместницы святии отцы. Третье, не приходихомъ ко отцемъ своимъ духовнымъ, и не токмо помышлению своихъ и мыслей не исповедуемъ, но и смертныхъ греховъ своихъ не каемся, и со Богомъ не смиряемся. А вси знаемъ опасно, яко аще изъ насъ братъ или сестра ни в который постъ в году, и среду и пятокъ кроме праздниковъ владычныхъ не постится, и ко отцу духовному не приходитъ, и не кается греховъ своихъ, и святыхъ Христовыхъ таинъ не причащается. Таковаго соборная и апостолская церковь не приемлетъ, и общимъ христианскимъ погребениемъ не сподобляетъ. И сего убо ради на насъ злии чернороднии души по Божию попущению безстыдно нападають, и безстыдно пакостяють и мучать зелне. Мы же братие видяще сию сестру нашу Соломонию, како на ню злии они темнии и нечистии души нападаху и мучаху ея по Божию попуще-

нию, якоже пишется: «Богу попускающую, и врагу действующую». Блюдемся и мы опасно, како живемъ, како ходимъ, како соблюдаемъ законъ Божий, и сохраняемъ заповеди его. Сия бо сестра наша Соломония насъ ради и нашего ради спасения образ прележить всемъ намъ, да видяще ю мучение ея, научимся и накажемся не преобидети закона Божия и заповедей его. Ащели же не тако, то и мы таяжде постраждемъ и горше сихъ муку вечную. И паки на предняя обратимся о немъ же намъ ныне сладкая духовная повесть предлежить.

Священноиерей же Димитрий вземъ дочь свою Соломонию, и отвезе ея ко граду Устюгу Великому, дабы она ходила к Божиимъ церквамъ, еже есть въ соборъ къ Пресвятей Богородице, и къ праведнымъ чудотворцемъ, Прокопию и Иоанну, и молилася бы Господу Богу, и Пречистой Богородице, и его угодниковъ на помощь себе призывала, и сему бывшу.

По неколице же времени стояше Соломония в церкви во время божественныя литургии на чтении святаго Евангелия, и на великомъ въходе и со страхомъ Божиимъ, и в та времена иже в ней живущии нечистии темнии дуси, пометаху ея о помость церковный и давяху. Людемъ же видящимъ сия и мнящимъ, яко мертве ей быти от таковаго падения. Темнии же дуси живущии во чреве ея стелюще и вопиюще яко же малии свинии. И многимъ челоукомъ ту окрестъ ея стоящимъ слышати гласы ихъ скверныя, утроба же ея в той часъ зело надымашеся. И едва во умъ сия приходдаше, но обаче от церкви Божия выну не отлучашеся.

И некогда уснувши в конце сне явися ей преподобная Феодора и рече ей: «Соломоние, живи ты зде неотступно на Устюге, и приходи к церкви Пресвятыя владычицы нашей Богородицы в собор, и ко святымъ чудотворцемъ Прокопию и Иоанну на всякъ день, и никогдаже буди отступна. А ко отцу своему в волость не ходи, да ты паки не унесуть темнообразнии демони, и будетъ ти последняя горша первыхъ. Того убо ради ты страдала от чернородныхъ демонскихъ силъ, яко во крещении твоёмъ крестиль бо ты попъ пьяный и половины святаго крещения на тебе не исполнилъ. Да и сия ти глаголю крестися крестообразно и истово, и подобаетъ ти имети выну отца духовнаго, и с нимъ всегда спрашиватися о всякомъ деле, и ко церкви ходити подобаетъ ти ко всякому пеню. Ащели же когда не можеша ко святей Божии церкви ити и ты вели себе носити». И посемъ преподобная Феодора невидима бысть.

Соломонии же возбнувшѣ от сна, и дивляшесѣ зело и виденнаго вскоре никомуже не поведѣ. И по томъ виденнїи такожде Соломонии страждуци, мучаху бо еѣ темная проклятая сила нечистїи дуси живуцїи в ней, и в то время она вне ума бывашѣ. И избегашѣ из дому своего в немъ же живяше, обнаженна или в раздранней ризѣ, и простертыми власы, и бежа в реку и пометашесѣ в воду зимнимъ и летнимъ временемъ. Прилучивши же ся ту людїе овогда постигающе еѣ по край воды, а иногда в воде удерживаху, и извлекше ю на брегъ или ис проруби на ледъ, аки мертву. Утроба же еѣ в той часъ бе яко женѣ родити хотящей, и во чреве еѣ терзахуся темнии демони, яко рыбы во мрежи. И сїе мучение видяще предстоящїи ту людїе и дивляхуся зело, и относяще ю, аки мертву, в домъ, идеже она живяше. И сїе мучение и томление от демонскїя силы многажды еѣ бывашѣ.

И в нынѣшнемъ во 179-мъ году, во Святый и Великий постъ, сердоболи еѣ едва принудиша ю исповедатися греховъ своихъ ко отцу духовному, и причаститися телу и крови Христа Бога. Сему же бывшу и того дни по исповѣди вечеру бывшу и по захожденїи солнца смутися в ней нечистый духъ темный, и нача рвати и терзати утробу еѣ. Она же зело нача кричати и вопити. И прогрызе еѣ левый бокъ наскрозь.

И абїе Соломония по малѣ ощути себе, и во умъ пришедши, и видѣ срачицу свою в крови, и показуя ю домашнимъ своимъ, еже сотвори еѣ нечистый духъ в нощи. Они же видевше погубление еѣ от нечистаго духа плакахуся зело.

И начаша утреннюю благовѣстити. Соломония же иде ко утренїи. И егда возгласи диаконъ: «Богородицу и Матерь света песнми возвеличимъ»,— и в той часъ нача демонъ паки мучити ю, и терзати чрево еѣ. По отпѣнїи же утреннїи иде в домъ свой, и егда начаша ко святѣй литургїи благовѣстити, Соломония же прииде ко церкви, и нача целовати святыя иконы. Демони же живуцїи в ней не терпяще слышати, начаша паки рвати и терзати чрево еѣ, и во время святаго апостола Павла чтенїй, нача блевати и бывши еѣ во изступлении ума. Егда же прииде время божественнаго причащѣнїя, и тогда в ней живущая демонская сила нача еѣ пометати и бити о помость церковный. Предстоящїи же ту людїе держаху еѣ. Служащїи же иерей едва с великимъ страхомъ причасти еѣ пречистыхъ Христовыхъ таинъ. И абїе она велиимъ возопи гласомъ, яко всемъ предстоящимъ дивитися и ужаснутися,

како темнии дуси усты ея воскричаху зело: «О горе нама, яко сожже насъ». Священникъ же совершивъ святую литургию.

Соломония же по отпении божественныя службы во умъ прииде, и отиде в домъ, и от того времени нимала покоя даяше ей живуцши в ней злый темный демонъ, терзаше бо чрево ея и люте рваше, и велми мучаше ю паче перваго, яко позна убо окаянный свою конечную погибель и вечное себе томление, и мучение, и со старейшиною своимъ сатаню.

И месяца мая въ 27 день мучима бе Соломония от лютаго демона живуцаго в ней, и от сего зело утомився и усне. И виде святыхъ и праведныхъ чудотворцовъ устюжескихъ Прокопия и Иоанна, пришедшихъ к ней и рекоша ей: «Соломоние, молися ты Прокопию и Иоанну, и призывай ихъ на помощь, и по мале времени избавятъ тя от диаволскаго томления и мучения, и твори молитву Иисусову безпрестани, и крестися истинно, якоже и прежде». И посемъ повелеша ей молитву Иисусову творити. Демони же живуцши в ней не даяху ей молитвы творити, и с великимъ трудомъ едва молитву сотвори. И паки рекоша ей святии: «Имееши ли у себе сердоболи, и аще имееши повели има Псалтир глаголати у себе по вся дни и ноци, понеже ты уже ходиши Соломоние последний годъ». И паки рекоша святии: «Соломоние, веруеши ли ты во Христа?» Она же ничтоже к нимъ отвеща. И рекоша ей: «Глаголи ты, Соломоние, верую азъ во Христа». Она же ничто же к нима отвеща. И рекоша ей: «Глаголи ты, Соломоние, сице верую азъ во Христа». Она же рече: «Верую азъ во Христа». И паки рекоша ей: «Воистинну ли веруеши?» Она же рече: «Воистинну азъ верую во Христа». И посемъ рекоша святии: «Слава тебе владыко Христе Боже человеколюбче, яко и еще хочеть Соломония раба твоя быти». И абие святии невидими быша. Соломония же воста от сна и никомуже поведати видение до времени егда исцеление получи.

И в нынешнемъ во 179-мъ году июля въ 8 день, на память святаго преподобнаго и блаженнаго Прокопия, после божественныя литургии, прииде та жена Соломония в соборную и апостолскую церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, и поведати сама вся о себе яже наперед писанная: како от демонския темныя силы пострада, и томима и мучима люте зело, Устюга Великаго Архагельскаго монастыря архимандриту Арсению, да соборныя церкви Пресвятыя Богородицы протопопу Влади-

миру, и всему священному собору, како она, Соломония, исцеление получи за молитвь Пресвятыя владычицы нашае Богородицы и присно девы Марии, и Божиихъ угодниковъ Прокопия и Иоанна: «В прошломъ во 7167-мъ году греховъ ради моихъ, вселися в мя иже искони ненавидящаго человека и всегда борющагося сатаны диавола темная сила, и обладаше мя единонадесяте лето и пять месяцевъ. И в та лета мучима бе азъ всякими неудобь сказаемыми муками, якоже и прежде явлено бысть о мне, и невидехъ азъ грешная света сего чювственного истинно, но бяше мне день яко ночь, и ко церкви Божии приходила яко некоторый пленникъ связанъ и овогда в притворе церковномъ стояхъ, овогда же во церкви. Ни поющаго, ни чтущаго гласъ никогда же слышахъ, но беста очи мои помрачистася, и ушеса моя оглохнувша от демонскаго страшнаго мечтания. Егда же в первый день коснуся ми вражий демонский синий пламень, и бяше от того часа и до сего дни во ушесехъ моихъ бе шумъ велий во время божественнаго пения.

И месяца июлия противъ осмага числа и памяти святаго и праведнаго Прокопия прииде мне таково желание, чтобы мне ити ко всенощному бдению к праведному чюдотворцу Прокопию в церковь и слышати бы его преславная чюдеса, а прежде сего таково ми желание не бысть. Азъ же приидохъ ко церкви и с братомъ моимъ и ста вне церкви у северныхъ дверей. В то же время чтяху житие святаго и праведнаго Прокопия. Азъ же стояхъ малъ часъ, и нача мене посылати во церковь, азъ же не идохъ, ово страха ради, ово же зазрения ради стоящихъ ту человекъ. И едва с великимъ трудомъ принуждениемъ братнимъ вниидохъ во церковь, возбраняше бо ми иже мне демонская темная сила. И повеле братъ мой сести мне на левый клиросъ утеснения ради народнаго множества. Посемъ же глаголахъ брату моему: «Веди ты мене близъ чтущаго, zde бо азъ не слышу ничто же от чюдесъ святаго и великаго чюдотворца Прокопия». Онъ же постави мене близъ чтущаго. Азъ же стояхъ ту малъ часъ, и внезапно виде яко гробъ святаго Прокопия потрясся, и живущая во мне демонская сила смутися и движесея. И нача демонъ яко малый младенецъ вопити во чреве моемъ, яко и предстоящимъ ту слышати ужасное се вражие кознодейство. Азъ же не могахъ стояти во церкви, и побегохъ, и идохъ в притворъ въ церковный святыхъ чюдотворцовъ Козмы и Дамиана, и быхъ во изступлении ума и в то время держима быхъ братомъ моимъ и инемъ некимъ человекомъ. Егда же во

умъ приидохъ, и паки поведоша мя во церковь свягата Прокопия. Азъ же начахъ вопити елико могий. «Не водите мене во церковь свягата Прокопия: азъ бо не могу быти от живущия во мне демонския силы». Они же нуждею мя влечахъ, азъ же отторгохся от нихъ, и идохъ въ церковь свягата предивнаго Иоанна чудотворца.

Въ тоже время тоже чтаху от жития и чудесъ свягата Прокопия, и утеснения ради азъ грешная ссдохъ на левый клиросъ. И повеле ми тоя церкви пономарь сести ко гробу свягата Иоанна въ ноги. Азъ же по повелению его ссдохъ ту, и видехъ гробъ свягата Иоанна яко потрясся. Азъ же убояхся зело того страшнаго видения, и руками своими держакся о гробе свягата Иоанна. И въздремахся мало, и видехъ светъ неизреченный, и во свете девицу святолепну и прекрасну зело, ея же красоты невозможно сказати. Идяше же она въ церковь свягата Иоанна въ полуденные двери подле настоящия иконы, прииде до мене, и взя мя за правое плече и глагола ми: «Господи Иисусе Христе, сыне Божии, помилуй насъ!» Азъ же не отвещахъ ей ничтоже. Она же рече ми: «Соломоние, глаголи «аминь». Азъ же ничтоже отвещахъ. Она же паки второе и третье ту же молитву, и рече ми пресвятая девица: «Соломоние, глаголи «аминь». Азъ же едва отвещахъ «аминь». Она же рече ми: «Отвещай и еще дважды «аминь». И паки рече ми: «Соломоние, веси ли ты кто есмь азъ?» Соломония же рече: «Госпоже моя, како ты могу знати, понеже азъ есмь грешная въ скорби велице от живущия во мне демонския темныя силы». И рече ми пресвятая святолепная девица: «Како ты жено не веси мене, яко въ домъ убо мои приходиши безпрестани яко пять лет». Азъ же грешная рекохъ: «Где есть, госпоже, домъ твой?» Она же рече ми: «Домъ мой есть соборная и апостольская церковь. Азъ есмь нарицаюся пресвятая Мария рождшая плотию Господа нашего Иисуса Христа, творца небу и земли, и вся яже суть в нихъ. Днесъ убо хочу (тобою) показати тобою чудо велие и преславно, страха и ужаса исполнено, ради предстателей и молебниковъ за тебе къ Сыну моему и Богу нашему праведныхъ реку Прокопия и Иоанна Устюжескихъ чудотворцовъ. Ты же молиси им безпрестани, яко да исцелееши, есть бо ныне во утробе твое темнозрачныхъ седмдесят бесовъ и еще имуть приити на тя 1700 лукавыхъ бесовъ, и ты ихъ окаянныхъ не убойся, предстателствуютъ бо за тебе святии чудотворцы Прокопий и Иоаннъ и избавятъ тебе от демонския немощныя темныя силы, и крестися ты, Соломоние, крестнымъ

знамениемъ разумно и внятно». И паки рече Пресвятая Богородица сице: «Егда како почнуть у тебе вопрошати святити чудотворцы Прокопий и Иоаннь, какова обещания, и ты имъ во всемъ обещайся волю ихъ сотворити, и заповеди ихъ сохранити, елико ти изрекутъ они». Азь же грешная не могахъ отвещати к ней ничтоже. По семже рече ми Пресвятая Богородица: «Миръ ти, Соломоние». И поиде от мене пресвятая дева Мария темже путемъ аможе прииде.

Азь же от того преславнаго видения возбнухъ и ужасохся зело. И восхотехъ бежати изъ церкви, и видехъ брата моего близъ мене стояща, и зазрехся, и паки седохъ на томже месте и уснухъ. И паки видехъ светъ во церкви, яко николиже тако видехъ, и святаго Прокопия идуща во церковь въ западныя двери. И яко бысть близъ гроба святаго Иоанна, и воста святой праведный Иоаннь изъ гроба, и приидоша ко мне грешней, и ставше предо мною святити и глаголаша: «Отиди проклятый демоне от рабы Божии Соломонии». И паки глаголаша святити: «Соломоние, молися ты из глубины сердца своего заступнице христианстей Пресвятей Богородице, и святымъ праведнымъ чудотворцемъ Прокопию и Иоанну, и будещи в сий день исцелена. И обещайся нама, чтобы тебе къ прежнему твоему мужу нейти [телесныя ради нужды] и за иного не посягнути. Но и еще тебе, Соломоние, мучение люто будетъ на три часы, и потомъ исцелееши. И егда тебе сие мучение приидеть и ты призови въ то время дванадесять священниковъ, и чтобы они надъ тобою проглаголали 12 псалтырей въ те три часы. И буде те псалтири не исполнятся, и ты призови отца своего духовнаго, еже бы ты онъ исповедалъ, и причастилъ святыхъ страшныхъ Христовыхъ тайнъ временнаго ради лютаго мучения».

Бяше же святой Прокопий видениемъ русь, власы имея долги, браду же просту русу не зело малу. Одеание же на немъ кратко, на нозехъ его сапоги, в рудехъ же кочерги. Святой же Иоаннь таковъ бяше, яко же и на иконе написанъ, странническимъ образомъ. И паки рекоша ми святити: «Миръ тебе Соломоние». И отидоша от мене вскоре и невидими быша.

Азь же грешная возбнухъ от того преславнаго видения и в себе пришедши, отидохъ изъ церкви. Братъ же мой и инъ некто, поимше мя, и vedoша мя въ церковь ко святому Прокопию. Азь же начахъ вопити елико можи: «Не водите мене ко святому Прокопию». Они же не послушаша мене, но нуждею мя влекуще во церковь.

Егда же быхъ во церкви малъ часъ и не могахъ стояти от живущия во мне демонския темныя силы, и паки начахъ азъ молитися брату моему, дабы мя пустилъ изъ церкви. Онъ же ослаби ми и отпусти мене. Азъ же приидохъ въ домъ, идеже живяхъ, и быхъ азъ во изступлении ума, и начахъ поведати свое видение, еже виде во церкви святаго праведнаго Иоанна чудотворца. Во храмине той въ ней же азъ бехъ никого же от живущихъ ту человекъ, по токмо братъ мой вне храмины стояще и слушая словесъ моихъ, яже азъ глаголахъ. Азъ же того не ведехъ, с кемъ глаголахъ, или кому сказуя видение. И егда же изглаголахъ все порядку, яже видехъ, и потомъ умолчахъ.

Братъ же мой, стоя вне храмины, слышахъ от мене глаголанная сия, шедъ къ соборне церкви Пресвятыя Богородицы, и исповеда все порядку глаголанная от мене отцу моему духовному иерею Никите. Он же паки повеле мя привести в соборную и апостольскую церковь. Брат же мой и инъ некто поемше мя и приведоша мя во церковь Пресвятыя Богородицы, и введоша мя въ пределъ въ церковь святаго Иоанна Предтечи, и начатъ отецъ мой духовный вопрошати мя о видении, еже слыша от брата моего. Азъ же помня все видение и немогахъ поведати ему от диавольскаго томления.

Братъ же мой повеле имъ Псалтирь глаголати. Отецъ же мой духовный, да тоя же соборная церкви священникъ Симеонъ, начаша надо мною Псалтирь глаголати. Мне же наипаче мучение почало быти от демонския темныя силы, живущия во мне. Азъ же не могахъ ни слышати словесъ и начахъ вопити, чтобы они не глаголали надо мною Псалтири, и дали бы мне еще на три часы срокъ, и вамъ то мое видение все объявлено будетъ. Священницы же повелеша мя вести из церкви брату моему. Они же взяли и изведше мя.

И паки бывшей ми во изступлении ума, и видехъ на пути видение преславно и страшно зела, яко одесней стране священнический и диаконский чинъ идущъ и поющъ, несущи крестъ животворящий и святое Евангелие с кандилы и фимиямы. А на шуйей стране видехъ многое множество темныя силы демоновъ, видениемъ черны и сини и изуверы и страшны. Бяше же ихъ яко туча темная, и на лице мое окаяннии плеваху и сморкаху. Азъ же проидохъ техъ страшныхъ изуверовъ и ничтоже зла пострадахъ от нихъ молитвами и заступлениемъ Пресвятыя Богородицы и святыхъ праведныхъ чудотворцевъ Прокопия и Иоанна.

И приидохъ въ домъ, идеже живяхъ, и начахъ азъ про-

сити отца духовнаго. Отець же мой Никита прииде ко мне и исповеда мя и причасти мя святыхъ и животворящихъ страшныхъ Христовыхъ таинъ страшнаго ради мучения моего, и благослови мя и отиде от мене. И посемъ приидоша ко мне священники и диаconi и глаголаша надо мною Псалтирь, и видеша мя яко мертву, и чрево мое надмеса зело окаянными лукавыми темными духи. И плакашася зело вси предстоящи, видевше мое погубление.

И зело внезапно возсия светъ неизреченный во храmine моей, в ней же азъ лежахъ. И видехъ юношу идуща во храмину мою и несуща свещу возжженну, и по немъ священника идуща с кадиломъ, также идяху святии чудотворцы Прокопий и Иоаннъ. И ставше вси у главы моя и глаголаша святии между собою, азъ того не вею, что они глаголаша. И паки приступиша святии ко мне: праведный Прокопий прекрести утробу мою рукою своею, а святой Иоаннъ держа в руке своей малое копие, и приступи и той ко мне, и разреза утробу мою, и взя из мене демона, и отдаде и святому Прокопию. Демон же нача вопити велиим гласомъ и витися в руке его. Святой же Прокопий показа ми демона глаголя: «Соломоние, видиши ли демона иже во утробе твоей вселшагося?» Азъ же видехъ его черна и хвостъ у него бяше, уста же ему дебела страшна зело, и положи и на помость и закла и кочергами своими. Святой же Иоаннъ начать паки выимати из утробы моя по единому демону и давати святому Прокопию. Он же вземъ пометаше на помость и закалаше. И паки рекоша святии: «Ныне мы у тебе изяхомъ половину демонския темныя силы, а совершенное исцеление приимеши в дому моемъ у гроба святаго Прокопия». И паки глаголаша ми святии чудотворцы: «Жено, до уреченныхъ трехъ часовъ не подобасть намъ быти к тебе». И по сем отидоша от мене и вскоре невидими быша.

Посем же начаша у святаго Прокопия, якоже обычай бываетъ по вся лета, благовестити и собравшимся всемъ священноначалником архимандриту и игуменомъ, и протопопу со всею братиею и прочихъ церковей священникомъ и диакономъ, и всему церковному причту, и властелю великаго града Устюга, и всемъ гражданамъ мужем же и женам молебная совершати со звономъ, и воду святити со звономъ всемъ священнымъ соборомъ. В то же время и мене грешную принесоша в церковь святаго Прокопия и положиша ко гробу его. Азъ же быхъ яко расслабленна всем теломъ моим, и не могахъ двигнути руками и ногами и языком проглаголати не могахъ, но яко мнетися быти

ми мертве от демонския темныя силы во мне живущия и чрево мое надмесе зело.

И в той часъ облиста мене светъ велий, и явишася святни чудотворцы Прокопий и Иоаннъ ставше предо мною тем же образомъ якоже и прежде видехъ. И рече святой Иоаннъ подругу своему святому Прокопию, чтобы у Соломонии срачицы не осквернити. И рече святой Прокопий: «Неимать осквернитися срачица, и дом мой не будетъ оскверненъ отъ вражия демонския темныя силы». И нача святой Иоаннъ выимати тою же язвою и прочихъ оставшихъ демоновъ якоже и прежде. Святой же Прокопий приимаше и пометаше ихъ на помость церковный и давяше ихъ ногою своею, и глагола святой Прокопий ко Иоанну сице: «Яко чиста ли утроба Соломониина отъ живущихъ в ней темныхъ демоновъ?» И отвеща святой Иоаннъ, яко чиста есть, и несть уже ничтоже скверны демонския в ней. И посем поглядаше святой Прокопий язвою тою во утробу Соломониину и видевъ яко чиста есть, и не оста ничтоже скверны и порока в ней. И рече святой Прокопий сице: «Славно Богъ прославися». Такожде и святой Иоаннъ рече: «Славно Богъ прославися». И паки рекоша и мне святни: «Глаголи и ты Соломоние: «Славно Богъ прославися». Язык же мой вскоре подвижеся и абие рекохъ и азъ: «Славно Богъ прославися».

И паки глагола ми святой Прокопий: «Соломоние, от сего дни буди ты исцелена, от того великаго диаволскаго мучения и томления и плотския лютыя болезни». И посем паки глаголаша ми: «Яко по исцелении сем будетъ тебе, Соломоние, многое вражие искушение и мечтание. Ты же не убойся ихъ, и якоже заповедахомъ тебе, еже к мужу твоему не возвратитися и за иного не посягати. Тыже обещалася еси Господу Богу и Пречистой Богородице и нама еже сохранить и соблюсти крепко, и сие по обещанию твоему снабди, и опасно сохраняй». И посем рече святой Прокопий: «Здравствуй, Соломоние, до великаго суда Божия». И благослови мя рукою своею глаголя: «Буди наше благословение на тебе отныне и до века». И еще глагола ми: «Соломоние, иди к правому клиросу и сотвори молитву Иисусову, и глаголи: «Славно Богъ прославися». И посем глаголании святни вскоре невидими быша.

Азъ же от того преславнаго видения в себе приидохъ и абие востахъ на нозе свои, и возрехъ очима, и видехъ и церкви святаго и праведнаго Прокопия солнечный свет сладко и ясно, и обозрехъ всю церковь, и видехъ образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И вопросихъ

азъ брата моего: «Во церкви ли азъ стою или видение вижу?» Он же глагола ми: «Яко во церкви святого и блаженнаго Прокопия, сестро моя Соломоние, стоиши, при святей и божественней литургии и при чтении святого Евангелия».

Посемже узрехъ азъ и гробъ святого и блаженнаго Прокопия, и возрадовахся радостию великою zelo, и поклонихся у гроба святого Прокопия, и нача молитися со слезами глаголя: «О светоче Божий праведный Прокопие, яко не презрель еси мене грешную до конца погибнути, вражюю демонскою темною силою, но възскаль еси якоже овцу погибшую, и спасль мя еси от лукаваго и темнаго врага, и изяль еси мене грешную из устъ самого сатаны».

Во утробе же моей ничтоже демонския силы не чюхъ, и быхъ яко николиже пострадахъ и язва от темныя диявольския силы прогрызенная исцеле, и отныне быхъ здрава якоже и первее. И понудихся ити к правому клиросу якоже святии рекоша, и невозмогахъ ово утешения ради всенароднаго множества, ово же страха ради, и бояхся, чтобы мятежу не учинить во время божественныя литургии. А на чреве моемъ, коимъ местомъ выимали святии вражюю демонскую темную силу, и то место знать ради истиннаго свидетелства, дабы не помышляли людие, яко привидение се бысть, а не истинное чюдо святыхъ праведныхъ чюдотворцевъ Прокопия и Иоанна.

Сие же преславное и неисповедимое чюдо Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии и ея угодниковъ святыхъ и праведныхъ чюдотворцевъ Прокопия и Иоанна слышавше же священноначальницы и весь священный соборъ и градский воевода и весь народъ мужие и жены и всякъ возрастъ, вси прославиша Господа Бога, и Пречистую Его Богоматерь и угодниковъ ихъ Прокопия и Иоанна. И в то время повелеша доволно звонити во вся тяжкая. И приишоша во святую соборную и апостолскую церковь Пресвятыя Богородицы, и певше молебная. Мнози же градстии людие плакахуся, видяще и слышаще таковое дивное и преславное чюдо, яже прослави Господь Богъ своя угодники. И посем приишоша во церковь святого и праведнаго Прокопия со кресты и чюдотворною иконою Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрия, и с прочими святыми иконами, певше молебная со звономъ. И оттоле паки приишоша в церковь святого и праведнаго Иоанна. И тамо такожде певше молебен со звономъ, и в то время не бе таковъ человекъ, яже слыша и видя о преславномъ семъ чюдеси, яко

бы воздержатися ему от слезъ, но вси купно мужие и жены пролиаша радостныя источники слез, видяще и слышаще преславное и великое чудо Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и угодниковъ Божиихъ святыхъ и праведныхъ чудотворцевъ Прокопия и Иоанна. И посемъ торжествовавше светло и духовно, и разошася в дома своя с радостию великою зело».

Повесть о царе Иване и старце

арь Иван Васильевич пришел в Сергиев монастырь к бдению и слыша крылошанина горазда пению, а он сам горазд был пению. И послал к нему боярина своего спросить: «Откуда, старец?» И пришел боярин, сотвори молитву (а старец говорил: «Аминь»): «Царь-де Иван Васильевич велел тебя спросить: «Откуда, старец?» И старец отвечал: «Аз-де отвсюды старец»,— и на себя оком окинул. И пришел боярин, говорит: «Государь, я не смею говорить тебе. Старец говорит: «Я-де отвсюду чернец, и спереди и созади». И в другой поем посылает того же боярина спросить: «Где пострижен?» И боярин спросил с молитвою, по чину: «Где пострижен?» И старец поднял шапочку и указал,— рек: «В то пострижен»,— на главу. И боярин сказал царю, и царь рек: «Впрямь-де он с главы пострижен». И как почали ексапсалмы петь, и царь сам пошел к старцу и сотворил молитву — и старец аминя не дал.

И царь прочь пошел. И царь опять пришел и сотворил молитву — и старец аминя не дал, царь и прочь пошел. И начали петь алилуия, и царь сотворил молитву — и старец рек: «Аминь с проволокою». И царь молвил: «Что-де ты давеча не отвецал?» — «Здесь-де одного подобает слушати». И царь взошел на крылос, и старцы все раздалися, а головщик не поступился — и царь стал под ним. И как пришло петь поилеилуй, и старец не почал петь, а царь пел. А старец говорит: «Только-су умеешь!» И царь сошел с крылоса.

И как приходит «Пролог» чести, царь говорит архимандриту, чтобы положили исподнею доскою вверх, да обернуть главою вниз, а низом вверх; а чести велел архимандрит тому же старцу. И старец пошел чести и отворил книгу и учал здорное говорить. И, молвя слова два-три и «Богу нашему слава» да поотшед, молвил: «Чтоб-де чисто было в глазах у тово, кто книгу положил». А положил книгу уставщик по архимандричью велению. И царь о том был светел.

И после пения царь приказал архимандриту покоить

головщика пивом и медом, чтобы упился и проспал заутреню. И заутро праздник Ивана Богослова, и бысть бдение. И как отдали часы дневные, и царь пошел подслушивать. В келье они крылошены играют, все пьяны, масло колотят. И тот головщик начаял и, что тут играет. И царь, идучи, без архимандричья благословения приказал благовестить. И пришел до звонцаря, а головщик стоит на крылосе чинно. И царь пришел, сотворил молитву и говорит: «Чернец, бес ли ты или человек? Топеря ты сказали пьяна, а ты на крылосе стоишь!» И старец рек: «Бес-де не может от зла к добру, а человек преложен естеством и самопроизволен, может ся преложить от зла к добру и от добра ко злу». И на другой день государь после стола глядел сквозь оконницу, а тот головщик идет с погреба сам друг со старцем, а несут по кувшину пива. И как будут против окна, и учили драться. И, дрався, один от другого побежал, и он за ним бросил всем кувшином — и кувшин разбил, и пиво пролил. И царь был светел. И те старцы один другому говорил: «О чем дралися?» И другой говорит: «Не сведаю, о чем». И паки один возрев на церковь и рек: «Пресвятая Троице, помилуй нас», — все до конца. И по сем прощение полное получиися, и пошли.

И царь пошел из монастыря и приказал беречь его архимандриту. И старца призывает к столу в Александрову слободу: а быть ему ни конем, ни пещу, ни в платье и ни нагу. И тот старец пошел с крылошаны. И как будут близь Слободы и двора церковнаго, веле ся оболочи всем старцем мережами, и друг друга несли за кукорки, переменяясь. А царь смотрел сверху. И дивился царь старцеву разуму и велел за столом посадити и, покоя гораздо, дати всем им ложки долгиа стебли, что неможно самому себе в рот уноровить. И учили старцы есть, друг другу чрез стол в рот подавать. И царю сказали, и царь дивился разуму его. И после многоа кушанья велел царь спросить: «Сыты ли?» И они сказали: «Сыти-де». И велел государь принести к ним пирог свой царский — и они его весь съели. И царь приказал: «Как-де вы, старцы, лжете: сказав сыти, — и пирог весь съели?» И головщик говорил: «Как-де бывает хоромина полна людей, а царь идет и молвит: «Всем тесна, а царю пространная дорога». И так-де и пирог царский».

И царь его призвал к себе и говорит: «Чернец, приказе-де ты архимандриту. Чем жаловать?» И он приде: «Государь, немного старцу надобно, только втрое: тепло, мокро и мягко». И бояре дивились, что говорит нелепо пред царем.

И государь говорил: «Впрямь-де он просит тепло — келья, и питья нескудного, и мягкого хлеба». И приказал его архимандриту жаловать наипаче всех братий. И опять пошли крылошени в монастырь, а государь царь Иван Васильевич остался во Александровской слободе.

Повесть о начале царствующего града Москвы

ето 6889-го октября в 29 день во Владимире граде по державе князя Владимира державствовал князь Андрей Александрович Невский, а во граде Суздале державствовал князь Данил Александрович Невский.

Почему было государству Московскому царству быти и кто то знает, что Москве государством слыти?

«Были на сем месте по Москве реке села красная, хорошая, боярина Кучка Стефана Ивановича. И были у Кучки два сына красны зело; не бысть таких красных юношей во всей Российской земли. И сведа про них князь Данил Суздальский и проси у Кучки боярина князь Данил сынов его к себе во двор с великимъ прением. И глагола ему: «Аще не дашь мне сынов своих во двор мой, и аз на тя прииду с воинством и тебя велю мечю предати, а села твоя красная огню предам». И боярин Кучко Стефан Иванович, убояся страха князя Данила Александровича, и отдаде сынов своих обоих князю Данилу Суздальскому. И те два брата князю Данилу полюбилися, и нача их князь

Данил любить и жаловати, единого пожаловал в стольники, а другаго пожаловал в чашники. Теже два брата полюбили князя Данила жене его княгине Улите Юрьевне, и уязви ю враг на тех юнош блудною страстию, возлюбил бо красоту лица их, и дияволим разжением смесися с ними любезно. И умыслиша они со княгинею, какобы им предати князя Данила смерти. И начаша звати князя Данила в поле, еже обычай бывает ездить утешения ради, смотреть зверска лова зайцев. И бысть ему на поле и егда въехавшу в дебрии, и нача они Кучковичи предавати его злой смерти. И князь Данил ускочив от них на коне своем в чащу лесу, часты бо леса. И бежа от них подле Оки реки, оставя коня своего. Они же злии убийцы, аки волцы люты напрасно хотя восхитити его. И сами быша ужаснии, много же искавше его и не обретоша, но токмо нашедше коня его.

Князь же добежав с нуждею до перевозу и не имея что дати перевозчику, токмо бе у него на руке перстень злат; и тот перстень обещается дати за перевоз. Перовоцик же глаголаше к ему: «Лихо де вы люди обманчивы, как де вас перевезешь реку, и вы де, не дав перевозу, так и уходите». А узнал его перовоцик, что он князь Данил Александрович.

Он же обещался, что дасть тот перстен золотой за перевоз, аще перевезет его Оку реку. Перовоцик, приехав близь к берегу от другия страны Оки реки, и быв против князя и протяже весло к князю и рече: «Подай мне перстень на весло, перевозного наперед, и аз тя перевезу Оку реку». Князь же Данило мнев его правдив человеком, и мня не солжет ему, и положи ему на весло преж перевозу перстень свой златой. Перовоцик же то взяв на весло от князя перстень к себе и отторжеся от берега в перевоз не за Оку реку и не перевезе его.

Князь же Данил побеже подле Оки реки, бояся за собою гонивших людей его. И преиде день той к вечеру темных осенних ношей. И не имея где прикрытися: пусто бе место в дебрии, и по прилучаю найде в той дебрии струбец мал стоит, под ним же прежде погребен бысть ту некоторый мертвы человек. Князь же влезе в струбец тот, закрывся в нем, забыв страх мертваго. И почи ту ночь темную осеннюю до утрия.

Сынове же болярина Кучки Стефана быша в сетовании и в великой печали, что упустиша князя Данила жива от рук своих, ранена. И придоша в раскаяние и реша друг ко друга: «Лутче бы нам не мыслити и не творити над князем таковаго дела смертнаго, понеже утече от нас князь

Данил ранен во град Владимир к брату своему князю Андрею Александровичь. И приидеть к нам зло князь Андрей с воинством, и будет нам от них принять злая смерть казнь, различная и лютая; а княгине Улите бысть от него повешеной на воротах и зле разстреляне; или в земли до плечи живой быть закопаной, что мы напрасно умыслили зло на князя неправедно».

И злая княгиня Улита, наполни ю диявол в сердце злыя мысли на мужа своего князя Данила Александровича, аки лютую змию ядовитую, распали бо ю сатана на возжеление блудныя тоя похоти, возлюбив бо окаянная малодобрых наложников Кучковых детей и любовников своих; и поведати им вся тайны мужа своего по ряду, глагола: «Есть де у мужа моего пес выжлец. И как де он князь Данил ездить против врагов своих на грозныя побоища, на татар, или на крымских людей, приказывает мне, поедая на брань: «Егда я от татар или от крымских людей убит буду, или иным каким случаем приидет мне смерть безвестная, или на бою в трупиях человеческих сыскати и познати меня не мочно, или в полон буду взят жив от татар или от крымских людей, и которым путем, в которую землю сведут мя, и ты пошли на разыскание по мне дворян своих с тем псом и вели им пустити того тай перед собою проста, и самим ехать за ним, и где буду жив сверен, и тотъ пес тою дорогою дойдет до меня, или на поле буду мертьв безвестно, или на бою убит, и во многом трупием человеческом, и образ мой от кровавых ран переменится, или не познают меня, а той пес възычет меня неложно, и мертвому мне учнетъ радоватися и тело мое начнет лизати радостно».

И на утрия та окаянная княгиня Улита, того тай давати своим любовником и твердо им приказывает, где вы его с сим псом ни обрящете, и там его скоро смерти и предайте без милости. Они же зли убийцы злаго ума тоя злоядницы княгини Улиты наполнившися, взявше вскоре того пса, приехавше на место, где князя Даниила ранили, и от того места пустища наперед себя того пса. Той же пес беже пред ними. Они же за ним скоро ехавше, и бежал той пес по берегу Оки реки скоро и набежал он струп, где ухоронился князь Даниил, увидев князя Даниила и нача опашию своею махати, радуяся ему. Те же искали его убийцы, увидевше то пса радующеся и хвостом машуща, скоро скочивше, скрывают покров струпа того и обретоша тут князя Даниила Александровича, и скоро князю смерть лютую, мечи и копии прободоша ребра его и ссекоша главу ему и паки в том же струбец покрывша тело его.

Сей благоверный князь Даниил бысть четвертый новый мученик, прият мученическую смерть от прелюбодеев жены своея. В первии мученицы Борис и Глеб убиены быша от брата своего окаянного Святополка рекомаго Поганополка. Кучковыи же дети приехавше во град Суздаль, привезоша ризу кровавую великаго князя Даниила Александровича и отдаше ю княгини Улите, жене его князя Даниила, и живяху с нею те убойцы в том же беззаконии любодейном по прежнему.

Не скоро же убо доходит вестъ во Владимир град ко князю Андрею Александровичю, что сотворися таковое убийство над братом его князем Даниилом Александровичем. Сыну же его Иоанну Даниловичю, внуку Александрову, оставшемуся младу сущу токмо пяти лет и трех месяцев от рождения его, храняще его и соблюдяше верный раб отца его Давыд Тярдемив.

По смерти же Данилове пришедшу уже два месяца и сжалися тот верный слуга Давыд о князеве сыне Иоанне Даниловиче и взяв его отай нощию и паде на коня и гнав с ним скоро ко граду Владимиру, ко князю Андрею Александровичю, к стрюю его. И сказав все слуга его тот Давыд по ряду, что сотворилося во граде Суздале над великим князем Даниилом злое таковое убийство над братом его князем Даниилом.

Князь же Андрей сжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимерович по братии своей Борисе и Глебе, на окаянного злаго убийцу Святополка рекомаго Поганополка. И собрав войска себе Ярослав новгородцов, и Бога себе в помощь призвав ратию отмстити кровь праведных братий своих Бориса и Глеба, победи окаянного Святополка. Также и сей новый Ярослав, великий князь Андрей Александрович прослезися горце по брате своем князе Даниле Суздальском и воздешь руце свои на небо и рече со слезами: «Господи владыко и творче всех, создателю наш, отмсти кровь праведных Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка, тако Господи и владыко отмсти кровь сию неповинную брата моего князя Даниила на злых сих блудников и наложников тоя блудницы насытых плотцких блудных скверн кальных похотей, бесовских угодных дел связанных сатанина закона. Святополк бо окаянный братоубийство сотвори, очи его злы прельстишася насытии сребра и злата имения многого, власти и царства сего света на един час насладитися, а небесного царствия во веки отпаде и во дне адове во веки мучение воспринять. Тако же и сия скверная насытая блудница

княгиня Улита блуднаго сквернения похоти несытствовала. На един час насладися скверный и не токмо небесного царствия лишися, но и сего света власти и злато и серебро и ризи драгие и многоценныя отринув и возлюби скверность злую похоть блудную и готовися диявола невеста быти».

И собра князь Андрей во граде Владимире своего войска пять тысяч и поиде ко граду Суздалю и слышаху во граде Суздале Кучка боярина Стефана дети его, что идет на них из Владимира града князь Андрей Александрович с воинством своим на отмщение неповинные крови великого князя Даниила Александровича брата своего, и прият тех убийц страх и ужас, что напрасно пролили кровь неповинную, убили господина своего князя Даниила. И не возмогоша стояти оне против князя Андрея ратоватися, и побежаша к отцу своему боярину Кучку Стефану. Князь Андрей с воинством своим пришел в Суздаль град. Граждане же суздальцы князю Андрею не воспротивяста ни в чем ему, и покоришася и глаголюща ему государю: «Князь Андрей Александрович! Мы тем убийцам не советницы были на смерть брата твоего, а нашего государя великого князя Даниила Александровича, и не приложихомся совету их, но мы вемы, яко же на его злую тое смерть ему умыслила с любовники своими Кучковичи, и мы тебе, государь, будем собствовать на тех злых изменников на отмщение великаго государя князя Даниила.

Князь же Андрей повеле княгиню Улиту взять и умучити розными муками и лютыми и предаша злой смерти, понеже она, злая таковая княгиня Улита, безстудное дело сотворила, а не устрашилася Бога и создателя всех, вельможей и великих людей и не устранилася, а добрых жен укору и посмеху не постыдилась, мужа своего великого князя Даниила злой смерти предала и сама окаянная княгиня тую же лютую смерть прияла.

И собращася суздальского воинства граждане в помощь к великому князю Андрею числом 3000, и поиде князь Андрей со всем своим войском на боярина Кучку Стефана и на убийц. И не было у Кучки Стефана боярина круг красных его сел ограды каменные, ни острога деревянаго, и не возможе Кучко боярин против князя Андрея боем битися. И вскоре князь Андрей всею своею силою емлет приступом села и слободы красныя, и самого Кучку боярина Стефана и съ его детьми в полон взял, и повеле их князь Андрей оковати в железа крепкими, и потом повеле его боярина Стефана казнити, а сынов его лютыми му-

ками умучити разными. И тут Кучко боярин и з детьми своими злейшую кончину восприяша.

В лето 6890 месяца марта в 17 день князь же Андрей Александрович отмсти кровь неповинную брата своего великого князя Даниила Александровича Суздальского, победи Кучка боярина Стефана и злых убийц, детей его Стефановых, умучил розным муками и все имение их, злато и серебро и богатство разграбив, отослал к себе, а сел и слобод красных не велел разорить. И о том воздал хвалу Христу Богу и Богородицы и всем святым, что дал Бог помощь победити и отмстити кровь брата своего Кучка боярина и детей его убийцы и блудников и препочи тут. И на утрии востав и посмотрев по тем красным селам и слободам, и вложи ему Бог в сердце, князю Андрею, и те красныя села и слободы ему князю Андрею вельми полюбились, рассмотрев и помышляше во умѣ своем, како бы ему Бог подал помощь еще в том месте граду быти. И воздохнув из глубины сердца своего, воздев руце на небо моляшеся Богу со слезами и рече: «Боже Вседержитель, творче всем и создателю! Прослави, Господи, место сие и подаждь помощь, исполни хотение желания моего, еже устроить град на сем месте и возградити святыя церкви». И оттоле князь Андрей сяде в тех красных селах и слободах жительствовати, а во граде Суздаде и в Владимирѣ посадил державствовать сына своего Георгия Андреевича, а племянника своего, Иоанна Даниловича, братня сына, к себе взял и воспитал его до возраста его в добром наказании.

Той же благоверный князь Андрей Александрович воздвиже церковь Пречистыя Богородицы честнаго и славного ея Благовещения невелику сушу древяну и Бога на помощь себе призывал и Пречистую его Богоматерь владычицу Богородицу. Таже повеле и град основати около тех красных сел по Москве реке, с ним же пособствовавшие суздальцы и володимерцы и ростовцы и окрестныя веси. И тако соверши град Божию помощью и Богородицы и всех святых устроиша все градное дело в лето 6891-го июля в 7 день. И оттоле нача именоватися новосозданный град Москва.

Поживе же той благоверный князь Андрей во граде Москве и устрои в нем многия церкви и преставися в лето 6892-го, во граде Москве державствовати благословил племянника своего Иоанна Даниловича. Сыну же его Андрееву Георгию, наричему Юрию Андреевичу, суздальскому и владимирскому, преставльшемуся прежде смерти отца своего Андрея Александровича Московского

едином летом, но токмо оставя у него Георгия наследник по нем, сын его Димитрий Георгиевичь, еще бо малу сушу ему, яко 4 лет и дву месяцев. Той же князь Иоанн Данилович доиде полнаго возраста своего и дарова ему Бог добр разум и премудрость, и бысть благодарствен и верен и благочестив и нищелюбив, аки златы сосуд наполнен добраго и чистаго бисера. И взял к себе Дмитрия Юрьевича суздальского и владимерского, сродича своего и воспита его в добром наказании, а град Суздаль и Владимир под сию же область московскую державствовати прием.

В та же времена при сем владыце верном и благочестивом князе Иоанне Даниловиче Московском в лето 813-го марта в 22 день прииде из Киева града к Москве по Божию благоволению преосвященный Петр митрополит, и благоволению князя и нарече его великим князем Московским и всея Росии и пророчествова Петр митрополит о сем граде Москве сице: «Яко по Божию благоволению будет град сей царствующим, велми распространится, и устроится в нем дом всемогущия и живоначальная святяя Троицы и пречистыя его матере Пресвятяя Богородицы, и церквей Божиих буде множество, и монастырей святых безчисленно многое множество, и наричется сей град второй Иерусалим, и многим державством обладатель, не токмо всею Росиею, но и всеми странами прославится, восточною и южною и северною, и пообладает многими ордами до теплого моря и от студеного окияна, и вознесется рука высока Богом дарованная отныне и до скончания миру». Князь же великий Иоанн Данилович даде Петру митрополиту пасти церковь Божию, престол Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, дом всемогущия и живоначальная святяя Троицы и Пречистыя его Богоматере, и поставляется митрополитом Московским и всея Росии.

И прославиша вси жители Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистую его Богоматерь владычицу Богородицу и всех святых, и воздаша хвалу Богу в Троицы славимому, сотворше молебное пение, и оттоле назвася и прославися имя твое Отца и Сына и святаго Духа, ныне и во вся веци. Аминь.

Повесть о царе Михаиле

ысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и славенъ zelo во всех странах. И родился у него конь велими чюдень и грозень, и никто на него не смеяша сестъ, царь на нем не ездѣша, в железной конюшне стояше, повинных к нему меташе. И повелелъ царь Михаил во Цареграде клич кликать: хто б царевъ конь укротил, чтоб могъ ездить царь Михаилъ на чюдном и на грозном коне? И розошлася вѣсть по всем градомъ. Слышав же то Московские области извозникъ некто имянем Василей и прииде во Царьград и виде царя Михаила к вечерне идуща и воскрича извозникъ и рече: «Великий царю Михаил, яз грозново коня твоего укročю, что имешь ты, царь Михаил, ездить на грозномъ коне!» И слыж(ш)евъ же то, князи и бояра и отбиша ево прочъ и рекоша: «Али в твою пору во Цареграде нетъ ни в князех ни боярех кому укротить грозново коня!» На утре ж увидевъ извозникъ царя к заутрене идуще, и возопил великим гласом: «Великий царю, аз конь твой излечю, что ты, царь, имешь на коне

ездить». Царь же слышавъ и рече: «Аще так сотворишь, яз тебя учину вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебе половину Царяграда и князей и бояр и велмож». Извоздникъ же поклонився царю и поиде к железной конюшне, где конь стоит, и, ударивъ кулакомъ по замкомъ, замки все с пробоев долой спадоша, и вниде в конюшню и ухватил коня одинова прозаром (?) за ухо, и бысть конь кротокъ и смиренъ, и положилъ на конь узду и оседлал грозново коня и, всед на него, и поехал около Царяграда трожды. И веде коня тиха и кротка и, приехавъ на царев двор, воскричал громко: «Великий царю Михаил, чюдной конь твой тихъ и кротокъ и смиренъ. Вели на него положить конской нарядъ». Царь же Михаил со князи и з бояры своими, видев грозново коня, и много дивовася и повелель конской наряд положить. Извоздникъ же рече: «Великий царю Михайль, всяди на грозной свой конь тих и кроток». Царь же всяде на конь и поеха по царскому своему двору, князи же и бояря и велможи много дивися царскому на коне сиденью и чюдного коня течению. Царь же Михайль велми радостенъ и весель повелель чюдново коня поставить въ деной кандуле (?), а извозднику повелел подле своего царского двора царский двор устроить, и наркли извозника царемъ, по немнозе времени извозника посадиша на царскомъ престоле и платье царское на него возложиша и венець царской на главу ему возложиша и скипетр царской в руку ему дасть и дасть ему половину князей и бояръ и велмож и половину Царяграда и (заповеда) всемъ ево повелель слушати. Тогда же извозникъ воцарився и бысть гровенъ велми, вси князи и бояре, половина Царяграда славят его по всему, Царьграду; некоторые князи и бояря и велможи старогъ царя благочестиваго пришед царю своему рекоша: «Посаженика твоего славят всему Царюграду царем, а тебя, благочестиваго царя, и не слышетъ». Царь же Михаил слышавъ и посмеявся и повелель царя Василья, посаженника своего, к себе на пир звать. На утрии же день оба цари у заутренн и у литоргеи быша, и, как убо время кушать царю Михаилу, послалъ вестъ ко царю Василью, а самъ царь Михайль сяде на престоле своемъ царскомъ и повелель многимъ около себя быти княземъ и бояром и велможам. Царь Василей поиде ко царю Михаилу на пир, а с собою не много взяше князей и бояр и вниде в полату, где царь Михайль на своемъ на царскомъ престоле сядя; царь же Михаил не воста с места своего противу царя Василья, посаженника своего, и повелель царю Василью с ноги башмакъ сняти и опять на но-

гу свою возложить. Царь же Василей рече: «Не подобает царю царя розувать и обувать, царь царю по достоянию честь воздаст». Царь же Михаил рече: «Аще не снимеш башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить». Царь Василей не могъ ничемъ отнятца и сотворил ухищрение — снял башмакъ с ноги и опять положил, царь же Михаил встал, всел с престола своего царского и сядо за столъ кушать. Царь же Василей ишед в свои хоромы, за стол ко царю Михаилу не пошел и, пришед во свои хоромы, начал велми сердитовать, аки левъ ревуще, и повелел к себе всем своимъ княземъ и бояромъ быть тотчас. Князи и бояря съехашеся, царь же Василей начал имъ жаловатца: «Князи и бояря и вси велможи! царь Михаилъ зазвал меня к себе на пир, яз к нему пришол, и он меня заставил себя розувать и обувать и меня темъ обесчестилъ. И вы мне придумайте, какъ мне отомстить царю Михаилу позор свой». Князи же и бояря и вси велможи рекоша: «Великий царю Василей! подобает тот позор отомстить: единому живу быти, а другому мертву». Царь же Василей слышав повелел к себе быть от мала и до велика в третьемъ часу ночи всемъ вооруженным. День проиде, бысть ноч. Царь Михаил ляже опочивать, а князи и бояря вси поехаша каждо по себе. И бысть третей час ночи, ко царю Василью съехашеся, царь же Василей вооружася поиде на царя Михаила, ко вратомъ царскимъ прииде, пятьсот стрелцов побил, на двор вниде, а на крыльце и в сенех болши пятисот побил и прииде к дверямъ полаты царевы и выломиша двери и вниде в полату, где царь Михаилъ почивает, и прииде ко царю Михаилу, и вынявъ мечъ свой, и хотел царю Михаилу главу отсець; а царь Михаилъ опочивает, а руцы его на выми (выи?). Царь же Василей тьял мечемъ и отсече обе руце. Царь же Михаилъ проснувся от сна и рече: «Царь Василей! судить тебя Богъ со мною, что ты мне за добро злом воздал!» Царь же Василей ужаснулся и побежал ис полаты вонъ, изменники же царя Михайловы возвратиша царя Василия и рекоша ему: «Царю Василей! Аще ево ныне не докончаешъ, утре тебе тою ж самому смертью умереть». Царь же Василей возвратився в полату и отсече царю Михаилу главу и повелелъ ево тое ж ночи похоронить по достоянию по царский, бутто своею смертью умер. А на утрии ж день повелел столбъ высок сотворить и повелелъ в вечный колокол звонить, чтобы к столбу все цареградцкие князи и бояре съехалис. Тот же час съехалис все, царь же Василей вниде на столбъ и нача велегласно говорить: «Князи и бояря и вси цареградцкие мужи! царь

Михаиль царьствовалъ во Цареграде единъ много летъ, а меня сотворилъ над половиною Царемъ городом, а самъ царствовалъ над другою половиною. А ныне царь Михайло преставился, и яз его похоронилъ честно. И вы кого выбираете на другую половину во цари?» Князи ж и бояря и вси цареградцские мужи рекоша: «Царю Василей! Коли царь Михайлъ преставился, кому другому быть? Ты единъ царь буди надо всемъ Царемъградомъ царь и всему». И всему Царюграду прославиша царя Василья царемъ. Царь же Василей извозьдникъ всемъ Царемъградомъ владея многое время.

Сказание о древе златом и златом попугае и царе Михаиле

Сказание о древе златомъ
и о златом попугае и о царе Михаиле да о царе Левтасаре

Бысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и богобоязлив, велми былъ к Богу подвиженъ: святая святых созидал, сосуды златые и серебряные по церкви поставлял, церкви пресвященныя воздвизал и монастыри строил и грады зиждалъ. И бысть у него древо златое, и ветви у того древа златые и серебряные, а на томъ древе птицы поют различными гласы. Слышевъ же многие цари и короли про то златое древо, и посылаху пословъ своих во Царьград з дары бесчисленными ко царю Михаилу благочестивому и прошаху у него, чтобы дал древа златова посмотреть. И послы приидоша во Царьград и поклонилася благочестивому царю Михаилу и дары подаша и прошаху у царя древа посмотреть. Благочестивый же царь Михаил велел дары принять, а послом повелелъ древа посмотреть. И послы же, видя древо, и дивися много и поклонилася царю и пойдоша во свою землю ко царемъ и королемъ своимъ и пришед все по ряду поведоша. Цари ж и короли, слышавъ от пословъ своихъ про златое древо

и много дивяс и умысливъ, советъ сотвориша, хотяху у царя Михаила древо златое отставить. И отрядиша иных послов своих и послаша во Царьград и повелель (—и) давать за златое древо города и именья многа. Послы же придоша во Царьград з дары и поклонишася царю Михаилу и рекоша: «Великий царю Михаил, цари наши и короли нас прислали к тебе, великому царю, а велели тебе говорить и у тебя просить древа златова, а велели тебе царю давать много городовъ и именья много». Благочестивый же царь Михаил велель дары принять, а посломъ повелель древа смотреть, а на города и на именья древа златова не отдал. И рече царь Михаил посломъ: «Рките царемъ своимъ и королемъ: цареградцкий великий царь Михаил велель вамъ говорить: за что царю Михаилу златое

древо отдать на города и на именья? во Цареграде древомъ златымъ царь славенъ, зело изобилень во всемъ однеми дарами». Послы же поклонишася царю Михаилу и поидоша во свою землю ко царемъ своимъ и королемъ и сказаша все по ряду, что царь Михаил приказал. Царь же много дивяся. По мнозе ж времени благочестивый царь Михаил преставися от царствия своего, и на ево место во Цареграде сяде на царство царь Левтасар. И бысть шьющъ велми, всю царскую казну пропил, с цареградцких и князей и бояр много казны взял, все то пропил, церкви просвещенные разграбилъ, сосуды серебряные из церквей поимал, все пропилъ, монастыри разграбилъ; да уже нечево ему пропить, дограбився до златоу древа и все древо златое розламал и все то пропил. И некоторого вечера веселящеся со князи и бояры пьюще и тешася велми, и слышавъ, что древа златоу одна ветвь, а на той ветви золотой попугай говоритъ человеческимъ голосомъ, что сей де нощи царю Левтасару напрасноу смертию умереть. Царь же Левтасар рече: «Князи и бояре, слышите, что золотой попугай говорить?» Князи же и бояря рече: «Великий царю Левтасар, слышимъ». Царь же Левтасар, возревъ на подволоку, и виде много множество на подволоке рукъ челоуческихъ пишуца, а лицъ не видить. И велми царь Левтасар ужаснулся и рече: «Князи мои и бояря, видите ли, что на подволоке руке челоуческии пишут, а лицъ не видеть: некоторые волхвы чары на меня нанесоша». И повелелъ в вестовой колоколъ звонить и проповедникомъ повелелъ по улицамъ ездить, чтоб все князи и бояря и велмужи ехали на царев двор велия чюда смотреть. Тот же час съехашеся весь град на царев двор и начаша ходити смотреть чюда в полату по десяти челоуек; руки же не боаяшеся никого, пишуще харатьи, из руки в руку подаяше, аки буря великая шумяше от харатей в полате. И рече царь Левтасар: «Князи и бояря и все мужи градцкии, что у меня в полате велие чюдо учинилос: некоторые волхвы чары на меня нанесоша». Князи ж и бояря вси рекоша: «Великий царю Левтасару, то намъ не сведома, а сведома то чюда Данилу пророку. Данил пророк живет в монастыри от Царяграда шестьдесятъ поприщъ». Царь же Левтасар повелел послать тотчас по Данила пророка. Посланникъ же к Данилу пророку приеде и з Даниломъ пророкомъ стал во Цареграде у царя в полате во многовения ока. И сказаша царю Данила пророка, царь же встретилъ среди полаты пророка Данила и рече Данилу пророку, «что в полате у меня велие чюдо явися; некоторые

волхвы чары нанесоша». Данил же пророкъ виде, ангельские руце пишууть, и бысть трепетенъ велми. Пророкъ же Данил рече: «Великии царю, не волхвы чары нанесоша на тебя, — то пишут ангельские руцы действо твое, царю, что ты царскую казну пропил, святая святых разорил, сосуды церковные золотые и серебряные все из церкви поимал, то все пропил, монастыри розграбил, бояр и всяких людей ограбилъ, то все пропил, и золотое древо все то пропил: «Царьград да и вы, цари, во Цареграде ото всехъ царей и корольей з древомъ золотымъ чесны и славны были, и весь Царьград избобилень был древомъ золотымъ. Сей тебе ноци напрасною смертию умереть». Царь же Левтасар со гневомъ повелелъ Данила пророка посадить в темницу, а самъ повелелъ себя стеречи всемо царству, чтоб к нему смерть не пришла. И начал он в полате своей единъ пребывать, толко с ним Дарей Менденис. И дасть ему копье свое и приказал ему никоу к себе в полату не велелъ пущать: «Хто стапет царскимъ имянемъ пролыгатца, убей ево, не верь ему». И повелелъ ему у дверей стоять, а самъ царь Левтасар опочива(е)т и уснул три часы и проснулся от сна и посмотрил в окошко на двор и виде на дворе огненное пламя, оружное блистание человеческое и говор, и воста поиде ис полаты сторожи смотреть. И увидеша царя вси с трепетом. И походил по двору и виде, крепко стерегут, и рече: «Как хочет смерть проитить ко мне через такую крепкую сторожу?» И вниде в полату свою и ляже опочивати и заснул шесть часов. И будет девятой час и проснулся от сна и поиде ис полаты сторожи смотреть и виде, крепко стерегут, а Дари Менденис не слышал, как царь ис полаты вышелъ. Царь же Левтасар походил по двору и пошел в полату свою, царь отворил дверей, хотел воити, Дарей же Менденинъ вспрынул с копьемъ и скочил ко дверем и рече: «Ты, смерть, почто идешь сюда?» Царь же рече: «Дарей, не убей! Яз царь Левътасар». Дарей же рече: «Не царь ты, смерть, — пролыгаешься царскимъ имянемъ!» И ударилъ его копьем и прободе его навскоз. Царь пал мертвъ. Дарей же посмотривъ на царской постеле царя, и (не) наиде и посмотрилъ у дверей и виде мертва царя и бысть в великой кручине. И бысть же утру солнце настало, востече велми рано, а Царьград во тме совлеченъ царскою кровью. Князи же и бояря поутру пошли ко царю здравствовать: дай Бог здрав был за нашу сторожею, и внидоша в сени и увидеша царя мертва, и ужаснувся весь Царьград. И рече к Дарию: «Что есть великое чюдо учинилось?» Дарей же Менденинъ все по ряду рассказал,

как царь приказал, князи же и бояря и все граждана
рекоша: «Богъ так изволил, что хоцетъ, такъ творить». Царя же по достоянию погребли чесно по-царски, а Дария сказнили и рекоша: «Всепоклять тот, хто государской убица».

Повесть о царе Казарине и о жене его

Повесть о царе козарине и о его царице

Бысть некий царь, козарин родом, и жена его тех же козар, и воста на него другой царь и ем его, заточи да лече, и царицу его во ину страну заточи. И пребываше царь в заточении гладом и наготою погибая, и часто моляшеся Богу глаголя: «Господи, избави мя от беды сея, яко без вины стражду». И взыде ему на сердце взыскати царства своего, и совещашиася с воины, иже во стране той, и обеща им саны, и чести, и дары многи. И приплыв к царству своему, и сиде в сокровене месте, и посла единаго уведети, где есть царь, и уведа, яко хочет изыти на лов, и ста на пути.

Грядущу же царю, и шедше убиша его, и прият паки царство свое, и поят царицу ину, и начат царствовати с нею.

Слышавши же то перьвая царица, воставши же, поиде во царство, молящися Богу и святей Богородице, сице глаголя: «Веси, Господи, терпение и слезы моя, и беду мою, наготу и глад, и всяку скорбь, еже приях мужа моего ради,

падающися приобрести его, ныне же слышу, яко оженился есть иною и аз сице забвена бысть, яко сосуд погублен, и ныне, Господи, обрати сердце мое и слезы моя в радость мне, мольбами рождшия тя».

И тако доиде во царство и уведа, где есть царь и царица и иде едина, не имущи помощника, токмо Бога и Пречистую Богородицу.

Вшедшу же и во двор царский, и ста близъ полаты, в ней же бе царица. Бяше же та царца верна и христолюбива, и милостива отнюдь ко убогим, и обидимым помогающи. И возопи жена: «Взовите ми царицу, понеже прю имею с нею, обиду есть ми сотворила велику!» Предстоящи же ея глаголаше: «Жено, отъиди да не срамоту нанесеши на себе», и абие поведа царице. Царица же удивльшися рече: «Что се будет?» Изыде к ней и рече: «Что имаши прю со мною?» Глагола ей жена: «Почто сице сотвори? Пояла еси мужа моего, не веси ли, яко писано есть, иже второй брак по нужди бывает. Аз же ничто же сотворих мужу своему, но паче пострадах его ради», и сказа ей все порядку.

Слышавши же царица глаголы вся, исходящия изо уст жены, удивися вельми, паче же Бога убояся, и глагола жена: «Вправду претерпела еси, твой есть муж и обидих тебе». И даде ю мужеви своему, а сама изыде из полаты царския в монастырь.

Сказание о молодце и о девице

ысть некий юноша, сын боярской, княжей племянник, велика роду, дивень удалецъ, деяще беседи з гордою, щепливою со великою з девицею.

Сице рече младый отрок к прекрасной: Душечка еси ты, прекрасная девица, ходил есми по многим городамъ, служил есми царю в орде, королю в Литве, не нашель таковы прекрасныя девицы, какъ ты, прекрасная девица; и ты меня присвой и примольвь; хоцю тебя поставити во многих людяхъ, сопротивь тебя служити, какъ верный слуга противь своего господина.

Сице рече прекрасная девица ко младому отроку: А се познаю, дворянин, деревеньская щоголина, чево ты у нас хочешь или чемь хочешь весель быти: с соколы у меня не ездят, не держю я у себя, девица, гутцов, ни на зверя ловцов, ни борьцов, какъ вас, матерных гнетцовъ.

Сице рече младый отрок к прекрасной девице: Душечка еси ты, прекрасная девица, ить у тебя красное золото аравитское, да всадил бы я свое булатное копые в твое

товолжаное ратовище и утешил бы я, молддец, свою мысль молодецкую, а твое сердце девичье.

И рече ему красная девица: Сороко отцов еси сын, рогозиная свита, холщевы порты, мочальная покровца, войлучная шапка, глиняной шолом, соломяной доспех. У отца еси был не в жаловании, у матери не в любви, безгосударной еси человек, вси друзи твои неправду тебе деют за твою великую глупость.

И рече ей млад отрок, удалой молодец: Душа еси моя, милая красная девица, пелепелечные твои кости, бумажное твое тело, сахарные уста, мудрая мысль, тихая беседа, черново соболя брови, ясново сокола очи, ястрепово зрене, белово горностая скакане, тихие твое слово, неизреченная твоя доброта, неисповедимая твоя мудрость. Возмолвишь ты — утетишь. Как ясен сокол, как бел кречет без матери не может отлетети от белых лебедей, и так и мне молотцу не можно отехать от твоей девичьей красоты, ведячи таковую красоту и доброту. Говориш ты, государыни, аки соловеи щекочеш в зеленом [бору <...>].

И рече ему красная девица: Смержей ты сын, неколотая потылица, деревянная рогатина, хлевной подпор, вор еси и дурак, селской псар. Нет у тебя ни ума, ни памяти, молодец, свиное узорочье; как бы у тебя не было ушей, и ты бы был целая ворогужа. Трясцю опояшен, бедою обстеган, подполной зверь, запечной торокан, поберещенное лице, жареное ведене. Овин тебя добыл, мякинница, утлое здорове, безгосударной еси человек, никто тебя не примет за твою великую глупость.

И рече ей млад отрок, удалой молодец: Душа еси моя, милая красная девица, то тебе не ведомо, каков я есть [доброй и именитой] государь, а ты мне будеш и животу моему государыни.

И рече ему красная девица с кручиною: Кошаче ведене, упирия рожа, метвейей выглед, волчья сыт, щучи зубы, лыневые глаза, налимо возглед, свиные брови, овечья душа, строев сын. Жил бы ты дома да плел бы ты лапти, да ел бы ты крошки, пил бы ты болотную воду. Лужьяная жаба, мыш, торокан, лихая образна, овечей дух, латынская вера. Огнем тебя палить, скобелю тебя скобьлить, топором тебя тесать, нос у тебя откусить, голова тебе отсечь. Черти ли тебя и знают! Жил бы ты, что крот в земли, что жел в дупле, что мыш пот кровлею.

И рече ей млад отрок, удалой молодец: Душа еси моя, милая красная девица, ест у тебя чистой красной луг,

а в нем ест слаткая трава; и спустил бы свой добрый кон наступчивой в твой чистый красный луг.

И рече ему красная девица: Ежовая кожа, сомовая рожка, мышья ведене, стерляжей нос, осетриная спина, глуп глупец. Веть я знаю: хош удавис, хош утопись, ни кто по тебе не потужит, ни плачет за твою великую глупость.

И рече ей млад отрок: Душа еси моя, милая, красная девица, кон бы мой в лугу твоём летовал, а яз бы, молодец, опочинул у тебя, красная девица, на твоих крутых бедрах.

И рече ему красная девица: Что вас безумных ни сеют, ни орут дураков, сами рожаютца от глупых отцов, от безумных матерей и от московских баб сводниц.

И рече ей млад отрок, удалой молодец: Душа еси моя, милая красная девица, хотя ты меня много хулиш и лаеш, и бесчестиш, и соромотиш, а я на тебя не могу злобы, ни досады держати; а уже доброта твоя слышана и жаловане твое влжжено, в люди ехти не пошто, а здесь жит не мощно, толко от тебя заехат прочь на чужую далнюю сторону, там срамоты избыть.

И тут красная девица затужилась, учала домышлятьце, как бы з дворянином помиритьца. И зговорит красная девица своим нянюшкам и мамушкам: «Свет мои нянюшки, мамушки, думайте вы думу и придумайте, принят ли мне дворянина, сына отецского, одедет он проч на чужую далнюю сторону и станет он меня поминать и мою злобу и досаду прежнюю.

И зговоят ей нянюшки и мамушки: «Думай, государыни, сама, красная девица, да не продумай; будет тебе жал дворянина, сына отецского: и ты стан перед дороднаго молотца, и поклонися за вину молотцу, челом добей; легко ест сердце молодецкое, а не так, как наше злое жидовское сердце жемское, забудет молодец всю злобу и досаду твою прежнюю.

И рече к нему красная девица с кручиною: Бешеной ты бес, воронья душа, слепого походка, куда ты брести думаеш, кому надобен опричь меня? А ведаеш ты и сам: холопа мне не купить, а без холопа мне не жить, и без друга не быть, а без миловы не жить, а нищего кормить; и ты живи у нас да не буди глуп, не рыщи по многим улицам, болши здесь пребывай, въ чужые двory не ходи, по щиям не смотри, собак не дразни, а на меня за щет погляди, а я за тобою вслед посмотрю; а коли будеш пьян, ты ляг да спи,

а в утре стан да у нас побывай, а милому своему челом добивай.

И рече ей млад отрок, удалой молодец: Душа моя еси, милая красная девица, уже еси, государыни, накормила сахарною ествою и напоила слатким медом и зеленым вином, тако еси и ты меня утешила своими умилными словесы последними, как тихая туча во обилные времена испускает медвенные росы на всякие розные цветы в чистом поле. Коли, государыни, яз тебя преже сего видел в твоём высококом тереме, а ты седиш краше всякого цвету, аки красное солнце сияеш, и ты, государыни, первым женам уподобися Настаси Даниловы жены Вовчева, а смирение твое, аки Овдоти Семеновы жены Коромышева, а мудрость твоя, аки Василисты Ставровы жены Годунова, а любовь твоя и решане, аки [Раксаны царицы] Александра царя Макидонскаго.

И ту крася девица умолкла, не могла против дворянина отечат. <...>

Притча о старом муже и молодой девице

Бысть старый мужъ, велми старъ, и сватался ко прекрасной девице, брадою седъ, а теломъ младъ, костью храбръ, плотию встанливъ, умомъ свершенъ, и рече старый мужъ ко девице: «Поиди за меня, девица: носить тебе у меня есть что, слугъ и рабынь много, и коней и портищъ драгоценныхъ много, есть тебе у меня в чемъ ходити, пити, и ясти, и веселитися».

И рече девица ко старому своему мужу: «О безумный и несмысленный старый старикъ, матерой материкъ! Коли меня, прекрасную девицу, поимешь за себя, храбрость твоя укротитца, и образъ твой померкнетъ, и седины твои пожелтеютъ, тело твое почернеетъ, и кости твои изсохнутъ, и уды твои ослабеютъ, и плоть твоя обленитца, и не угоденъ будеши младости моей и всему моему животу не утеха будеши; умъ твой от тебя отидеть, и учнешь ходити, аки лихая понурая свиня, на добро и на любовь не помыслишь, и уды твои ослабеютъ, и плотскому моему естеству не утеха будеши; тогда азъ, девица, от распа-

ления, впаду в преступление со младымъ отрокомъ, с молодцомъ хорошимъ, а не с тобою, старымъ мужемъ, с воюющею душою, с понурою свинею».

И рече старый мужъ ко девице: «На что, девица, слова сия сложила, аки древа листиемъ украсила, аки цветъ по земли расцвѣтила? А в дому моемъ рабы; государынею будеши; и станешь, моя миленькая, на многоценныхъ коврахъ сидеть, пити, и ясти, и веселитися со мною неизреченна многообразныя яствы; не дамъ тебе, миленькая, у печи от огня рукамъ твоимъ упечися и ногамъ твоимъ о камень разбитися. Сядешь, моя миленькая, в каменной полате; и начну тебя, миленькая, согрѣвати в теплой бане, по вся дни, украшу тебя, миленькая, аки цветъ в чистомъ поле, и аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу реку при дубраве, и упокою тя во всемъ наряде; и сотворю тебе пиръ великий; и на пиру велю всякую потеху играти гуселникомъ и трубникомъ и пляску; и начну тебя тешить; и начнешь, моя миленькая, всемъ моемъ имениемъ владети; не дамъ тебе, миленькая, оскорбети, твоему повся дни и животу твоему».

И рече девица ко старому своему мужу: «О безумны и несмысленны стары старикъ, матерой материкъ! Хочешь со мною любовь сотворити, а такъ не спешись о будущемъ вѣце и о смерти, какъ душа своя спасти; хочешь угодити жене, а не Богу. Пора тебе раздать имение свое нищимъ; а самъ постригися в почестный монастырь, рабъ и рабынь отпусти на волю, и оне за тебя Богу молишь».

И рече старый мужъ ко девице: «Какъ ты, девица, пойдешь за меня, и азъ твоего отца и матеръ одарю многоценными дарами и честь воздамъ великую».

И рече девица ко старому мужу: «О безумный и несмысленный старой старикъ, матерой материкъ! Аще ли одолеешь отца моего и матеръ мою многоценными дарами, и отецъ мой и мати моя выдадутъ меня за тебя по неволи, и язъ стану ходить не по твоему докладу, и слова твоего не послушаю и повеления твоего не сотворю; аще велиши зделать кисло, азъ зделаю пресно, а мякова тебе у меня хлеба не видать, всегда тебе сухая крома глодать, зазкаломъ зубамъ твоимъ пагуба, скорынямъ твоимъ погубить (?) пагуба жъ и кончина, а телу сухота, а самому тебе, старому смерду, исчезновение, а младому отроку моему, молодцу хорошему, советнику, мяхкия крупичетые колачки и здобныя пироги, и различныя овощи, да сахаръ на блюде да вино в кубце, в золотомъ венце, да сверхъ того ему мяхкая хорошая лебединая перина да чижовое зго-

ловье, да соболиное одеяло, а тебе у меня, старому смерду, спать на полу или на кутнике на голых досках с собаками, а в головы тебе из под жерновъ дресваной камень; да пожалую тебя, велю тебе дать соломеную рогожу, да пей болотную воду, да ежь сухой хлебъ, да квашеные поскрепки, а в место тебе место, старому смерду, мостолыга старые коровы, а ти недоварена, а младу отроку молотцу, хорошему моему советнику, калачи крупичетые, да сахар на блюде, да вино в купце, в золотому венце, и язъ пред миленкимъ стою с трепетомъ из боязнию, чтобы меня миленкой любилъ, и жаловаль, и дрочилъ почесту, а нянки и мамки учнуть милова на рукахъ носить, а тебе, старому смерду, поберещенной (?) роже, неколотой потылице,

жаравной шее, лещевымъ скорынямъ, сомове губе, щучимъ зубамъ, понырой свине, раковымъ глазамъ, потхилому гузну, опухлымъ пятамъ, синему брюху, рогозиннымъ руковицамъ, посконная борода, желтая седина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржовая кожа в воде варена, чертова болота, свиной пастухъ, сидель бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда, в шее скрипело, а в роте храпело, а в носе сапело, а въ гузне шипело, жилъ бы ты что жукъ в г...е, что желна в дупле, что червь за корою, что сверчекъ за опечью, костямъ бы твоимъ ломота, зубамъ щепота».

И рече старой мужъ ко девице: «Коли ты, девица, за мною будеши, и ти не такова будеши».

И сталь старой мужъ свататца ко девице и все имение свое на сватовство отдалъ, а прекрасной девицы за себя не сасваталъ; и какъ девица старому мужу говорила, такъ надъ нимъ и сотворила. И вы, старые мужи, сами себе разсудите, младыхъ женъ не понимайте: младая жена лишная сухота; от людей старъ бегаеть, в пиру не сидить, к людемъ не пристанеть, а от воротъ не отстанеть, в ызбу не лезеть, а хотя и влезеть, и онъ не сядеть, а верхъ глядить, голову закинулъ, языкъ закусилъ, кропчетца, что лихая собака из под лавки, а укусить не смеетъ, чтобъ самое не зашибли, не говорить, дметца, самъ себе досадила старой мужъ, три годы бегалъ и удавился. А красная девица вышла замужъ за молотца хорошева, с молодымъ прощачись, а старова проклинаячи. И какъ девица старому говорила, такъ над нимъ и сотворила. Младому девица честь и слава, а старому мужу коровай сала. А хто слушалъ, тому сто рублевъ, а хто не слушалъ, тому ожегъ в гузно, четцу калачикъ мягкой. Сей сказке конецъ.

Повесть о разуме человеческом

От книг бытей татарских о разуме человеческом

Бысть в древняя лета в татарской орде был некий царь именем Сламгирей, жесток и немилостив и сребролюбец паче меры, а лжи не любя. И бысть у него некий велможа ближний человек, а у него два сына: большой был сын дороден и богатырь, да глуп; а меньшей сын был рождением худ и ростом мал, да разумен, а у царя был ближний человек, а имянем его звали Алтын — Золотое Слово. А таков был разумен — от всякого слова царь ему давал по триста алтын.

Лучилося ему поехать к себе в улус, а большой его брат поехал на лов зверя гонять, да, приехав с поля, почал царю сказывать: «Государь царь волной человек, ездил яз на лов и убил елень в правое ухо, и вон в левое ухо да в заднюю в левую ногу в копыто». И царь удивися и почал ему говорить: «Как, де, ты так говоришь, что не станется. Как тебе так убити?» И почал царь на него кручинитца, и собор почал у царя о том быть, и приговорили его все ближние люди, что казнити смертью, что царю он солгал.

А у них в обычае так: кого уличат ложью, того казнити смертию. Послал царь, велел его казнити, а за ним послал пристава.

И встречу ему из улуса едет брат его Алтын — Золотое Слово. И он того ужаснулся, что брата его ведут казнити, и учал спрашивать пристава да и брата, за что его царь велел казнити. И пристав ему сказал: «Велел, де, царь его казнити за то, что он уличен ложью. И дело ему сказал». И Алтын — Золотое Слово почал говорити приставу: «Пожалуй, не пролей напрасной крови до тех мест, доколе яз царевы очи вижу, а брат мой не солгал, в глупости не умел рассказать царю».

Пошел Алтын — Золотое Слово к царю, учал ему бити челом: «Государь царь волной человек, пощади холопа своего — брата моего, не вели напрасно крови пролить. А брат мой тебе государю не солгал, толко з глупости не умел рассказать. Тебе государю весно, что он дороден и богатырь, да глуп. А то он тебе государю не солгал. Деялося то тем обычаем. Лучилося ему приехати к оленю; а олень, стоячи в болоте, обивает левою ногою от левого уха мухи и мошки. И он, приехав, его застрелил в правое ухо, а левым ухом и копытом вон». И царь учал говорить: «Станетца, де, так. Прямой, де, еси человек. Он, де, мне не умел рассказать, а мне то стало за кручину». И царь его пощадил, не велел казнити.

Иная притча о том же царе

Лучилося тому ж царю ехати зверь гоняти, а с ним многия князи и уланы и Алтын — Золотое Слово. И приежжает царь к кладбищу к татарскому, а тут стоит мизгить, по руски церковь. Увидел тут человека, и он его велел изымати, да к себе велел привести, да учал спрашивать: «Какой еси человек и почто тут пришел?» И он ему сказал: «Человек, де, есми гулящей; а увидел, де, вас и яз, де, тут хотел поукрытца». И царь ему учал говорити: «Нет; то, де, ты как крадешь сокровища мертвых». Понеже у них в обычаи мертвых погребают с великим богатством. И он учал царю бити челом: «Государь царь волной человек, никак за мною такова воровства нет, а человек есми надобной. Будет холопа пощадишь, и яз тебе государю скажу». И царь ему молвил: «Скажи, де, не бойся; а яз, де, тебя пощажю». «Умею, де, есми, государь, птичью языку и зверину: что говорит птица со птицою, а зверь з зверем». И царь том удивися и на то прельстися, хотячи, чтобы

царю то самому знати. И царь ему молвил: «Мне такие люди в государстве годны». Да кликнул Алтына — Золотово Слово, да велел ему тово мужика взяти, а молвил ему то: «Алтын, научися, де, тому языку; яз, де, тебя пожалую; а яз у тебя научюся». Да гулявши царь поехал опять к себе.

И привел Алтын — Золотое Слово тово мужика и учал ему говорити: «Сказывал еси царю за собою ремесло, и царь мне тому велел учитца, и ты мне скажи». И он ему отказал: «Яз, де, теперево человек бедной, голодной, и мне то на ум не идет. Дай, де, мне поотдохнуть, тогда, де, у меня и речи будут». И он ему дал поотдохнуть и спустя учал его опять спрашивати. И он ему почал говорити: «Дивлюся, де, я твоему разуму; называют, де, тебя Золотым Словом. Яз, де, человек простой. Кому, де, Бог то дал знати, кроме себя. А мне бы то знати!» И он ему молил: «Чего для, де, ты то царю солгал, что тому горазд? Царь, де, велит казнити». «А тогда есми царю того для сказал, что было мне от царя быть вскоре казнену». «Да вѣдь тебя и нынеча царь велит за то казнити!» «В том ведает Бог да царь. А нынеча яз не чаю от царя казни». И царь про тово человека пропаятовал, а Алтын — Золотово Слово вскоре царю про него не сказал. И умысля Алтын, хотя царя привести от немилости в милость и от сердца в кротость.

Илучилося царю опять ехать тою ж дорогою мимо тое ж мизгити. И сидят на той мизгити две совы друшка к друшке носами, кабы что говорят. И царь, на них глядя, вспаметовал да учал спрашивать: «Кто, де, беш у меня языку птичью горазд?» И царь того спаятовал: «Мужика тут видал, а отдал его Алтыну — Золотому Слову, а велел ему тому языку научитися». И он кликнул Алтына — Золотова Слова: «Учился, де, ты у того мужика языку птичью?» И он царю сказал: «Научился, де, государь. Толко, де, тебе, государю, не явил, не к слову сказати». «Поедь, де, да послушай, что, де, две те совы межи собою говорят». И он к ним поехал, да приехал опять от них да учал царю сказывать: «Великое, де, дело, государь, говорят; да не смею тебе государю сказывати». Да приник к царю на ухо и учал сказывать: «Государь, де, царь волной человек, слышел, де, есми, что оне говорят: да не смею тебе государю сказывать: блюдуся от тебя государя опалы». И царь ему молвил: «Скажи, де, не блюдися, мне, де, про чужие речи. Тобя про что казнити?» «Говорят, де, государь оне, сидячи, о сватание. А женит, де, сова у совы сына; дает, де, сова сове в приданные триста селищ пустых. А та, де, у ней просит тысячу селищ пустых, а трех

сот не возмет. И она молвила той сове: «Будет, де, не возмешь трех сот селищ, а болше, де, четырех сот селищ дати нельзя, потому — будет царь наш еще побудет на государстве, а выпустошит и болши тово, и яз тебе дам и две тысячи, а будет государство переменитца, или тово Бог скротит, а станет лготу давать и дани поубавит, и государство опять полно наполнитца, селища опять жили будут, и мне тебе болши четырех сот селищ дати нельзя». И царь услышел то слово, удивися и учал себе размышляти: «Гораздо, де, есми немилостив, что про меня птицы розсужают, уведав, де, мое немилосердие ко всей земле мойей».

И от тех мест стал царь милостив и лготу стал давать и дани поубавил, опять стало все жило, и Алтына — Золотого Слова учал царь жаловать болши старого.

Видишь, разумей, каков человеческой разум. Разумной человек не одну душу свою спасет, но и людския многия.

Повесть о Ерше Ершовиче

I

[В море пещи да большими рыбами сказание о Ерше о Ершове сыне, о щетине о ябеднике, о воре о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тгались рыбы Лещ да Головлъ, крестьяня Ростовского уезду]

ета 7105 (1596) декабря в день было в болшом озере Ростовском съездялися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел, судные мужики Судок да Щука-трепетуха.

Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головлъ, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьют челом и плачутца сироты Божии и ваши крестьянишька, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головлъ. Жалоба, господа, нам на Ерша на Ершова сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек,

пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужскаго поместья из Кузьмодемьянскаго стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря. И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке. И тот воришко Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и расплодился с племянем своим, а нас, крестян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишками, а нас хошет поморить голодною смертию. Смилуйтея, господа, дайте нам на него суд и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судьями на суде. И суд пошел, и на суде спрашивали Ерша:

«Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?»

И ответчик Ершь перед судьями говорил: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабивал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещь да Головль сами сволоклися на Волгу-реку и по затонам розлилися. А ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. И коли оне жили в Ростовском озере, и оне мне никогда и свету не дали, ходят поверх во-

ды. А я, Господа, Божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть, ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго у меня никакова не вынимывали, живу я своею силою и правдою отеческою, а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь, и с уксусомь, и во всяких узорочиях, а поставляют меня перед собою чесно на блюдах, и многие люди с похмеля мною оправдиваютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что Ерша еще уличаите ли чем?» И Лещь говорил: «Уличаем Божиею правдою да кресным целованием и вами, праведными судиями». «Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие данные или крепости какие не быть?». И Лещь сказал: «Пути-де у нас и данные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно, и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашуею владеет своим насильством».

И Лещь с товарищем сласия: «Сшлемся, господа, из виноватых, на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да на другово доброво человека, а живет он под Новым-городом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстарини наше, а не Ершово».

И судии спрошали Ерша щетинника: «Ершь щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?» И Ершь им говорил: «Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные, а я человек небогатой, а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в далнем разстоянии, шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людьми водят меж собою».

И Лещь с товарищем: «Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут его Селдь рыба».

И Ершь так говорил: «Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни, промеж собою ссужаютьца, и они по Леще покрюют».

И судии спрашивали Ерша: «Ершь щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подальку?» И Ершь говорил так: «Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем, а се Лещи он с ними во племяни».

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу съездити по те третье, на коих слалися в послушество на общию правду, и поставити их перед судиями. И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. И Мень ему отказал: «Что ты, братец, меня хочешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею».

И пристав Окунь отпустил Мня на волю да взял в понятые Язя да Саблю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: «Скажите, что ведаете промеж Лещи да Ерша, чье изстарини то Ростовское озеро было?» И правду сказали третье: «То-де озеро изстарини Лещево да Головлево». И их оправили. «Господа, люди добрые, а крестияня они Божии, а кормятя своею силою, а тот Ершь щетина лихой человек, поклепщик беда, обманщик, воришько, воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бывает, он таков, что змия ис-под куста глядит. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и вывернетца он, аки бес. А где он впроситца начевать, и он хочет и хозяина-то выжить. И как та беда расплодился, и он хочеть и вотчинника-то посесть, да многих людей ябедничеством своим изпродал и по дворам пустил, а иных людей пересморкал; а Ростовское озеро Лещево, а не Ершово».

И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?» И Ершь так говорил: «Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели».

И судии спрашивали: «Скажите вы про тово Ерша, назвался он добрым человеком, да знают-де ево князя и бо-

яря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьячие, и гости и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых, Переславцы». «А мы, господа, стороны, про него скажем вправду. Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить хорошие рыбы, и он купит ершей на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюет, а досталь собакам за окно вымечють или на кровлю выкинуть. А изстарини словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никаково нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынского моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обайщик и ведомой воришко».

И судии спрашивали Осетра: «Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про него ведаешь?» И Осетр, стоячи, молвил: «Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду. Знают Ерша на Москве князи и бояря и всяких чинов люди. Толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которости [к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом. И яз начался ево добрым человеком да назвал ево противу братом. И он меня спросил: «Брате Осетр, далеча ль ты идеш?» И яз ему с проста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ерш рече: «У меня перешиб, брате мой милый Осетр, жаль мне тебя, не погинь ты напрасно, а ныне ты мне стал не в чужих. Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвой тебя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи — что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и нос переломал, а ныне ты, брате, видиш и сам, каков яз стал: и менши тебя и дороства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него] б... с... назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал».

А Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: «Право, он прямой человек,

ведомой вор мне он не одно зло учинил — брата моево, болшево Сом, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся, а когда брат мой, болшей Сом, вверх по Волге-реке шел, и тот Ершь щетина, ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить. А в тое время брата моего неводом обкидали и из детьми, а тот Ершь стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?» И брат мой спроста молвил: «Я-де вижу Волгу с вершины и до устья». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моево и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухами и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор».

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Леща и повернулса к Лещу хвостом, а сам почал говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста оставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером попрежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестьянех. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от него впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омуту рыбным бить ево кнутом нещадно.

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынского моря да Сом з болшим усом, да Щука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Мен Чернышев да другой Терской, а понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы, и статки пять или шесть Подузов Красноперых, да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов, Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерпеть с носом, а подьячей у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремный сторож — Жук Дудин.

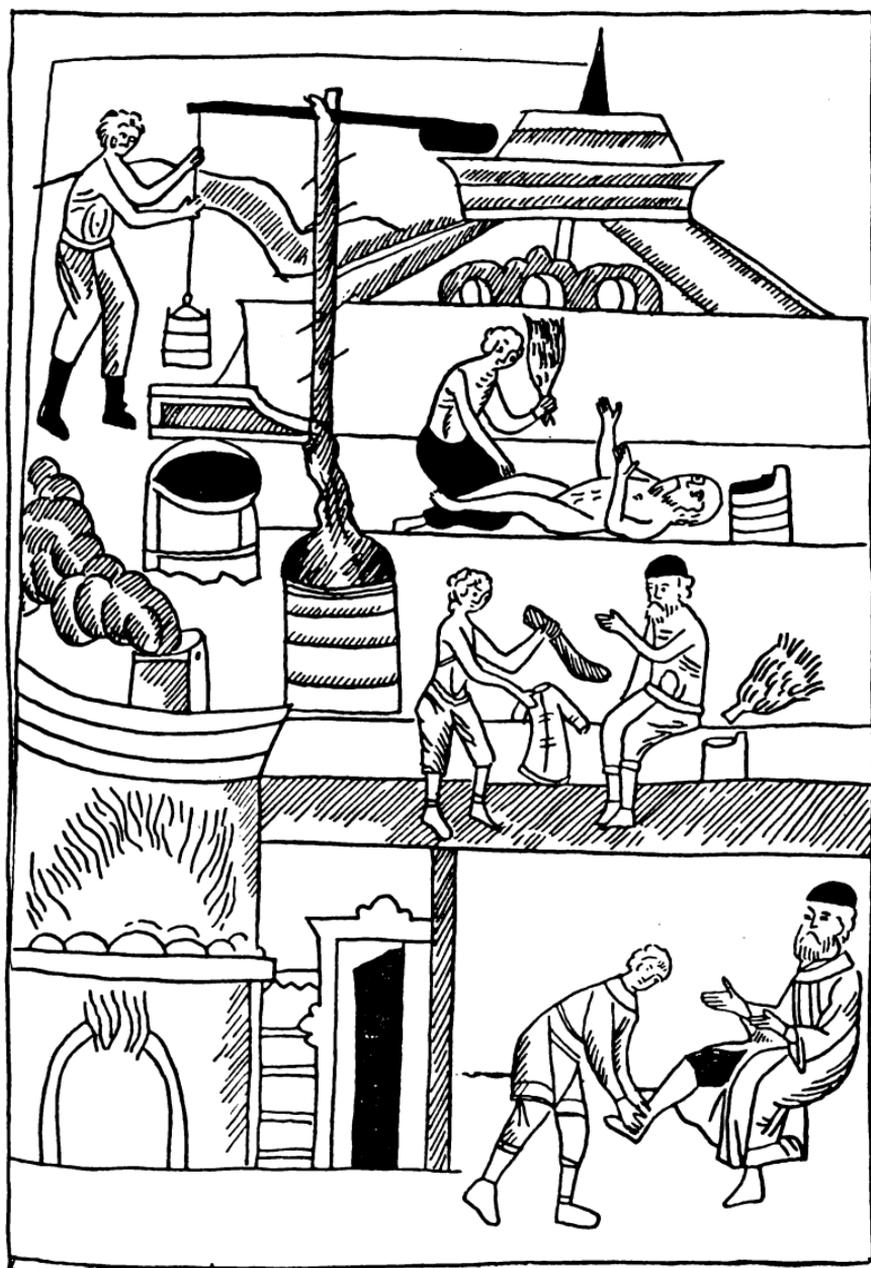

Повесть о Шемякином суде

некоих местех живяше два брата земледельца: один богат, други убог; богаты же, ссужая много лет убогова, и не може исполнити скудости его. По николику времени прииде убоги к богатому просити лошади, на чем ему себе дров привести; брат же не хотяше дати ему лошади и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же взем, нача у него хомута просити, и оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута», и не даде ему хомута. Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привязав за хвост лошади, поезде в лес и привезе ко двору своему, и забы выставить подворотню, и ударив лошадь кнутом; лошедь же изо всей мочи бросися через подворотню с возом и оторва у себя хвост. И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста, и виде брат его, что у лошади его хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь у него отпрося испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии. Брат же

убоги, видя, что брат его пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не итти, ино будет езда приставом платить. И приидоша оба до некого села, не доходя до города. Богатый приде начевати к попу того села, понеже ему знаем; убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп с богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп с братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего, и приидоша ко граду, идеже живяше судия, убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город; града ж того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же, веды себе, что погибель будет ему от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии чтоб дати, и ничего у себе не обрете, измысли: взя камень и заверне в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошади и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай». Убогий же, не веды, что глаголати, выняв из шапки тот заверченый камень, показа судии и поклонися. Судия же начаяся, что ему от дела убоги посулил, глаголя брату его: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест, у лошади выростет хвост, а как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другой суд быти: поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави; он же также выняв из шапки той же заверчен плат и показа судие. Судия же виде и помысли, что от другога суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты де отдай ему свою жену понадию до тех мест, покамест у пападьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него пападью и с ребенком».

И потом нача третий суд быти: что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверченны из шапки той же камень в плате, показа третие судие. Судия ж, начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулити, гла-

голя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него — такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глаголя: «По судейскому казу, как-де у ней хвост выростеть, в ту де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублей, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублей и лошадь ему отда. Той же убогий нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с ребенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял, он же взя у него десять рублей. Той же убогий нача и третьему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня також бросися, якож и аз на отца твоего». Он же размышляя себе: «Броситися мне и ево-де не ушибить, а себя разшибтьи». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя. Судиа же высла человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять; человек же судиин нача у него показанныя три узлы просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же выняв из шапки завязаны камень и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажешь камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему [нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти». И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб». Потом убоги отыде в дом свой, радуяся и хваля Бога. Аминь.]

Сказание о крестьянском сыне

I

Сказание о крестьянском сыне

Бысть неки крестьянской сын у отца своего и матери. И отдав бысть родителям своими грамоте учиться, а не ленится. Почал ево мастер болно бил, подымаючи на козел, за ево великое непослушание и за ленивство. И он, крестьянской сын, в то ся дал, а учения не возприял себе и учал себе размышлять: «Стати мне лутче богатых мужиков красть: ночью покраду, а днем продам. И да будет у меня денешка скорая и горячая, и почну себе товарищав прибирати, таких же воров, каков я сам».

И прибрал. И пошли ночью к некоему крестьянину. И пришли ко вратам, ударили во врата — илю у него ворота заперты. А сам он тать, крестьянской сын, рече: «Отверзится, хляби небесныя, а нам врата крестьянская». И взошел крестьянский сын с товарищи, а сам рече: «Взыде Иисус на гору Фаворскую со ученики своими, а я на двор крестьянскую с товарищи своими».

И пришел ко клети и почал приниматся у крестьянские

клетки за угол, а сам рече: «Прикоснулся Фома за ребро Христово, а я у крестьянские клетки за угол». Влес на крестьянскую клетку, а сам рече: «Взыде Исус на гору Елеонскую помолитися, а я на клетку крестьянскую».

И почал тать у клетки кровлю ломать, а сам рече: «Простирали небо, яко кожу, а я кресьянскую простираю кровлю». И почал тать в клетку спускаться по веревке, а сам рече: «Сниде царь Соломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я в клетку крестьянскую». И пошел по клетки, а сам рече: «Обыду олтарь твои, Господи». И увидел на гвозди кнут тать, а сам рече: «Господи, страха твоего не убоюся, а грех и злые дела безпрестанно».

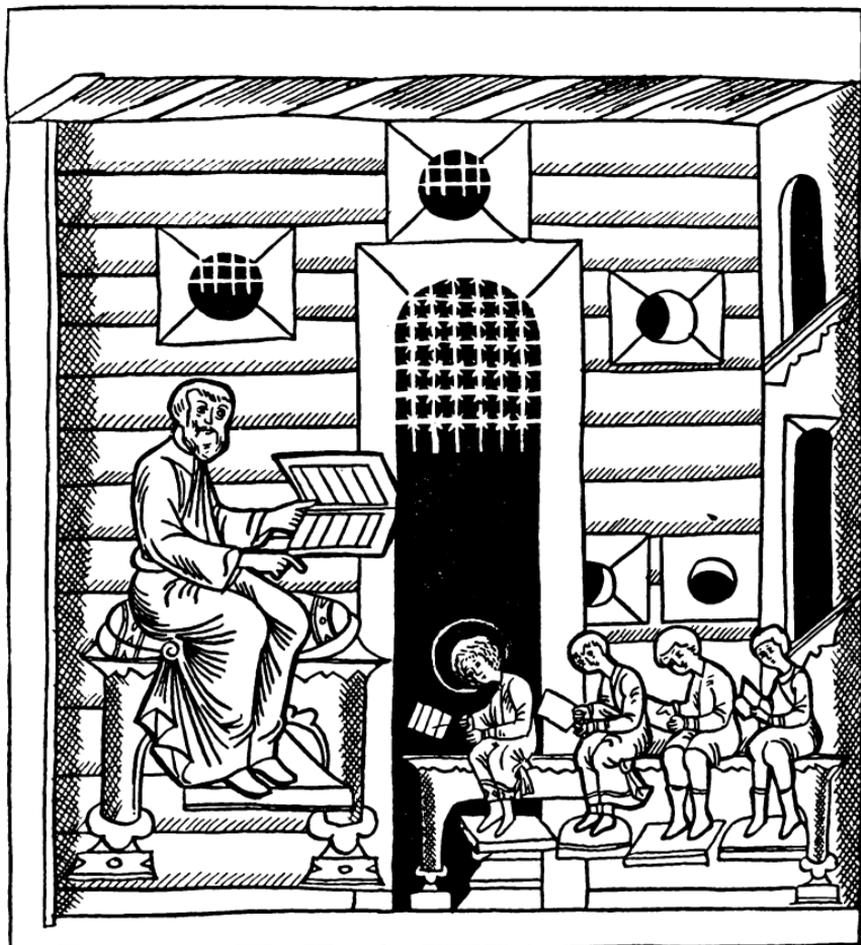
И вор и нашел под кроватью ларец с казною да коробью с платьем, и он вытащил к себе. И крестьянин ему не дал; и выбрал из них, и что в них было, и то вычистил. И он, крестьянин, ему отдал ларец, и он взял, а сам рече: «Твоя от твоих к тебе приносяще о всех и за вся». И не оставил у него ничего.

Нашел у крестьянские жены убрус и учал опоясываться, а сам рече: «Препоясываются Исус лентием, а я крестьянские жены убрусом». Нашел у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуваться, а сам рече: «Раб божий Иван в седалия, а я обуваюсь в новыя сапоги крестьянские».

И нашел в клетки коровай хлеба и учал ясти. И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече: «Тело Христово приимите, источника безсмертнаго вкусите». И нашел в оловенике пиво и учал пити, а сам рече: «Чашу спасения прииму, имя Господне призову. Алилуия». И увидел на крестьянине новую шубу, и он снял да на себя болокался, а сам рече: «Одеая светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою».

И та крестьянская жена слышала и мужа своего разбудила, а сама рече мужу своему: «Встань, муж, тать у нас ходит в клетки». И муж рече жене своей: «Не тать ходит, но ангел Господень, а говорит он все божественные словеса». И жена рече мужу своему: «Кабы был ангел Господень, и он бы с нас шубы не снимал да на себя не надевал».

И крестьянин послушал жены своей, с кровати сошел и под кровать наклонился и взял березовой ослоп и ударил тать в лоп. И он, тать, рече: «Окропиши мя иссопом и очищуся, и паче снега обелюся». И крестьянин ево убоился, и к жене на постелю повалился, учал жену свою

бранить: «Злодей ты и окаянница! Греха ты меня доставила: ангела убил, Христу согрубил. Да впредь ты молчи себе и никому не сказывай».

И видит кресьяниново малоумие и нашел тать под кроватью тас с водою, и он взял ис-под кровати и учел руки умывати, а сам рече: «Умью руце мои, обыду олтарь твой, Господи».

И тать клеть отворил и возгласил товарищам своим: «Обременении, покою вас! А что я зделал, собрал, и вы пособите мне вынести вон». И те ево товарищи внидоша в клеть, и что было у кресьянина живота, то все взяша и выдоша и двери за собою затвориша. А сам рече: «Чист еси дом мой и непорочен, кроме праведнаго». И не оставил ему ничево. Аминь.

Повесть о крестьянском сыне

Бысть некий крестьянский сын, и нача он грамоте учится, но грамота ему не дадеша. И за то ево мастер болно бил, подымаючи на козел. И вздумал оной крестьянский сын: «Лутче, — говорит он, — я стану российскому ремеслу учится — ночью украду, а днем продам, и будет у меня легкая денешка и скорая добыча».

Прибрал он к себе товарищев двенадцать, и пошли они крестьянина красть. И в то время у крестьянина были не заперты ворота. И ударил тать в ворота дубинкой, и сам тако рек: «Отверзаются хлеби небесныя, а мне ворота крестьянские».

И вшед во двор крестьянской и сам так рек: «Взыде Иисус на гору Фаворскую со ученики своими». И пришет ко крестьянской клите и сам тако рек: «Принимается Фома за Христово ребро, а я за клить крестьянскую». И взлес на крестьянскую клеть и сам тако рек: «Взыде Господь на гору Елеонскую; а я на клить крестьянскую».

И стал ломать кровлю, а сам тако рек: «Простираяй небо, яко кожу, а я крестьянскую кровлю». И стал спущатся в клить по веревке и сам тако рек: «Выиде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую». И нашел на столе краюху хлеба и сам тако рек: «Тело Христово прииму, и имя Господне призову». Увидял на столе братыню с квасом и стал пить, а сам тако рек: «Чашу спасения прииму и имя Господне призову». Увидал на спиче кнут и сам тако рек: «О Господи, страха твоего боюся, а трудов своих во веки не лишуся».

Крестьянка же, то услышав, рече мужу своему: «Востани, тать у нас в клите ходит». Но крестьянин жены своея не послушал и рече: «Не тать у нас ходит в клите, но ангел Господень пришед души наша посетити».

И пришел тать ко крестьянской кровати и стащил с крестьянина шубу новую, а сам тако рек: «Одейся светом, яко ризою, а я крестьянской шубою». И увидал у крестьянина лежит в головах ящик з денгами и стал тащить, а сам тако рек: «Ослаби, остави, прости, Боже, согрешения моя волная и неволная».

Крестьянка же, то услышав, вторично рече мужу своему: «Востани, тать у нас в клите ходит». Муж жены своея послушал, под кровать наклонился и с кровати свалился, взял дубинку, ударил тать. Тать же рече: «Окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя и паче снега убелюся».

Крестьянин же на кровать повалился, корою закрылся и рече: «О Господи, ангела твоего убил, а душу свою во веки погубил».

Тать же выбрал ис клети все до чиста, а сам тако рек: «Чист сей дом и непорочен». И вышел из той клети и созвал к себе товарищев, а сам тако рек: «Приступите к нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся». И наклал всем по ноше, а сам тако рек: «Госпоть умножил двенадцать апостол, а я двенадцать крестьянских пожитков».

И пошли домой по дороге. Навстречу им мужик идет с коровою. Тать же взя корову за рога, а сам тако рек: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою, а ты, бурая корова, гряди за мною».

Крестьянин же от сна пробудился в клите, осмотрелся, хлеба не куска, а платья не лоскутка. Жыть было весело, да исть ничево.

Повесть об Иване Пономаревиче

Повесть о Иване Пономаревиче,
како имеах брань с турскимъ салтаномъ

Ысть в древнихъ летехъ, близъ турецкой земли, живяше при церкви некий пономарь именемъ Германъ; той имеа у себе единого сына, именемъ Ивана, зело прекрасна и разумна, и силна, и премудра, и изучена всякому премудрому художеству. Во едино время случися мимо той страны итти турецкому послу, именемъ Куарту, который посыланъ от турецкаго салтана к персидскому шаху, и стояше в дому того пономаря Германа. Сынь же ево Иванъ нача в гусли играть преславны игры, и удивися турецкой посоль игранию тому, и красоте, и разуму, и премудрости, и умыслилъ Куартъ, дабы ево у тово пономаря взять и отвезти в подарки государю своему турецкому салтану.

И отправя посолство персидскому шаху, возвратился в землю свою, и послалъ к тому пономарю на взятие сына ево двести человекъ, а самъ посоль стал от тоя церкви в семи поприщахъ; и какъ узревъ тако приездъ турецкихъ людей Германъ пономарь, скоро поведи сыну своему Ивану; рече к нему сынь его Иванъ: «Не страшися, государь батюшка, приходу техъ поганыхъ турокъ. Дай мне благо-

словение свое». И взялъ отца своего благословение. Не успелъ коня своего оседлать и палицы железныя взять, турки же оступиша дворъ его. Иванъ же ухвативъ заборину и выскочилъ борзостию, побилъ у двора своего вся двести человекъ до смерти, толко оставилъ живыхъ дву человекъ. И рече к нимъ: «Шедъ возвестите о мне Куарту послу своему, чтобъ онъ отсуда усхалъ здравъ в землю свою». Они же шедъ сказаща послу своему, что Иванъ Пономаревичъ побилъ всю двести человекъ и хоцетъ, доехавъ, тебя до смерти убить. Куартъ же, слышавъ то, скоро побежалъ в землю свою, и приехавъ, возвести все подробно салтану государю своему. Салтанъ же слыша от Куарта такая слова, послалъ с нимъ по Ивана десять тысящъ.

И какъ послышалъ Иванъ Пономаревичъ велики приездъ по себя турскихъ людей, шедъ на конюшню, оседлалъ своего добраго коня, и взялъ палицу железную, и рече отцу своему: «Государь мой батюшка! Иду я на битвенное дело противу поганыхъ турокъ на семь добромъ моемъ коне, а другой богатырской конь на конюшне будетъ стоять. И какъ я буду убить, то конь станетъ в крови по колено стоять; и ты оседлавъ, поездяй ко мне; тотъ конь до моего мертваго тела тебя самъ довезетъ». Потомъ, простясь со отцемъ своимъ и матерью, селъ на своего добраго коня, поехалъ противъ турскихъ людей, и нача ихъ крепко побивати на обе стороны сколько бысть палицею, вдвое того конемъ топчетъ. И побилъ вся и не оставилъ ни единого человека жива у турскаго салтана.

В то время была война с королемъ аринарской земли именемъ Алиострогомъ. Слышавъ то Иванъ, что аринарской король имеетъ брань с турецкимъ салтаномъ, и поехалъ до него, потомъ наехалъ великую силу: побита лежитъ. Иванъ Пономаревичъ закричалъ богатырскомъ голосомъ: «Есть ли в сей рати живъ человек, и онъ бы поведалъ мне: чья сия сила побита лежитъ?» И рече к нему из той рати живъ человекъ: «Сия, государь, рать: побили Алиострога короля аринарского; побивалъ сию силу турский салтанъ, а доступалъ дочери ево прекрасной королевны Клеопатры». Потомъ рече ему: «Под симъ кустомъ рацитовымъ лежитъ мечъ кладенецъ, и ты возми ево себе». Онъ же взявъ мечъ и рече: «Сей мечъ легокъ; ведаю что несилнаго богатыря!» И положилъ ево под той же кустъ, и поехалъ в путь свой.

Потомъ наехалъ другую силу: побита лежитъ. Онъ же второе закричалъ громкимъ голосомъ: «Есть ли в сей рати живъ человекъ?» Рече к нему из рати живъ человекъ: «Сия

рать короля Лиострога, а побилъ ее турский салтанъ, до-ступалъ дочери его королевны Клеопатры». И рече ему: «Под симъ кустомъ лежитъ мечъ кладенець». Иван же взял мечъ и рече: «Несилнаго богатыря!» И положилъ его под тотъ же кустъ.

И отехалъ от того места, и наехавъ в близости королевства аринарскаго зело велику силу побиту воинскихъ людей. И онъ кричалъ богатырскимъ голосомъ: «Есть ли в сей рати живъ человекъ?» Из той рати рече ему живъ человекъ: «Сия рать аринарскаго короля побита от турскаго салтана». Потомъ рече ему: «Под симъ кустомъ ракиновымъ лежитъ мечъ кладенець». Иванъ Пономаревичъ вынявъ мечъ и бысть радошень, и рече: «Сей мечъ моего плеча богатырскаго!» И поехалъ до королевства аринарскаго. И какъ приехалъ, принялся в знаомцы служить к некоему тоя земли великому князю. Князь же той велми ево любилъ, такъ какъ сына своего.

И не во мнозе времени приде под королевство аринарское турской салтанъ, а с нимъ войска пришло 80 000. Алиострогъ король повеле войско свое собирать; и собра войска 30 000, и поиде со всею ратию противъ турскаго салтана. Иванъ же Пономаревичъ виде собрание кралево на турецкаго салтана, начя князя своего молить, дабы ему позволилъ ехать на то битвенное поле и посмотреть сходство обоихъ войскъ. Князь же о немъ имяше велико желание, не позволилъ ему ехать на то битвенное дело.

Онъ же видевъ, что князь не отпускаетъ ево на то битвенное дело, измешкавъ малы часть, шедъ на конюшню, оседлавъ добраго коня, и взявъ мечъ свой тайнымъ обычаемъ, поехалъ на то битвенное дело. И приехавъ в полки, кликнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ, что все полки от того ево гласу возмутились, и напустилъ на полки турские; началъ ихъ жестоко рубить, что все турки в бегство себя претвориша. И побивъ турскую силу, в той часъ приехавъ к князю тому, и разседлавъ своего добраго коня, шедъ в полату свою; приехавъ и король со всею ратию в королевство свое, и начя благодарствовать всесилнаго Бога, что Богъ избавилъ ево от турскаго салтана.

И спустя после того три года, в четвертое лето собиравъ турский салтанъ войска своего 100 000, и прииде на разорение королевства аринарскаго. Алиострогъ же король, видевъ собрание велико турскаго войска, и бысть в велицей печали, и поиде со всею силою своею противу турецкаго салтана. Иванъ же Пономаревичъ, видевъ похоть на турскаго салтана, сталъ прошаться у князя своего посмотреть

того битвеннаго дела. Князь же той, видевъ ево крепкое хотение, поволить ему ехать.

Иванъ же, шедъ на конюшню, оседлалъ своего добраго коня и поехалъ с великою борзостію, и какъ доехав до полковъ, и виде сходъ обоихъ войскъ, и напустилъ на полки турецкіе всею прытостію своею, и нача ихъ жестоко рубить, и турецкіе полки едва могли убежать с небольшими людьми. Иванъ же, отбивъ силу турецкую всю, и поехал в домъ свой к князю тому.

Князь же, видевъ приездъ Ивановъ, и коня ево утомлена в крови человеческой, разумевъ, что онъ сильный и премудрый богатырь.

И приехалъ король Алиострогъ со всею силою своею невредимъ и нача всемогущему Богу хвалу воздавать, и повеле с прилежаниемъ во всемъ кралевстве искать того богатыря. Князь же той рече ему: «Государь король Алиострогъ! При мне пребываетъ не вемъ какой человекъ. Онъ дважды от меня тайно ездилъ на бой и приезжалъ в домъ мой, коня своего имеетъ измучима и в великой крови человеческой». Король же повеле ево привести предъ себя. Князь же в той часъ поставил Ивана предъ короля. И видевъ ево король лицомъ прекрасна и родна ростомъ, выдаде за него дочь свою Клеопатру. И потомъ поживе Алиострогъ не велико время, преставися, и погребенъ бысть Ивановъ.

Иванъ же нача правити кралевствомъ, и после того спустя не мало время, приде под кралевство турской салтанъ, и ста от града за восимъ поприщъ, и взя салтанъ мочнаго своего пашу именемъ Беграря, и идоша во градъ нищенскимъ образомъ. И в то время Иванъ имель гуляние за охотою, и войде салтанъ во градъ, приде на кралевскій дворъ прошать милостини. Клеопатра же стала милостиню давать. Видевъ же салтанъ прекрасную Клеопатру, рече ей: «Покажи, госпоже, мечъ кладенецъ, которымъ Иванъ Пономаревичъ воюеть». Она же повеле вынести. И вынесли 12 человекъ, и салтанъ велелъ взять мочному паше, и унесли со двора кралевскаго, и скоростію приступиша под градъ.

Иванъ же Пономаревичъ скоро приехалъ и велелъ коня седлать, вооружися поиде в полату и не обрете меча того, вопросивъ жены своей. Она же рече: «Не вемъ какой нищій приходилъ и несе мечъ той». Онъ же взявъ палицу железную и выехалъ в чистое поле и нача ихъ жестоко бить палицею, и пробился в средину силы тоя; и виде мочны паша и убилъ Ивана до смерти. Салтанъ же турецкой приехалъ во кралевство. Клеопатра же принимаетъ салтана любезно.

И по обычаю Ивана Пономаревича отецъ Германъ войде в конюшню, ажно конь в крови по колена стоитъ. Онъ же нача плакати и оседлавъ добраго коня, поехал, и тотъ конь довезъ ево до мертваго тела сына его. Германъ же видя сына своего изрублена и не ведаеть что об немъ сотворити. Провещавъ же конь ево человеческимъ гласомъ: «Господинъ мой Германъ! Аще хочещи сына своего здрава видеть, разрежь чрево мое, и вынь всю внутренность мою и вымажь кровию его, а меня стануть враны младыя клевати, и ты поими врана и проси живой воды и мертвой». Германъ же сделалъ все подробно. И прилетели враны млады и стали конево мясо клевать. Германъ же поймалъ врана я, хочеть растерзати. Провещавъ же вранъ человеческимъ гласомъ: «Господине Германе! Не терзай меня; я тебе принесу живой и мертвой воды на исцеление сына и коня твоего». И налете вранъ за Воклонския реки к королю Редозубу. И в то время мыли девицы королевское платье. Онъ же вранъ восхитивъ лучшую срачицу и рече вранъ человеческимъ гласомъ: «Дадите мне два сосуда живой и мертвой воды». И полете вранъ к Герману. Германъ же взялъ и отпустилъ жива врана; потомъ Германъ взялъ воды и sprыснулъ сына своего живой водою, и бысть сынъ ево здравъ; и sprыснулъ тою же водою и коня своего, и конь ево бысть здравъ.

Иванъ же рече отцу своему: «Государь батюшка! Изволь ехать в домъ свой, а я управлюся с недругомъ своимъ». Онъ же Иванъ узре на пути крестьянина идуща и рече ему: «Аще хочещи добро тебе, азъ стану предивнымъ конемъ, шерсть имуще златую, и ты поведи мимо салтанскаго двора». И сталъ предивнымъ конемъ; крестьянинъ же повелъ мимо салтанскаго двора. Узревъ же салтанъ коня того, и нача торговати, и даде за него 200 рублевъ, и велелъ поставити на конюшню. И с того числа сталъ на конюшню ходить. И рече Клеопатра: «Како ты, государь, непрестанно ходишь на конюшню?» Онъ же рече ей: «Купилъ есть предивнаго коня, шерсть имуща златую». Она же рече: «Это не конь, это Иванъ Пономаревичъ; прикажи ево срубить». Онъ же веле ево убить. И девка чернавка сбежала к коню тому и сказала Ивану все подробно. Иванъ же рече ей: «Какъ срубятъ меня, и ты возми от главы моея крови, и брось к салтанскимъ быкамъ».

И пришли от салтана, отсекоша коневу главу. Она же взявъ крови, и бросила к быкам, и тутъ сталъ быкъ златошерстый. И сказаща салтану. Онъ же видя быка и сталъ непрестанно ходить к нему. Клеопатра же рече ему: «Како

ты, государь, непрестанно ходишь на скотный дворъ?» Онъ же рече ей: «Есть у меня быкъ златошерстый». Она же рече: «Это не быкъ, это Иванъ Пономаревичъ; прикажи ево срубить». Салтанъ велелъ быка срубить. И девка чернавка прибежавъ сказала Ивану. Иванъ же рече ей: «Какъ срубятъ меня, и ты возьми главу мою и закопай главу мою в саду салтанскомъ».

И пришли от салтана отсекоша главу. Девка же закопала [ее] в саду. На утро выросла преславная яблонь, яблоки имущи златыя; и сказаша салтану. Салтанъ же виде яблонь, начя в саду непрестанно гулять. И рече Клеопатра салтану: «Какъ ты, государь, непрестанно в саду гуляешь?» И рече ей салтанъ: «Выросла преславная яблань, яблоки имуща златыя». И рече Клеопатра: «То, государь, Иванъ Пономаревичъ; прикажи ее срубить». И салтанъ велелъ срубить. И девка, прибежавъ, сказала Ивану Пономаревичу. И рече ей Иванъ: «Какъ меня срубятъ, и ты возми перваго иверня щепу и брось в салтанской прудъ». Пришли от салтана и начаша сеци. Она же взявъ первую щепу и бросила в салтанской прудъ. И начя плавати преславный селезень; и сказаша салтану. Салтанъ же велелъ ево слугам своимъ ловить, и самъ разделся, поплылъ за нимъ. И такъ селезень отведе на другую сторону салтана, самый селезень выпорхнулъ на брегъ. И сталъ Иванъ Пономаревичъ живъ, и одеяся въ салтанское платье. Увидели стражи салтанские пруда того и сказаша салтану, что живъ Иванъ Пономаревичъ за салтаномъ. И поимаша салтана и приведоша на королевский дворъ, и по совету князей и бояръ, Клеопатру с турскимъ салтаномъ сожгоша в струбе. Иванъ же привезе отца своего и мать, и начаша добре жити. Не по мнозе времени преставися отецъ ево Германъ, а Иванъ Пономаревичъ взялъ у князя великаго дочь за себя, и начя с нею жити, и приживе дети. И тако скончася повесть сия.

Сказание о Еруслане Лазаревиче

Сказание и похождение о храбрости, о младости, и до старости его бытия, младаго юноши и прекраснаго рускаго богатыря, зело послушати дивно, Еруслана Лазаревича

Лысть во царстве царя Картауса Картаусовича дядюшка его, князь Лазарь Лазаревичъ, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслана Лазаревича; и какъ будетъ Еруслонъ Лазаревичъ четырехъ летъ по пятому году, и сталъ ходить на царевъ дворъ и шутить шутки не гораздо добры: кого хватить за руку — у того рука прочь, кого хватить за голову — у того голова прочь, кого хватить за ногу — у того нога прочь. И тутъ промежь себя князи и бояре и сильные гости учали советъ сотворяти: «Пойдемъ мы бити челомъ къ царю Картаусу Картаусовичю и речемъ ему: «Есть у тебя, царю, дядюшка князь Лазарь Лазаревичъ, а у него сынъ Еруслонъ Лазаревичъ, и ходить онъ ко царю на двор, и шутить шутки съ нашими детьми не гораздо добры: кого хватить за голову — у того голова прочь, кого хватить за ногу — у того и нога прочь». И что зговорить царь Картаусъ къ своему дядюшке: «Гой еси дядюшка Лазарь Лазаревич! Есть у тебя сынъ Еруслонъ Лазаревичъ, и онъ ходитъ ко царю на дворъ, и шутить шутки не гораз-

до добры; и сынъ твой во царстве ненадобень,— лутчи его вонъ выслать изъ царства».

И тутъ стоя, князь Лазарь Лазаревичъ услышалъ отъ царя Картауса Картаусовича себе слово кручинное, поехалъ отъ царя невесель, повесилъ свою буйну главу ниже плечъ своихъ, ажно встречается сынъ его Еруслонъ Лазаревичъ: не доеждаючи отца своего, слазитъ съ добра коня богатырского, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолетное здравие государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичу! Какъ тебя государя моего Богъ милуетъ? что ты отъ царя невеселе едешь? или тебе у царя место было не по обычаю, или тебе отъ царя было слово кручинное?» И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичъ: «Место мне у царя было по обычаю: столники и чашники доходили до меня; одно мне отъ царя было слово кручинное. Когда бываютъ дети отцу и матери на потеху, а подъ старость на перемену и по смерти поминокъ; а ты мне, дитятко, смолода не на потеху, а подъ старость не перемена, а по смерти не поминокъ! Да ходишь ты, дитятко, ко царю на дворъ, и шутишь шутки не гораздо добры: когохватишь за руку — у того рука прочь, когохватишь за голову — у того голова прочь, когохватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебя князья и бояра били челомъ; царь тебя изъ царства велелъ вонъ выслати».

И Еруслонъ Лазаревичъ стоячи усмехнулся, а самъ говоритъ таково слово: «То мне, государь батюшко, за обычай, что... (хотятъ?) меня изъ царства вонъ выслать; од...на <у> меня кручина, батюшко, великая: ходилъ я по твоимъ стоиламъ и по конюшнямъ, во аграмакахъ, и въ коняхъ, и въ жеребцахъ не могъ себе лошадки выбратьи, коя бы мне по обычаю и могла бы мне послужить». И тутъ сядши Еруслонъ Лазаревичъ на свой доброй конь, и поехалъ ко двору своему: и приехалъ въ домъ отца своего, учалъ прошатца у отца своего и у матери въ чистое поле гулять.

И отецъ князь Лазарь Лазаревичъ и мати его Епистимия отпускаетъ его, и даютъ ему 20 отроковъ, 50 мудрыхъ мастеровъ, и велели делать близъ моря каменную полату; и тутъ мастера при мори каменную полату зделали въ 3 дни, и гонца послали; и гонецъ посланная речи сказалъ, что эта полата зделана на бреге моря. И тутъ Еруслонъ Лазаревичъ учалъ у отца своего и у матери просить благословения, и они его благословили; и поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ въ каменную полату, и отецъ его отпускаетъ за нимъ наряду, и имения многое множество, и злата, и сребра, и

скатного жемчюга, и камня драгаго самоцветнаго, и всякого обилия много; отпустилъ ему коней добрыхъ довольно, на службу ему далъ сто отроковъ избранныхъ и вооруженныхъ.

И Еруслонъ Лазаревичъ не емлетъ себе отцовы казны ни единаго пеньязя, ни скатнаго жемчюгу, ни драгаго камня, ни добрыхъ коней, и ни единаго себе отрока, и все отпустилъ назадъ; только себе взялъ седло черкасское, да узду тасмянную, да войлочки косящаты.

И приехалъ Еруслонъ Лазаревичъ къ морю, и вшелъ въ белокаменную полату, и послалъ подъ себя войлочки косящатые, а въ головы положилъ седло черкасское, да узду тасмянную, и легъ опочевать; и поутру вставъ Еруслонъ Лазаревичъ рано, учалъ ходить по дикимъ заводямъ и по губамъ морскимъ, и учалъ гусей и лебедей стреляти, и серыхъ птицъ, и темъ себя кормилъ.

И ходилъ Еруслонъ Лазаревичъ месяцъ, и другой, и третий, ажно нашель сокму: въ шырину та сокма пробита какъ доброму стрелцу стрелить, а въ глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокме, Еруслонъ удивился и говоритъ таково слово: «Кто де по сей сокме ездитъ?» Ажно де по той сокме ездитъ богатырь, старъ человекъ, конь подъ нимъ сивъ — Алокти-Гирей. И увидевъ старъ человекъ младаго юношу, и слазилъ съ своего съ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолетное здравие государю моему Еруслону Лазаревичу! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? почто ты, государь, въ сие место, въ такуюю пустыню заехалъ, и кои тебя ветри завеели?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате старъ человекъ! почему ты меня знаешь и именемъ называешь?» И говоритъ ему старъ человекъ: «Государь мой Еруслонъ Лазаревичъ! Какъ мне тебя не знать и именемъ не называть? Я старый слуга отца твоего: стерегу въ поле лошадиное стадо тритцать три лета и ежжу ко отцу твоему по одинова на годъ поклонитися, и жалованье беру; и язъ тебя знаю». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате старъ человекъ! Какъ тебя по имени зовутъ, и мне бы тебя добромъ пожаловать?» И говоритъ ему старъ человекъ: «По имяни зовутъ меня, государь, Ивашко сивой конь Алогти-Гирей, горазной стрелець, сильной борець, въ полку багатырь». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Я сюды зашелъ волею: похотелъ въ поле казаковать, и горести принять, и желание получить. Язъ топере робенокъ младъ, учалъ съ неразумия играть во дворе съ боярскими детми и съ княженецкими, и шутки шутить

учаль не гораздо добры; и царь того не залюбилъ — велель меня изъ царства вонъ выслать. Да то мне не кручина, что велель меня царь изъ царства вонъ выслать: толко одна кручина великая, что ходиль я у отца своего по стоиламъ, и по конюшнямъ, во аграмакахъ и въ жеребцахъ не могъ себе выбрать лошади, коя бь мне могла послужить». И говоритъ ему Ивашка сивой конь Алогти Гирей, горазной стрелець, сильной борець, въ полку богатырь: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Есть у меня конь сивъ подласть, и буде ты его поймаешь, и онъ тебе будетъ служить: а буде ты его не поймаешь, и тебе его во веки не видать». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате Ивашко! какъ мне того видети коня?» И говоритъ ему Ивашко: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Видети того жеребца по утру рано на зоре, какъ погоню на море поить лошадей».

И Еруслонъ Лазаревичь легъ почивать въ каменной полате, и, поутру рано вставъ, Еруслонъ Лазаревичь пошелъ на сокму, и взялъ съ собою узду тасмяную, и ста въ сокровенномъ месте подъ дубомъ, ажко Ивашко лошади къ морю пригналъ, и Еруслонъ Лазаревичь посмотрилъ на море: де ажко жеребець пьетъ, и на море волны встаютъ, подъ дубомъ орлы кречутъ, по горамъ змеи свищутъ, и никакой человекъ на сырой земле стояти не можетъ. И Еруслонъ Лазаревичь удивился.

Какъ будетъ жеребець противъ Еруслона Лазаревича, и Еруслонъ Лазаревичь ударилъ на отмашь, и конь доброй палъ на окарачки, и хватаетъ его Еруслонъ Лазаревичь, добра коня, за гриву, и наложилъ на добра коня узду тасмяную, и повель его къ полате белокаменной; а Ивашко за нимъ поехалъ. И присхалъ Ерусланъ Лазаревичь къ полате белокаменной, и учаль седлатъ того жеребца, и обседлалъ, и учаль поездивать; и радъ бысть велми, что ему служить можетъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате Ивашко, сивой конь Алогти-Гирей, сильной борець, горазной стрелець, въ полку богатырь! Какъ жеребцу имя дать и какъ его назвать?» И говоритъ ему Ивашко сивой конь: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Когда можетъ холопъ прежде государя такову животу имя дать, или какъ его назвать?» И назвалъ его Еруслонъ Лазаревичь, добра коня, Арашемъ вешимъ. И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате Ивашко, поедь ты ко отцу моему и къ матери, и исправь имъ отъ меня челобитье, и скажи имъ, что поехалъ въ чистое поле гулять и избежжати князя Ивана руского богатыря, и добраго коня себе добылъ, что можетъ ему по-

служити». И говоритъ Ивашко: «Государь мой Еруслонъ Лазаревичъ! поедь зъ Богомъ».

И Еруслонъ Лазаревичъ поехалъ ступью бредучею, а Ивашко провожалъ его, и поехалъ за нимъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ Лазаревичъ выпередилъ Ивашка и изъ очей у него выехалъ. А Ивашко воротился отъ Еруслона прочь, и поехалъ ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичю, и сказалъ ему отъ Еруслона посланныя речи, и куды онъ поехалъ, и добра коня себе добылъ, что тотъ конь можетъ ему послужить. И отецъ его князь Лазарь Лазаревичъ и мати его Епистимия о сыне своемъ возрадовалися, о томъ Ивашка честно дарилъ великими дарми, и отпустили его въ чистое поле къ своей службе, где ему прежь дано приказано, у коней; а Еруслонъ Лазаревичъ поехалъ въ чистое поле.

И ехалъ месяц, и другой, и третий, ажно наехалъ Еруслонъ Лазаревичъ въ чисте поле рать силу побитую, и ехалъ Еруслонъ Лазаревичъ въ тое ратное побоище, и крикнулъ громко голосомъ: «Есть ли въ сей рати живъ человекъ?» И говоритъ ему живъ человекъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! кого ты спрашиваешь, или кто тебе надобенъ?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, живъ человекъ! Чья рать сила побитая, и кто ее побивалъ?» И говоритъ ему живъ человекъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Та рать сила побитая лежитъ Феодула царя, змия, а побивалъ ее князь Иванъ русской богатырь, а доступаетъ у него прекрасной царевны Кондурии Феодуловны, а и ищетъ ее за себя взять неволею». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, живъ человекъ! Далече ли его сустигать?» И говоритъ ему живъ человекъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Недалече его съежжать, князя Ивана, рускаго богатыря: обьедь ты сию рать силу побитую, и уведаешь коней следъ».

И Еруслонъ Лазаревичъ объехалъ рать силу побитую, и нашелъ ступь коневью и копыть — скакано зъ горы на гору, доли и подолки вонъ выметываны. И Еруслонъ Лазаревичъ поехалъ темъ же путемъ, и сталъ скакать съ горы на гору, доли и подолки вонъ выметывалъ; и говоритъ самъ себе: «Конь коня лутче, а молодець молодца и давно удалея!» И едетъ месяц, и другой, и третей, и наехалъ въ чисте поле шатерь стоитъ, а у шатра доброй конь стреноженъ, на белой полсте зоблетъ белоярую пшеницу. И Еруслонъ Лазаревичъ припустилъ добра коня Араша вещаго къ тому коню, а самъ пошелъ въ белъ шатерь, ажно въ беле шатре опочиваетъ младъ молодець замертво. И Еруслонъ

Лазаревичъ вынялъ у себе саблю булатную, и хочетъ его скоро смерти предать; а самъ себе подумалъ: «Не честь мне будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человекъ, аки мертвой». И Еруслонъ Лазаревичъ легъ опочивать въ шатре, на другой стороне, и уснулъ крепко.

И князь Иванъ русской богатырь, пробудился и вышелъ изъ шатра вонъ, и посмотрилъ на свой доброй конь: ажно его доброй конь далече отбить, и щиплетъ траву въ чистомъ поле, а на белой полсте чюжь конь незнаемой зоблетъ белуюрюю пшеницу. И князь Иванъ русской богатырь вшедъ въ шатеръ, и посмотрилъ, ажно въ беле шатре, на другой стороне, спитъ младъ молодец; и князь Иванъ, русской богатырь, выня саблю булатную, хочетъ его смерти предати, а самъ себе подумалъ: «Не честь мне будетъ, не хвала молодецкая, соннаго человека убити: сонной человекъ аки мертвой». Учалъ будити: «Стань, человекче, убудись — не для ради моего буженья, для ради своего спасенья! Не ведаши, что не по себе товарища избираешь: за то рано напрасною смертию умрешь! За что лошадь свою къ чюжему корму припускаешь, а самъ не спросясь въ чужей шатеръ ходишь? за то люди напрасно много крови проливають. И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуда ездISH, и какова отца сынъ?»

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Господине, князь Иванъ русской богатырь! Язь еду отъ Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазаръ Лазаревичъ, и мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслономъ; а добра коня къ чюжему корму припустилъ, что ему стоять безъ корму неудобно, а твоего коня прочь не отбивалъ; что ты говоришь, не гораздо ладно: когда бывають люди добрые, и они прежь худыхъ речей пьютъ и едятъ, и потешаються, въ чисте поле разъезжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ русской богатырь, чемъ вода черпати?» И говоритъ ему князь Иванъ русской богатырь: «Есть у меня чара, чемъ вода черпати». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Князь Иванъ русской богатырь! Когда тебе есть чемъ вода черпати и ты почерпни воды и умойся, да мне подай». И говоритъ князь Иванъ русской богатырь: «Еруслонъ Лазаревичъ! тебе вода черпати да и мне подавать: и ты дитя молодое». А въ те поры Еруслонъ Лазаревичъ шти летъ по седьмому году пошелъ. И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Князь Иванъ русской богатырь! тебе вода черпати да и мне подавать: не имавъ птицу, да теребишь, а добра молодца, не отведавъ, да хулишь и хулу возлагаешь». И говоритъ Иванъ русской богатырь: «Я во князехъ князь, а въ боярехъ бояринъ, а ты

казакъ: тебе вода черпати да и мне подаватьъ». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язь въ чисте поле богатырь, и у царей во дворе богатырь; а ты когда у царей во дворе, и тогда ты князь, а когда ты въ чисте поле, и тогда ты песь, а не князь: тебе вода черпать да и мне подаватьъ». И видитъ князь неминучую беду, и возьмъ чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подалъ.

И Еруслонъ Лазаревичъ умылся и сядилса на своего добраго коня, и князь Иванъ русской богатырь поехалъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ поехалъ ступью бредучею; и понадогналъ Еруслонъ Лазаревичъ, и ударилъ своего добраго коня Араша вещаго по окорокамъ, и выпередилъ князя Ивана рускаго богатыря, и помолился: «Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мне, Господи, всякаго человека убить кошьемъ, тупымъ концомъ!» И оборотилъ Еруслонъ свое долгомерное копье тупым концемъ, и ударилъ князя Ивана рускаго богатыря долгомернымъ своим концемъ, и вышибъ его изъ седла вонъ; и Арашь, его вещей конь, наступилъ на долгоспешное ожерелье. И обратилъ Еруслонъ Лазаревичъ свое копье долгомерное острымъ концемъ, и хочетъ его смерти предать; и говоритъ ему князь Иванъ русской богатырь: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Не дай смерти, дай животъ: прежь сего у насъ брани не бывало, а и впредь не будетъ». И Еруслонъ Лазаревичъ слазилъ зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю, и принимаетъ его за правую руку, и целуетъ его во уста сахарныя, и называетъ его братомъ.

И поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ ко белу шатру, ажно и братъ его за нимъ; и припустили своихъ добрыхъ коней къ одному корму, а сами пошли въ белъ шатерь, и учили пити, и ясти, и веселитися; и какъ будутъ оба на веселие, и говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате, князь Иванъ, русской богатырь! Ехалъ я въ чистое поле, и наехалъ я две рати побитыя лежатъ: и кто ихъ побивалъ?» И говоритъ князь Иванъ русской богатырь: «Та рать сила побитая Феодула царя, змия, и побивалъ язь, а доступалъ у него язь прекрасныя царевны Кондурии Феодуловны, и хощу ея за себя взять: а сказываютъ, что ея краше на свете нетъ; и въ завтра у меня будетъ останошной бой. И ты, Еруслонъ Лазаревичъ, станъ въ сокровенномъ месте, и посмотри моею храбрости, и потешайся».

Легли спать; и поутру, вставъ рано, князь Иванъ русской богатырь оседлалъ своего добраго коня и поехалъ въ чистое поле; а Еруслонъ Лазаревичъ пошелъ пешъ и сталъ въ сокровенномъ месте, и учалъ смотреть: и какъ приедетъ

на князя Ивана руского богатыря Феодуль царь, змяя, конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30 000 по морю и по берегу. И не ясенъ соколъ напускается на гуси и на лебеди, на пускаетъ Иван русской богатырь на рать Феодула царя, змяя, и побилъ, и присекъ, и конемъ притопталъ 20 000 и самого Феодула царя, змяя, убилъ, и которые остались — люди малые и старые, и некому противъ Ивана русаго богатыря вытти. И взялъ князь Иванъ русской богатырь прекрасную царевну Кондурию Феодуловну, и повель ее къ своему шатру, а досталная сила Феодула царя, змяя, воротилась къ своему царству.

И привель князь Иванъ русской богатырь въ белъ шатеръ Кондурию Феодуловну; Еруслонъ Лазаревичъ за нимъ тутъ же пришелъ въ шатеръ, и учили пити, и ясти, и веселитися. И легъ опочивать съ нею Иванъ русской богатырь, а Еруслонъ изъ шатра вонъ вышелъ.

И говорить князь Иванъ русской богатырь: «Милая моя, прекрасная царевна Кондурия Феодуловна! Для тебя язь съ отцемъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибиль и присекъ, и конемъ притопталъ больше, а все для тебя. Есть ли тебя на свете краше, а моего брата Еруслона храбрее и сильнее?» И говорить ему царевна Кондурия: «Государь Иванъ русской богатырь! Кровь отца моего и воинскихъ людей не по красоте моей пролита, но по грехамъ; я, государь, что за красна! А есть, государь, въ чистомъ поле, въ беле шатре, три девицы царя Богрия, а по имени зовутъ ихъ — старшая Прондора, а средняя Мендора, а меньшая Легия; и которая, государь, предъ нимъ предстоящая последняя, стоитъ день и ночь, та вдесятеро меня краше; а язь что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и у матери; а тепере полоняничное тело: воленъ Богъ да и ты со мною. А есть, государь, подъ индейскимъ царством, служить у царя Далмата человекъ, а зовутъ его Ивашкомъ Белая Епанча: а слыхала язь у отца своего, уже онъ стережетъ въ чисте поле на дороге 33 лета, а во царство мимо его никаковъ богатырь не проежживалъ, не зверь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала; а язь, государь, брата твоего Еруслона Лазаревича храбрости не видала и не слыхала, кой у нихъ храбрее». И Еруслонъ Лазаревичъ все то слышалъ, и богатырское сердце не утерпчиво: входитъ въ белъ шатеръ, образу Божию молится, брату своему поклоняется и съ нимъ прощается; садится на свой доброй конь, и поехалъ въ чистое поле гулять, ко индейскому царству, поклониться царю Далмату да свидеться съ Иваномъ Белой Епанчей.

И едетъ Еруслонъ Лазаревичъ месяц, и другой, и третей, а самъ себе подумалъ: «Поехалъ я де въ дальнюю сторону, а не простился я ни со отцемъ, ни съ матерью, и не видали оне меня, какъ ежду на добромъ коне». И воротился Еруслонъ Лазаревичъ во царство Картауса Картаусовича, и къ отцу своему, и къ матери; и едетъ месяц, и другой, и третей, и доехалъ до царства царя Картауса Картаусовича, ажно подъ царствомъ царя Картауса стоитъ Данило Белый — Князь, а съ нимъ войска 90 000, и похваляется царство защитомъ взять, и царя Картауса взять живое, и князя Лазаря Лазаревича, и двенадцать богатырей. И увидевши Еруслонъ Лазаревичъ подъ царствомъ рать силу великую, и поступитъ къ бою нечемъ: нетъ у Еруслона ни щита крепкаго, ни копыя долгомернаго, ни меча остраго.

И поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ ко двору и ко градной стене, и видели его, что будетъ Еруслонъ, и отворили ему ворота градныя, ажно отецъ его ездитъ во обьеждихъ головахъ; и Еруслонъ Лазаревичъ, не доезжаючи отца своего, слазитъ зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолетное здравие государю моему батюшку, Лазарю Лазаревичу! Какъ тебя государя моего Богъ милуетъ, и что ты государь едшишь невесель и кручиновать?» И говоритъ князь Лазаръ Лазаревичъ: «Дитятко мое милое, Еруслон Лазаревичъ! Какъ быть мне веселу? Приехалъ подъ наше царство князь Данило Белый, а съ нимъ войска 90 000 конныхъ и вооруженныхъ; и похваляется царство наше защитомъ взять, а царя Картауса и 12 богатырей хоцетъ къ себе взять». И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь мой батюшко, князь Лазаръ Лазаревичъ! Пожалуй ты мне свой крепкой щитъ и копие долгомерное, и язъ учну съ татары дело делать». И говоритъ ему князь Лазаръ Лазаревичъ: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичъ! Ты дитятко молодое, не бывалъ на деле ратномъ, и услышишь свистъ татарской, и ты устрашишься ихъ, и они тебя убьютъ». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Не учи, батюшко, гоголя на воде плавать, а богатырскаго сына съ татары дело делать».

И даетъ ему князь Лазаръ Лазаревичъ свой крепкой щитъ и копые свое долгомерное, и Еруслонъ Лазаревичъ емлетъ щитъ подъ пазуху, а копые въ руку; и выехалъ Еруслонъ Лазаревичъ въ чистое поле гулять, и учалъ побивать рать силу князя Данила Белаго, и прибилъ рать силу татарскую, и поймалъ самого князя Данила Белаго, и взял на него клятву, что ему, князю Данилу Белому, ни детямъ его, ни внучатамъ подъ царство царя Картауса не прихо-

дить; и какъ приидеть опять подъ царство царя Картауса, и какъ выдасть Богъ въ руки, и ему живому не быть. И отпустилъ его въ свою землю, ко граду его; а войска только осталось 2000. Какъ едетъ Еруслон Лазаревичъ ко царству Картаусову, и встречается его самъ царь Картаусъ за градомъ, и Лазарь Лазаревичъ, и 12 богатырей; и Еруслонъ Лазаревичъ не доезжаючи отца своего и царя Картауса, слазить съ своего зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолетное здравие царю Картаусу, и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ васъ государей моихъ Богъ милуетъ?» И говоритъ царь Картаусъ: «Виноватъ я, Еруслонъ Лазаревичъ, предъ тобою, что велель тебя изъ царства вонъ выслать; и ныне ты живи у меня въ царстве, и емли города съ пригородками и съ красными селами; казна тебе у меня не затворена, и место тебе подле меня, а другое противъ меня, а третье где тебе любо». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Картаусъ! Не надобе мне твоей ничего, и не повадился я у тебя въ царстве жить; повадился я въ чисте поле казавать».

И прикушалъ Еруслон Лазаревичъ хлеба маленько у царя, и простился съ царемъ и со отцемъ своимъ, и съ матерью, со всемъ царствомъ, и поехалъ въ чистое поле, и ехалъ полгодищное время, ажно наехалъ въ чисте поле шатерь, и въ беле шатре три девицы сидятъ, Прондора, да Мендора, да Легия — царевы дочери, царя Богрия; таковыхъ прекрасных на свете нетъ, делаютъ ручное дело. И тутъ Еруслонъ Лазаревичъ входитъ въ белъ шатерь, забылъ образу Божию молиться, сердце его разгорелось, юность его заиграла: и беретъ себе большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а темъ сестрамъ велель... из шатра вонъ вытти, а самъ съ нею легъ спати на постель, и говоритъ ей: «Милая моя, прекрасная царевна Богриевна! Есть ли на семъ свете тебя краше, а меня храбрее?» И говоритъ ему прекрасная царевна Прондора: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ, что я за красна! Когда я была у отца своего у матери, тогда я была и красна, и хороша, а понеча язъ полоняное тело. А есть, государь, подъ индейскимъ царствомъ, у царя Далмата, человекъ, а зовутъ его Иваномъ, а прозвище Белая Епанча, и стоит въ чисте поле на дороге: мимо его никакой человекъ не прохаживаль, ни богатырь не проезживаль, ни зверь не прорыскиваль, ни птица не пролетывала, никой богатырь не проезживаль. А ты что за храбръ? Обычная твоя храбрость — что ты насъ девокъ разогналъ».

И сталъ Еруслонъ Лазаревичъ съ постели, взялъ острую саблю свою и отсекъ ей голову, да и подъ кровать бросилъ; и емлетъ себе на постелю вторую сестру Мендору, и говоритъ ей Еруслонъ Лазаревичъ: «Милая, прекрасная Мендора Богриевна! Есть ли на семъ свете тебя краше, а меня храбрее?» И она ему те же речи сказала, и онъ ей голову отсекъ, и под кровать бросилъ. И емлетъ третью девицу Легию къ себе на кровать и говоритъ ей: «Милая моя, прекрасная царица Легия! Есть ли тебя на семъ свете краше, а меня храбрее?» И говоритъ ему Легия девица: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! язь что за красна и хороша! Когда я была у отца своего въ царстве, тогда я была красна и хороша, а ныне я полоняное тело; которое ты у меня красоты захотель? А есть, государь, подъ индейскимъ царствомъ, у царя Далмата, человекъ, а зовутъ его Ивашко, а прозвище Белая Епанча, а стоитъ онъ на дороге въ чистомъ поле: мимо его никакой богатырь не проезживалъ, ни зверь не прорыскивалъ, никакой человекъ не проезживалъ, ни птица не пролетывала; а я у васъ не ведаю, кой храбрее и сильнее. Да есть, государь, во граде Дербие, у царя Варфоломея царица Настасея: которая, государь, предъ нимъ предстоящая, и та вдесятеро меня краше». И тутъ Еруслонъ Лазаревичъ ставъ съ постели, и говоритъ ей таково слово: «Милая моя, прекрасная царица Легия! Живи ты въ чисте поле, не бойся никого, а сестеръ своихъ схирони».

И Еруслонъ Лазаревичъ селъ на свой добрый конь, ехалъ въ чистое поле, ко индейскому царству, ко царю Далмату поклониться, да свидетца съ Ивашкомъ Белой Епанчей. И едетъ Еруслонъ Лазаревичъ месяцъ, и другой, и третей; а въ те поры Еруслонъ Лазаревичъ седми летъ; и доехалъ, ажно въ чисте поле стоитъ человекъ, копьемъ подпершись, во бело(й) епанче, шляпа на немъ сорочинская, и стоячи дремлетъ. И Еруслонъ Лазаревичъ ударилъ его по шляпе плетью, и говоритъ: «Человече! убудися! Мошно тебе и лежа наспатца, а не стоя!» И говоритъ Ивашко Белая Япанча: «А ты кто еси, и како тебя зовутъ по имени, и откуда едешь?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язь еду отъ Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазаръ Лазаревичъ, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслономъ; а еду я во индейское царство поклониться царю Далмату». И говоритъ ему Ивашко Белая Япанча: «Брате Ерусланъ Лазаревичъ! Прежь сего мимо меня не проезживалъ никаковъ богатырь, а ты хочешь мимо меня проехать? Пойдемъ въ чистое поле и отведаемъ плечъ своихъ багатырскихъ».

И тутъ скоро сѣдѣли на свои добрыя коши и поехали въ чистое поле гулять; Ивашко поехалъ во всю пору лошадиную, а Еруслонъ поехалъ ступью бредучею; Ивашко заехалъ напередъ, а Еруслонъ Лазаревичъ помолился: «Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мне, Господи, всякаго человека убить копьемъ, тупымъ концемъ!» И удари Еруслонъ Лазаревичъ Ивашка противъ сердца ретиваго копьемъ, тупымъ концемъ, и вышибъ изъ седла вонъ; и Арашъ его вещей конь наступилъ на доспешное ожерелье и пригнелъ къ сырой земле; и обратилъ Еруслонъ Лазаревичъ копье острымъ концемъ, и хочетъ его скорой смерти предать. И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате Ивашко! Смерти хошь, или живота?» И молится Ивашко, лежа на земли: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! не дай смерти, дай животъ! Прежь сего у насъ брани не бывало, да и впредь не будетъ». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате Ивашко! Не убилъ бы ты, да за то тебя убью, что знаютъ тебя въ чисте поле всякия красныя девки». И обратилъ Еруслонъ Лазаревичъ копье острымъ концемъ, и предалъ его смерти, а самъ поехалъ ко индейскому царству, поклонитися царю Далмату.

И Еруслонъ Лазаревичъ какъ приехалъ ко царству, и въехалъ на царевъ дворъ, и слезъ своего добраго коня, а самъ пошелъ ко царю въ полату: образу Божию молится, царю Далмату поклоняетца: «Многолетное здравие царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего прими въ службу». И говоритъ ему индейскій царь Далматъ: «Откуда еси, человече, пришелъ, отъ котороу царства, и какоу отца сынъ, и какъ тебя зовуть по имени?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Далматъ! ежжу я отъ Картаусова царства, а рождения сынъ князя Лазаря Лазаревича, а матери Епистимии, а меня зовуть Еруслонкомъ». — «Какимъ же ты путемъ ехалъ: коннымъ или пешимъ, или водянымъ?» И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Далматъ, язъ ехалъ сухимъ путемъ». И говоритъ царь Далматъ: «Еруслонъ Лазаревичъ! Есть у меня человекъ на дороге стоить, въ чисте поле, а зовуть его Ивашкомъ, прозвище Белая Япанча: мимо его никаковъ богатырь не проеждиваль, ни зверь не прорыскиваль, ни птица не пролетывала, и никаковъ человекъ не прохаживаль; а ты какъ проехалъ?» И говоритъ ему Еруслонъ: «Язъ, государь, не ведалъ, что твой человекъ, и я его убилъ». И тутъ царь Далматъ убоился: «Когда де онъ такого богатыря убилъ, и онъ де царствомъ моимъ завладеетъ». И сталъ царь Далматъ кручиновать: «А не на

то де онъ приехалъ ко мне во царство, что ему служить; но на то онъ приехалъ, что ему царствомъ завладеть моимъ».

И велель Еруслона чтити честью великою, и кормить, и поить своимъ царскимъ питиемъ доволно. И узналъ Еруслонъ Лазаревичъ, что его царь убоялся; и оседла коня своего, и вшедъ въ каменную полату, образу Божию молитца, и съ царемъ Далматомъ прощаетца, и поехалъ Еруслонъ изъ града вонъ; и царь возрадовался радостью великою, что Богъ избавилъ Еруслона, и повеле градныя врата затворити и утвердити, чтобы Еруслонъ назадъ не воротился и царства бы нашего не попленилъ.

И поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ ко граду Дербию, къ царю Варфоломею поклонитися, а хочетъ видети прекрасную царевну Настасию Варфоломеевну, что онъ слышалъ про ея красоту; а въ те поры Еруслонъ Лазаревичъ осми летъ на девятомъ году. Поедетъ месяцъ, и другой, и третей, а самъ себе подумалъ: «Поехалъ де я въ дальнюю страну, не простясь ни со отцемъ, ни съ матерью; а естли мне слюбитца прекрасная царевна, и я на ней женюся: а у отца своего и у матери не благословился!»

И поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ къ Картаусову царству, ажно Картаусово царство пусто: попленено, и огнемъ пожжено, и мхомъ поросло; лишь только одна хижина стоитъ, а въ хижинке старъ человекъ объ одномъ глазе. И Еруслонъ Лазаревичъ вшелъ въ хижину, образу Божию молитца, старику поклоняетца; и говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Брате старъ человекъ! Где сие царство девалось, и кто пленилъ?» И говоритъ ему старъ человекъ: «Господине воинъ! откуда едешь и какъ тебя по имени зовутъ?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Какъ ты, старикъ, меня не знаешь? Язъ здешнаго царства, сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслономъ». И тутъ старикъ со слезами палъ на землю, и говоритъ ему: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! После твоего отъезду немного времени минуло, пришедъ подъ наше царство князь Данило Белой, собралъ войска 120 000, и пришелъ, наше царство попленил, и огнемъ пожегъ, и ратныхъ людей побилъ, храбрыхъ витязей 80 000, а честныхъ людей 300 800, а поповъ и черницовъ собралъ на поле и огнемъ пожегъ 472, а младенцовъ прибилъ 11 000, а женъ 14 000, а царя Картауса и отца твоего князя Лазаря Лазаревича и 12 богатырей въ полонъ взялъ, и звезъ во свою землю; а язъ единъ пролежалъ въ трупу человеческомъ, а лежалъ 9 дней и 9 ночей».

И встаетъ Еруслонъ Лазаревичъ образу Божию молитца,

и съ старикомъ прощаетца; и поехалъ къ царству князя Данила Белаго; а въ те поры Еруслон Лазаревичъ десяти летъ и трехъ месяцевъ. И поехалъ до царства въ полудное время, никто не слыхалъ и не видалъ, толко видели малыя робятка, по улицамъ играютъ, и Еруслонъ у робятъ спрашивать: «Где сидитъ у князя Данила Белаго царь Картаусъ, въ коей темнице? Азъ бы ему подаль милостыню». И указали ему малыя робята темницу, и приехалъ Еруслонъ Лазаревичъ къ темнице, и у темницы стражей всехъ прибилъ, и ударилъ въ темничныя двери, и вшедъ въ темницу, и говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Многолетное здравие царю Картаусу, и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ васъ, государей моихъ, Богъ милуетъ?» И говоритъ ему царь Картаусъ: «Человече! отъиди отъ насъ прочь: откуда пришелъ, туда и поиди, а намъ не смейся. Когда язь былъ царь, а тотъ князь, а те богатыри, а ныне, по грехамъ нашимъ, азъ не царь, а тотъ не князь, а те не богатыри, а мы сидимъ въ темнице; уже у насъ и очи выяло, и мы седимъ, и рукъ своихъ не видимъ». И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Язь приехалъ къ вамъ не смеяться, язь приехалъ поклониться; а меня зовутъ Еруслономъ, а отецъ у меня князь Лазаръ Лазаревичъ, а мати у меня Епистимия». И говоритъ царь Картаусъ: «Аще бы Еруслонъ былъ живъ, и мы бы горести не терпели». И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Язь не лгу». И говоритъ царь Картаусъ Еруслону: «И ты, человече, называешися Еруслонъ Лазаревичъ, и ты намъ послужи службу: поедь ты за теплое море въ подонскую орду, въ Штютенъ градъ, къ волному царю, къ Огненному щиту, къ пламенному копыю, и убей его до смерти, и помажь намъ очи; и когда мы увидимъ светъ Божий, и тебе веру поимемъ».

Еруслонъ поклонился царю Картаусу и отцу своему, князю Лазарю Лазаревичю, и 12 богатырямъ, и поехалъ изъ града вонъ; и увидели его робята, собою млады, и сказали мурзамъ; ехалъ де изъ града вонъ человекъ, а сказался де намъ, что Еруслонъ Лазаревичъ; и пришедъ мурзы къ темнице, и у темницы кои богатыри были приставлены, лежатъ прибиты; и мурза двери заключилъ и пошелъ ко князю Данилу Белому, и доложилъ ему, что былъ во граде Еруслонъ и у темницы стражей всехъ прибилъ. И велелъ князь Данило Белой въ рогъ трубить и тимпаны бить: и собралися къ нему мурзы и татары, и всякия люди; и велелъ князь Данило Белой выбрать лутчихъ мурзъ и татаръ, конныхъ и вооруженыхъ, и велелъ гнаться за Еруслономъ, и велелъ его жива поимать и предъ себя поставить.

И погна за Еруслоном мурзы и татары, и какъ наежжаютъ, и Еруслонъ остановился говорить имъ: «Братие мурзы и татаре! что вы слушаете своего безумнаго князя Данила Белого? Не угонятца вамъ будетъ въ чисте поле за ветромъ, а за мною жъ богатыремъ такожь». И поехалъ Еруслонъ отъ нихъ за тихия воды, за теплое море, къ волному царю, ко Огненному щиту, къ пламенному копыю; а мурзы и татары учили промежь собою думу думать: «Какъ скажать про Еруслона князю Данилу? Скажемъ мы, что его не видали». И ехалъ Еруслонъ Лазаревичъ полгодичное время; а въ те поры Еруслону минуло десять летъ; и не доехал Еруслонъ въ подонскую орду до Штютена града 4 поприщь, ажю лежитъ рать сила побитая, а въ той рате лежитъ человекъ богатырь; а тело его, что сильная гора, и глава его, что сильная бугра. И Еруслонъ выехалъ въ побоище, и крикнул громко голосомъ: «Есть ли въ сей рате живъ человек?» И говорить ему богатырская голова: «Гой еси Еруслонъ Лазаревичъ! Кого ты спрашиваешь, и кто тебе надобенъ?» И приехал Еруслонъ Лазаревичъ къ богатырской голове, а самъ себе удивился, что мертвая голова глаголетъ; и говорить Еруслонъ Лазаревичъ: «Гой еси богатырская голова! Что мертва глаголеши, или мне слышитца?» И говорить ему богатырская голова: «Еруслонъ Лазаревичъ! Не чюдитца тебе, но до прямиа говорю; далече ли едешь, и куды твой путь?»

И говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «А кто ты таковъ по имени, и котораго града, и какова отца сынъ, и кто тебя убилъ?» И говорить ему богатырская голова: «Былъ язь богатырь задонския орды, сынъ Прохора царя, а та рать со мною лежитъ волнаго царя, Огненнаго щита, пламенного копыя, и побивалъ ея я; а по имени меня зовутъ Рослоноемъ; а приходилъ я подъ сие царство 12 летъ, по единойды в годъ; а брань у меня за то съ царемъ была: отецъ мой, Прохоръ царь, сосваталъ за меня невесту изъ того царства въ пеленахъ, а отъ рождения мне дватцать летъ; а ты, Еруслонъ Лазаревичъ, далече ли ты едешь?» — «Язь еду въ задонскую орду, въ то же царство, къ тому же царю, и хощу его предъ собою мертва видети».

И говорить ему богатырская голова: «Не видитъ его предъ собою мертва, хочешь отъ него самъ умерети. И язь былъ человекъ, да и богатыри многие меня, цари и князи восточные и западные знали, не только меня боялись, но и имени моего страшились; а какъ мати меня породила, и я былъ полторы сажени человеческия, а толстота моя была въ объемъ человеку; и какъ я былъ летъ 3, и у меня въ чисте

поле ни зверь не прорыскивалъ, и никакоевъ человекъ не прохаживалъ, и никакоевъ богатырь противъ меня не стаивалъ; а ныне мне 20 летъ. Ты самъ видишь, возрастъ мой каковъ: и тело мое 10 сажень, промежь плечъ 2 сажени, да между очей моихъ калена стрела умещается, а голова у меня какъ пивной котелъ, руки у меня 3 сажени, да и тутъ я не могъ биться и противъ его стояти. И тотъ царь силенъ велми: и войска у него много, и мечъ его не сечеть, и сабля его неиметь, на воде онъ не тонеть, а на огне не горить».

И поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ въ задонскую орду, въ Штютенъ градъ, къ волному царю, къ Огненному щиту, къ пламенному копыю. И какъ приехалъ въ задонскую орду ко царю, и пришелъ въ полату, образу Божию молитца, царю поклоняетца, и говоритъ ему царь: «Откуда ездить, человекъ, и какова отца сынъ?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язь еду отъ Картаусова царства, отца князя Лазаря Лазаревича, ищу себе ласковаго государя, где бы мнѣ послужить... красные порты износить и добра коня изъездить, сладкаго медку испить и молодость свою потешить...» Тогда молвилъ ему царь: «Еруслонъ Лазаревичъ, поежжай ко мне въ градъ, въ царстве моемъ люди надобны». Тогда поехалъ Еруслонъ во градъ за царемъ, и приехалъ туда, [его царь] пожаловалъ свыше всехъ 12 богатырей.

И служить ему Еруслонъ Лазаревичъ полгодичное время. И поехалъ Еруслонъ Лазаревичъ на потеху; и какъ будутъ оба на веселие, и близко трупу человеческа, и Еруслонъ Лазаревичъ зговорить волному царю, Огненному щиту, пламенному копыю: «Государь царь и великий князь! Ехалъ я къ тебе и видялъ я рать силу побитую, много трупу человеческого; а въ той рате лежитъ живъ человекъ: тело его аки великая гора, а глава у него аки великая бугра». И тутъ царь отъ печали воздохнувъ, и палъ на землю, и говоритъ царю: «Та глава лежитъ на плече моемъ, а подъ тою главою есть мечъ, и всяко его азь добывалъ, и не могъ добыти, а опричь того меча никакоевъ мечъ не сечеть меня и не иметь: на огне я не горю, на воде не тону, а того меча велми боюся, какъ бы я того богатыря не убилъ, и мне бы самому убиту отъ него быти». И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь волной царь пламенное копые! Пожалуй меня, холопа своего: язь тебе тотъ мечъ добуду». И говоритъ ему волной царь: «Еруслонъ Лазаревичъ! Какъ ты мне ту службу сослужишь, и я тебя пожалую паче всехъ ближнихъ своихъ приятелей; а толко ты похвалялся та-

кимъ словомъ, да не сослужишь, и ты у меня не уйдешь никуда, ни водою, ни землею».

И поклонился ему Еруслонъ Лазаревичъ, и селъ на свой доброй конь, и поехалъ къ богатырской голове; и какъ будетъ у нея, и говоритъ ей Еруслонъ Лазаревичъ: «О государыни богатырская голова! Надеюсь на твое великое жалованье и милосердие: хотела ты изъ подъ себя мечъ свободить мне, и язь предъ царемъ похвалился, и царь мне такъ сказалъ: толко де Еруслонъ не добудешь того меча, и ты де у меня не можешь нигде укрытися и утйти, ни водою, ни землею». И слезши Еруслонъ Лазаревичъ своего добра коня, и ударился о сыру землю, и говоритъ: «О государыни богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животъ!» И богатырская голова съ места содвинулась, и Еруслонъ Лазаревичъ возьмъ мечъ и поехалъ; а самъ себе подумалъ: «Господи Боже, Спасъ милостивы! Доселе азъ царей устрашалъ, богатырей побивалъ, а ныне язь со слезами богатырской голове поклонился!»

И богатырская глава крикнула громкимъ голосом, и Еруслонъ Лазаревичъ узналъ свою вину и воротился, и слезъ со добра коня, и палъ на сыру землю, и говоритъ: «Богатырская голова! виноватъ я предъ тобою, что посмешилъ таковое слово!» И зговорить ему богатырская голова: «Богъ тя проститъ, Еруслонъ Лазаревичъ, въ томъ слове, что дерзнулъ со млада ума! Не всемъ ты завладесешь, что мечъ взялъ: можешь и съ мечемъ быти мертвъ; тако добра хочу. Како ты, Еруслонъ Лазаревичъ, приедешь въ Штютенъ градъ къ волному царю, къ Огненному щиту, къ пламенному кошю, и какъ увидить ты, и не усидить на престоле своемъ, кинетъ жезлъ свой, и стретить ты, учнетъ тебе говорить, и много добра сулить; и ты, Еруслонъ Лазаревичъ, послушай меня: и ударь его по главе однажды; и какъ ты его ударишь, и буде онъ тебе велить себя и вдругорядь ударить, и ты его не бей: и аще онъ съ того удару оживеть, и онъ тебя убьетъ».

И Еруслонъ Лазаревичъ поклонился ей, и поехалъ ко граду; и какъ въехалъ на царев дворъ, а мечъ несетъ на плече. И увидялъ его царь, скочилъ съ престола своего, и кинулъ жезлъ свой, и побежалъ встречать Еруслона; и говоритъ ему царь: «Исполать тебе, Еруслонъ Лазаревичъ! Какова тебя сказывали, таковъ ты и есть. За ту тебе службу место у меня тебе первое подле меня, а другое противъ меня, а третие где тебе любо: казна у меня тебе не затворена, а после смерти царствомъ моимъ владей». И протянулъ царь руку, и хотелъ принять; и Еруслонъ Лазаревичъ уда-

рилъ царя по главе, и разсекъ его надвое; и говоритъ ему царь: «Ударь меня, Еруслонъ, и вдругорядь». И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Ударилъ я тебя по главе, и разсекъ пополамъ, и ты не горазно говоришь: богатырь единойды сечеть».

И кинулись къ нему, и хотели его поимать, и взять, и посадить въ темницу; и Еруслонъ взялъ въ руку мечъ, а въ другую полцаря, и поворотился кругомъ, и убилъ князей, и бояръ, и богатырей сорокъ человекъ. И зговорятъ ему князя и бояра и градцкие люди: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Смирися, престаи битися! Не для ради мы того къ тебе кинулись, что драться: чтобы ты былъ у насъ царь». И говоритъ имъ Еруслонъ: «Выбирайте вы царя промежь собою иного, а язъ вамъ не царь». И учаль Еруслонъ изъ царя желчь вынимать, и въ сафьянныя сумки класть; и селъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поехалъ изъ града вонъ; и въ те поры Еруслону минуло 11 лет. И приехалъ Еруслонъ къ богатырской главе, и вынялъ изъ сумокъ царьской желчь, и помаза богатыря Рохлея: и тутъ Рохлей живъ сталъ, и съ Еруслономъ поцеловались, и назвали другъ друга братомъ, и Рохлей богатырь поехалъ въ задонской градъ, по благословению отца своего женитца волного царя на дочери Понарии царевны, царствовати въ Штютенъ град; и Еруслонъ поехалъ ко князю Данилу Белому въ царство.

И ехал Еруслон годъ времени, и въехалъ во градъ ночью; никто его не слыхалъ и не видалъ; и приехалъ къ темнице, ажло у темницы стражей всехъ прибилъ, и ударилъ въ темничныя двери, и вышибъ вонъ. И вшедъ темницу, и говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Многолетное здравие царю Картаусу, и государю моему батюшку, князю Лазаревичю съ двумя надесяти богатырями!» И говоритъ ему царь Картаусъ: «Человече, отъиди прочь отъ насъ, не пролыгайся!» И говоритъ имъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ, государь, не пролыгаюся; куды вы меня послали, и я вам ту службу сослужилъ, и желчь изъ него вынялъ». И зговорятъ ему царь Картаусъ: «Человече! коли ты Еруслонъ называешися, и службу нашу сослужилъ, волного царя убилъ, и изъ него желчь вынялъ, — и ты тою желчию помажь намъ очи, и мы светъ Божий увидимъ, и тебя Еруслона увидимъ, и веру тебе поимемъ».

И Еруслонъ царю очи помазал, и отцу своему князю Лазарю Лазаревичу, и двоюнадесяти богатырями очи помазалъ: и они светъ Божий узрели, и Еруслона увидели, и возрадовались радостью великою. И какъ утренняя заря

займетца, и Еруслонъ вышелъ изъ темницы вонъ, и сядилъ на своего добраго коня, и поехалъ по граду. И не ясенъ соколъ напускаетца на гуси и на лебяди, напускаетъ Еруслонъ Лазаревичъ на мурзы и на татары: прибилъ, и присекъ, и конемъ притопталъ мурзъ и татаръ 170 000, а черныхъ людей и младенцовъ въ девять летъ въ крещеную веру привелъ, и крестъ целовати (велель?) за царя Картауса, а свою имъ татарскую [веру] велель проклинать; и велель бити челом царю Картаусу, а князь Лазаръ Лазаревичъ княземъ былъ, а дванадесять багатырми бытъ; а князя Данила Белого поймавъ, сослалъ въ монастырь, и велель пострищи, и далъ ему наказание; а за тое его убилъ, что онъ мать его убилъ, княгиню Епистимию.

И покушалъ Еруслонъ хлебца у царя маленько Картоуса, и простился съ царемъ, и со отцемъ своимъ, и съ богатырми, и со всеми людьми, и вселъ на свой доброй конь, и поехалъ изъ царства вонъ; выслалъ царь Картаусъ и отецъ его князь Лазаръ, много слезами унимали: «Живи ты у насъ — прочь не отъежжай». И Еруслонъ поклонился царю Картаусу, и со отцемъ своимъ простился, и поех (ал)ъ ко граду Дербию, ко царю Варфоломею: а хоцетъ видети прекрасную царевну Настасию Варфоломеевну; а въ те поры Еруслону минуло двенатцать летъ.

И едетъ месяцъ, и другой, и третей, и доехалъ Еруслонъ до царства Варфоломеева; ажно подь темъ царствомъ езеро велико, а въ томъ езере лютое чудо о трехъ головахъ, на всякъ день выходитъ на берегъ, и поедаетъ многия люди; а царь Варфоломей велить на всякъ день кличь кликать, чтобы Богъ послалъ такого человека, кой бы въ езере чюдо извелъ, а язъ бы ему много даль городовъ, и казны доволно ему, и коней добрыхъ, и людей ему на службу, сколко ему надобно. И въехалъ Еруслонъ во градъ, и сталъ на дворе у вдовы; и услышалъ Еруслонъ кличь царь (царевъ?) что много чюдо людей поедаетъ. И селъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поехалъ къ езеру; и услышало чюдо, что приехалъ Еруслонъ, и выскочило вонъ; конь испугался, палъ на окарачки, и Еруслонъ свалился своего добра коня на землю; и хватило его чюдо, и поволокло во езеро. Еруслонъ ухватилъ мечъ свой, а доброй конь его остался на берегу; и влезъ Еруслонъ чюдо на спину, и отсекъ Еруслонъ у чюда две головы, и хоцетъ третью голову отсець; и возмолилось чюдо: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! не дай смерти, дай животъ! По сей день изъ езера не выйду, и людей есть не стану, а стану есть рыбу, и тину, и траву болотную, а тебе дамъ подарокъ велий: есть у меня камень

самоцветной, и язъ тебе отдамъ». И говоритъ Еруслонъ: «Чюдо, аще ты мне камень отдашь, язъ тебя спущу жива». И пошло чюдо во озеро, а Еруслонъ же на немъ седелъ; и взялъ у чюда камень самоцветной, и велелъ вынести изъ озера на брегъ; и Еруслонъ снялъ съ чюда третюю голову, и селъ на свой доброй конь, и поехалъ во градъ Тербию, ажно встречается его царь Варфоломей въ воротахъ градныхъ; и Еруслонъ Лазаревичъ, не доезжаючи царя, слазитъ своего добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолетное здравие государю царю Варфоломею! Многолетствуй, государь, во своемъ царстве, съ князи, и съ боляры, и со всеми христианы на многия лета! Избыль еси своего града губителя».

И зговоритъ ему царь Варфоломей, и все возрадовались радостию великою, и емлетъ Еруслона за руку за правую, и целуетъ его во уста сахарныя, а самъ зговоритъ таково слово: «Ведаю язъ, Божий человекъ, не хотя Господь смерти грешникомъ, хотя нашъ градъ отъ таковаго губителя спасти, посланно по губителя тобою храбрымъ воиномъ; и какъ тебя зовуть по имени, и откуда тебя сюды Богъ запесъ, и како отца сынъ и матери?» И зговоритъ Еруслонъ: «Государь царь Варфоломей! Язъ, государь, ежду отъ Картоусова царства, а отъ отца сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовуть Еруслономъ; а гулялъ язъ, государь, въ чистомъ поле». И царь о немъ наипаче возрадовался, что Богъ ему подалъ такого человека храбраго; и архиепископъ того града со всемъ соборомъ, и со кресты, и со иконами стречали съ князи, и съ боляры, и со всеми своими православными христианы, поклоняетца весь миръ, и малыя младенцы возыграли, и стари вострепетались; и бысть во граде радость великая. И царь Варфоломей на радости и пиры сотворилъ многия и великия, и созвалъ князей, и бояръ, и всякихъ чиновъ людей, съ женами и съ детми, а Еруслона взялъ за руку, и повелъ къ себе въ полаты, и посадилъ у жреца место ему подле себя, и сталъ ему говорить: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Буди воля твоя, живи ты у меня во царстве, и емли ты города, и съ пригородками, и съ красными селами; место тебе подле меня, а другое противъ меня, а третие место, где тебе любо; казна тебе у меня не затворена: емли себе злата и сребра, и скатнаго жемчюга, и камения драгаго, сколько тебе надобно; и позволишь жинитися, и язъ дамъ за тебя дочь свою Настасью прекрасную, а приданого дамъ половину царства».

И какъ Еруслонъ будетъ сидячи за столомъ на веселие,

и зговорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Государь царь Варфоломей, покажи ми дочь свою». И царь Варфоломей велелъ ийти въ полату къ дочери своей, прекрасной Настасие Варфоломеевне; и Еруслонъ всталъ изъ-за стола, и вшедъ въ полату, образу Божию поклоняетца, и царевна поднесла ему разныя питья царския; Еруслонъ испивъ у царевны, и пошелъ вонъ изъ полаты, и учаль говорить: «Государь царь Варфоломей! хощу жениться, и понять за себя дочь твою Настасию». И о томъ царь Варфоломей возвеселился, и далъ за него дщерь свою Настасию Варфоломеевну, и легъ съ нею опочевать, и учаль себе любить ея, спрашивать: «Милая моя царевна Настасия Варфоломеевна! Есть ли на семь свете тебя краше, а меня храбрее?» Что зговорить ему царевна Настасия: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Нетъ тебя храбрее: ты, государь, князя Ивана руского богатыря побилъ; ты, государь, князя Данила Белаго побилъ; и царство его попленилъ; ты, государь, Ивашка Белую Епанчу убилъ; ты индейскаго царя устрашилъ; ты, государь, волнаго царя Огненнаго щита, поломяного копья, убилъ; ты, государь, оживилъ Рохлея богатыря, ты, государь, отца своего воскресилъ, и змия убилъ. Язъ, государь, что за красна! Какъ есть, государь, въ девичье царстве, въ солнышномъ граде, царевна Понария, сама царствомъ владеетъ: иная, государь, коя предъ нею стоить день и ночь, и та государь меня вдесятеро краше».

И поутру вставъ Еруслонъ Лазаревичъ рано, и даетъ жене своей царевне Настасие Варфоломеевне камень самоцветной, и зговорить ей: «Милая моя царевна Настасия! И толко ты родишь сына, и ты ему вделай въ перстень; а толко родишь дочь, дай въ приданое». А самъ пошелъ ко царю въ палату, и учаль съ нимъ пития пити, и веселиться; и какъ будутъ оба на веселие, и Еруслонъ вставъ изъ-за стола, образу Божию поклоняетца, и царю бьетъ челомъ, и съ женою простился; и селъ на свой добрый конь, и поехалъ къ девичью царству, къ солнышному граду, видети прекрасную царевну Панарию.

И ехаль Еруслонъ полгода времени, и доехаль до девичья царства, да солнышнаго града, и въехалъ во градъ, слезъ своего добраго коня, и пошелъ къ царевне въ полату. И узрела царевна такова воина, и возрадовалась, и учала ему бити челомъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Владей ты моимъ царствомъ и людьми; и вся казна, и добрые люди, и кони, и я сама предъ тобою; а воинскихъ людей у меня 7(000), и черныхъ людей 300 000: владей». Еруслонъ Лазаревичъ смотрячи на красоту ея, съ умомъ смешался,

и забылъ свой первой бракъ; и взял ея за руку за правую, и целовалъ ея во уста сахарныя, и прижималъ ея къ сердцу ретивому, и назвалъ ея женою, а она его мужемъ назвала; и учали себе жить, а царьствомъ владети.

А Настасия Варфоломеевна безъ него родила сына, и нарече во святомъ крещении имя ему Иванъ, а прозвище Еруслонъ Еруслоновичъ: глаза у него какъ питы чаши, и лицемъ румянъ, а собою ростъ. И живетъ Настасия Варфоломеевна безъ Еруслона пять летъ, по вся дни лице свое умываетъ слезами, ждучи своего мужа Еруслона Лазаревича; и какъ будетъ Еруслонъ Еруслоновичъ пяти летъ на шестомъ, и учаль ходить во дворъ къ дедушку своему царю Варфоломею, и учаль шутить шутки съ княженецкими детьми и боярскими, и съ гостиными: кого хватить за руку — у того рука прочь, кого хватить за голову — и голова прочь; и ту граждана не залюбили. Еруслонъ Еруслоновичъ узналъ, что его граждана не возлюбили, и пришелъ къ матери своей Настасие Варфоломеевне и учаль говорить: «Государыни, матушка Настасея Варфоломеевна! Куды поехалъ государь мой батюшко?» И зговорить Настасея: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Еруслоновичъ! поехалъ твой батюшко къ девичью царству, къ солнышному граду».

Еруслонъ седлалъ своего добраго коня и поехалъ отца своего искать. И какъ будетъ Еруслонъ Еруслоновичъ подъ царствомъ девичьимъ, и скрычить громко голосомъ; и отецъ его Еру (слонъ) съ постели спрянулъ, и зговорить: «Милая моя Понария царевна! Не бывали ли кто прежь сего подъ симъ царствомъ, и не сватывался ли кто къ тебе?» И говорить ему Понария царевна: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Не бывалъ никто прежь тебя». И зговорить Еруслонъ: «Слышу язъ, что есть подъ моимъ царствомъ богатырь; и я поеду, убью его».

И выехалъ Еруслонъ въ чистое поле. Какъ съезжаютца два сильныя богатыри — Еруслонъ Лазаревичъ ударилъ сына своего противъ сердца ретиваго, и мало его изъ седла вонъ не вышибъ; и Еруслонъ Еруслоновичъ ударилъ отца своего противъ сердца ретиваго и ухватилъ Еруслонъ Еруслоновичъ копые рукою правою у отца своего, и возсяилъ на руке перстень, а въ перстни камень самоцветной.

И увидалъ Еруслонъ Лазаревичъ у сына своего златъ перстень, а въ перстни (камень) самоцветной, и учаль спрашивать сына своего: «Чье детище молодое, и откуда ездить, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?» И зговорить сынъ его: «Государь храбрый воинъ! Язъ

еду отъ града Дербии, отъ царя Варфоломея, а отецъ у меня былъ Еруслонъ Лазаревичъ, а мати Настасия Варфоломеевна, а отца своего въ лице не знаю; а поехалъ отъ матери своей гулять къ девичью царству».

И Еруслонъ Лазаревичъ бралъ его за руку за правую, и целовалъ его во уста сахарныя, а называлъ его сыномъ; и сажались оне на свое добрыя коня, и поехали ко Дербю граду, къ Варфоломееву царству, и (у)чалъ Еруслонъ сына своего спрашивать о отце своемъ царе Варфоломее о здравии, и о матери его, а объ своей жене, и о царстве, и о людехъ: «Не прихаживалъ ли кто безъ меня подь наше царство, и не побивалъ ли кто людей въ царстве нашемъ? Я бы ему влилъ кровь поротиво (?) крови». И говорить ему сынъ его Еруслонъ Еруслоновичъ: «Государь мой батюшко, Еруслонъ Лазаревичъ! Дедушко при старосте не можетъ, а мати моя въ печалехъ велико, что тебя къ себе дожидатися не можетъ; а подь царствомъ нашимъ не бывалъ никто».

И ехалъ, ехалъ Еруслонъ полгода времени, и приехалъ подь царство Дербю градъ, ажно во граде плачь и сетованье великое: преставися у нихъ царь Варфоломей. И въехали они во градъ Дербю; граждана того града изъ опознали, что едетъ Еруслонъ и (съ) сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ, и людие Дербия града поклонились: «Многолетное здравие государю Еруслону Лазаревичю и (съ) сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ! Здравствуй, государь, на Дерби(е) принялъ (прими?) венець царский и порфиру царскую, и градъ Дербии, и орду сию, и мы о тебе станемъ радоватися, а царя Варфо(ломея) поминати».

И въехалъ Еруслонъ на дворъ свой, и выскочила противо его стречати прекрасная царевна Настасия Варфоломеевна, и низко мужу своему поклоняетца Еруслону Лазаревичю, и говорить таково слово: «Солнце мое равитцкое! Откуда зошло и меня обогрело? Отколе мя светъ осветилъ, и отколя зоря возсияла?» И обняла его, и взяла за руку, и целовала его во уста сахарныя, и прижимала его къ своему сердцу ретивому, и повела его въ хоромы царския, и все князи, и боляра, и гости торговые, и черные люди Еруслону возрадовались. Еруслону слава не минуетца отныне и до века. Аминь.

Повесть о царе Аггее

Повесть зело полезна

Бысть во граде Филумени царь именем Аггей, зело славный и богатый. Прилучися же ему стояти в церкви во время божественных литургий и егда священнику чтуще святое Евангелие. Егда же дойде до строки, в ней же написано: «Богатии обнищают, а нищии обогатеют», царь же слыша слово сие, ярости и гнева наполнися и рече: «Что есть написано слово сие ложно, како богатии обнищают, а нищии обогатеют? Но како мне обнищати, а нищу обогатиться?» — И егда священник отслужи божественную литургию, тогда царь повеле его всадити в темницу, а из Евангелия тот листъ повеле вон выдрати, глаголя: «Си есть слово в ложь написано». Сам же царь поиде в дом свой и начат со ближними своими ясти, и пити, и веселиться.

Тогда же некий ближний ево отрок бысть в поле и увиде: близ града Филумения ходяще елень по полю. И пришед, возвестиша царю. Царь же скоро взя с собою пятьдесят отроков избранных и поеха в поле. И увидя елень

прекрасну зело, и нача гнати за нимъ по полю. Еленю же бежашу, и прибеже к некоей реке и поплы чрез реку. Царь же, сам един только, сверже одежду свою с себе и покиня коня на берегу, и поплы за еленем. И егда преплы реку, тогда не видя еленя. Потом же царь вспять преплы реку.

Прежде бо преплытия его прииде ко отроком его ангель Божий во образе царя Агея и рече отроком, яко елень утече. И взя одежду, облечеса и вседъ на коня. И еха во град Филумен со отроки яко Агей царь, и приеха во град. И нача царство правити по обычею, никто бо его не позна, ни царица, ни вельможи и сильнии его, но все почитаху, яко Агей царь есть.

Царю же Агею пришедшу на брегъ, и начат смотрити отроковъ своих и платья, и коня своего, и не обрете ничего. И ста на мног час, размышляя в себе: «Что ми прилучися? Или отроки мои в поле отъехали, или конь мой у них убежал?» И смотря сюду и сюду, и никого не видя, и помышляя в себе: «Что ми приключися? Или сонное видение видит?» И начат кликати гласомъ громко, дабы отроки ево к нему пришли и платья и коня ему дали, и никого не видя. Потом же поиде по полю, помалу ступая, озираясь семо и овамо, и не видя никого же. И убояся зело, яко место есть пусто, и иде ко граду со стыдением.

И увиде в поле человека, посуще волы, и стыдяся к нему прийти, и начат кликати: «Постуше, скажи ми, где ты видел отроков моих и коня моего?» Постух же виде его нага и вприси его: «Кто еси ты и какие отроки твои и конь?» Царь же рече: «Али ты меня не знаешь? Аз есмь царь Агей». Постух же его не позна, понеже отъя Богъ зракъ лица его, и нача бранити его и укаряти: «Злый безумный человек, пьяница ли ты или вор, да так себя таковым великим именем называешь?» И начат его бити кнутом без милости. Он же от него насилу убежа. И ходя по полю наг, размышляя, что себе сотворить, и где возмет одежду, и како во град внидет.

И умысли: «Иду в деревню и не скажусь, что царь, да тамо меня не познают. И наймуся работать, и возьму себе хотя какую-нибудь одежду. И вниду во град, и уведаю, что ми сие случися».

И иде в деревню и нанялся у крестьянина на все лето, а сказался, что шел путем и ево злые люди ограбили и убили, мало жива покинули. И пожил у крестьянина мало. Крестьянин же, его видя, что работать ничего не умеет, сослалъ ево з двора, только дал ему малую одежду, худое рубище.

Царь же Агей иде во град Филумен и прииде к некоей вдовице, и воспросися к ней почевать яко нищей. Она же видя его в худом рубище, пусти его к себе в хижу. Он же воспроси вдовицы: «Хто у васъ ныне царь царствует?» Она же поведа, яко Агей царь, уже тритцать пятое лето. Тогда Агей моли вдовицу, да принесет ему чернил и хартию. Оной же принесшу ему, царь же Агей написа своею рукою к царице своей слова тайные свои с ней, яко никто меж ими ин те слова ведает.

И вдаде то письмо некоторой жене, моляша ю, да донесет писание то до царицы. Она же взя письмо и вдаде царице, глаголя: «Стоит, государыни, человекъ и молит мя зело, да се письмо донесу тебе и дам в руце». Царица же письмо приим и протче. И усумнися вельми, и смятесе умом, в себе глаголя: «Что ми сие прииде? Хто сей человекъ, бес ли или какой злый человекъ, волхвъ, что наши и тайные слова ведает?» И потом не поведа ангелу ничто о том, и повеле его представити себе. Он же пред нею предста. И вопроси его царица: «Хто еси ты и откуда приде, и почему знаешь тайну нашу со царем?» Он же рече: «Али ты меня не знаешь, что я царь Агей?» Царица же ничим не позна его нимало. И наполнися ярости и гнева, и рече: «О враже проклятый, злый человекъ, от диявола научен еси сему злому делу!» — И повеле ево связати и бити немилостивно. И бияше его, глаголя ему: «К чему, злый человекъ, так именем великого царя зовешися?» И биша его, и кинуша за град в поле мертва.

Он же мало отдохнув и пришед в себе мало, и начат плакати горько, воспоминая бывшая своя вся добрая, глаголя: «Ох ми, увы, горе! Уже всего доброго своего лишихся, и царица мене не позна, и ближние мои мене не позваша! — И рече: — Куды уже пойду, или что себе где доброе обрящу?»

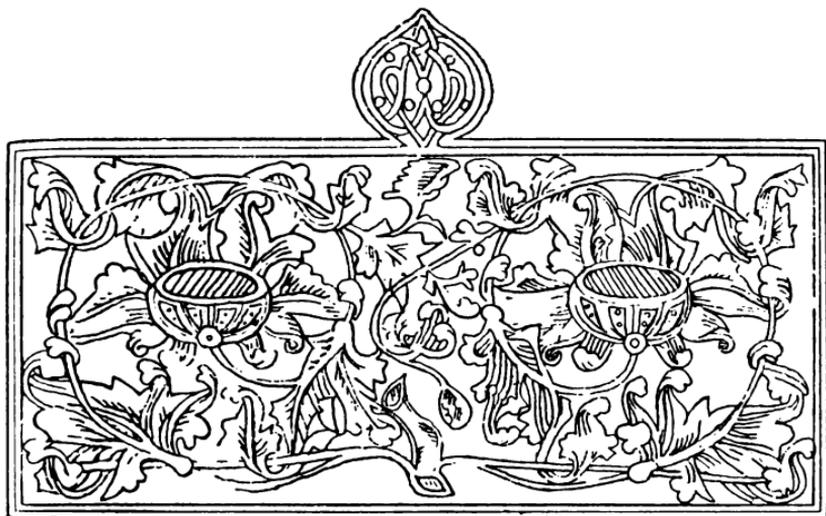
И потом иде в поле, и увидя нищие на пути, и начаша их молити, глаголя: «Братия моя, пожалуйста, примите меня к себе в работу». Они же рекуще ему: «Шол бы ты да работал в деревне у мужика». Царь же имъ отвеща: «Работать я, господие мои, не умею, а милостыни просить один стыжуся». Нищие же взяша его с собою и дав ему суму свою болшую носити за собою. Он же нося за ними суму их и работаша им. И пришед на нослеги, повелеша ему баню про себя изтопити и воду принести, и постелю под себя слати. Он же все им угодное сотвори и потом нача зело плакати, рыдая. И вспомяну грех свой,

яко согреши пред Богом и похули слово Господне, и воспокаяся о том. И плака много, глаголя: «Ох ми, увы, всея то пострада за слово Божие».

Во утри же день пойдоша нищие во град, а он с ними же. И прииде ко цареву двору, и нача просити милостыню. Ангел же в то время седя на престоле со царицею. Милосердни же Богъ, видя его истинное покойние и слезы, и прости грех ему, и превратися зрак лица его попрежнему. И увидя вельможи царицы царя Агея с нищими и смятошеса, между собою глаголя: «Яко царь сей есть Агей!» — Потом возвестиша ангелу о сем, глаголя: «Яко прииде с нищими подобен тебе, царю, лицом и зраком, и речию, и возрастом». Ангелъ же посмеявся их речам и повеле царя Агея представити себе. Он же предста. И вопроси ангелъ царицу и бояр: «Кто вам истинно мнится царь истинный?» Они же ничто отвеща ему. Ангелъ же вваде царю Агею скипетръ царства его и наказа его, да к тому не ставит во лжу словес Божих, и ко всем милостив и не гордъ будет. Потом же наказа царицу и бояр, да будутъ в повиновении все господину своему. Потом же ангелъ невидим бысть.

Царь же Агей по наказании бысть ко всемъ милостивъ и во всем благоугоден до конца живота своего. И поживе много лето, и скончася с миром.

Повесть о царе и мельнике

В некоей дальней стране бысть некоторый славный царь; прииде в старость и бысть в разуме неусовершен. Имел свой царьской дом на горе над великою рекою — об ону страну, на другой же стране реки тоя бысть некий монашеский монастырь. Царь же по некоем времени прехав в той монастырь помолитися. И егда совершив молебная пения, и шед ко оной реце, и к дому своему мысляше переехати. Провождах его игумен з братиею. И рече им царь: «Трудно ми есть бывает чрез реку в сей монастырь прешествие, довлеет сему монастырю быти на оной же стране, моего дому близь на предивной высокой горе. Ныне же повелеваю вам той монастырь перенести и построить». Ту место им нарек невдале, но вскоре, и дав им в том сроку на малое время.

Старцы же со слезами молили царя, дабы им такое начинание отложил. Он же рече им: «Аще вы отгоните ми три загатки, то живите по-прежнему и изберите вы старца умнаго и пришлите ко мне загатки мои отгадать, и аз вас

в том пожалуй и велю быть по-прежнему, а теперь идите
вспять».

И егда они возвратишася, велми о сем сетующе и пла-
чюще, и в то время прииде в монастырь с мельницы их
монастырской хухор, или по-нашему дворник или мельник
[которой всегда обращался во пьянстве], весь в муке запы-
лився, во едином шушпане. И видев старцов, сетующих
и плачущих, вопросы вины плача их. Они же ему пове-
даша все порядку.

Он же рече им: «Престаните от плача и не тужите
о сем много, я иду за вас ко царю и те ево загатки огадаю,
и устрою zde быть монастырю недвижиму. Только дайте ми

надеть мантию и клубук, дабы аз был якобы монахъ монастырской».

И тако сотвори, и на срок пред царем ста, и рек ко царю: «Что твои, о царю, твои к нам, старцем, загадки? Аз их пришел отгадати». Тогда царь рек: «Скажи ми, старче, что имеетца земныя глубины?» Он же рек: «Велми глубока, царю, понеже отец мой и мати умроша, и в землю зарыты, и оттуду не бывали, и тому 40 лет». Рече же царь: «Может быти велия глубина. Скажи ми, старче, блиско ли небо от земли?» Он же рече: «Велми блиско, понеже облачко мало только появитца на небе, тот час и дождь скоро пойдет». И рече царь: «Может быть блиско». Рече царь: «Скажи ми, старче, что у меня в мысли моей, на уме теперь?» Хухор рече: «Ты, царю, помышляеши и мыслиши, что я якобы старец того монастыря, а я не старец, но хухор с мельницы их, монастырский мельник». И то рек, и сверже с себя мантию, и збросил клубук и камилавку, ударил об землю, и стал в одном шюшпане, что бес вертитца, весь бел, в муке запушен.

Сему же царь подивися и воздаде ему честь велию, а монастырю повеле быти на прежнем месте, и даде ему царьскую о том грамоту, и утвердил быть во веки неподвижну. Аминь.

Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне

В лето 7072 (1564)-го повелениемъ царя Ивана Васильевича ходил из Свияжска царь Шахалей Касимовской Волгою-рекою на стругахъ под Астракань, на Кутумовской островъ, съ силою многою. А в те поры Астракань была дерновая, въверх 9 сажень. А мурза былъ въ то время черкасовъ горских и Астракани Теврюгъ Юнгичъ. И много Шахалей, царь касимовской, ратовался со астраканцы — и ничево не починилъ, лишь московские силы и казанские много потерял.

И пишетъ мурзе черкаскому Шихалей: «Теврюгъ Юнгичъ! Покорися грозному и сильному государю нашему царю Ивану Васильевичу. Онъ тебя, государь нашъ, не ведаешь чемъ пожалуетъ. Азь и царь, да ему, государю, покоренъ и слуга его волный». Мурза же глаголетъ Шихалею: «Царю Шихалей! Отпиши царю своему Ивану Васильевичу: аще едиnorodную мою и прекрасную и любезную дочь Марию Теврюговну поиметь за себя царицею, то с нею и до

устья реки Волги, до моря и въверхъ по Яику и съ черкасы поклонюся ему, государю».

Сия слышавъ, царь Шихалей Касимовъской отряжаетъ посланника своего из Астракани въ царствующий градъ Москву ко царю Ивану Василевичю, давъ ему грамоту, сице написанну: «Грозному и страшному, и силному, и великому государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу. Холопъ твой Шихалей, царь касимовъской, падъ на землю, прेमного челом бьетъ твоему царьскому пресветлому величеству. По твоему великому страшно приказу из Свяжска-города с великою московскою силою и казанскою въ Златой Орде на Кутумовскомъ острове под градом Астраканью елико с воинствомъ мужествовавъ, и Астарахани не взялъ. А взять ея не мочно, потому что стоитъ на воде и крепче Казанского царствия. И того града Астарахани мурза черкасовъ горскихъ Теврюгъ Юнгичъ мне, холопу твоему царю Шихалею, написалъ письмо за своею рукою рускимъ языкомъ: буде-де царь Иванъ Васильевичъ поимет за себя дщерь мою любезнейшую въ парицу себе, аз-де Астраканью и до усть реки Волги, до моря Хвалынского и по морю улусами черкасскими, и вверхъ по реке Яику, и с людьми, которые во всей моей Золотой Орде черкасы горские живут, поклонюся ему и грамоту дамъ на всю свою державу до века. И тебе, великому государю Ивану Васильевичу, какъ Богъ известит в размышление твоемъ, мне, холопу твоему, о въсемъ опиши. И царствуй вовеки». Сию грамоту отписа царь Шихалей и посла скоро, повелевая въ 5 дней къ Москве пригнать, а с Москвы въ пять дней же. И той же царь Шихалей посла въ Казань, повеле запасовъ и казны прислать скоро.

Приехав же скороходецъ въ Московское государство пред царя Ивана Васильевича всея Росии въ самый господственный день Воскресения Господня, еже есть Великъ день Христовъ, въ 3 час дни и обрете его, государя, стояща в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы, слушающа божественную литоргию на царскомъ своемъ месте. Кругъ же ево бояре и князи стояху, и дядюшка ево Никита Ивановичъ Романовъ близ его стоя. Преосвященный Филиппъ-митрополитъ со власти служаще божественную литоргию. И причастися царь от руку его святого тела и крове Христа, Бога нашего, и паки ста на царскомъ своемъ месте. Борзоходецъ же прииде пред царя и паде о церковный помость, а грамоту от царя Шихалея выше главы своя держа. И паки, воставъ, покло-

нися второе и третье до земли и отдаетъ грамоту в рuce его.

Царь же приемъ грамоту и узре печать Шихалея, царя касимовского, радостенъ бысть. И отслушав божественную службу, поиде въ полату свою. И взявъ ево дядюшка Никита Ивановичъ Романовъ под руку ево, и прочии велможи во царские полаты с ним же идяху. И сяде онъ на своем царском престоле, распечатав грамоту, и учал ея смотреть. И посмотри, велелъ грамоту писать царю Шихалею, имуще писание сицево: «Великии во царех и сильный в сильных и страшный въ страшных всеа великия Росии и Славенъския земли и Казанъския обдержатель царь и великий князь Иванъ Васильевичъ, самодержецъ Северныя страны, верному моему слуге Шихалею, царю касимовскому и казанскому, радоватися. Прияхъ писание твое и прочтох пред велможами моими и похвалихом тщание твое, еже к моему пресветлому величеству, и неизменную твою службу, еже о моей державе страждеша. Пишу к тебе скоростию: еже еси в грамоте своей ко мне писалъ, буди по глаголу твоему; только образ ея написавъ, пришли со устроением лепоты лица ея в златом одеянии. И видь удобь [доб]роту ея и очима светлость. И не опишися во всеи доброты ея и лепоте. И не подменный образ — въместо ея иной не напиши! И не поругайся моему царскому пресветлому величеству, и не восприими нужныя себе и горчаишия смерти!»

Сия написавъ царь Иванъ Васильевичъ и подпечатавъ перстнемъ своимъ любезнейшимъ, на нем же сам написан. И даде сия борзоходцемъ, повеле скоро ехать к Шихалею въ Златую Орду, еже Астрахань именуется. Въскоре послании с писаниемъ царевымъ прибегоша во Астракань и отдаша Шихалею. Царь же приемъ писание от царя Ивана Васильевича, распечатавъ и прочеть, радостенъ бысть. И поиде къ мурзе Теврюгу Юнгичю и прочеть пред нимъ вся, елика отписа к нему царь. Теврюгъ же радостенъ бысть и светель, рече Шихалею: «На три дни дай сроку — образъ написанъ будетъ любезнейшия моя дщери Марии, не подобаетъ бо никому же прежде царя на царевну дщерь и царицу зрети. А и образъ ея написанъ будетъ, никому же не показанъ будетъ, разве тебе единого, царя Шихалея». И повеле царь Шихалей воинъству своему твердо и опасну, и оруженну быти.

Минувшимъ же триемъ днемъ, звание прииде царю Шихалею въ полаты Теврюговы. И поиде царь и с ним 100 человекъ от воинъства его храбрыхъ людей. И прииде въ полату, иде же образъ написанъ Марии Теврюговны. Царь же,

пад пред образом ея, сице рече: «Господине Теврюге! Аще сицевая доброта дщери твоя, а нашия великия государыни Марии Теврюговны, то государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу любима будетъ, а нас онъ, государь, за сие великое дело жаловать станетъ, а сия дщерь твоя с нимъ, государемъ, царствовать въ велицей славе станетъ». Теврюгъ же рече Шихалею: «Иди и зри на дщерь мою». Царь же рече: «Невозможно никому от слугъ царевых на царицу прежде царева видения зрети, но уверения ради да увижду». И поведоша царя Шихалея в полату, иде же она седяше на престоле висоце.

Царь же поклонися ей и возре на нея, и удивися. И на много час размышляя о лепоте лица ея и о доброте возраста ея. И рече: «Достойна сия красота государю нашему, царю Ивану Васильевичу, с нимъ царствовать въ пресветлом его величестве и государстве». И паки Шихалей паде на землю и поиде ис полаты. И приемлетъ образ написанныи и посылаетъ его къ царю Ивану Васильевичу в радости велицей. И даде борзоходцемъ, повеле скоро отвести.

Царевна же Мария Теврюговна за своею печатью посла с ними же, борзоходцы, ларець златъ, а въ немъ ширинька златотканная съ каменiemъ драгимъ и жемчугомъ великим. Царь же Шихалей образ лица ея и лепоты в той же ларець положи и устрои его твердо, и запечатавъ златым своимъ гербомъ, и вскоре повеле гнати къ царю къ Москве. И грамоту посла с теми же борзоходцы, сице написано: «Грозному и сильному царю Ивану Васильевичу. Слуга твой Шихалей-царь рабское поклонение творит твоему пресветлому царскому величеству до лица земаго. По твоей государеве грамоте все новеление твое исполних и о чемъ ты, великий государь, повелелъ еси, прислал к тебе, и вся наказанная тобою твердо снабдох и испытахъ со опасениемъ и послах в руце твои. Царствуй, государь, вовеки и навеки!»

Прибегоша же посланнии в царствующи град Москву от царя Шихалея и приидоша въ полату пред царя Ивана Васильевича. И, падше, поклонишася ему и поставиша пред него златый ларець. Царь же распечатавъ ларець и отверзе его. И поиде с нимъ в ложницу свою зъ дядею своимъ Никитой Ивановичемъ Романовым. И иземъ образ писанный, его же Шихалей-царь приславъ из Златые Орды, царевны Марии Теврюговны, и удивися доброт ея и лепоте лица ея. И рече дяде своему Никите Ивановичу: «Видиши ли лепоту и доброту сию пресветлую? Въ вы-

боре у меня велможских детей — благообразныхъ девъ болши 100 было, а [ни] одна не судить половиною сицевыя красоты и доброты, никоторая из нихъ не судить!»

Посемъ разогнувъ ширинку и виде в ней вещи зело мудры и дивны. И удивился зело сицевому премудрому делу царь и, на многия часы розмышляя, в недоумении велицемъ бе камению драгому и жемчюгу крупному. И повеле изнести из сокровищъ своихъ драгия своя вещи и камения многоценныя и повеле с ними сложити — и не обретеса не единъ противу присланныхъ, еже царь Шихалей присла из Астракани.

И посемъ царю Ивану Васильевичу в похотение приде, еже пояти за себе великую государыню Марию Теврюговну. И посла по митрополита Филиппа всея Росии, да приидеть к нему в полату. Митрополить же Филиппъ скоро прииде к нему. И советовавъ с нимъ царь много, и поведа хотение свое, рече: «Благослови мя, честный отче!» Митрополить же повеле по воли его быти и благослови его честнымъ крестомъ маяя въ 7 день въ 3 час дни. Царь же митрополиту великий духовный праздникъ сотвори и угости, и дары великия даде, и съ честию его проводи в патриархию его.

И скоро повеле воеводамъ своимъ и княземъ пред собою стати. И избра от нихъ 12 и воинства 24 тысящи московскихъ стрелковъ, и девиць благообразныхъ 24, и женъ велможскихъ 30, и княгинь, и вдовъ избра 50. Воеводамъ же даде одяние злато и девицамъ, и вдовамъ, и женамъ летники златы, и всему воинству одяние цветное, и просто рещи — всехъ наряди в золоте. И посла ихъ к Шихалею, царю касимовъскому, в Астракань в самый день аггела своего: маяя въ 8 день на память святаго апостола Иоанна Феолога. И твердо имъ заповеда, да въ 6 недель от Москвы стануть в Астракани. На Коломне же струговъ взяты повеле 120, уготованы бо быша повелениемъ царевымъ.

И тако поиде сила от Коломны Окою-рекою день и ночь безпрестанно. И ехаша до Казани пять на десять дней. И тамо с луками казанскихъ татаръ взяша 2000 человекъ, оружия в Свяжске взяли двести пушекъ, казны пороховые взяли шестьсотъ пуд. И тако поиде московская сила в Астрахань Волгою-рекою повелениемъ царя Ивана Васильевича. И ехаша 4 недели.

И приехаша в Астрахань въ 5 часъ нощи — тако царю повелешу. И не доехавъ до Астрахани 3 версты, вестъ послаша къ царю Шихалею, яко «сила идеть московского царя, а с нею 12 воеводъ, силы же с ними 26 000; и женъ, и девъ сто четыре, по царицу Марию Теврюговну».

Царь же Шихалей радостенъ зело бе о такомъ велицемъ деле и повеле из оружия стреляти на многъ часъ. Приеха-ша же в Астрахань послани от царя Ивана Васильевича июня в 30 день, на память святых апостоловъ 12. Наутрия же въ 1 день июля воеводы съ царемъ Шихалеемъ, девицы, вдовы и жены, вси в золотом одеянии, [с] силою многою, болши 40 000, внидоша ва град Астаракань.

И по башнямъ, и по воротамъ повеле царь Шихалей московской силе стати со всеоружествомъ своимъ, сами же поидоша въ полаты царевы. Исходит мурза Теврюг Юнгичъ и спрашиваетъ о цареви здравии. Воеводы же поведаша, яко: «Здравъ есть государь нашъ, грозный и сильный царь Иван Васильевичъ, и царствуетъ в радости велицей». И принесоша ему порфиру от царя и венець, и возложиша на главу ему, и поклонишася ему. Онъ же противу имъ поклонися, рече: «Многа лета государю царю Ивану Васильевичу — и зъ градомъ симъ, и со всею Златою Ордою. И азъ после любезнейшия своя дщери Марии Теврюговны выду из града сего вонъ, за реку за Яикъ, и тамо себе жилище починю до смерти своя, и улусъ починю на оной стране реки Яика».

Внидоша же послани въ полаты Теврюговы и узреша дщерь его, великую государыню Марию Теврюговну, сидящу на престоле превознесенне злате, и сама златотканными одеждами оболчена, и от драгих камени светится вся полата, от красоты ея. И, падше, поклонишася ей вси послани от царя Иоанна Васильевича и даша ей венець и перъстень царевъ златъ. Она же, воставъ со престола своего и облбызавъ венець и перстень, и паки сяде на престоле своемъ. Братъ же ея Мастрюкъ стоя подле ея на правой стране, мати же ея подле ея сидяще, на иномъ престоле. И рекоша послани: «Госпоже царице! Время сотворити повеленное намъ». Она же повеле имъ пребыти до заутрия и угостити [и х] любезно, и всехъ ихъ выслать ис полаты своя.

И призва к себе Шихалея, повеле ему устроить три корабля, и вся сокровища драгия въ кочевгахъ и ларцахъ, и сундукахъ повеле в нихъ ис полать своихъ износити. И наполниша два корабля златом и серебромъ, и каменемъ драгимъ, и ризами многоценными, и одеянии драгими, и завесами заморскими, третии же корабль — всякихъ питей заморскихъ и запасовъ, и рыбъ всякихъ, и икоръ, и хлеба, и мяс, и просто рещи — всего на путное шествие настави. Воинству же московскому — всякому человеку на себя запасу повеле брати, елико сила может.

И призва к себе воевод московских, отдасть имъ град весь Астракань и з жителми его. Отцу же своему рече: «Батюшко мой Теврюгъ Юнгичъ! После меня и часу не жи-ви во граде семъ, поедь амо же хочеши. Мене же, любезнейшую свою дочь, прости». И охапися с нимъ, и плакася на многъ часъ, таже с матерю своею, последнее целован-ие восприемъ, плака же ся. И поклонися имъ до земли. Посемъ присланныи от царя Ивана Васильевича девицы подхватиша ю на рукахъ своихъ и несоша во уготованный ей корабль, иже взятъ въ Казани повелениемъ московского царя, въ немъ же казанский царь на реке Волге шествие и утешение, и веселие приимаше. Подобень орлову летанию чердакъ у корабля, весь стеклян вылит, верхъ же золотомъ устроенъ. И брата ея присного Мажюка с нею въ корабли остави, и лехкихъ людей гребцовъ 12 человекъ в корабли ея устрои, и девицъ 15 лепыхъ — пред нею стояти повеле, сам же Шихалей-царь с воинствомъ московскимъ и воеводами по обе страны корабля царицы плываху, гребуще день и ночь. И тако пустишася от Астракани месяца июля въ 2 день.

Посла же из Астракани Шихалей къ великому государю царю Ивану Васильевичу посланника своего, скороходца, зъ грамотою: «Великий и грозный над цари царь Иванъ Васильевичъ, многолетствуй в радости и царствуй вовеки! Для твоя царския светлости и утехи пустилися с царевною из Астракани июля въ 2 день во второмъ часу дни. И оставилъ я в Астракани шесть воеводъ, а с ними силы 500 000 стрелцовъ. А мурза и царь черкасовъ горскихъ Теврюгъ Юнгичъ выступилъ съ черкасы, и 2000 с нимъ съ женами и детьми поехали за реку Яик, къ морю Хвалынъскому, а городомъ Астраканью поклонилъся тебе, великому государю царю Ивану Васильевичу, и дщерию свою, великою государынею царевною Марьею Теврюговною, и всею Золотою Ордою. И ныне мы, государь, твоимъ пресветлымъ величествомъ идемъ Волгою-рекою по милости великаго Бога здравы, въ радости. А силы со мною, холопомъ твоимъ, двадцеть тысячъ, а пушекъ с нами 66, а пороху сто пудъ, а лушниковъ, гораздыхъ стрелцовъ с луками ис Казани татарь, 2000 человекъ. И идутъ они по обе стороны реки Волги въ великомъ управлении опасны».

Ся слышавъ, царь возрадовася зело, что Бог без крови Астраханское царство под Московскую державу поручилъ и покорилъ. И абие советъ творить самодержецъ со святителемъ Филиппомъ, митрополитом всея Росии, да по-

велить преосвященному митрополиту Гурию казанскому и свияжскому просветити святымъ крещениемъ царевну Марию Теврюговну. Митрополитъ же повеле по воли его быти, рекъ: «Царю великодержавный! Воля Господня да будетъ и твоя! Яко же хочещи, твори».

И повеле царь скоро ехать велможе своему во градъ Казань, а с нимъ сто человекъ стрелцовъ, легкихъ людей. Написа же и грамоту къ Гурию, первосвятителю казанскому, имеюще писание сицево: «Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, московскаго и новгородскаго, и казанскаго, и астраханскаго, и всеа великия Росии, и северныя страны самодержца, во градъ Казань. Преосвященному Гурию, архиепископу казанскому, радоватися и молити за ны общаго нашего владыку и Бога за спасение наше. Пишу я къ твоей кротости и съ советомъ великаго архiereя преосвященнаго Филиппа, митрополита всеа Росии, да просветиши святымъ крещениемъ, яко же лепо по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, астарханскую царевну, великую княгиню Марию, и съ великою честью отпустиши ея ко мнѣ, давъ свое благословение. Лепоты же и доброты ея телесныя да не даси въ видение многимъ! Ты же, архiereю великий, и восприемникъ ей буди. Старейшую же отъ вдовъ, иже съ нею, избери въ восприемницы ей, иже тебѣ Богъ известитъ. Купель же избери пространну или повели зделати въскоре древоделцемъ. А крести ея за подсолнешникомъ со всемъ освященнымъ соборомъ. И всемъ воеводамъ казанскимъ повели изыти на стретение ей съ великими похвалами. А даровъ, что въ Казани оставлено отъ нашего величества и ларьцахъ камокъ и бархатовъ и отласовъ, и участковъ золотыхъ въ казне моея царской, все ей въ дары отдайте. Царю же Шихалею повели твердо и опасно о ней имети попечение и до самаго нашего великаго царствующаго града Москвы. А на месте, на берегу Волги-реки, вели построити началнымъ града часовню въ 5 часовъ и украси ея чудными иконами, и въ ней крести любезнейшую мою царицу Марию. И ни единому отъ велможъ и князей доброты ея не покажи, толко ты, святителю Гурие, и восприемница будте! Въ корабль же и ис корабля вели изводить со страхомъ, чтобы порухи и злехитрия никакова не было. А кто, невежа, искусство какое починитъ, вели царю Шихалею смерти предать. Пожалуй, великий и честный архiereю Гурие, сотвори наше повеление и спасайся о Господе».

Приидоша же посланнии въ Казань и архиепископу послание цареву въдавшие и благословение отъ него прием-

ше. Онъ же вопросы ихъ о царево здравии. И прочеть писание и, яко же лепо, порадовася. И посла по начальныхъ града, — и приидоша, — прочеть предъ ними послание царево. Они же, слышавше, падоша на землю, отздравствоваша царю и архиепископу. И во всемъ по повелению цареву исполняху. Повелеша древоделцемъ часовню строить, иконописцемъ же подписывать подъ шатромъ на часовне лета и день, и мѣсяць, и повеление царево, и коего ради дела часовня состроена бысть — тако архиепископъ Гурии повеле сотворити во удивление преждебудущимъ родомъ. Посемъ иконами украси и подписа в ней стеннымъ писмомъ. И тако состроиша часовню июля въ 20 день на память святаго пророка Илии. Во осмое лето царства государя царя и великого князя Ивана Васильевича, въ 4-е лето по взятии Казани и по усмирении татаръ, въ 20 лето возраста его состроена часовня она, в ней же крещена великая государыни, царя Ивана Васильевича сожителница, царица Мария Теврюговна, астраханскаго черкаскаго царя Теврюга дщи.

Вельможа, иже отъ царя присланъ ко святителю Гурию с писаниемъ, повеле воеводамъ дати воинства ему 1000 стрелцовъ ехать на стретение великия государыни к Шихалею, царю касимовскому, с писаниемъ отъ царя, имеюще послание сичево: «Превысочайшей моей и любезнейшей, и величайшей царице и государыне всея великия Росии Марии радоватися, а о путномъ великомъ, животу прискорбномъ пути горести не имети: въ веселии безмерномъ царствия моего радоватися со мною имаши во славе велицей. А и азъ, великий во царехъ, о твоей пресетлой добротѣ и лепоте возраста твоего въ велицей скорби и в тузе-печали есмь: не вемъ, како дождатися и насладитися доброты твоея. Того ради, любезнейшая моя, велико тѣшание и скорость велехъ творити о тебе. Еще же и писание послахъ о тебе в Казань первосвятителю Гурию, еже просветити тебе святымъ крещениемъ и всяко промышление о тебе творити. Ты же во всемъ его, яко отца, послушай. У святаго же крещения ни единому отъ человекъ не вели стояти. Часовня же устроена на крещение твое, вели ея затворити. Святителя же Гурия ни в чемъ не срамляйся, яко отца своего. Отъ воеводъ же дары прими противъ величества своего, вели имъ со страхомъ предстоять. Неискусныхъ и невежей вели царю Шихалею смерти предать. Сама же въ великую печаль не вдавайся, но радуйся паче, яко отъ царствия въ царствие идещи. И по томъ миръ ти, любезнейшая моя». Еще вписа царь Шихалею: «Блюди

мужественно и спабди крепко, и опасение чини твердо. Аще твоимъ небрежениемъ что неискусно учинится над любезнейшею моею, глава твоя отсечена да будетъ!»

Приемъ же велможа у казанских князей 1000 воиновъ, елика могии [скоро] во стретение царице поеде и обрете ихъ на устье реки Камы. И приехавъ, веле пристати, не доезжая поприща единого, и пойде пешь и с воинствомъ до царицына корабля, ему же педалече от брега гребущу. И, пад пред ним, поклонися трижды велможа же въ златомъ одеянии и отдаеть послание Шихалею-царю. Онъ же, приемъ его, поклонися. И присташа ко брегу. Воинство же все на брегу кругъ стаща вооружени. И нача царь Шихалей прочитати писание от царя Ивана Васильевича, еже выше написано, единой царице. Она же, слышавши сие, возрадовашеся радостию великою, еже сподобитися ей сятаго крещения.

И тако поехаша во град Казань. И, недоезжая три поприща, повеле воинству всему изо оружия всякого стреляти, яко и солнца в дыму не видети, и гласа не слышать. Воинства же съ царемъ Шихалеемъ от Астракани шестьдесятъ тысячъ. Князи же казанъстии, слышавше царицыно пришествие, идоша противу ея во сретение въ златых одеяниях, 12 князей — тако бо повелено от самодержца держати градъ Казань. И паки падше пред кораблем и лежаху на многъ часъ. Царица же от великия радости испущаше слезы и радовашеся душею, видяще повелением сожителника своего царя Ивана Васильевича честь ей воздаему противу достоинства ея величества. И приехаша до часовни и присташа ко брегу. И устроиша исходы ис корабля, и городъ поставиша выбойчатой, еже сама царица из Астракани с собою везе, и окружиша часовню в него. И никому не повеле въ него въходити, разве архиепископа Гурия.

Архиепископъ же по чину церковному нача глаголати молитвы оглашенныя и благослови ея, и поклонися. Царица же святителю поклонися до земли и глаголетъ ему: «Сотвори мя, честный отче, христиану, яко жаелаеть душа моя». Святитель же поведа ей вся, елика сотвори въ Казани. И како [царь] Казань взя, и вся ей о цари поведа: и обычай его, и нравъ — вся ей сказа. Она же радовашеся о всемъ, яко же святитель сказа. И посемъ святитель Гурии повеле уготовати купель и воды налити ея. И нача действовати над водою, яко же повелесаетъ молитвословъ. Царицу же повеле ввести въ часовню и открыти ея пизу, и во единой ризе стояти, всехъ же предъстоящихъ

ей извести ис часовни, токмо восприемницу ея остави. И самъ святитель действоваше един — тако бо царю повелешу. И просвети ея святымъ крещениемъ. И проводи ея в кобль ея.

Воеводы же принесоша дары, яко же повеле имъ царь. И, приемши у нихъ, повеле имъ от питей своих покой дать велий. Святителю же Гурию даде много злата и сребра на соделание честнымъ сосудом, камокъ же и бархатов даде на священныя ризы. И, приемъ благословение от него, рече: «Отче великий архиерею Гурии! Моли за мя Бога, грешную». Святитель же отпусти с нею чудотворныя образы, устроены златомъ и с каменiemъ светлымъ. И повеле вести ея к Москве, царю же Шихалею повеле твердо и опасно имети о ней попечение, яко же царь повеле. Шихалей повеле воинству остатися в Казане 20 000, въ Свяжъске 20 000 же, с собою же повеле итти до Касимова 20 000. И тако, Богу имъ поспешествующу, въскоре приидоша во царствующий град Москву месяца августа въ 15 день на праздникъ Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Успения. Крещена бысть великая государыни в Казани Гуриемъ-архиепископом месяца июля въ 22 день на память святыя Марии Магдалыни въ 19 лето возраста своего.

Вестники же къ царю Ивану Васильевичу приидоша и поведаша ему пришествие великия царицы Марии. Опъ же радостень бысть зело и повеле всемъ бояромъ своимъ и княземъ, и воинству своему изыти во сретение ея, и корету свою царскую извести и привести ея скоро. Привезоша же послании без всякого медления великую царицу и въведоша ю во светлую полату. И держаху ея жены велможския под руце ея. Царь же седя на престоле своемъ. Царица же повеле подсолнешникъ сняти с себе и поклонися пред образомъ всех Бога трижды, и паки паде пред царемъ и поклонися ему дважды.

Царь же зря на нея и во изумлении велицемъ бе, дивися красоте лица ея и доброте тела ея. И рече: «Блаженна сия красота, яко въ велицей радости веселитися имаши». Емъ ю за руку ея и посади на престоле своемъ подле себя. И любезно облобызася. И всемъ велможамъ повеле поклонитися ей. Они же падоша на землю пред нею. Посемъ повеле царь нянькамъ своимъ вести въ светлицу ея и нарядити в порфиру и венець, самъ же нарядися во одеяние светло и венець возложи на главу свою.

И посла по митрополита Филиппа. И вскоре митрополит прииде. И рече ему царь: «Отче честный! Совекупи мене законнымъ бракомъ с любезнейшею моею». И повеле

извести предъ митрополита. Изведоша же ея, она же поклонися ему. Митрополитъ же благослови ея честным крестомъ, рече царю Иоанну: «Радуйся, царю великодержавный и четный самодержче, яко обрелъ еси сожигательницу себе подобну величеству твоему, обрелъ еси сокровище себе, полно камении драгиих и чудныхъ! Величайся съ сею красотою во многолетном здравии вовеки». И поклонися царю и царице до земли, и повеле итъти царю с царицею въ соборную церковь Персвятяя Богородицы честнаго ея Успения. Митрополитъ же повеле всему собору облещися во священнический чинъ, самъ же во всю священную одежду облечеса. И нача священная по чину действовать, яко же правила повелевають: сотвори прежде обручание, потомъ венчание и повеле начати священником божественную литоргию. И прияша царь и царица святое причащение от руку его. И по отпусе проводи ихъ митрополитъ с чудотворными иконы въ царские его полаты и, молебная совершивъ, возвратися въ митрополию свою. Царь же многи дары митрополита одари и весь священный соборъ.

И нача съ царицею своею царь и великий князь Иван Васильевич, с великою княгинею Мариею Теврюговною, царствовать любезно. Сокровища же ея, их же из Астракани привезе, повеле с великим утверждениемъ и снабдениемъ предъ себя поставить. И тако градъ Астраканъ покорена бысть симъ деломъ, яко же о ней zde писано есть. Царя же Шихалея многими одаривъ дарми: даде ему градъ Казань въ снабдение его и въ веселие и Астраканю ему же повеле, Шахалею, владети и попечение о немъ творити.

И тако поживе царь Иванъ Васильевич съ царицею своею Марьею год и месяц 6. И окормлена бысть от изменниковъ отравою, от столника Василья Хомутова с товарищи, их же царь Иван Васильевичъ злой смерти предаде: въ котле свари. А родъ ихъ весь перевешалъ, и з женами и детми.

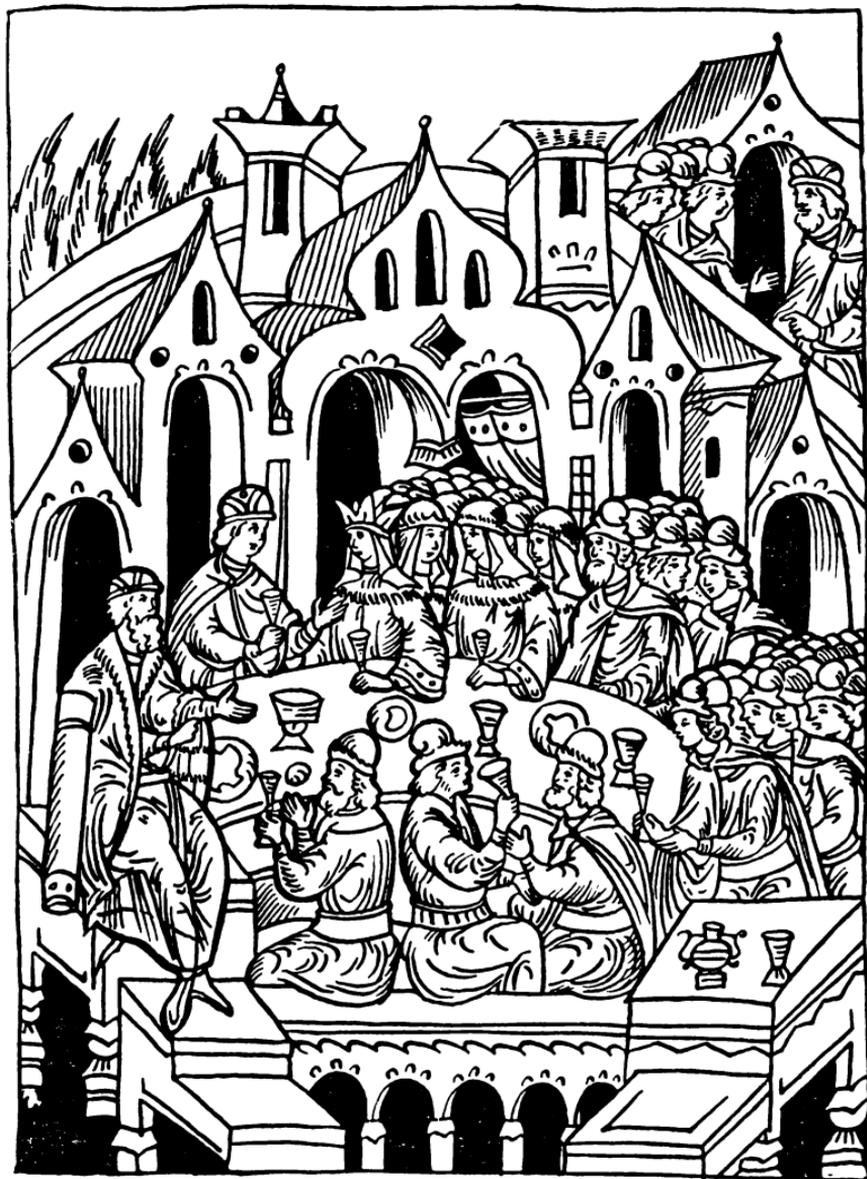
Повесть о Тверском Отроче монастыре

Лета мироздания 6773-го, а от Рождества Христова 1265 года составленъ бысть Отрочь монастырь тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго и великия княгини богомудрыя Ксении по совокупленни ихъ законнаго брака в четвертое лето по прошению и молению любимаго его отрока Григория, а во иноческом чину Гуриа

В лета великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго бысть у сего великаго князя отрок, именем Григорий, иже пред ним всегда предстояше и бе ему любим зело и верен во всем; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собирает ему повеленная.

Случися же тому отроку быти в селе, нарицаемом Единоново, и ту обита у церковнаго пономаря, именем Афанасия, и узре у него дщерь его девицу, именем Ксению, велми красну, и начат мыслити в себе, да оженится ею. И бояся князя своего да не когда примет от него великий гнев и велми печален бысть о сем; возлюби бо ю зело и не поведат мысли своя никому от друзей своих, но в себе размышляше, да како бы ему улучити желаемое.

И случися же наедине с отцем ея Афанасием, начат ему глаголати, да вдаст за него дщерь свою, и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем «да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицом его, и тако ли вещает мне о сем», и не ведяше, что ему отвецати противу словес его. Шед убо Афанасий, вопросы о сем жены своя и дщери, сказа им подробну.

Дщерь же его, исполненна духа святаго, возглагола отцу своему сице: «Отче мой! сотвори ему вся сия. Елико он тебя обещася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу и сие да будет».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея велик зело, и хождаше во всех заповедех Господних, и почиташе родители своя зело, и повинуюся им во всем, от младых нохтей Христа возлюбила и последуя ему, слышаше бо Святое Писание от отца своего и внимаше прилежно всем сердцем своим.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отца ея, да не устрашается: «Аз бо ти во всем имаюся и князя умолю во всем, ты же не бойся». И тако совещастася во всем и быти в том селе браку и венчатися в церкви святаго великомученика Димитрия, и жити ту, да же великий князь повелит. И тако повеленная великаго князя исполни вся, яже ему повелена быша, и возвратися во град Тферь с радостию и дивляшеся в себе велми, яко нигде таковыя обрете девицы и не поведа сего никому.

Отроковица же после сего рече отцу своему и матери: «Господие мои! не дивитесь о сем, что вам обещахся сей отрок, он бо тако совеща, но Бог свое строит: не сей бо мне будет супруг, но той, его же Бог мне подаст». Родителие же ея о сем велми дивистася, что рече к ним дщерь их.

Предреченный же отрок той, усмотря время благополучное и припаде к ногам великаго князя и молит его со многими слезами, и возвещает ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть; красоту и возраст и разум девицы оныя изъявляет. Князь же великий сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотел еси женитися, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей и небогатых и худейших и беззотечественных, да не будеши в поношении и уничижении от своих родителей, и от бояр и друзей и от всех ненавидим и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрок моляше прилежно великаго князя, да повелит ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наедине его увещавает и вопрошает о всем подробну, чего ради тако восхоте? Он же все исповеда великому князю и обещание свое, яко же тамо обещася.

Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть, яко же ему годно и потребно, и насад изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему готовы тамо быть имеют, елико годно будет на послужение отроку. Когда приспеет время обручению и венча-

нию его и отпускает его в насаде по Волге реке; бе бо то село близ Волги стояй, а кони ему обещавае прислати за ним вскоре по берегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волге реке со всеми посланными с ним.

На утрии же великий князь повеле готовити себе коня и всему своему сигклиту, яко же угодно великому князю, соколы и псы, да едучи ловы дест. В ту бо ноць великий князь сон видел, яко бы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол все стадо птиц разогнал, поймал голубицу красотою зело сияюще, паче злата, и принесе ему в недра. И возбнув князь от сна своего и много размышляше в себе, да что сие будет и не поведает сна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти. И тако великий князь поиде в ту же страну, идеже отрок, ловы деюще тешася. Бе же великий князь безбрачен и млад, яко двадесяти лет еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрок, егда прииде в насаде по реке и приста у берега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным. Девица же присланным рече: «Возвестите отроку, даже помедлеет тамо, дондеже сама весть пришлю к нему, како вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было». Вестницы же его пришедша поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. Провиде она великого князя к себе приход и рече родителем своим, яко: «Уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уж будет, яко в поле тешится и замедлил тамо, но пождем его некоторое время, даже приедет к нам», а о имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше; сродницы же ея велми о сем дивляхуся, а того жениха ея не ведаху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти на утрие или на другой день и да видит своего отрока оженившася. И тако обночева на лове, бяше бо село то от града Тфери четьредесять поприц. В ноци же той виде сон прежний и наипаче размышляше в себе, что будет сие видение. На утрие же по обычаю своему ловы деяше.

Отрок же той не дождався вести, ни коей, помысли в себе, яко: «Аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися всячь, аз же

своего желаннаго не получил». И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И такого седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше поскорю вся строити и дары разносити.

Девица же рече отроку: «Не вели спешить ни чем, да еще у меня будет гость незваной, а лучше всех и званных гостей».

Великий же князь в то время близ бе села того. И увиде стадо лебедей на Волге реке, и тако повеле пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго и поймаше много лебедей. Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися на село то; великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо, забыв вся; сокол же седе на церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго; князь же повеле своим вопрошити про село, чие есть? Селяне же поведаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, а церковь святаго Димитрия Селунскаго. В то же время множество народу сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят ити. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим сокола своего манити; сокол же той никако же думаше слетети к ним, но крылома своима поправливаясь и чистяшеся. Сам же великий князь поиде на двор, идеже бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но Богу тако изволившу. Людие же, видевше князя, не знаяше его; мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его.

Девица же рече всем ту сидящим: «Возстаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха», — они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в храмину, идеже бяху отрок и девица сидяще. Всем же воставшим и поклоншимся великому князю, им же не ведущим пришествия его, и прощения просящим. Князь же повеле им сести да видит жениха и невесту.

Девица же в то время рече отроку: «Изыди от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой».

Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну и аки бы лучам от лица ея сияющим; и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту, идеже хочещи, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе», — возгореся бо сердцем и смятеся мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его; великий же князь поим девицу за руку и поидоста в церковь святого великомученика Димитрия Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и венчастася в той же день. И тако бысть велия радость у великаго князя в тот день до вечера. Бяше бо летом, и селян повеле покоити день и ночь.

Идущю же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего идуща с супругою своею, сидя на церкви, начат трепетатися яко бы веселяся и взирая на князя. Князь же вопросы своих сокольников: «Слетел ли к вам сокол или нет?» Они же поведаша ему: «Не летит с церкви». Князь же воззрев на него, кликнул его своим гласом. Сокол же скоро прилете к великому князю и сяде на десней его руке, и позирая на обоих, на князя и на княгиню. Великий же князь отдаде его сокольнику.

Отрок же той великою кручиною одержим бысть, ни яде и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше держатися тоя кручины, и сказа ему сны своя, яко же видех во сне, тако и збысться Божиим изволением.

Отрок же той в нощи положил мысль свою на Бога и на Пречистую Богоматерь, да яко же восхотят к которому пути, тако и наставят. И снем с себе княжее платье и порты и купи себе иное платье крестьянское и одеяся в него и утаися от всех своих, изыде из села того, никому же о сем не ведущу, и поиде лесом незнаемо куды.

На утрие же великий князь того отрока вспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему. Они же поискавше его много и не обретоша нигде, токмо платье его видеша. И великому князю возвестиша о нем. Князь же великий о нем велми печален бысть и повеле искати его сюду и сюде, по реке и в кладезях, бояся того, чтобы сам себя не предал губительной и безвременной смерти. И нигде его не обретоша, но токмо той селянин поведа, что де «купил у меня платье ветхое, и не велел о том никому поведати и поиде в пустыню».

Великий же князь повеле его искати по лесом и по дебрям и по пустыням, да где его обряшут и приведут его; и многие леса, и дебри и пустыни обыдоша и нигде его не обретоша. Бог бо его храняше. И пребысть ту князь даже до трех дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвести бывшая

великому князю Ярославу Ярославичу о себе и о отроке, яже наперед писана бысть.

Великий же князь велми бысть печален об отроке своем, глаголаше, яко «аз повинен есмь смерти его». Княгиня же его печалитися ему всячески не велит и глаголет великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мне с тобою в совокуплении; аще бы не Божиим повелением, како бы было мощно тебе, великому князю, к нынешней нищете приехати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о сем, но иди с миром во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печален бысть, воздохнув, прослезися и воспомяну своя глаголы, яже глагола ко отроку своему Григорию. «Тое на мне сбьсться, а его уже отныне не увижу». И возложи свою печаль на Бога и на Пречистую его Богоматерь.

И отпусти свою великую княгиню в насаде, и бояр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь бояром своим, да берегут великую княгиню его и поклоняются ей и слушают во всем. Сам же великий князь по прежнему поехал берегом, деюще потехи своя и ловы; и прииде во град Тферь прежде княгини своея. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле бояром своим и з боярынями и своим дворовым и всему граду, да выдут на стретение великия княгини, и з женами своими. Все же, слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша весь град, мужи и жены, и младенцы от мала даже и до велика с дароношением, и сретоша ея на брезу у церкви Архангела Михаила. Егда же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всех бояр с коретами, и тако с великою честию сретоша ю и поклонишася ей. И вси зряще красоту ея вельми чудишася, яко «пигде же видехом очима нашими или слышахом слухом нашим таковую жену благообразну и светящуюся, аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющую во многих женах сего града паче луны и звезд многих». И провождаше ю во град Тферь с честию великою и з дары многими на двор великаго князя. И бысть во граде радость и веселие велие; и бысть у великаго князя пирование на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

Преждереченнаго же отрока не бе слухом слышати ни где на много время. Божиим промыслом той отрок прииде на реку зовомую Тферцу, от града Тфери пятьнадесять поприщ, на место боровое и ту вселися на лесу и хижу себе постави, и часовню на том месте; и назнаме-

нова, где быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества. И ту пребысть немногое время, и найдоша его ту близ живущие людие, хождаху бо по лесу потребы ради своя; и вопрошаху его, глаголюще: «Откуда ты сюду пришел, и как тебя зовут, и кто тебе велел тут вселиться в нашем месте?» Отрок же им не отвеща ничто же, но токмо им кланящся, и тако от него отъидоша во свояси.

Он же ту мало пребысть и от того места отъиде, и хотяше отитти от града подальше, понеже уведа от пришедших к нему людей, яко близъ есть град. Божиим же изволением прииде близъ града Твери по той же реке Тверце на устье и, вышед на реку Волгу, позна, яко град Тверь есть, ибо знаем ему бе, и возвратися в лес той и избра себе место немного вдале от Волги на Тверце, и пачат мо-

литися Пресвятей Богородице, да явит ему про место сие. В нощи же той возляже опочинуту и в сон тонок введен бысть, и видит на том месте аки поле чистое и великое зело и свет великий, яко некую лучу божественную сиящу. И воспрянув от сна и мышляше в себе, да что сие будет знамение, и тако моляшеся Спасу и Пресвятей владычице Богородице, да явит ему вещь сию. В ту же ночь паки явися ему Пресвятая Богородица и повелевает ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея Успения и указа ему место и рече: «Хочет бо Бог прославити сие место и распространити его и будет обитель велия; ты же иди с миром во град ко князю своему и той помощник тебе будет во всем и прошение твое исполнит. Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, не многое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего к Богу». И тако воспрянув от сна своего, и велми ужасеся о видении том, и размышляше в себе, яко «аще отыду от сего места, боюся явления сего и показания месту. Яко Господеву годно, тако и будет». И помысли в себе глаголя: «Аще ли же поиду к великому князю и увещати меня станет, однако не хочу в доме его быти».

Сие же ему мыслищу, абие приидоша в той час в оный лес некия ради потребы мужие княжи изделий ради. Отрок же позна их и прикрыся от них; они же видевше крест и хижу и удившася зело и глаголяху друг ко другу, яко «есть человек тут живяй». И тако начаша искати и обретоша его и познаша, яко «той есть отрок князя нашего». И пришедше к нему, и поклоншася ему, и возрадовашася о нем радостию великою. Той бо отрок по пустыни хождаше три лета и вящше, и не виде его никто же, и бе питаем Богом. И тако вземше его с собою и ведоша ко князю и сказаша ему вся, яко «великий князь печален бысть зело о тебе и до ныне; аще же увидит тя жива и здрава, возрадуется о тебе радостию великою». Он же сия слыша от них, с веселием идяше с ними.

Егда же прииде во двор великаго князя, и вси, узревши его, возрадовашася велми о нем и прославиша Бога и возвестиша о нем великому князю. Князь же повеле ввести его в верхние полаты и виде отрока своего, и возрадовася велми и похвали Бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою, опечалих бо тя зело». И рече к нему великий князь: «Какое тя Господь Бог хранит до сего дне и времени?» И облобызав его. Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой великий кня-

же, яко согреших пред тобою»; и исповеда вся о себе по ряду, како изыде от него, и како Бог приведе до сего места. Князь же о сем велми удивися и прослави Бога и повеле своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду и да будет в первом своем чину. Он же со смирением рече: «Господине мой великий княже, я не того ради приидох к тебе, но да ты от печали свободишимя и прошения моего да не презриши: молю тя и прошу, да повелиши то место разчистити», — и вся поведа великому князю, како ту прииде и како явилася ему Пресвятая Богородица со святителем Петром митрополитом московским и место показа, идеже быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения; и вся ему сказа о себе по ряду. Князь же, воздохнув велми и прослезися, и отрока похвали, яко такового страшного видения сподобися; и обещася во всем помогати месту тому до совершения и беседова с ним многое время и повеле ему пред собою поставити трапезу, да вкусит брашна; он же вкуси малую часть хлеба и воды; а иной же пищи отнюдь не прикоснулся. Великий же князь повеле по воли его быти и тако отпусти его с миром, идеже он восхощет.

Отрок же отъиде на место свое и по обычаю своему молящеся Богу и Пресвятей Богородице и на помощь ея призывает о создании обителя тоя, и тако молитвами Пресвятыя Богородицы вскоре дело совершается. Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей, да розчистят место то, идеже оный отрок покажет, и посла их ко отроку. Слышавше же то граждане и сами мнози идяху по помощь месту тому. И тако вскоре очистивше место, еже отрок показа им, и возвестиша великому князю о сем; князь же прослави Бога и отрока своего о сем похвали. И тако сам великий князь прииде на то место и виде его сияюща паче иных мест. Отрок же паки припадает к ногама его и молит, да повелит церковь создати деревянную и монастырь взградити. Великий же князь вскоре повеле всем прежним людем тут работати и мастеров добрых собрати к церковному строению. И тако Божию помощью и великаго князя повелением вскоре дело совершается и освящение церкви сотвориша.

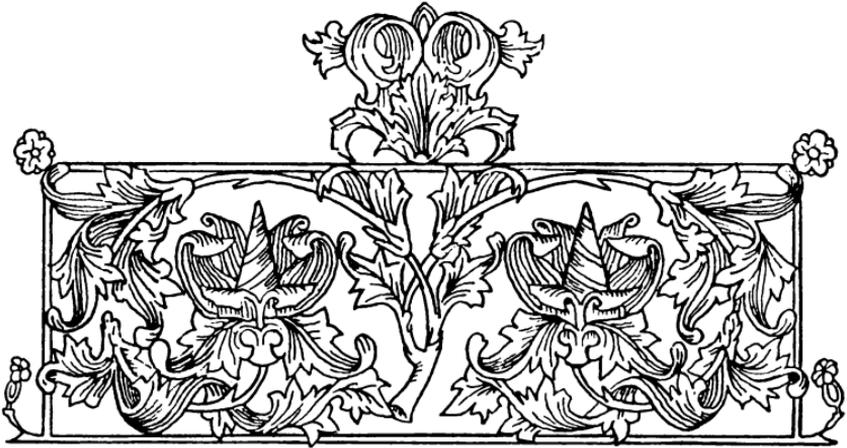
Бысть же ту на освящении церкви Успения Пресвятыя Богородицы сам великий князь Ярослав Ярославич и с своею супругою великою княгинею Ксениею и со всем своим княжим сигклитом, и всем трапезу устроил. И по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия и братию собра, и колокола устрои. И назвася

место то от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь; и вси прославиша Бога и пречистую его Богоматерь. На другой день по освящении церкви той, той отрок Григорий пострижеса во иноческий чин и наречен бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрок, по пострижении своем, немногое время поживе и преставися ко Господу, и погребен бысть в своем монастыре.

По преставлении же блаженнаго онаго отрока немногим летом мимошедшим великий князь Ярослав Ярославичь и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре создати церковь каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, с приделом Петра митрополита московскаго чудотворца, и села подаде к тому монастырю и место то насели, идеже бе отрок прежде пришедый.

Монастырь же той стоит и до ныне Божию благодатию и молитвами Пресвятыя Богородицы и великаго святителя Петра митрополита московскаго и всея Руси чудотворца.

Повесть о Савве Грудцыне

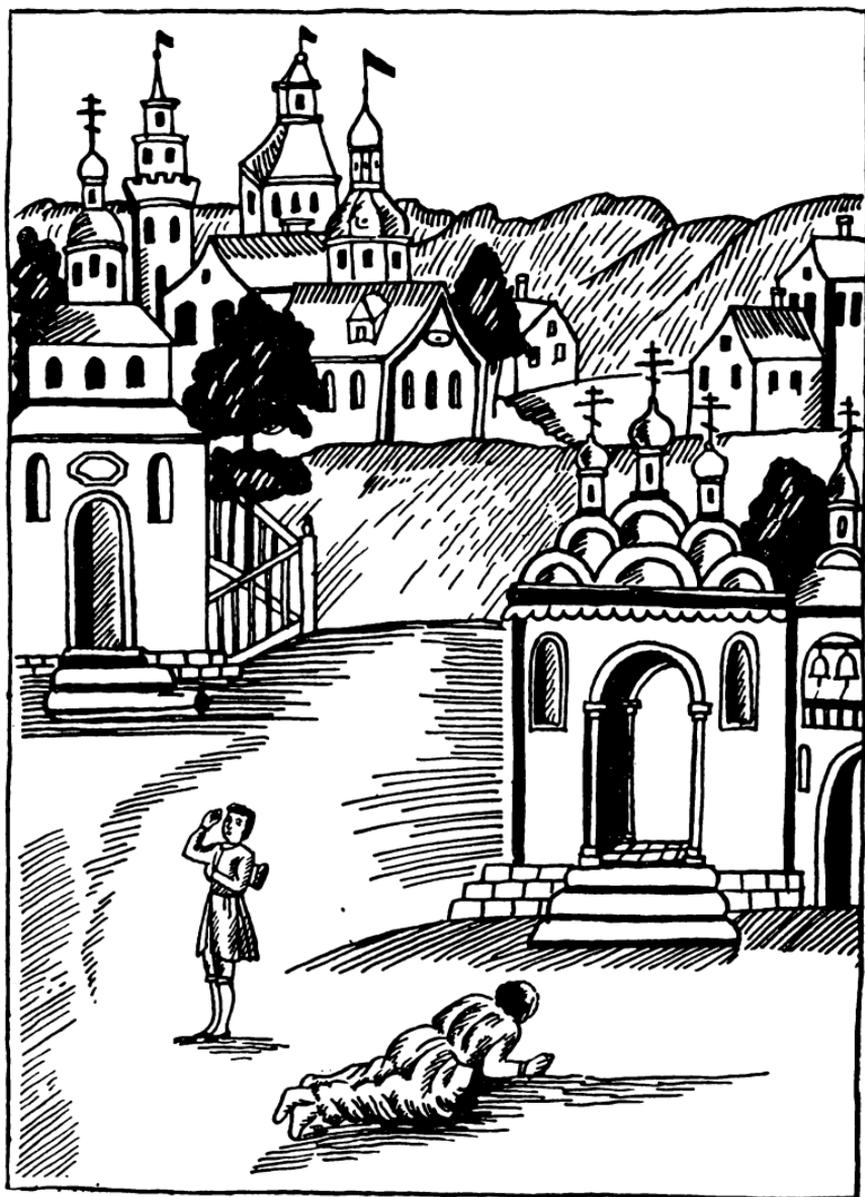
Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия,
како человеколюбивый Бог являет человеколюбие свое
над народом христианским

ошу убо вам, братие, поведати повесть сию предивную, страха и ужаса исполнену и неизреченнаго удивления достойну, како человеколюбивый Бог долготерпелив, ожидая обращения нашего, и неизреченными своими судбами приводит ко спасению.

Бысть убо во дни наша в лето 7114, егда за умножение грехов наших попусти Бог на Московское государство богомерскаго отступника и еретика Гришку Растригу Отрепьева, иже похити престол Российскаго государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Российскому государству умножися злочестивая литва и многия пакости и разорения народом российским на Москве и по градом творяху. И от того литовского разорения многия дома своя оставляху и из града во град бегаху.

В то же время во граде Велицем Устюге бысть некто житель града того именем Фома, прозванием же нарицаемый Грудцын Усов, их же род и доднесь во граде том вле-

чется. Той убо Фома Грудцын, видя в России великое нестроение и нестерпимыя пакости от нечестивых ляхов и не восхоте жити, оставляет великий град Устюг и дом свой и преселяется з женою своею в понизовой царственный град Казань, заше не бысть в понизовых градах злочестивыя литвы. И живяше той Фома с женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго и великаго

государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца.

Имея же у себя той купец едиnorodнаго сына своего именем Савву двенадцатолетна возрастом. Обычай же имеяше той Фома куплю десяти, отъезжая вниз Волгою рекою овогда к Соли Камской, овогда во град Астрахань, а иногда за Хвалынское море в Шахову область отъезжая, куплю творяше. Тому же и сына своего Савву поучаше и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычные струги с товары к плаванию устроиша. Тако ж и сыну своему, устроив суды со обычными товары, к Соли Камской повелевает плыти и тамо купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается. Малые же дни помедлив, и сын его Савва на устроенных судах по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити начинает.

Достигшу же ему Усолскаго града Орла, абие пристаёт ко берегу и по повелению отца своего у некоего нарочитаго человека в гостиннице обитати пристал. Гостинник же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немалое прилежание и всякое благоденствие творяху ему и, яко о сыне своем, всякое попечение имеяше о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немалое время.

В том же граде Орле некто бысть мещанин града того именем и прослытием Бажен Второй, уже престаревся в летех и знаем бяше во многих градах благоправнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и по премногу знаем и дружен бе саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведав же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретается, и помыслил в себе, яко «отец его со мною многую любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех сына его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моя».

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем идуща и, призвав его, начат глаголати: «Друже мой Савво, или не веси, яко отец твой со мною многую любовь и дружбу имать? Ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моя. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, приемлю тя». Савва же, слышав таковые от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от таковаго славнаго мужа прият хочет

быти, и ниско поклонение творит пред ним. И немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Второго и живяше у него во всяком благоденствии, радуясь.

Той же Бажен Второй стар сый, и имея у себя жену, третиим браком новоприведенну, девою пояту сущу. Ненавидя же добра роду человеку супостат диавол, виде мужа того добродетельное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляёт жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы к падению блудному. Весть бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи от зависти диаволи, запят бысть, падеся в сеть любодеяния с женою оною и ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном деле пребывая с нею. И ниже бо воскресения день, ниже праздники помняше, но забывши страх Божий и час смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяюшеся. И в такомом ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения Господа Бога нашего Иисуса Христа. В навечерии же праздника онаго Бажен Второй поим с собою юношу онаго Савву и поидоша до святыя церкви к вечернему пению, и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша кийждо на ложи своем, благодаряща Бога. Внегда же он боголюбивый муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его диаволом подстрекаема, встав тайно с ложа своего и пришел к постели юноши онаго и возбуди его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха Божия уязвлен бысть, убояся суда Божия, помышляше в себе: «Како в таковой господственный праздник таковое скаредное дело сотворити имам». И сия помыслив, начат с клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко «не хочу всеконечно погубити душу мою и в таковой превеликий праздник осквернити тело мое». Она же, ненасытно распляема похотию блуда, неослабно нудяше его, ово ласканием, ово же и прещением неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея. И много труждашеся, увещывая его, но никак не возможе приклонити его к воли своей, божественная бо пекая сила помогаше ему. Видев же то лукавая жена, яко не возможе привлещи юношу онаго и воли своей, абие зеленою яростию на юношу распалися и, яко лютая змия восстенав, отъиде от ложа его, помышляше,

како бы волшебными зелия ополити его и неотложное злое свое намерение совершити хотя. И елико замысли, сия и сотвори.

Внегда же пачаша клепати ко утреннему пению, боголюбивый же оный муж Бажен Второй, скоро возстав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву и поидоша на славословие Божие ко утренни. И отслушавше со вниманием и страхом Божиим и приидоша в дом свой. Егда же приспе время божественной литургии, поидоша паки с радостию до святыя церкви на славословие Божие. Проклятая же оная жена тщательпо устроиша на юношу волшебное зелие и, яки змия, хотяше яд свой изблевати на него. По отпущении же божественных литургии Бажен Второй и Савва изыдоша из церкви, хотяше итти в дом свой. Воевода же града того пригласи онаго мужа Бажена Второго да обедает с ним, вопросы же и о юноши оном: «Чей есть сын и откуда?» Он же поведа ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын есть. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знаеше отца его. Они же бывше в дому воеводском и, по обычаю общия трапезы причастишася, с радостию возвратишася в дом свой.

И пришед в дом, Бажен Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем, чести ради господственного онаго праздника: ничто же бо сведый лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердца своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вину, абие наливает чашу и подносит мужу своему. Он же испив, благодаря Бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго уготованнаго зелия и подносит юноше оному Савве. Он же, ни мало помыслив, ниже убояся лукавства жены онаы, чаяше яко никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оное зелие. И се начат яко некий огонь горети в сердца его. Он же помышляше, глагола в себе, яко «много различных питей в дому отца моего, и никогда же таковаго пития не пивал, яко же ныне». Егда же испив пития онаго, начат сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая лвица, яростно поглядаше на него и ни мало приветство являше к нему. Он же, сокрушаяся, тужаше по ней сердцем. Она же начат мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелеваше изгнати его из дому своего. Богобоязливый же оный муж, аще и жалея в сердце своем по юноши, обаче уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноше изыти из дому своего,

сказуя ему вины некия. Юноша же с великою жалостию и тугою сердца отходит от дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде в дом гостинника онаго, идеже первее обиташе. Он же вопрошает его, каковыя ради вины изыде из дому Баженова. Он же, сказуя, яко «сам не восхоте жити у него, зане гладно ми бысть».

Сердцем же скорбя и неутешно тужаше по жене оной. И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, и недоумевающесея, что убо ему бысть.

Бысть же во граде том некий волхв, чарованием своим сказуя, кому какова скорбь приключится. Он же узнавая, кому жити или умрети. Гостинник же той и жена его, благо-разумни суще, не мало попечение о юноше имеяху, и призва тайно волхва онаго, хотяще уведати от него какова скорбь приключится юноше оному. Волхв же, егда пришед и посмотрев в волшебныя своя книги, сказа им истину, яко «никоторыя скорби юноша не имать в себе, токмо тужит по жене Бажена Второго, яко в блудное смешение падеся с нею, ныне же отступен бысть от нея и, по ней тужа, сокрушается». Гостинник же и жена его, таковая слышавше от волхва, не яша веры ему, зане Бажен муж благочестив бяше и бояся Бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некоею великою скорбию болел.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю и никого же пред собою или за собою видяше и ничто же ино помышляше, токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя. И, помыслив таковую мысль злую во уме своем, глаголя: «И егда бы кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне с женою оною, аз бы послужил диаволу». И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, и идяше един по полю и, мало пошед, слышит за собою глас, зовущ его на имя. Он же, обращая, зрит за собою юношу, борзо текуща, в нарочитом одеянии, помавающе рукою ему, пождати себе повелеваше. Он же стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Пришед к Савве юноша той, паче же рещи супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия; пришедшу же ему к Савве и по обычаю поклонившася между собою. Рече же пришедый отрок к Савве, глаголя: «Брате Савво, что убо яко чуждь бегаеши от мене? Аз

бо давно ожидах тя, да како бы пришел еси ко мне и родственную любовь имел со мною. Аз бо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных Усовых из града Казани, а о мне аще хочеши уведати, и аз того же рода от града Великаго Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки. И убо по плотскому рождению братия мы с тобою, а ныне убо буди брат и друг и не отлучайся от мене, аз бо вспоможение во всем рад чинити тебе». Савва же, слышав от мнимаго онаго брата, паче же реши от беса, таковыя глаголы, велми возрадовася, яко в таковой далной незнаемой страпе сродника себе обрете, и любезно целовастася и поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Рече же бес к Савве: «Брате Савво! Какую скорбь имаша в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же, всяко лукавнуя, сказываше ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же ослабився рече ему: «Что убо скрываеши от мене? аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей?» Савва же рече: «Аще убо ведаеши истинную скорбь, юже имам в себе, то поиму веру тебе, яко можеша помощи ми». Бес же рече ему:

«Ты убо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим по жене Бажена Второго, зане отлучен еси от любви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по прежнему в любви ея». Савва же рече: «Аз убо, елико имам зде товаров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе, токмо сотвори по прежнему любовь имети с женою оною». Бес же ту рассмеявся, рече ему: «Что убо искушаеши мя? Аз бо вем, яко отец твой много богатства имать; ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатеет отца твоего. И что ми будет в товарах твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое». Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко «богатство отца моего цело будет; аз же дам ему писание, что ми велит написати». А неведый в какову пагубу хочет впасти, еще же и писати совершенно ниже слагати что умея. Оле, безумия юноши онаго! Как оловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноше словеса сия, он же с радостию обещася дати ему писание. Мнимый же брат, паче же рещи бес, вскоре изъет из опчага чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва, еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказываше ему, то же и писал, не слагая, и таковым писанием отречеся Христа истиннаго Бога и предадеся в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: «Повеждь ми, брате мой, где обитаеши, да увем дом твой». Бес же возсмеяся, рече ему: «Аз убо особаго дому не имею, но где прилучится, тамо и ночую. Аще ли хочещи видетися со мною часто, то ищи мя всегда на конной площади. Аз убо, яко же рех ти, зде живу ради конских покупок. Но аз и сам не обленюся посещати тя. Ныне же иди к лавке Бажена Второго, вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити».

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно течаше к лавке Бажена Второго. Егда же Бажен виде Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: «Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе, и почто изшел еси из дому моего? Протчее убо, молю тя, прииди обитати в дому моем, аз убо за любовь отца твоего, яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно». Савва же, егда услышав от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Второго. И, егда пришед юноша, жена его виде и диаволом подстрекаема, радостно сретает его и всяким ласка-

нием приветствовалаше его и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запирается в сети блуда с проклятою оною женою и ниже праздников, ниже воскресения день помняще, ни страха Божия имеяще, пожене ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда, аки свиния, валяся.

По мнозем же времени, абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери саввиной, яко сын ея живет неисправно и непорядочно, и, елико было с ним отеческих товаров, все изнурил в блуде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слыша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани в дом отца своего. Егда же прииде к нему писание, он же прочтет, посмеявся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третье писание, ово молением молит, ово же и клятвами заклинает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же ни мало внят матерню молению и клятве, но ни во что же вменяше, токмо в страсти блуда упражняшася.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: «Брате Савво, веси ли кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися звати мя братом себе, аз убо всесовершенно улюбих тя в братство себе. Но аще хочещи уведати о мне, аз убо сын царев. Поидем протчее и да покажу ти славу и богатство отца моего». И, сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздоле град велми славен — стен и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: «Сей есть град творение отца моего! Но идем убо и поклонимся купно отцу моему; а еже дал ми еси писание, ныне возьм его, сам вручи отцу моему и великою честью почтен будеши от него». И, сия изглаголав, бес отдает Савве богоотметное оное писание. Оле безумие отрока! ведый бо яко никоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаемо бе царем московским. Аще бы тогда вообразил на себе образ честного креста, вся бы сия мечты диавольския яко сень погибли!

Егда же поидоша оба к приведенному оному граду и, приближившимся им ко вратам града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы златыми украшены, поклоняющася, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бесу,

такожде и Савве поклоняющися. Вшедшим же им во двор царев, паки сретают их инии юноши, ризами блистающися, паче первых, такожде поклоняющися им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их, друг друга честию и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: «Брате Савво, пожди мя зде мало. Аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое». И сия рек, поиде во внутренния полаты, оставль Савву единого; и помедлив тамо мало, приходит к Савве и, поем, вводит его пред лице князя тмы.

Той же, сидя на престоле висоце, камением драгим и златом преукрашенном; сам же той славою великою и одеянием блистаяся. Окрест же престола его зрит Савва множество юношей крылатых стоящих; лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царя оного, пад на землю, поклонися ему. Вопросы же его царь, глаголя: «Откуда пришел еси семо, и что есть дело твое?» Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко «приидох, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана прием писание и, прочет его, обозревся к темнообразным своим воином рече: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне, или ни». И призвав сына своего, саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчее и обеду с братом своим». И тако оба поклонишася царю и изыдоша в переднюю полату и начаша обедати, и неизреченныя благовонныя яди приношаху им, такожде и питье, яко дивитися Савве, и глагола, яко «никогда же в дому отца моего таких ядей вкушах или пития испих».

По ядении же поемлет бес Савву и поидоша с двора царева, и изшедшим же им из града, вопрошает Савва брата своего беса, глаголя: «Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его много юношей крылатых стоящих?» Бес же, улыбаяся, рече ему: «Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи, персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе: аз бо да буду тебе меньший брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне; аз же всякаго добродейства рад чинити тебе». Савва же во всем обещающа послушен быти ему; и, тако уверившися, приидоша паки во град Орел, и оставль бес Савву, отходит. Савва же паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде во град Казань из Персиды со многими прибытками отец саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, и вопрошает ея о сыне своем: жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко «от многих слышу о нем: по отшествии твоём в Персиду отъиде он к Соли Камской и оттуду во град Орел, тамо и до ныне живет житие неудобное: все богатство паше, яко же глаголют, изнурил в пьянстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш; он же ни единыя отповеди подаде мне, но и донныне тамо пребывает; жив ли или пет, о сем не вем». Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своей, зело смутися умом; и скоро сед, написав епистолию к Савве со многим молением, дабы безо всякаго замедления оттуду ехал во град Казань: «Да вижу, рече, чадо, красоту лица твоего, понеже давно не видах тя». Савва же такое писание прим и прочет, и ни во что же вменив, ниже помысли ехати ко отцу своему, но токмо упражняяся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто не успевае писание его, абие повелевает готовить подобные струги с товаром и пути касается к Соли Камской: «Сам, рече, сыскав, поиму сына своего в дом свой».

Бес же егда уведав, яко отец саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: «Брате Савво, доколе zde во едином малом граде жити будем? Но идем убо во иные грады и погуляем и паки семи возвратимся». Савва же ни мало отречися, но глагола ему: «Добре, брате, глаголеши, идем; но пожди мало: аз убо возму от богатства моего неколико пенязей на путь». Бес же възбраняет ему о сем, глаголя: «Или не видел еси славы отца моего и не веси ли, яко везде села его есть. Да идеже приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно». И тако поидоша от града Орла, никим же ведомы, ниже той сам Бажен Второй, ни жена его уведавшие о отшествии саввином.

Бес же и Савва об едину ноц от Соли Камской объявися на реке Волге во граде, нарицаемом Кузюдемьянском, разстояние имеюще от Соли Камской более двутысящ поприщ. И глаголет бес Савве: «Аще кто тя знаемый узрит zde и вопросит, откуда пришел еси, ты же глаголи: «От Соли Камской в третью неделю приидохом до zde». Савва же, елико заповеда ему бес, тако и сказываше.

И пребывше же в Кузюдемьянском неколико дней, и абие бес паки поемлет Савву и об едину ноц из Кузю-

демьянска приидоша на реку Оку, в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящим же им по торгу узрев Савва некоего престарела ница мужа стояща, рубищами гнусными одеяна и зряща на Савву прилежно и велми плачуща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плача его. И пришед ко старцу и рече: «Кая ти, отче, печаль есть, яко тако неутешно плачеш?» Нищий же он святой старец глаголет ему: «Плачу, чадо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу твою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чадо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, но диавол ходяй с тобою и доводит тя до пропасти адския». Егда же изрече старец ко юноши глаголы сия, обзревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи на беса. Он же издалеча стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же, вскоре оставль святаго онаго старца, прииде паки к бесу. Диавол же велми начат поносити его и глаголати: «Чесо ради с таковым злым душегубцем общился еси? Не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многих погубляет. На тебе же видит одеяние нарочито и, глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити тя и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставляю тя единого, то вскоре погибнеши без мене». И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколико время.

Фома же Грудцын Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Все бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а идеже внезапно скрыся, никто же весть. Овии глаголаху, яко «убояся пришествия твоего, зане zde изнурил все богатство твое, и сего ради скрыся». Паче же всех Бажен Второй и жена его дивящися, глаголаху, яко «об ночь спаше с нами, заутра же пошед некуды; мы же ожидахом его обедати, он же от того часа никако где явися во граде нашем; а идеже скрыся, ни аз, ни жена моя о сем не ведомы». Фома же многими слезами обливаясь, живя, ожидая сына своего, и, не мало пождав тщею надеждою, возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяща о лишении единороднаго сына своего. И в таком сетовании Фома Грудцын, поживе неколико время, ко Господу отъиде; жена же его оставшися вдовою сущи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России изволил послать воинство свое противу короля полскаго под град Смоленск, и по его царскому указу по всей России набираху новобранных тамошних солдат. Во град же Шую ради солдацкаго набору прислан с Москвы столник Тимофей Воронцов и новобранных солдат по вся дни воинскому артикулу учаше. Савва же и бес, приходяще, смотряху учения их. Рече же бес к Савве: «Брате Савво! хочещи ли послужити царю, да напишемся и мы в солдаты?» Савва же рече: «Добре, брате, глаголеши; послужим убо». И тако написавшися в солдаты и наченши купно ходити на учения. Бес же в воинском учении такову премудрость Савве дарова, яко и старых воинов и начальников во учении превосходит. Сам же бес яко бе слугою Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобранных солдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику; той же полковник, егда прииде видети новобранных солдат на учении, и абие видит юношу млада суща, во учении же воинском зело благочинно и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начальников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его и, призвав его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, велми возлюбил Савву и назвав его сыном себе, даде же ему с главы своя шляпу с драгоценным камением устроену сущу. И вручает ему три роты новобранных солдат, да вместо его устроит и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: «Брате Савво! Егда ти недостаток будет денег, чим ратных людей жаловать, повеждь ми, аз ти принесу, елико потребно будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было». И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишине и покое пребываху; в протчих же ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глада и наготы, непожалованны, помираху; у Саввы же во всякой тишине и благоустроении солдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случаю явственно учинися о нем и самому царю. В то же время на Москве не малу область имя шурин царев, боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Уведав про онаго Савву, повелевает его привести пред себя.

И, егда же прииде, рече ему: «Хочещи ли, юноше, да прииму тя в дом мой и чести немалыя сподоблю тя». Он же

поклонися и рече ему: «Есть бо, господине мой, брат у мене: вопрошу его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти». Боярин же ни мало возбранив ему о сем и отпустив его, да спросит брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему бесу. Бес же с яростию рече ему: «Почто убо хощещи презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси. Ни убо, не буди тако; но да послужим царю. Егда убо царь увестъ верную службу твою, тогда и чином возвышен будещи от него». По повелению же цареву вси новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополику. Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе и Зимине приказе в дому срелецкаго сотника именем Якова Шилова. Сотник же той и жена его, благочестиви и благонравни суще, видяще саввино остроумие, зело почитаху его.

Полки же на Москве во всякой готовности к шествию бяху. Во един же от дний прииде бес к Савве и рече ему: «Брате Савво! Пойдем прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранные сосуды устроят». И об едину ночь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем три дни и три ночи и пиким же видимы. Они же все видевше и созирающе, како поляки град укрепляют и на приступных местах всякия гранаты поставляют. В четвертый же день бес объяви себя и Савву в Смоленску поляком. Поляки же, егда узревше их, велми возмятошася и начаша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва скоро избегше из града и прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода. Они же приидоша реку оную, яко по суху. Поляки же много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуса, глаголающе, яко «бесове суть во образе человеческого, приидоша и бывше во граде нашем». Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше у того же сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва с братом своим в полках поидоша; надо всеми же полками тогда боярин бысть Федор Иванович Шеин. На пути же бес рече к Савве: «Брате Савво! егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из града выедет един исполин на поединок и стапет звати противника себе, ты же не убойся ничего, изыди противу его, за убо ведаю, и глаголю ти, яко ты поразиши его. На другой же день паки от поляков выедет другой исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из

Смоленска третий поединщик, ты же ничего не бойся и противу того изыди и того поразиси. Но и сам уязвлен будещи от него, аз же язву твою вскоре уврачую». И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобном месте.

По глаголу же бесовскому выслан бысть из града некий воин страшен зело, на коне ездя и искаше из московских полков противника себе, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себя в полках, глаголя: «Аще бы мне был воинский добрый конь и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царскаго». Друзи же его, слышавше сия, скоро возвестиша боярину о нем. Боярин же повеле Савву привести пред себя и повеле ему коня доброго дати и оружие, мнев, яко вскоре погибнути имать юноша от такового страшнаго исполина.

Савва же, по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и абие поразив его вскоре и приводит его с конем в полки московские, и от всех похваляем бе Савва. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его нося за ним. Во второй же день паки из Смоленска выезжает славный некий воин, ища из войска московскаго противника себе. И паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. И вси удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневаясь на Савву, но скрываше злобу в сердца своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аще и убоися ехати противу такового страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. И абие поляк той яростно напусти на Савву и уязви его копием в левое стегно. Савва же исправися, нападает на поляка онаго и убивает его и с конем в таборы своя привлече и не мал зазор смолянном наведе, все же российское воинство во удивление привеле. Потом же начаша из града вылоски выходитьи и, войско с войском сошедшеся, свальным боем битися. А идеже Савва с братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе; безчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могый скрыти тайнаго гнева в сердце своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: «Повеждь ми, юноше, какова еси рода и чий еси сын?» Он же поведает ему, яко из Казани Фомы Грудцына Усова сын.

Боярин же начат всякими нелепыми словесы поносити его и глаголя: «Кая ти нужда в таковой смертный случай призва? Аз убо знаю отца и сродников твоих, яко безчисленно богатство имут; ты же от какова гонения или скудости, оставя родителей своих, семо пришел еси. Обаче глаголю ти: ни мало zde медли, но иди в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родителями своими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко zde имаши пребывати, то без всякаго милосердия zde имаши погибнути; главу бо твою вскоре повелю отъяти от тебе». Сия же боярин к юноши изрече и яростен отъиде от него. Юноша же со мною печалию отходит от шатра.

Отшедшим же им, рече бес к Савве: «Что убо тако печалуешься о сем? Аще неугодна служба наша явился zde, то идем протчее паки к Москве и тамо да пребываем». И тако вскоре отъидоша от Смоленска к Москве и присташа обитати в доме того сотника Иакова Шилова. Бес же днем пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него во своя адская жилища, идеже искони обычай окаянным пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболевся Савва, и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи и боящися Бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи, и глаголаше ему многжды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причаститися святых тайн. «Да некако, рече, в таковой тяжкой скорби внезапно без покаяная умрет». Савва же о сем отрицався, яко «аще и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти». И день от дне болезнь его тяжчае бяше. Жена же оная неотступно притужаше Савву, да покается убо. «Оттого, рече, не имаши умрети».

И егда принужден бо Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к себе иерея. Жена же оная вскоре посылает ко храму святаго Николая, нарицаемаго в Грачах, и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему; бе бо иерей той леты совершен сый, муж искусен и богобоязлив зело. Пришед же к болящему, начат молитвы покаянныя глаголати, яко же бе обычно.

Егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же начат болнаго исповедывати, и се внезапно зрит болный во храм той вшедшу толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи бес, прииде с ними же, уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном. И, став со-

зади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оное писание, еже даде ему Савва у Соли Камския. И глаголя бес к болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? не ты ли писал еси? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни, убо; не мни того; аз убо всею силою моею подвигнуся на тя!» Сия же и иная многая неподобная бесом глаголющим. Болный же зря очевидно их, и ово ужасаяся, ово же надеяся на силу Божию и до конца все подробну исповеда иерею оному. Иерей же, аще и муж свят бе, обаче убоися страха онаго, зане людей никого же во храме, кроме болнаго, виде, голку же велику слыша от бесовския оныя силы. И с великою нуждою исповеда болнаго и отъиде в дом свой, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начат немилостивно мучити его, ово с стену бия, ово о помост с одра его пометая, ово же храплением и пеною давяше и всякими различными томленми мучаше его. Боголюбивый же той муж, вышеименованный сотник, с благоправною женою своею видяще на юноши таковое от диавола внезапное нападение и несносное мучение, велми жалеюще и стенаху сердца своими по юноше, но никако же помощи ему могуще дати. Бес же день от дне на болнаго люте нападая, мучаше его, и всем предстоящим ту от мучения его не мал ужас творяше.

Господин же дому того, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и ведый, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своя, и помышляше с женою своею како бы возвестити о сем царю: бе же и сродница некая у них в доме царstem. И, сия помысливши, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробну известит ей, и дабы немедленно о сем возвестила цареви: да не како, рече, юноша оный в таком злом случае умрет, а они истязани будут от царя за неизвещение.

Жена же его, ни мало помедлив, скоро тече к сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же она, слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболее по юноше, паче же скорбяще по сродницех своих, да не како и вправду от такового случая беду примут. И, ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до палат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе часе внушается и самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое

изливает нань, глаголя предстоящим пред ним сигклитом, да егда бывает повседневное изменение караулов, повелевает посылати в дом сотника онаго, иде же болный той юноша лежит, по два караулщика. «Да надзирают, рече, опасно юношу онаго, да не како, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огонь или в воду ввержется». Сам же он, благочестивый царь, посылаше к болящему повседневную пищу, и елико здрав болный той явится, повелевает известити себе. И сему тако бывшу. Болный же не мало время в таком бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в первый день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заслав мало и во сне, яко бы на яве, начат глаголати, изливая слезы из омженных очей своих, сице рече: «О, всемилостивая госпоже царице Богородице, помилуй, владычице, не солжу, всецарице, не солжу, но исполню, елико обещахся ти!» Домашнии же и снабдевающи его воины, таковыя от болнаго глаголы слышавше и удивишася, глаголюще, яко «некое видение видит»!

Егда же болный от сна возбнув, приступив к нему сотник и рече: «Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне и к кому рекл еси?» Он же паки начат омывати лице свое слезами, глаголя: «Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну зело и неизреченною светлостию сияющую, носящу ризу багряну; с нею же и два мужа некая, сединами украшенны; един убо во одежде архиерейстей, другой же апостолское нося одеяние. И не мню иных быти, токмо помышляю жену Пресвятую Богородицу, мужей же: единаго наперстника Господня апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы, преславнаго во иерарсех архиерея Божия Петра митрополита, их же подобия образ добре знаю. И рече ми святолепная оная жена: «Что ти есть, Савво, и что тако скорбиши?» Аз же рех ей: «Скорблю, владычице, яко прогневах Сына твоего и Бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за сие люте мучит мя бес!» Она же, ослабився, рече ми: «Что убо ныне мыслиши, како ти избыти от скорби сея; и како ти выручити рукописание свое из ада?» Аз же рех ей: «Не могу, владычице, аще не помощию сына твоего и твоею всесилою милостию!» Она же рече ми: «Аз убо умолю о тебе сына своего и Бога, токмо един глагол мой исполни. Аще избавлю тя от беды сея, хочещи ли инок быти?» Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: «Слыши, Савво,

егда убо приспеет праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, иже на площади у Ветошного ряду; и аз пред всем народом чудо явлю на тебе». И сия рече ми, невидима бысть.

Сия же слышав сотник и приставленные воины от Саввы изглаголанная видения, велми почудишася.

Сотник же и жена его начаша помышляти, да како бы о сем видении возвестити царице, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила царице полаты сигклитом, и дабы внушено было о сем царю. Егда же прииде в дом сотника онаго помянутая сродница их, они же поведаша ей видение юноши онаго Саввы. Она же уразумевав и немедленно отходит до царицы полаты, абие возвещает о сем ближним сигклитом царицы полаты и немедленно внушают царю о видении саввином. Царь же, егда услышав о сем, велми почудися.

Егда же бысть праздник Казанская Богородицы июля осмага дня, тогда бо бысть крестное хождение до церкви той Казанския Богородицы со святыми иконами и честными кресты, из соборныя и апостольския церкви честнаго Успения Пресвятыя Богородицы. В том же крестном хождении бысть великий Государь царь и великий князь Михаил Феодорович, и святейший патриарх со всем освященным собором и множество вельмож. И абие повелевает царь принести болящаго Савву до церкви той. Тогда же, по повелению царице, принесоша болящаго онаго до церкви Казанския Богородицы, скоро на ковре, и положиша его вне церкви в преддверии.

И егда же начаша литоргисати, тогда нападе на болящаго Савву дух нечистый, и нача зле мучити его диавол. Он же велиим гласом вопия: «Помози ми, госпоже дево, помози ми, всецарице Богородице!» И егда же начаша херувимскую песнь воспевати, тогда возгреме яко гром и бысть глас глаголющ: «Савво, востани и гряди семо во храм мой!» Он же воспрянув с принесеннаго ковра, якобы никогда скорбел, и скоро притече во храм той, паде ниц пред образом Пресвятыя Богородицы Казанския, моляся со слезами. Тогда же низпаде от верху округа церковнаго богоотменное оное писание, яже даде Савва у Соли Камския диаволу, все бо заглаждено, яко же бы никогда писано. Еще же повторяя глас бысть: «Савво, се твое рукописание, яже ты писал еси, и исполни заповеди моя и к тому не согрешай!» Он же воспрянув и прием хартию оную и начат велегласно глаголати со слезами пред образом: «О преблагословенная Мати Господня,

заступнице рода христианскаго и молебница к Сыну своему и Богу нашему! Прости ми содеянная, и избави мя от адския пропасти; аз бо исполню обещанное мною!» Тогда же слышав царь и патриарх и вси предстоящии велможи, и видевше таковое преславно чудо, благодариша Бога и Пречистую его Матерь, и велми подивишася таковому Божию милосердию, яко избави его от адския пропасти. По совершении же божественныя литургии, начаша хвалу Господеви воздавати и молебствовать всем освященным собором о явшемся чудеси пред всеми.

Потом, проводиша святыя иконы и честныя кресты до соборныя церкви, поиде царь во своя царския полаты, радуясь о неизреченнем чудеси и благодаряще Бога. Такожде и той Савва поиде в дом свой помянутаго сотника Иакова Шилова здрав, яко же бы никогда скорбел. И се видев сотник и жена его, велми подивишася и благодариша Бога за таковое его милосердие над родом христианским.

Савва же мало пожив ту у сотника онаго, и елико имея сокровища, вся раздаде по церквам и нищим, абие отходит в монастырь чудо Архистратига Михаила, яже зовется Чюдов монастырь, близ соборныя и апостольския церкви честнаго и славна Успения Пресвятыя Богородицы. И пострижесе тамо во иноческий чин, и нача жити в том монастыре, в трудех пребывая, в посте и молитвах неусыпных, угождая Господеви; и тако поживе лета доволна, ко Господу отъиде с миром; и погребен бысть в том монастыре.

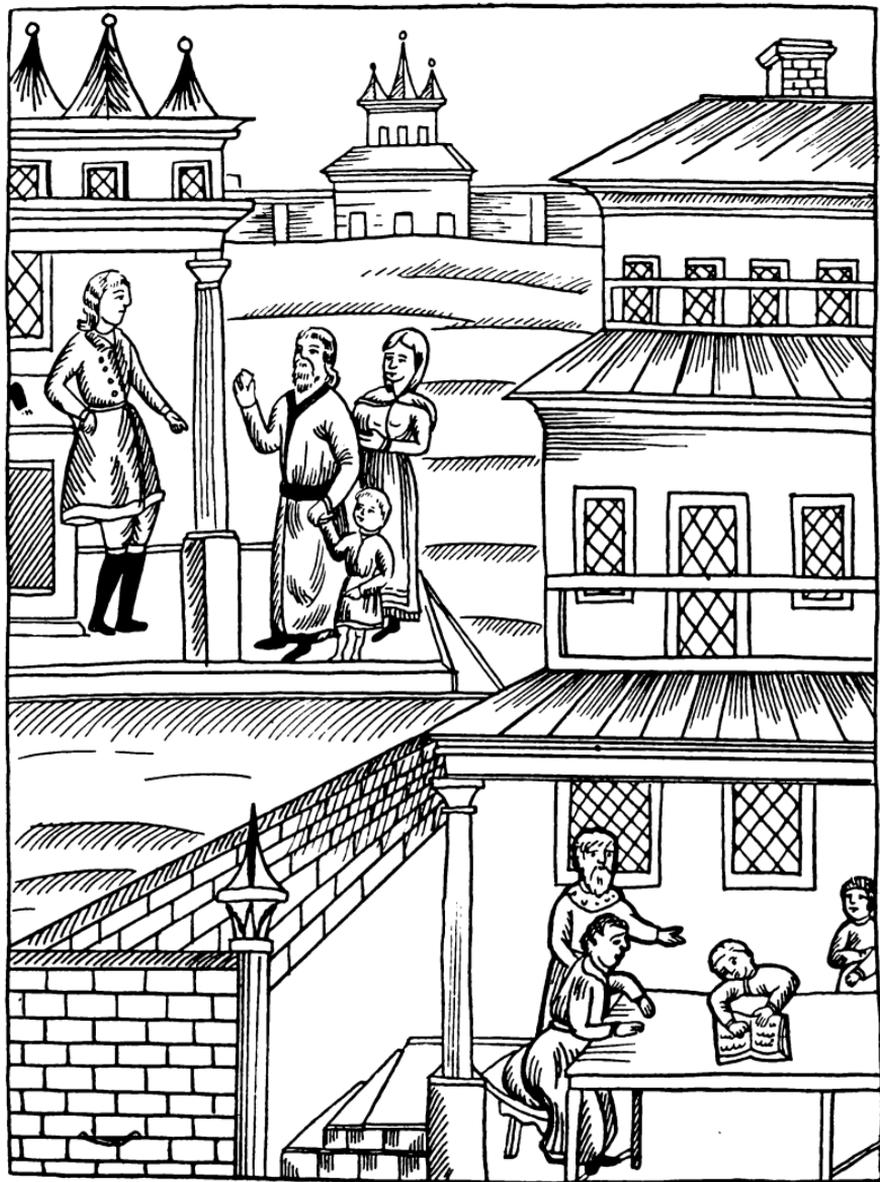
Повесть о Фроле Скобееве

Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И проведал Фрол Скобеев о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой. И [не] видит ее, однако ж умыслил спознаться той вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме. И в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господин Скобеев, не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того что мои услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оные денги и сказал: «То мне сие ни во что», — и пошел от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже

своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свои. И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости де и [в чести...], называемыя по их девичеству званию Святки. И та столника Нардина Нащокина дочь Аннушка приказала мамке своеи, чтоб она ехала ко всем дворянам, которые во близости той вотчины столника Нардина Нащокина имеют жителство и у которых, дворян, имеющих дочери девицы, чтоб тех дочереи просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своеи Аннушке, и по тому ее прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица. И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке: «Пообожди малое время, я схожу к братцу своему; ежели прикажит мне ехать, то и вам с тем и объявим». И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина Нащокина Аннушки и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним. И Фрол Скобеев сказал сестре своеи: «Поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однакож не смела преслужать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сеи вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своеи Аннушке. И Фрол Скобеев стал говорить сестре своеи: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убираться в девичей убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своеи: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что ежели признает ево, то конечно быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин Нащокин весма великой милости при царе находится; однакож не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрался в девичей убор и поехал с сестрой своеи в дом столника Нардина Нащокина к дочери его Аннушки. Собралось много дворянских дочереи у Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто его не может признать. И стали все девицы веселитца разными играми, и веселились долгое

время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Как, мамушка, много наших сестер дворянских дочерей, а твои к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать,

что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев вынес денег пять рублей, подарил тое мамку. С великим принуждением и те денги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал перед ногами тои мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однакожь помяну [в] ево к себе два многия подарки: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоеи». И пришла в покои, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитесь! я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкои игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою,— а на Фрола Скобеева показала:— Сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, как водится в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселилис. И та мамка велела тем девицам петь грамогласныя песни, чтоб им крику от них не слышать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего и надеется, что, конечно, будет причина. А Фрол Скобеев, лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство. Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покои, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна. И девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, только мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно: «Что ты надо мною зделала! Эта не девица со мною была; он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев!» И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая же девица как и протчии, а когда он такую безделицу учинил, ведаеш, что у нас людей довольно, можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка, сожалея

того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть так, того мне не возвратить!» И пошли все девицы в пировой покое и Аннушка с ними же. И Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой. Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И на утро встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, також и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали его служители дому того, и веселилис все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свои и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублей. И Фрол Скобеев приехал в дом свои, весьма рад бысть и делал банкеты, и веселился с протчею своею братию дворян[ами].

И пишет из Москвы отец ея столник Нардин Нащокин в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре, и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение как можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправляться в Москву, а сестра его весьма о том соболезнает, об отлучени сво. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем, хотя живот свои утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник; ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастье, то поминам брата своего». Убрався и поехал в Москву.

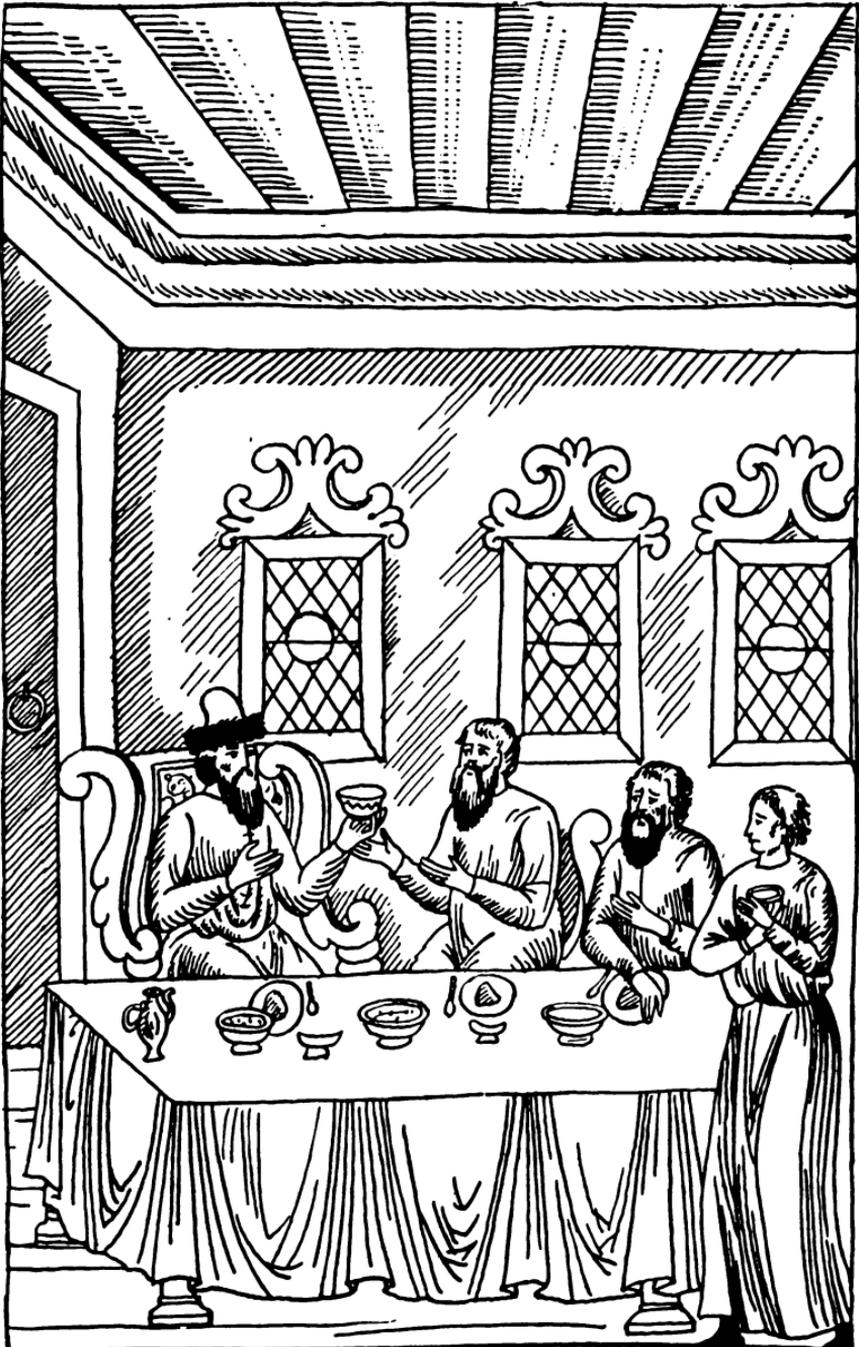
И приехал Фрол Скобеев в Москву и стал на квартире близ двора столника Нардина Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшестви литургии вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И как вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрашней день пошла к обедни и взяла б с собою денег

200 ру (блев) и отдала Фролу Скобееву, то учинила по воли ея. И у того столника Нардина Нащекина имелас сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столник приехал к сестре своей в монастыре. И сестра ево стретила по чести брата своего. И столник Нардин Нащекин у сестры своей был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столник Нардин Нащекин обещал к ней отпустить. И просила ево, когда и в небытность твою дома пришло я по ея карету и возников, чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя.

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину Нащекину ехать в гости з женою своею, и приказывает дочери своей, ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней. А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил карету и с возниками, и приехал сам к ней, и сказался будто от сестры столника Нардина Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персены знали, что он Скобеев дворянин небогатой, только великой ябида, ходатаиствует за приказными делами.

И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добр столник Ловчиков. И пошел к тому столнику Ловчикову. И тот столник имел с ним разговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками. И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру, и того кучера поил весма пьяна. А сам, убрався в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину Нащокину, по Аннушку. И усмотрела та [...мамка], что приехал Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей, яко бы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралас и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева. И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком сильном пьянстве, и, напой ево весма жестока пьяна, и положил ево в карету. А сам сел в козлы и поехал к Ловчикову

на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныхов и с коретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возники, а кучер лежит в корете жесто(ко) пьян.

Пошли и объявили Ловчикову, что лежит кучер пьян в корете, а кто их на двор привел не знаем. И Ловчиков корету и возников велел убрать, и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И на утре стал спрашивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым. И кучер сказал ему толко: «Помню, как приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардин Нащокин приехал из гостей и спрашивал дочери своеи Аннушки. Та мамка сказала, что по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в манастырь, для того что она прислала корету и возников. И столник Нардин Нащокин сказал: «Изрядно!»

И столник Нардин Нащокин долгое время не бывал у сестры своеи и надеется, что дочь ево в манастыре у сестры сво. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столник Нардин Нащокин поехал в манастырь к сестре своеи. Долгое время не видит дочери своеи и спросил сестры своеи: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братец, издиватся! что мне делать, когда я бесчастна моим прощением, к себе, просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не извольши верить, а мне время таково, нет чтоб послать по нея». И столник Нардин Нащокин сказал сестре своей: «Как, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того что ты прислала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никак, я, братец, возников и кореты не посылала никогда, Аннушка у меня не бывала». И столник Нардин Нащокин весьма сожелел о дочери своей, горко плакал, что безвестно пропала дочь ево. И приехал в дом, сказал жене своеи, что Аннушка прапала, и сказал, что у сестры в манастыре нет. И стал мамку спрашивать: кто приезжал, и куда она поехала. И мамка сказала: «Приезжал с возниками и с коретою кучер, и сказал, что из Девичьева манастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему, и поехала Аннушка». И о том столник и з женою весьма соболезновали и плакали горко. И на утре столник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно пропала дочь. И государь

велел учинить публику столничей дочери: ежели ея кто содержит таино, чтоб объявили, ежели кто не объявит, а после общется, то смертию казнен будет. И Фрол Скобеев, слышав публикацию, не ведает, что делать.

И умыслил Фрол Скобеев, чтоб иттить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиков весма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров. И столник Ловчиков спрашивал Фрола Скобея: «Что, господин Скобеев, женился ль?» И Скобеев сказал: «Женился, государь». «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль время покажет». И Ловчиков говорит Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно: отстань за ябидою ходить, живи вотчине своей, лутче здравую!»

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчика (ова), чтоб он был предстателем ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что ежели сносно — буду предстателствовать, а ежели что несносно — не гневаися». И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардина Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И столник Ловчиков сказал: «Как ты зделал, так сам и ответствуй». И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево; мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал, ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящей ты плут! Что ты надо мною зделал? Добро, как могу буду предстателствовать». И сказал ему, чтоб завтрашней день пришел в Успенской собор и столник Нардин Нащокин будет у обедни, и «я с ним буду, будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади. И в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери, а я уже как могу о том буду предстателствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни. И столник Нардин Нащокин, и Ловчиков, и другия столники, все были. И по отшестви литургии в то время в собрани на Ивановской площади, против Ивана Великого и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что им надобно. И столник Нардин Нащокин, болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столник Ловчиков, разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам как по обычаю поклон. И все столники Фрола Скобея знают, и кроме всех столников пал пред но-

гами Скобеев столнику Нардину Нащокину и просит прощения: «Милостивой государь, столник первый, отпусти виновного яко раба, которой возымел пред вами дерзновение!» И столник летами древен, однакож еще усмотреть мог, натуральною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает его: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя пужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти!» И столник Ловчиков подошел к Нардину Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своеи дворенин Фрол Скобеев!» И столник Нардин Нащокин закричал: «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничил себе несносно, скажи, плут, буде сносно, стану стараться о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно, встань, скажи, что твоя вина?» И Фрол Скобеев встал от ног его и объявил ему, что дочь его Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своеи, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделал? Ведаешь ты о себе. Кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоеи! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Поиду к государю и стану на тебя просить о твоеи плутской ко мне обиде!» И вторително пришел к нему столник Ловчиков и стал его разгаваривать, чтоб он вскоре не возымел доклада к государю: «Изволиш съездить домой и объявить о сем сожителнице своеи, и посветуи обще, как к лутшему уже быть, так того времени не возвратить, а он Скобеев от гневу вашего никуда не может скрытца». И столник Нардин Нащокин [послушал] совету столника Ловчикова, и не пошел к государю, и сел в корету и поехал в дом свои. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!»

И столник Нардин Нащокин приехал в дом свои и пошел в покои, жесто[ко] плачит и кричит. «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» И жена его спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказал жене своеи: «Вор-от, плут и ябедник Фрол Скобеев женился на ней!» Жена его услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своеи. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранят дочь свою, и проклинают, и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память и, сожалея дочери своеи, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека, и сказать, где он, плут, жи-

вет, и проведал о дочери своей: жива ли она». И призвали человека своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришел человек, и велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человек вошел в покои и отдал как по обычаю поклон. И Скобеев спросил: «Что за человек и каку нужду имеешь ко мне?» И человек тот сказал, что он прислан от столника Нардина Нащокина, проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мой друг, какое здравье! Таков ти родительской гнев: видишь, они заочно бранят и кленут, и от того она при смерти лежит. Донеси их милости, хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человек тот отдал им поклон и пошел от них и пришел к господину своему столнику Нащокину. И спросил ево: «Что нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человек тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива, и требует от вас хотя словесно заочно благословение. И столник и з женою своею соболезновали о ней, токмо рассуждали, что с воров и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Бог судил. Надобно, друг мой, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно, а когда сердце наше умилостивитца к ним, то можем и сами видится». Сняли стены образ, которой обложен был золотом и другим камением, как прикладу всего на 500 ру[блей], и послали с тем человеком. И приказали сказать, чтоб она сему образу молилас, а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не проматал.

И человек, приняв образ, и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришел тот же человек, сказал жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала, и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдал образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил где надлежит и сказал тому человеку: «Таково-то родительское благословение! И заочно намерены благословить, и Бог дал Аннушке лехче. Слава Богу, здрава!» И сказал Фрол Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость». И человек пришел к господину своему и объявил об отдани

образа, и о здрави Аннушки, и о благодарении их, и пошел в показанное свое место.

И столник Нардин Нащокин стал разсуждать и сожеле-ть о дочери, и говорил жене своей: «Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ея кормить, и сам, как собака, голоден. Надобно послать какова запаса на 6 лошадей». И послали запас и притом запаса реэстр. И Фрол Скобеев, не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место. И приказал тем людям за их родительския милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскошно и ездит везде по знатым персонам. И весма Скобееву удивлялися, что он зделал такую притчину так смело.

И уже чрез долгое время обратились сердцем и соболез-новали о дочери своей, також и о Фроле Скобееве. И при-казали послать человека к ним, и просил их, чтоб Фрол Скобеев и з женою своею, а съ их дочерью, приехал к стол-нику Нардину Нащокину кушать.

И пришел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сеи день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказал человеку: «Донеси батюшку: готов быть сеи день к их милости!»

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего столника Нащокина. И как приехал в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему; и пала пред ногами родителей своих. И усмотрил Нащо-кин дочь свою и з женою своею, и стали ея бранить, на-казывать гневом своим родительским: и, смотря на нея, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителей своих. Однакож, оставя весь свои гнев родительской, отпустя ей вину, и приказал сесть с собою. А Фролу Ско-бееву сказал: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же! тебе ли, плуту, владеть моею дочерью!» И Фрол Скобеев сказал: «Ну, государь батюшка, уже тому так Бог судил!» И сели все вместе кушать. И столник Нардин Нащокин при-казал людям своим, чтоб никого в дом посторонних не пушали. Ежели кто придет и станет спрашивать, что дома ли столник Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видеть столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролю, кушает. И по оконча-нии стола столник Нардин Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем станешь жить?» — «Изволишь ты ведать обо мне, — более нечим, что ходить за приказным делам». — «Перестань, плут, ходить за ябедою! Имения имеется, вот-чина моя в Синбирском уезде, которая по переписи со-

стоит в 300-х дворех. Справь плут за собою и живи постоянно». И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею Аннушкой и, пренося пред ним благодарение: «Ну, плут, не кланеися; поди сам справляи за себя!» И, сидев не много время, и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столник Нардин Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?» — «Известен государь, батюшка, какия у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продаваи! Возми денег — я дам». И приказал дать 300 ру[блей]. И Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру. И со временем справил тое вотчину за себя и, пожив столник Нардин Нащокин немного время, и учинил при жизни своеи Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имени. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столник Нардин Нащокин умре и з жнеюю своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего сестру свою родную отдал за некоторого столничьева сына, а которая при них имелас мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея.

Повесть о некоем убогом отроце

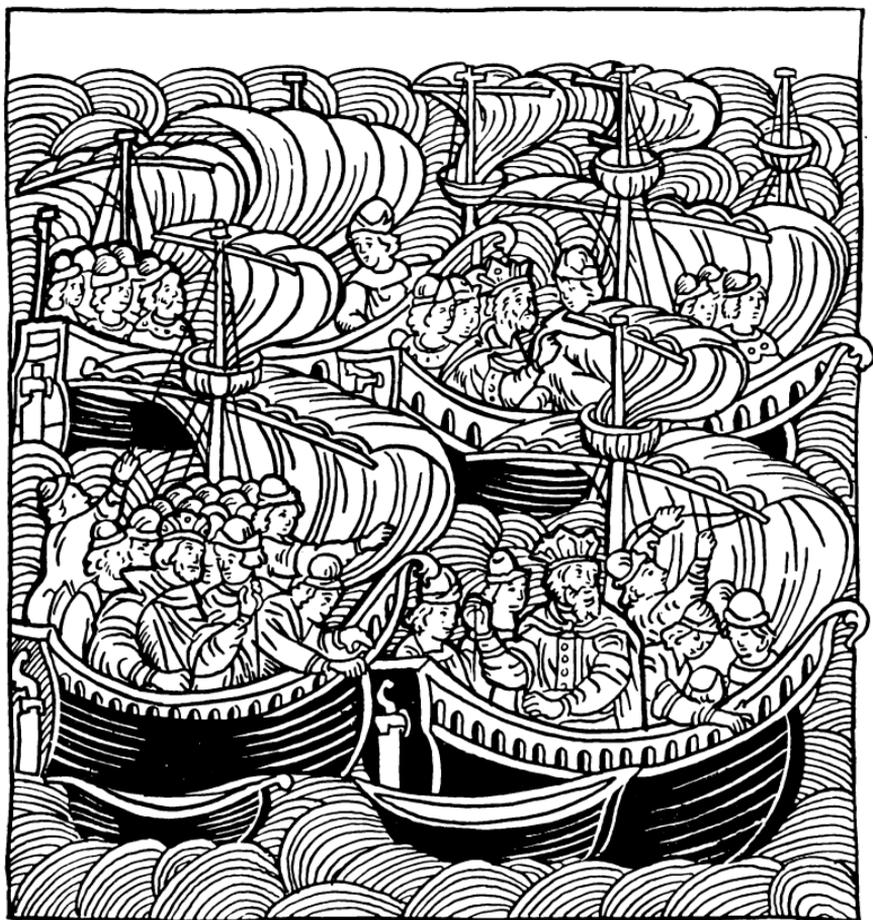
Повесть о некоем убогом отроце, иже молением матерним
ко святому отцу Николаю Чюдотворцу не токмо богатства получи
но и царем соделася

ысть в Палестинских странах в некотором граде, стоящаго близ моря, живяше в нем купец вельми богат и знаем всеми гражданы, имея у себя токмо единого сына млада отрока, и содержа его во всяком наказании и страхе Божии. И повелением Божиим оный купец умре, а сын его младый отрок остаеся един с матирею своею. И нача жити пространно и прохладно, и отеческое изживение все испроверже, и в убожество такое прииде, что и пищи не имея, и прося у сродников своих и у граждан дневныя пищи. И никтоже ему не даяше, видяша его непостоянство, и всегда измираша гладом.

Мати же его Господу Богу моляшеся и призываше на помощь всегда угодника его, великаго святителя Николая Чюдотворца, дабы сын ея возвратися на истины путь.

И некогда сродники их, дядие сыну ея, идуще в торговлю с товары кораблями в заморския страны. Тогда мати онаго отрока прииде к ним и глаголаше с плачем: «О ми-

лые сродницы мои, примите сына моего, да он с вами торговлю будет иметь!» И даваше им оставшаго от имени мужа своего токмо едино сто сребреник. Они же рекоша ей: «Отдаждь сие сыну своему, да поне и оныя избудет в проклад свой». А сами с кораблями поидоша.

Она же горко нача плакати и рече сыну своему: «Что ми с тобою будет?! И сродницы от тебя отступишася, а другие кто тебя возмет за твое неистовство!» И в горести и плачи восклицаше: «О великий угодниче Христов, святителю Николаю Чюдотворче! Помилуй мя, грешную, и з чадом моим, буди помощник и заступник в беде сей! Како ты святыми своими молитвами везде избавляеши, тако и мене спаси и помилуй с чадом моим и не даждь вскоре изриновенной быти».

И в том молении стоящу ей и з сыном на берегу и ви-

дяцца пловущ един корабль по морю, на нем же стоящ муж благообразен и сединами украшен и лицом велми светел — той бо есть святитель Христов Николай Чюдотворец. А оная жена не ведаю, кто есть.

И приста ко брегу и рече: «О жоно, чесо ради тако плачеш и почто на помощь призываеши Николая Чюдотворца?» Она же поведаю ему все приключаяся. Скорый же помощник и теплый заступник Николай Чюдотворец рече ей: «Отдаждь ми сына своего, аз возму его для торговли. Токмо повели ему быти послушну ми и ничтоже без воли моею творить». Она же падоша ему на нозе и отдаде сына своего.

И егда прият его Божий угодник на корабль, тогда поднышася ветрило само по себе, и понесоша корабль по морю велми быстро.

И тогда Божиим повелением оных дядей ево принесоша на кораблях в некоторое царство, в котором царстве лежит в церкви царевна, мертвая и обладанная дияволом, и поедает еретичеством своим на каждый день по человеку.

И егда они присташа ко брегу, тогда царевы стражие взяша их и с кораблями, и товары их осмотреша, и предаша их под охранение царское. И по мале времени прииде и угодник Христов Николай Чюдотворец и с племянником их отроком. К ним же никтоже смеяше приступити.

И увидеша племянника дядие и подивися о том, како он прииде с таковым благообразным мужем, а не ведаю, кто с ним на корабле.

В то же время прииде царевы слуги и повелеша первому дяди итти в церковь к царевне для чтения Псалтыри. Он же ужасошася и призва отрока, и рече ему, чтоб он шел за него в церковь. Тогда отрок рече ему: «Егда повелит ми оный благообразный муж итти, то я за тя пойду». И поведаю о том угоднику Божию, яко просто человеку. Тогда святитель Христов Николай Чюдотворец глагола отроку: «Поиди за него, егда отдаст тебе корабль и с товары». Дядя же обеща ему корабль свои отдати и с товары, с написанием, а сам размышляя, яко ему тако от царевны будет кончина, а не ведаю о том Божии воли и чудес святителя Николая Чюдотворца и ни во что вменяя.

И по обещании того вдаде ему святой узел песка и рече отроку: «Егда ты приидеш в церковь к налою, то посыпь вокруг его песком и начни читать Псалтырь. Егда царевна

встанет и приидет к тебе, ты же никакоже утрашися ея, токмо читай, пичтоже сумневайся».

Тогда отрок взя данное ему от святого, и прият благословение, и поиде в церковь. И егде страж церковный пусти его внутрь церкви, где царевна-еретица мертвая, и запре церковь, и запечатов царскою печатию, тогда отрок прииде к налою и повеленное ему от святого сотвори: осыпая песком и ста чести Псалтырь.

И егда наставшу полунощи, и восташа царевна из гроба, и прииде ко отроку, и хотяху его жива поглотити, и не можаху к нему блиско приити, и языком своим доставаху, яко серпом махаху, и другими мечтами на него метяхуся. И ничтоже сотвори. И доиде чтения девятыя кафизмы 67 псалма «Да воскреснет Бог, и разыдутся врази его», и царевна паде во гроб свой и омертве.

О братие и сестры! Видите, како Псалтырь есть добро читати! И диявол никакоже что может сотворити!

И наставшу утреннему пению, прииде страж церковный и по обычаю отпечатав и отопре церковь и, увидев отрока, стояща жива, и поведя о том царю. Царь же о том подивися и повеле отрока отпустить.

Отрок же, отслушав утренню, и прииде на корабль свой здрав, прием благословение от святого, а не ведая о том, кто есть.

Дядя же вельми о том смутися, и не хотя корабля с товары ему отдати и называху его чародеем. Святый же повеле отроку итѣти к судии и объявити рукописание. И егда написание предложено судии, тогда и корабль отдан бысть отроку и с товары.

Во вторую же ноц и меншему дяди ко оной царевне повелено итѣти.

И таким же образом сотворися и оному дяди. И оба дяди стаха в убожестве.

В третью же ноц достая итѣти отроку за себя. Тогда святый повеле ему: «Егда царевна к тебе приидет, и ты ея по чтении псалтырнаго удари оною Псалтырию троекратно и глаголи: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!»

И егда прииде отрок к церкви, и церковный страж по обычаю пусти его в церковь и запре, и запечата, отрок же нача чести Псалтырь, царевна же востаха и нача скакати и руками пласкати и языком его, яко косою, доставати и страшаше всякими привидении, и ничтоже сотвори. И егда отрок сконча псалтырное чтение и согнув книгу, и удари царевну по главе троекратно, тогда царевна ста

на место кротко и смиренно, озираяся семо и овамо. И рече отроку: «Ты кто еси?» Он же глагола: «Аз есмь создания Божия, человек». И повеле ей сотворити молитву Иисусову. Она же сотвори молитву. И сташа оба поблиску себя.

И егда прииде страж церковный, и по обычаю отопре церковь и сотвори молитву, тогда отдаша «аминь» мужеск и женск глас, и увиде царевну, стоящу близ отрока смиренну. И затвори церковь и, шед, поведа о том царю. Царь же взя с собою вельможей своих и поиде в церковь. И вниде, и виде царевну, дочь свою, стоящую близ отрока здраву, тогда приступи к ним и рече: «Ты ли еси дочь моя единопородна?» Она же рече: «Аз есмь». И повеле ей творити молитвы.

Царь же собра в церковь митрополиты, архиепископы и епископы, и весь причет церковный и нача молебствовать Господу Богу и Присвятей Богородице и угоднику Христову Николаю Чюдотворцу о таком избавлении дщери своей от насилия дияволи. И услыша о том царица, и вси граждане стекошася на такое чюдо. И по отпении молебна глагола царь отроку: «Возми сию дочь мою за ся, тебе ради и твоими молитвами здрава сотворися». Он же рече: «Не мною сие сотворися, но Божиим повелением и наставника моего, мужа благоговейна, именем Николая».

Тогда царь рече: «Где оный муж есть?» Он же рече: «Обитает на корабле». И царь посла к нему архиепископа с причтом и вельможи своими, а сам царь поиде со отроком и царевною в свои царские чертоги.

И егда приидоша архиепископ с вельможи на корабль к тому благоговейну мужу, и увиде его, и поклонилася ему, и размышляя в себе: «Воистинну, сей муж непрост человек есть». И поведа ему о отроке и царевне вся бывшая. Оный же муж глагола ему: «Сие сотворися Божиим повелением и молением матерним отрока онаго». И поиде с ними к царю.

И егда прииде к царским чертогам, и царь встрече его, и поклонися ему, и подивися благообразию его, и не смея вопросити, кто он есть, и вшед в чертоги. Тогда отрок и с царевною падше на нозе его и ничтоже вещаше, токмо глагола: «Святче Божий, помилуй ны!» И оный муж благослови их и рече отроку: «Сия девица буди тебе супруга».

И по мале времени царь отдаде дочь свою за отрока и учини его на свой престол царем. И бысть в том царстве велия радость. И егда отроку бывшу царем, тогда дядие его служаху ему, яко раби. И потом святой рече ему:

«Поими ныне войско и повеле корабли уготовити, и поидем во отечество твое, дя тя отдам матери твоей, понеже бо она нас ожидает и плачь на плачь прилагает».

И егда корабли уготовися, и войска в корабли седоша, а отроку и з женою святой же повеле быти на корабли своем, и пустишася по морю, и пришедшу ко отечеству его.

Тогда завидеша того града граждане и жены дядей его, и рече: «Сии корабли оных мужей». И радовахуся оные жены, а мать отрока плакаше и в перси бияше. Оные же посмевахуся ей и глагола: «Уне сын твой с кем поиде на корабли?» И чая его быти в нищенстве.

И егда приидоша ко берегу, и увидеша войска на кораблях, а отрока царем, а дядие служаху ему рабами, тогда вси граждане ужасошася, како то сотворися.

И призва святой отрока и рече ему: «Отдаси мне половину жены своей и разрубим надвое, понеже, егда кто с кем торг имеет, то по половине разделяют, а мы с тобою сию девицу обще из мертвых воскресили». И отрок велми о том смутися и ничтоже глагола. Святой же взя царевну и положи на доску корабельную и взя секиру и возмохнуса. И абие изыде из нея демон, яко вран. Тогда святой секиру на врана бросив, и демон и з секирою утопе в море.

И взя святой царевну и даде отроку, и рече ему: «То есть половина моя». И призва мать его и глагола: «Сего сына прими от мя сохранна». Потом повеле отдати дядием корабли и с товары. Вдова же паде святому на нозе: «Благодарю тя за твое великое милосердие и благодать». И рече святому: «Прошу тя, кто еси ты?» Он же рече: «Аз есмь Николай Мирликийский». И в том часе невидим бысть.

О братие! Какое моление матерне велико есть, а отеческое благословение свято!

Отрок же поят мать и сродники своя и возвратися во свое царство. И тако живяше царем благоугодно даже и до скончания века своего.

Повесть о Горе и Злочастии

Повесть о Горе и Злочастии,
как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин

Н зволением Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя, от начала века человеческого. А в начале века сего тленного сотворил небо и землю, сотворил Бог Адама и Евву, повелел им жити во святом раю, дал им заповедь Божественну: не повелел вкушати плода виноградного от едемского древа великаго. Человеческое сердце несмысленно и неумичиво: прелстился Адам со Еввою, позабыли заповедь Божию, вкусили плода виноградного от дивнаго древа великаго; и за преступление великое Господь Бог на них разгневался, и изгнал Бог Адама со Еввою

из святого раю, из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил их расти, плодиться
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.

Учинил Бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых детей.

Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.

А се роди пошли слабы, добр[у] убожливи,
а на безумие обратилися
и учили жить в суете и в [не] правде,
в ечерине великое,
а прямое смирение отринули.

И за то на них Господь Бог разгневался, —
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.

Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставлять:

«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы,
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, —
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.

Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар заедину!

Еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен,
отеческия дочери.

Не ложися, чадо, в место заточное,

не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай богатства неправого,
не буди послух лжесвидетельству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрывает Бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».

Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей.
Честь его яко река текла;
друговя к молотцу прибивалися,
[в] род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речами прелестными,
завал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:

«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравис!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и ушьешься, братец, допьяна,

ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, —
я сяду стеречь-досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, —
не хотелось ему друга послушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаецца,
в те поры молодец озираецца:
а что сняты с него драгие порты,
чыры и чулочки — все поснимано:
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкою,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;
стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое, —
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полуденги, —
так не стало ни друга не полдруга:
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».

Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен;
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися:
ведет он все по писанному учению,—
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в большее место, не в меньшее,—
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.

Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя, все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца —
и нечем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец?
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься.
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
Или место тебе не по отчине твоеи?
Или малые дети тебя избидили?
Или глупыя люди немудрыя
Чем тебе молотцу насмеялися?
Или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родителское

и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питье пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери,—
благословение мне от них миновалось,
Господь Бог на меня разгневался.
И на мою бедность — великия
многия скорби неисцелныя
и печали неутешныя,
скудость, и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изсушила печаль мое лице и белое тело,—
ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутились,—
все имение и взоры у меня изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех
и как залести мне милых друзей?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышышь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей!
И ты с кротостию держися истинны с правдою,—
то тебе будет честь и хваля великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милыя други,
названья братья надежныя!»
И отуду пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи:
от великаго разума наживал он живота болшы старова;

присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелся молотцу жениться:
средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по Божию попущению,
а по действию диаволу
пред любовными своими гостями и други,
и названными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвалное:
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец, живота болши старова!»
Подслушало Горе-Злочаствие хвастанье молодецкое —
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастьем,
Не хвастай своим богатеством, —
бывали люди у меня, Горя,
и мудря тебя и досужае, —
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочаствие великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися —
не могли у меня, Горя, уехати —
и сами они во гроб вселились,
от мене накрепко они землю накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а Злочаствие на их в могиле осталось.
Еще возгряло я, Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и злочастию, не впусете же жити —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит[ь],
а гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе горинское:
«Как бы мне молотцу появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,

надежи ты на себя гунку кабацкую,—
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому, босому шумить розбой!»
Тому сну молодець не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось —
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему еще вновь Злочастие привязалось:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, безпроторица великая?
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется —
а нагому, босому шумить розбой!»

Тому сну молодець он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться
своим милым другом —
пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево:
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечера ни дообеднем,
не едал молодець ни полу куска хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною,—
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куска хлеба!»

Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое, —
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки скача Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды;
не мечаясь в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе матери наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть!
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покаряться!»
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудря на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец [беду] неминучую,
покорился Горю нечистому —
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел, поскачил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочику:
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец не кручиноват —
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:

«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
«хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в других портах чаду и цены нет!»
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!»
Услышали перевозчики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взяли у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родительское!»

И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорить Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец,
не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось!
Хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я Горе — еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается —
ино тот между нами замучится!
Такова у нас участь и луччая!

Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом, —
а Горе за ним белым кречатом;
молодец полетел сизым голубем, —
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы;
молодец стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастие над молотцем насмехался:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами —
еще Горе злочастное насмеялося:
«Быти тебя, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить —
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили
или с камнем в воду посадили.

Спамятует молодец спасенный путь —
и оттоле молодец в монастыр пошел постригатися,
а Горе у святых ворот остается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай нам, Господи, светлый рай
Во веки веков. Аминь.

Повесть о Карпе Сутулове

Повесть о некотором госте богатом и о славном
о Карпе Сутулове и о премудрой жене ево,
како не оскверни ложа мужа своего

е некто гость велми богат и славен зело, именован Карп Сутулов, имеяй жену у себя именован Татиану, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуще во граде некоем, и в том же граде друг бысть велми богат и славен и верен зело во всем, именован Афанаси[й] Бердов. Тому ж преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челом другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейший друже, жену мою, о чем тебе станет бити челом, во всем снабди: аз приеду от купли своей, буду тебе бити челом и платитися». Друг же ево Афанасий Бердов глаголя ему: «Друже Карпе мой! аз рад снабдевати жену твою». Карп же шед к жене своей и сказа ей: «Аз был у друга своего Афанасия и би челом ему о тебе: аще какая без меня тебе будет нужда

в деньгах, да снабдит тебя во всем друг мой Афанасий; рекох мне он: «Аз рад снабдевати без тебя жену твою».

Карп же наказа и жене своей Татиане тако: «Госпоже моя, Татиана, буди Бог между нами. Егда начнешь творити без меня частые пиры на добрых жен, на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денег, и он тебе даст сто рублей, и ты, чай, тем до меня и проживешь. А моему совету блюда, без меня не отдавай и ложа моего не скверни».

И сия рек, отъиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно, и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многие добрые жены частые пиры и веселяся с ними велми, воспоминаая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому три года, как поеде муж ее, она же шед ко другу мужа своего ко Афанасию Бердову и рече ему: «Господине, друже мужа моего! даждь ми сто рублей денег до мужа, а муж мой Карп, когда поехал на куплю свою, и наказал: «Егда до меня не станет денег на потребу на что купити, и ты поиди моим словом ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себе [на] брашна денег сто рублей». И ты же ныне пожалуй мне на потребу на брашна денег сто рублей до мужа моего: егда муж мой приедет от купли своей, и тогда все тебе отдаст». Он же на ню зря очима своима и на красоту лица ее велми прилежно, и разжигая [ся?] к ней плотию своею и глаголаша к ней: «Аз дам тебе на брашна денег сто рублей, толко ляг со мною на ночь». Она же о том словеси велми за[с]умневашася и не ведает, что отвещати, и рече ему: «Аз не могу того сотворити без повеления отца своего духовного, иду и вопрошу отца своего духовнаго: что ми повелит, то и сотворю с тобою».

И шед вскоре и призвав к себе отца своего духовнаго и рече ему: «Отче мой духовный, что повелиши о сем сотворити, понеже муж мой отъиде на куплю свою и наказав мне: «Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денег, чем до меня [жити], и ты ж иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он тебе, по моему совету, даст тебе денег сто рублей». Ныне же мне у меня не доставшу сребра на брашна, и аз идох ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: «Аз ти дам сто рублей, толко буди со мною на ночь спать». И аз не вем, что со-

творити, не смею [без] тебе, отца своего духовного, того с ним сотворити без повеления твоего: и ты ми [что] сотворити повелиши?» И рече ей отец духовный: «Аз тебе дам и двести рублей, но пребуди со мною на ночь». Она же о том словеси велми изумилася и не ведает, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: «Дай ми, отче, сроку на малую годину».

И шед от него на архиепископов двор тайно и возвести архиепископу: «О, велики[й] святы[й], что ми повелеваеши о сем сотворити: понеже муж мой, купец славен зело Карп Сутулов, отъиде на куплю свою в Литовскую землю, се уж ему третье лето, и после себя оставил мне на потребу денег; отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него, и как муж мой поехал на куплю свою и наказал мне: «Аще ли не достанет тебе денег, чем до меня пропитаться, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он по моему приказу даст тебе на потребу на брашна денег сто рублей». И аз шед ныне ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себе денег до мужа своего сто рублей. Он же рече ми: «Аз дам ти и сто рублей, толко ляг со мною на ночь». И аз не смела того сотворити без повеления [отца] своего духовнаго и шед ко отцу своему духовному и вопроши о сем отца своего духовнаго, что ми повелит, он же рече ми: «Аще ты со мною сотворишь, аз дам ти и двести рублей». И аз с ним не смела того сотворить». Архиепископ же рече: «Остави обоих их, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и аз дам тебе и триста рублей». Она же не ведает, что ему отвещати, и не хотяше таковых слов преслушати, и рече ему: «О, велики[й] святы[й], како я могу убежати от огня будущего?» Он же рече ей: «Аз тя во всем разрешу».

Она же повелевает ему быти в третьем часу дни.

И тако шед ко отцу своему духовному и рече ему: «Отче, будь ко мне в 6 часу дни».

Потом же иде к другу своего мужа ко Афанасию Бердову [и рече]: «Друже мужа моего, приди ко мне в 10-м часу дни».

Прииде же ныне архиепископ. Она же встретила его с великою честью. Он же велми разжигая плоть свою на нее и принесе ей денег триста рублей, и даде, и хотяше пребыти с нею. Она же рече: «Требуеши облещи на ся одежду ветхую самую; [не добро] пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветущем народе и Бога славиши, в том же и самому паки к Богу быти». Он же рече: «Не виде

никто мя и в этом платье, что мне и оно облещи, но некоему нас с тобою видети». Она же рече ему: «Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека утаим странствие наше, но Он вся весть, обличени[я] не требует. И сам то Господь не придет с палицею на тя и на вся злоторящая, таковаго человека зла пошлет на тя, и тот тя имать бити и бесчестовати и предати на обличение протчим злоторящим». И сия глаголаше ко архиепископу. Он же рече ей: «Тол[ко], госпоже моя, не имею никакой иные одежды, какие в мире носят, разве аз [от] тебе требую какую ни есть одежду». Она же даде ему свою женскую срачицу, якоже сама ношаше на теле, а тот сан сняше с него и вложиша к себе в сундук, и рече ему: «Аз кроме сея одежды не имею в дому своем, понеже отдала портомоице, что носяше муж мой». Архиепископ же с радостию взяше и возде на себе збором женскую рубаху: «На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую [пребыти] с тобою». Она же отвецаше к сему: «Се аз сотворю, но еще прежде покладимся со мною».

И в то же время прииде ко вратам поп, отец ее духовны[й], по приказу ее, и принесе ей с собой денег двести рублей и начал толкаться во врата, она же скоро возре в окошко и всплеска руками своима, а сама рече: «Благ Господь, понеже подает ми безмерную и превеликую радость». Архиепископ же рече: «Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?» Она ж рече ему: «Се муж мой от купли приехал, аз же в сим времени ожидала его». Архиепископ же рече ей: «Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестия?» Она ж рече ему: «И ты, господин мой, иди в сундук и сиди [там], и аз во время спущу тя». Он же скоро шед в сундук, она же замкнула его в сундуке. Попо же идя на крылцо. Она же встретила его. Он же даде ей двести рублей и нача с нею глаголати о прелюбезных словесах. Она же рече: «Отче мой духовный, как еси ты прелстился на мя? Единого часа [ради] обоим с тобою во веки мучитися». Поп же рече к ней: «Чадо мое духовное, аще ли в коем греси Бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чем хоцещи Бога умолити и милостива сотворити?» Она же рече ему: «Да ты ли, отче, праведны[й] судия? имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?»

И глаголющим им много, ажно ко вратам гость богат, друга мужа ее, Афанасий Бердов. И нача толкаться во врата. Она же скоро прискочила к окошку и погляде за оконце, узре гостя богатого, друга мужа своего, Афанасия

Бердова, всплеска руками своима и поиде по горнице. Поп же рече к ней: «Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехал и что ты радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Видиши ли, отче, радость мою: се же муж мой от купли приехал ко мне и свет очию моею». Поп же рече к ней: «О беда моя! Где мне, госпоже моя, укрытися срама ради?» Она же рече ему: «Не убойся, отчего, сего, но смерти своей убойся, греха смертнаго; единою [смертию] умрети, а грех сотворяй, мучитися имаши во веки». И во оной хранине указа ему сундук. Он же в одной срачице и без пояса стояше. Она же рече ему: «Иди, отче, во иной сундук, аз во время испущу тя з двора своего». Он же скоро шед в сундук. Она же замкнула его в сундуке, и шед скоро, пусти к себе гостя. Гость же пришед к ней в горницу и даде ей сто рублей денег. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ее велми прилежно. Она же рече ему: «Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? а не ли же некоему человеку мнози люди похвалиша жену, она же зело злобаше (чит.: зла баше), он же целомудренны тогда похвалу». Он же рече ей: «Госпожа моя, егда аз насыщуся и наслаждуся твоя красота, тогда прочь отъиду в дом свой». Она же не ведаше, чим гостя отвести и повеле рабе вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своя шед вон и начаша у врат толкатися велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: «О, всевидимая радость от совершенные моя любви, о свете очию моею и вождеделение души моя [и] радость!» Гость же рече к ней: «Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошком?» Она же рече к нему: «Се муж приехал от купли своя». Гость же послышав от нее таковыя глаголы и нача по горнице бегати и рече к ней: «Госпоже моя, скажи мне, где от срамоты сея укрытися?» Она же указа ему 3 сундук и рече ему: «Вниде семо да по времени спущу тя». Он же скоро кинулся в сундук. Она же замкнула его в сундуке том.

И на утре шед во град на воевоцки [й] двор и повелеша доложити воеводе, чтоб вышел к ней. И рече к ней: «Откуда еси, жена, пришла и почто ми велела вытти к себе?» Она же рече к нему: «Се аз, государь, града сего гостиная жена: знаеши ли ты, государь, мужа моего, богатого купца, именем Сутулов?» Он же рече к ней: «Добре знаю аз мужа твоего, понеже муж твой купец славен». Она же рече к нему: «Се уже третье лето, как муж мой отъиде на куплю свою и наказал мне взяти у купца же града сего, у Афона-

сия, именем Бердов, сто рублей денег — мужу моему друг есть, — егда не достанет. Аз же делаше после мужа своего многие пиры на добрых жен и ныне мне недоставши сребра. Аз же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца оного дома не получила, у которого велел мне муж мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублей, аз тебе дам три сундука в заклат з драгими ризами и многоценными». И воевода рече ей: «Аз слышу, яко доброго мужа есть ты жена и богатого: аз ти дам и без закладу сто рублей, а как Бог принесет от купли мужа твоего, аз и возму у него». Тогда она же рече ему: «Возми, Бога ради, понеже ризы многие и драгие велми в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего быть в наказании и в те пору станет ми говорить: «Ты бы де положила на соблюдение человеку доброму до меня». Воевода же, слышав, велел привезти вся три сундука, чайше истинно драгие ризы. Она же, шед от воеводы, взяша воевоцких людей пять человек, с коими и приехаша к себе в дом и поставиша, приехаша опять с ними, и привезоша сундуки на воевоцки [й] двор и повеле она воеводе ризы досмотрити. Воевода же повеле ей сундуки отпирати все 3, и видяше во едином сундуке гостя, сядяща во единой срачице, а в другом сундуке попа во единой же срачице и без пояса, а в третьем сундуке самого архиепископа в женской срачице и без пояса. Воевода же, видя их таковых безчинных во единых срачицах сядяща в сундуках, и посмеяхся и рече к ним: «Кто вас посади тут в одних срачицах?» И повелеша им вытти из сундуков, и быша о [т] срамоты яко мертвы, посрамлени от мудры [я] жены. И падше они воеводе на нозе и плакася велми о своем согрешени. Воевода же рече им: «Чесо ради плачетесь и кланяетесь мне? Кланяйтесь жене сей, она бы вас простила о вашем неразумии». Воевода же рече пред ними и жене той: «Жено, скажи, како их в сундуках запирала?»

Она же рече к воеводе, как поехал муж ее на куплю свою и приказал ей у гостя того просить денег сто рублей, и как [к] Афанасию ходила просити денег сто рублей, и како гость той хотя с нею пребыти; тако ж поведи [про] попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часех приходити, и како их обманывала и в сундуках запирала.

Воевода же, сие слышав, подивися разуму ее, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: «Доброй, жено, заклат твой и стоит тех денег!» И взя воевода з гостя пятьсот

рублев, с поа тысящу рублев, со архиепископа тысящу пятьсот рублев и повелеша воевода их отпустить, а денги с тою женою и поделиша пополам. И похвали ея целомудренны[й] разум, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла, и ложа своего не осквернила.

Не по мнозем времени приехал муж ея от купли своей. Она же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовался о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми муж ея о том возрадовался.

Повесть о купце Григории

Повесть о некоем купце Григории,
како хоте его жена с чародеем уморити

Бысть во граде Риме человек купеческий, именем Григорий, имея богатства много. Прилучи же ся ему некогда отплыти на куплю с кораблем и замедлевшу ему тамо два лета. Бе же у него жена красна, младостию цветуще, но действу диаволу без него впаде в блуд с неким чародеем. Той же чародей, исполнен всякого волхования, сотвори еже не любити ей мужа своего, но возлюбити вельми того чародея, мужа же своего Григория не хотя и имени слышати. Некогда же глагола ей чародей: «Аще хоцещи мне быти женою, то аз мудростию учиню мужа твоего заочно мертва». Она же глаголаше: «Твори, господине, еже хоцещи. Аз тебе предаю себе и дом весь, токмо врага моего потщися избыти Григория. Аз бо с тобою вечно хощу жити». Той же окаянный чародей слия в воску образ подобия Григориева и чарова над ним много. И повеле ей принести лук и стрелу, хотя стрелити во образ той.

В то же время прилучися Григорию купцу возвратити-

ся с купли в дом свой и приближися к Риму. И некто человек незнаемый ста во сретение ему: «Радуйся, Григорие, яко возвратился еси с прибытком многим, но скоро в сий час злою смертию живота лишися от чародея злаго. Аще же хочещи такая смерти избыти, послушай совета моего: повели вскоре, да привезут zde тчан великий с водою, чтоб тебе вместитися в него». И скоро устроиша тако. Еще ж той мудрец устроил зеркала великое и много над тою водою мудрствовах. И повеле Григорию во тчан внити и вскоре погрузитися единожды. Он же сотвори тако. Повеле же ему посмотреть в зеркала и рече: «Что видиши, понеже узриши в сем зеркале себе смерть и живот». Григорий же, егда погрузися в воду и посмотрел в зеркало, рече доброму приятелю своему: «Вижу, что в дому моем чародей взя лук, жена же моя подает ему стрелу. Той чародей хочет стрелити во образ мой, в воску слиян». «Зло сие знамение, понеже близ есть смерть твоя. Обаче не буди печален, блюдися, зря в зеркало беспрестанно. Егда неприятель той натянет лук той, в той час вскоре погрузится в воде сей». Григорий же сотвори тако. Посем паки в зеркало посмотрел. Мудрец же вопроси его: «Что видели?» Он же рече: «Вижу чародея печална, что не попаде во образ мой, и, разъярився, приим у жены моей вторую стрелу и хочет стрелити во образ мой». Мудрец же рече: «Твори, яко же тебе аз заповедал». Сотвори же Григорий тако и возре в зеркало и виде чародея печальная и рыщюща по полате, много волхвуя, зубы скрежетая и власы терзающа, яко второе не получи желания своего. И взя лук. Жена же его подаде ему третью стрелу. И прииде чародей близ образа Григориева, хочет стрелити в него. Григорий же ужасеся и сказа все, яко «прииде близ образа моего чародей». Мудрец же рече ему: «Зело блюдися сей час. Аще не сохранишися в воду вскоре, то зле умрещи!» Григорий же весь трепетен стоя и в зеркало непрестанно взирая. Егда же чародей нача лук натягати, а Григорий весь сохранися в воду и, егда погрузится, посмотрел в зеркало, нача смеятися. Мудрец же вопроси его: «Что тако радуешися?» Он же отвеща: «Вижу, господине мой, что стрелил чародей во образ мой и не попаде в него, но стрела та прииде в стену и, отскочивши, уязви его самого. Он же зле скончася. Жена же моя тело его закопа под мост в полате той». Мудрец же рече: «Ныне благодари Бога, здравствуй, иди в дом свой». Григорий же поклонися ему до земли и много надарив его и прииде здрав в дом свой.

Жена же его облечеся в драгия одежды, изыде во стре-

тение ему, радуясь и обнимая его, глаголя: «Откуда мне солнце возсия и от печальных зимы обогрело». И слезивши много. Потом нача радоватися о здравии его, что в добром здравии от пути Бог принес. Григорий же, созва всех и отца духовнаго, нача им на нея жаловатися, како согласившихся с мужем новым чародеем, хотя его злой смерти предати, и како той чародей слия в воск образ его «злострашеством своим для смерти моей». И показа им образ той на стене. «И ныне аз не хочу с нею жити, но яко же вы хотите, тако с нею творите; а ныне не имать быти мне женою». Она же нача плакати и клятися, что «отнюдь сего не знаю, и образ твой того ради сотворила, чтобы мне зрети на него и твою б любовь во всяк час поминати. А ты мене ныне поносиши злодейственными словами, аз ни зла какого повиннаго, ни чародея не знаю». И начаша его сродницы ея обличати: «Что неправдою на невинность возлагаеши, понеже не хочещи ея любити!» Он же много о сем глаголя с ними, и како его о сем Бог избавил от тоя горкия смерти. «И аще о том веры мне не имете, то покажу вам на обличение чюдное свидетельство». И повеле Григорий подмост разломати и выняти того злодейственнаго чародея. Видевши же сие, жена его от страха не ведая, что глаголати. Сродницы же такожде постыдешася.

И отдаша ея суду градскому, и тако много мучиша ея и предаша горкой смерти.

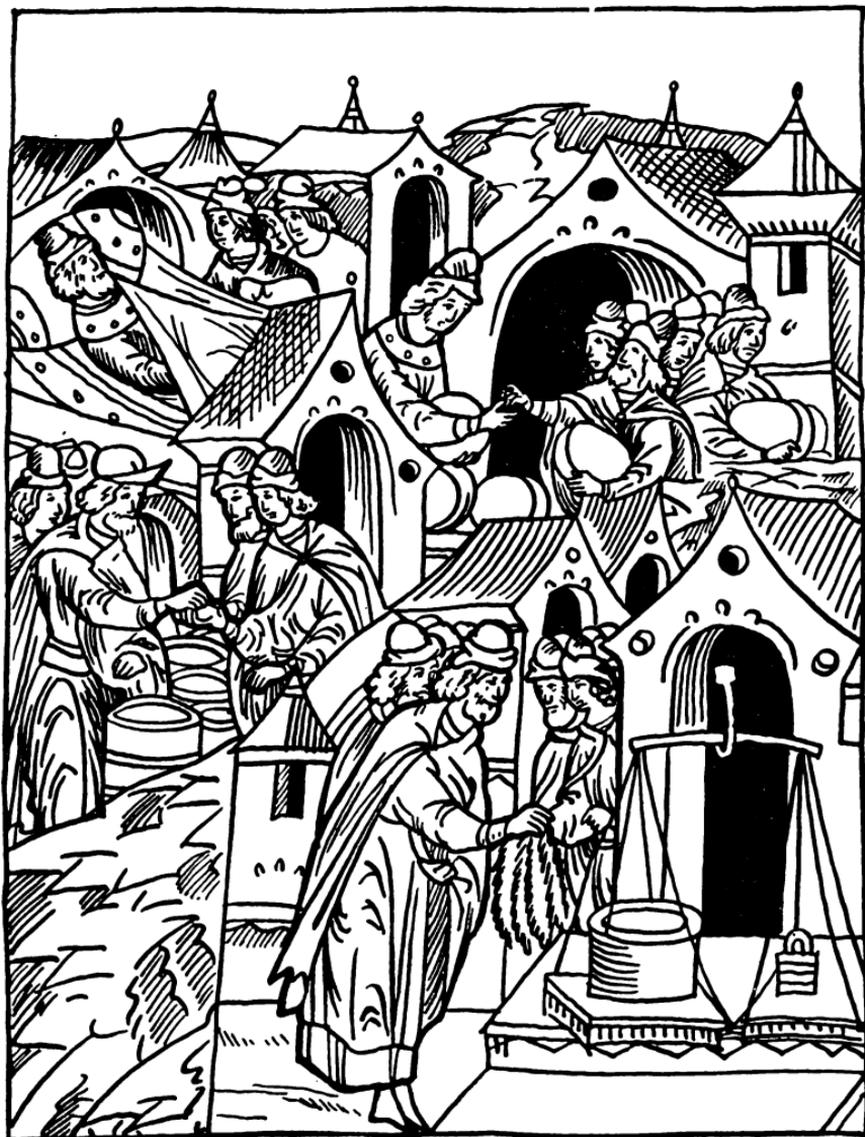
Повесть о купце

Повесть о некоторомъ купце, како мертвое тело у жидовина скупи
и царство себе приобрете

В некоторой стране живяше купец славный и богобоязлив и нищелюбив. Имя у себя жену велми благообразну и благонравну. Имяше же у себя единого сына первенца в малех летех, которого велми любляше и Бога о нем моляше. По некотором времени сын их хождаше по торгу и прменяся к товаром, которой товар и по какой цене купитца и почему надлежит ево продать. И прииде ко отцу своему и рече ему: «Отче, аз ныне бых на торжище и прменился к товаром и такой товар давал по такой цене, а надлежит ево продать по такой же цене». Отец ево слыша от него такой разум и прииде к жене своей и рече жене: «Госпожа моя! Сей сын наш хочет быть в торгу смыслом лутче меня и хочет жити славнее и богатеe». Мати же его о том велми радовашеся о разуме сына своего.

По некоторых днех стаща збиратися родственники того купца за моря торговать. Сын же купцев услыша то и прииде ко отцу своему и рече: «Государь мой милостивый батюшка и милостивая матушка, сотворите надо мною свое

отеческое милосердие! Ныне збираютца дядья за моря торговать. Дайте мне триста рублей и отпустите с ними». Отец же его даде триста рублей и отпусти и наказа родственником своим, дабы его ни в чем ни покинули. Он же поклонишася им и поехаша в корабле.

По наказанию же сына своего вручи родственником своим, даде ему триста рублей и отпустиша с великою печалию. Сын же купцев взем у отца и матери деньги, и

благословение получил, паде поклонися им и сяде на корабль и ехаша три года и три месяца по морю и приехаша в царство некоего града и престаша у берегу. Они же взяша дары и поидоша к царю. Потом ста торговати и тако ж и товаров закупати. Купецкий же сын ходя за ними, применяся к товаром и ничего не купит.

Потом же виде на площет и видеху: по торжищу некий человек немилостивно мертвое тело влачаше. Он же не смея к нему приступити и вопросити, чесо ради волочит. Потом же виде во второй и в третий сего человека, паки то тело влачаше.

Он же приступи к нему и вопроси его: «Чесо ради сие ты мертвое тело волочишь?» Человек же той отвеща ему: «За то сие мертвое тело влачу: сей человек бысть христианин и взяша у меня в животе своем взаем денег триста рублей. Я же у него просяше, он же мне не отдаде, в том и умре. После умертвия его приходяше к сродником его и просяше. Они же мне не отдаша и я вынул его из могилы и таскаю по торжищу им в поругание и в посмеяние, дабы они мертвое тело скупили». Купецкий же сын рече: «Человече немилостивый, отдаж ми сие тело мертвое, а у меня возми за него триста рублей». Займодавец же рад о том бысть и взя у него деньги, а тело мертвое отдаде ему.

Потом же тот купецкий сын взяша тело и не ведает куды схоронити и не смеет итти к дядем своим на корабль. И размышляше в себе: «Како я приду и что себе сотворю! Сродники мои меня спрошают, что за товар купил, и станут мне смеятца, тако ж скажут отцу моему, а мне от того будет великой срам, а родителем моим велия печаль. Не пойду ныне к ним и не скажу и пойду на другую страну пристанища морского и найду карабелщиков иных, авос либо поверят и свезут ко отцу моему!» Тело же спрята во удобное место, а сам поидоша искати корабля.

И придоша на пристанища морское и видеша корабль. Он же им пад поклонися. Они же вопросиша его, что за человек и с которого града и чесо ради семо пришел еси. Он же им поведи всю правду: «Аз, господие, такого града и такого отца сын». Они же реша ему: «Мы знаем добре отца твоего. Токмо чесо ради семо пришел?» Он же отвеща им: «Аз егда поехал от отца своего с сродниками своими в сие царство с товаром, и на море корабль наш разбиша, а мы вси оскудеша и ныне не имеем, что дати у наем доехати до отца моего». Они же реша ему: «Мы отца твоего знаем. Садися в корабль без наему, мы доведем тя до отца твоего». Он же паки пад поклонися им: «Господия мои милостивыя!

Аз где бых з дядею своим. Он же, дядя мой, с такой печали, что корабль разбися, умре, а похоронить в сем царстве не где, понеже не крещеные живут». Они же реша ему: «За хлеб, за соль отца твоего не токмо единое мертвое тело клади в корабль, хотя десять». Он же велми о том возрадовался и принесе мертвое тело и положица в корабль и поплы по морю.

Сродники же ево хватишася и ста по граду искати и не обретоша нигде. И поехала до царства своего. И как приехала ко отцу ево, отец же ево и мати вопросиша о сыне своем. Они же поведаша: «Не вемы, где остал». Они же, отец его и мати, горко о том плакаше о разлуки сына своего.

Сын же купцев съеха со оными купцами и приеха ко острову, на нем же монастырь чудотворца Николая. А как купцы всташа с корабля и поидоша молебное пение воздавать, он же сниде с корабля и пад им поклонися: «Господия мои милостивыя, аще вы отца моего знаете, то сотворите такую любовь, дайте мне сто рублей, а когда ко отцу моему приедем, со вторицею имам вам заплатити». Они же даша ему. Он же наня ерыжных и отнесе мертвое тело в монастырь и погребе его чесно и разда по нем сорокоусты. Сам же размышляше: «Что я сие сотворил, четыреста рублей истратил, а что купил, не вем? И то отцу моему донесетца, великую скорбь восприму, а мне великую срамоту доспееет. Поиду и куплю лошет и поеду от них прочь сухим путем и приеду ко отцу своему, выпрошу на выкупку товаров еще сто рублей и поеду куды очи несут, чтоб родителем моим не было печали». И купи лошет и поехал сухим путем. Они же поехала восвоися.

Он же приехала ко отцу своему и пад поклонился ему. Отец же велми милостивно его прият и возрадовался и во слезах едва слова изрекли: «О, чадо наш дрожайши, откуда еси семо пришел и како, чадо наше, и где такое многое время премых?» Он же им отвеща: «Аз же приехав, отче, с сродниками своими в то царство, о котором они тебе возвещали и, умедлих на час, купив товару на четыреста рублей, которой стоит десяти тысяч. У дядев своих стал денег просить, они же мне не даша, зна де, что товар дешев купил. И оставиша меня в том царстве, а сами уехали. Я же, отче, пришед на другую страну к пристанищу московскому к другим корабельщикам и пад поклонися им. Они ж меня вопрошаша, которого царства и какова чину. Я же им, отце, поведал и о царстве и о роде. Они же сказаша, что «мы родителя твоего знаем

и хлеб-соль с ним водим». Я же у них попросиша сто рублев на оной товар. Они же мне даша и я с ними, отче, приехал, еже видиши мя». Отец же его вопроси:

«Да где тот тавар, которой ты купил?» Он же отвеща: «Я, отче, оставих у них, а послали меня к тебе, дабы сто рублев дал, а товар взял». Отец же его даде ему сто рублев, чая, что вправду товар принесет.

Он же взяв сто рублев и поехав от отца, куды очи несут. И ехаша многа дней и много ночей и плакаше горко и рыдая о разлучении родителей своих, такожде и от наследства.

И приеха к великому непроходимому лесу, чрез которой лежат две дороги: одна через лес, а другая кругом лесу. Он же размышляя, како ему ехать и которою дорогою и в которое царство. И плакашеся горко и размышляя себе: «Аще бо кто мне ныне послужил, то бы я дорогою ценою порядил». Внезапу виде в лесу на дороге стоит человек велми велик, в руках держит клещи железныя. Он же велми ужасеся, чая, что стоит разбойник, не смея к нему ехати и размышляя: «Лутче мне zde одному умерети, нежели родителем моим велию скорбь привести».

И поехал к нему прямо и приеха к нему. Предстоящий же вопроси его: «Что за человек и которого града?» Он же сказа ему все порядку: «А ежду я по разным государствам для торговых извычаев других государств». Купец же вопроси предстоящего: «А ты что за человек?» Он же ему поведа: «Аз есмь ищу господина, у которого бы нанятца служити». Купец же о сем велми возрадовался и рече: «Человече, поиди ко мне во служение. Аз имам дати великую плату». Он же отвеща: «Готов тебе служити, токмо сотворим мы с тобою обет, чтоб тебе меня во всем слушатца. А ежели слушатца не будешь, то не иду к тебе во служение». Купец обещаю ему тако сотворити.

И чрез тот лес лежаше две дороги: одна же через лес, а другая кругом лесу. Он же вопроси его: «Сия дороги в которое царство лежат, в разныя царства или в одно царство?» Он же сказа ему, что сие две дороги лежат ко одному царству. Купец же рече ему: «Для чего две дороги и которая ближе?» Человек же рече ему: «Кругом лесу 1000 верст, а чрез лес 500 верст». Купецки(й) же сын вопроси: «Для чего ко одному царству лежат, а не равны?» Слуга же поведа ему: «Кругом лесу ехать, ничего не бойся. А чрез лес хотя и ближе, то уже та дорога залегла тому 30 лет, ибо на той дороге великой разбой и никому проезду нет». Купец же не хотя ехать тою дорогою. Слуга

же рече: «Да ты мене слушатца хотел! Поедем оною дорогою». Он же не преступи слова своего.

Поехали через лес. И как будут среди лесу на поле и стоит двор превеликой, на котором разбойники живут. Разбойники же виде, что стоялцы едут и вси вышли ис хором и спряташася во един анбар, хотя их сонных погубити. Слуга же все то видя, а господин его ничего не виде, токмо вопроси его о дворе: «А сей двор чей?» Слуга же отвеща: «Сей двор постоялой, тут нам начевать». И стало на дворе смеркатца, слуга рече: «Господине, начуй zde, а я пойду на двор к лошаде спать». Он же велми о том печален бысть и не хотяше остатися во храмине и хотяще итти с ним на двор спать, с слугою. Слуга же рече: «Да ты хотел, господине мой, во всем меня слушетца, а ныне ты меня преслушаеш!» Он же с великою печалию и со страхом остана начевать во храмине. Слуга же поиде и лег спать в телеге.

И едва приде полночь, разбойницы же совещаща во онбаре промеж собою и хотяше их погубити. Слуга же слыша тот их совет, воста и взя клещи и стал у притолоки дверей. Разбойники же един по единому стали из онбаря выходить. Он же их клещами хваташе по единому за голову и примаше их за шею и дави их в руду. Разбойники же видеша, что их един человек подавляше, уже и не смеяша из анбаря вон выходить. Слуга же купцев вниде в онбар и предавиша всех до смерти и покладе всех в онбаре и запре их. И как свету светающу поиде во храмину к господину своему. Господин же его не спит от страха, яко един начеваше, а того не ведаше, что слуга их, разбойников, подави. И запрягши лошедь и поехали до царства.

И приехаша во царство и ста на постоялом дворе. Егда же сташа, купец же по обычею поиде по царству и применяся ко всяким товаром. И егда будет среди торжища, встретит его того царства сенатор, которой ближе при царе, и удивляяся на красоту его. Сам же поиде за ним во след, куды он поидет и коего царства. Купец же приде на постоялой двор, а сенатор смотрел и поехал до царя.

Во утрии же день приехаша в то царства из иные земли гости корябленики и придоша к царю з дарами. Царь же дары у них принял и унел их у себя обедать. Сенатор же вошед к царю и рече: «Пресветлейший царю! Есть в нашем царстве иностранной купец, которой велми прекрасен, а на обеде zde его нет, не вижу». Царь же рече: «Да где тот купец стоит?» Он же сказа: «Аз, царю, видех его, где он стоит». Царь же посла по него. Сенатор же приде к купцу и просиша его, дабы к царю шел на обед. Купец

же обещаюся и купи дары царю. Слуга же купцев рече: «Господине! Ты идешь к царю на обед, возми и меня с собою». Купец же отвеща ему: «Како я могу тебя взяти с собою? И я буду со царем на обеде!» Слуга же рече: «Да ты хотел меня во всем слушатца!» Купец же взя его с собою. А слуга же рече: «Когда ты, господине, придеш к царю в полаты, и царь увидит тебя, и восстанет с своего места, и возмет тебя за руку, и посадит подле себя и станет потчивать лутче всех, аз же, господине, стану у дверей и царь взглянет на меня и спросит тебя, что за человек, и ты скажи, что слуга. И он велит меня выслать вон. И ты ему поведай: «Царю, сей слуга лутче мне отца родного!» И он велит мне сесть тут же, посадит за столом».

И пришел купец к царю, и увиде его царь и ста с своего места, и взя его за руку, и посади подле себя и стал его потчивать лутче всех. Слуга же купцев стоя у дверей. Царь же увиде его и вопроси о сем, что за человек. Купец же рече: «Раб мне». Царь же рече: «Аще ли раб, посли же ево в другую полату, где люди сидят». Купец же отвеща к царю: «Сей мне слуга лутче отца родного!» Царь же повеле и слуге сести за стол и посадил через человека от купца.

По окончанию же обеда царь взял купца за руку и веде его во особливую полату и ста ему глаголати: «Аз тебе, купче, глаголю, не почитаю тебя за купца, почитаю тебя за сына и за зятя. Есть у меня единая дщерь, даю тебе в жену и будеши царству моему здержатель, понеже не имел по обычаю себе зятя выбрать никого, и ныне един ты мне угоден». И выведе дщерь свою и показа ему. Купец же пад поклонися ему. Царь же обеща за нею приданные дати треть царства. И заповеда ему, дабы сие никому не поведал: «Аще ли поведаеши, то злою смертию умреши. А токмо будем ведать ты да я да невеста твоя, поп да друшка». И удариша по рукам и отпустиша его, а сам наказа: «Жди дня уреченаго, когда аз пришлю к тебе оного же сенатора». Купец же поклонися и поиде до квортеры своей.

И како идоша дорогою, слуга же купцев поздравляше ему: «Здравствуй, господине, на царской дщере зговорившися и треть царства взявши!» Купец же удивися сему, како он про сие сведа, никто не был в полате, кроме царя и невесты, а он про сие сведа. И приидоша до квортеры своей.

Уреченный же день приде. В полунощи прислал царь к нему того сенатора, дабы ехал к венчанию. Купец же

сорежаетца для сочетования законного брака. Слуга же рече: «Господине, возми меня с собою!» Он же сказа ему: «Да како могу тебя взяти с собою? Царь не велел никому о сем поведати. А тебя взять, он меня злою смертию казнит!» Слуга же рече: «Да ты хотел меня слушатца!» Купец же чрез великую мочь взял ево с собою и поехала до царя к венчанию.

И как приехала на царской двор, царь же повеле их вести в церковь и обвенчать свещенику. По венчанию же их посади за стол, потом повеле их вести на ложу спать. Слуга же купцев кликнуша его к себе: «Господине, поиди ко мне до слова!» Царь же то услыша и рече: «Како еси смел сотворити сие, слуге поведати? Ведаешь, что смертию да умрешь!» Он же рече: «Царю, но не могу сего сотворити, что его ослушатися, понеже под великою клятвою». И выде к слуге своему. Он же рече: «Господине, аще поидешь спать на ложу с царевною, возми меня с собою!» Он же ему сказа: «Да како могу тебя взяти с собою!» Слуга же рече: «Да ты меня слушатца хотел!» Купец же рече: «Да како могу тебя пустити, понеже нас запрут двоих. Да како же ей, девичье дело, како ей раздетца при тебе!» Слуга же отвеща: «Ты сего не моги! Токмо повели, хотя и двоих запрут, а я уже тамо буду. А коли она станет стыдиться, и ты ей скажи: «Чего тебе стыдиться, сей слуга всегда при нас будет». И станет она с тобою играть и захочет спать, ты же не спи и смотри на лице ея. Аще же она здрогнет, ты еще смотри. Ежели же в другой раз вздрогнет, то ты соиди с постели и стань на мое место, а я возлягу на одре с нею».

Потом взяша друшка, купца и царевну и поведоша в особливую полату припочинуть. И запре токмо двоих. Царевна же по обычаю раздевшись и стаха в одной сорочке и огленухся ко дверем и видит человека стояща. Она же вопроси его: «Господине, аки что за человек стоит, понеже дело мое девичье! Како он семо зашел?» Купец же рече: «Чесо тебе, душа моя, ево стыдиться, понеже сей раб всегда при нас будет служить!» Она же стаха с ним играть. По игранию же восхоте спати и рече: «Господине, не мешай, аз хочу спати!» Он же повеле ей спати, а сам ста на нее глядети. И как засне, вздрогнула необычно, он же прилежно ста смотрети на нее. Потом во второй такожде вздрогнула так сильно, что от постели в высоту на аршин поднелася и удари о постель. Купец же велми ужасеся и сниде с постели долой и ста на месте слуги своего. Слуга же взя клещи и возляже на постеле. Потом изо уст ея бысть пламе огнен-

ное и искры по всей полате. Купец же, сия видя, велми ужасеся и паде на землю и бысть аки мертв, уповая, что слуга его уже умертве. Слуга же вста с постели и, взя клещи, ста у кровати. И, виде изходяща изо уст ея змия велика, взя клещами за шею и удави его и, раздробя в мелкия части, спрята. И подня господина своего едва жива и рече: «Возляжи на одре с женою своею!» Он же не хотяше возлеци с нею, но с нуждею ево привлек и по обычею сотвори по закону брака.

Потом утру же светающе, царь же послаше друшку: «Поиди выкини кости, чаю, давно уже змий заел». Друшка же приде и отпер двери и ста отворяти, двери изнутри заперты. Друшка же удивися сему. Слуга же купцев вопроши: «Ты кто еси?» Он же отвеща: «А ты кто еси и како взошел сюда?» Слуга же отвеща: «Аз купцев слуга». Друшка же рече: «Да кто тебя пустил?» Слуга же рече: «Господин мне повелел, не вас бо слушаю!» Друшка же рече: «В добром ли здравии молодья?» Слуга же отвеща: «В добром здравии и лиходея нашего змия ухостили!» Друшка же воззопиша великим гласом, к царю: «Поиди скоро! Злодей наш змий ухощен, а молодые в добром здравии!» Царь же велми возрадовася и поиде с царицею и велможамы. И виде молодых в добром здравии, а змия убита, возрадовашеся радостию великою зело, а слугу почти и одари дарамы честно. И живяше тут в царстве много лет.

Потом восхоте ехати ко отцу своему и просиша у царя. Царь же отпусти их и даша ему треть царства своего. Слуга же не велел ему силы брать, а велел взять триста подвод без людей. Купец же рече: «Да кто может их гнать?» Он же ему сказа: «Ты о сем не тужи, я уже управлюся с ними, возми подводы!» Царь же даде ему и отпусти их с честью.

Потом ехаша они дорогою, купец же с царевною, а слуга подводы гонит. И приехаша на тот разбойнической двор, где он давил разбойников, и въехаша ста начевати. И проводиша их в хоромы, а сам лег на дворе. Он же в храмине спаша с царевною своею, а слуга насыпал все подводы злата и сребра и каменья драгоценана. Поутру же вышедша их храмины и видеша возы насыпана златом и сребром и удивившася сему и поехаша в путь свой.

Потом приехаша х тому месту, где у него нанелся, слуга же стал говорить: «Господине, аз теперя от тебя иду, даси мне ряжено». Купец же даде ему и разделиша возы пополам. Слуга же рече: «Да не обидно ли мне будет? Ты владеешь царевною, а мне что!» Он же вопроши его: «Да

како нам ея делити? Возми ты все триста подвод, а ея не замай у меня!» Он же ему отвеща: «Тебе обидно будет. Ты ея разруби пополам!» Купец же заплака: «Возми ея один к себе живу!» Слуга же, не послушав его, вынеса меч и удариша ее. Она же паде на землю, аки мертва. И выскочиша из нея изо уст змеиное гнездо, в нем же змеенков семьдесят, аки черви колышуща. Слуга же подняв ее и перекрести и даде ему живу: «И поди ты живи с нею без опасения, а то бы она тебя съела от сих змиев. И возми все подводы себе и мое наемное». И рече: «Знаешь ли ты меня?» Купец же рече: «Воистину не знаю». Он же ему поведал: «Аз съсм ангел Божий. Послал меня Господь Бог к тебе за добродетель твою царство даровати, что ты у заимодавца мертвое тело скупил и похоронил, и за то тебе царство и богатство». И пусти их, а сам невидим бысть.

Купец же взял подводы и приехала ко отцу своему с великою славою и честию. Отец и мати его вельми о том возрадовашеся. Потом поживе малое время у отца своего и взял его со всем домом своим и поехала к царю тестю своему. По представлению царя сяде на царство и правяше царство свое добре и благополучно. Конец.

Повесть о некоем купце лихоимце

Бысть в некоем граде мужь велий лихоимец, сребро свое роздаваше в лихву. Имеяше же жену и два сына. Посем умре, и погребоша его. Егда же погребоша в землю гроб его, и бысть пропасть велия, даже до ада, и гроб его не видяшеся к тому. И плакашеся жена его много, печаловаху же о нем и сыны его зело, яко бысть пропасть велия, даже до ада над гробом его. И недоумевахуся, что сотворити, како бы изведати, что се сотворися над гробом его.

И прииде к ним некий скомрах свирелник, и глаголаше к ним: «Что стоите и размышляете? О чем печалитесь? Повеждьте ми!» Они же рекоша: «Недоумеваемся и плачемся по родители своем, яко погребохом его, и бысть пропасть велия. Чесо ради? И где душа его?» Он же глагола им: «Что ми дадите? Аз иду тамо и проведу о нем, что и где душа его есть». Они же рекоша ему: «Что хочещи возми, токмо проведай о нем, где есть».

Он же повеле им зделати люлечку и в ню его положить,

и на веревках спустити в пропасть ону. Они же по глаголу его сотвориша тако, и спустиша его туды в пропасть ону великую.

Он же прииде до гроба того, и виде вся бесовская лица, и ужасеся. Вопросы же их: «Что есть сий гроб, чий?» Беси же рекоша: «Сего купца лихоимца». Рече же он им: «А душа его где?» Они же показаша и душу его в люте пламени жгому. Вопросы же их: «Возможно ли сию душу изяти отсюда или ни?» Они же рекоша: «Возможно есть, аще жена его и дети останутся в одних срачицах, имение же его разделят на помяновение все, церквам и нищим, то выручат его отсюда». Рече же он к ним: «А мое место где есть?» Они же показаша ему храмину, исполнену всякаго зловония и огонь палящий. Рекоша же к нему деяволи: «Се твое жилище есть». Рече же он им: «Да возвеселитесь со мною днесь!» И нача играти в гусли своя и скакати. Играше же, и внезапно порвесея струна в гуслех, и не воз-

можно бысть играти ему. Рече же он к ним: «Отпустите мя домой, откуда приидох, и аз принесу вся свирели моя и поиграю zde, и повеселю вас». Они же рекоша: «Ни, никтоже отсюду исходит, но zde да пребывает». Он же рече к ним: «Аз не умрох, но еще хоцю жити на земли, отпустите мя!» Они же рекоша ему: «Никтоже от наших рук изыде, како мы тебе отпустим отсюду?!» Он же рече: «Дайте мне поруку или со мною пошлите диявола да провэдит мя до дому моего, да принесу zde вся свирели моя и повеселюся с вами».

Они же даша ему провожатаго до дому его. Диявол же взем его и изнесе ис пропасти оныя глубокия, и постави его во граде своем. Прииде же он в дом свой по свирели своя. Рече же ему диявол: «Не ходи в дом», — огонь бо от него палит.

Он же уразуме дело непросто быти. И поиде полтора поприща от того места к жене некоей вдовице, иже храняше чистоту свою честне, и имеяше у себя иерея, служаща у нея. Он же прииде к ней, моляшеся отверсти врата. Она же пусти его в дом свой. Он же прииде и припаде с молением и со слезами теплыми ко иерею, моля его, да примет на покаяние. Иерей же удивися, како прииде сий свирелник в чувство, что весь град удивляшеся его игранию, обаче прия его с радостию, и огласи его, и крести, и исповеда. И уведа, еже о нем бысть смотрение Божие.

Бес же вопияше и браняше его, что медлит долго, тамо огнем бо жегом беяше, ожидая его, когда возвратится к нему. Возврати же ся свирелник ко дияволу и рече ему: «Что стоиши, псе нечистый, и ожидаеши мя! Уже бо не ваш есмь, но Божий раб! И не иду с тобою в путь, отнюду же мя сила Божия избави. Ты же поиди, окаяние, ко отцу своему сатане и пребывай с ним до скончания века. Аз же Божий раб есмь и буду творити волю его святую, а не вашу».

Бес же отъиде, скорбя и стена, ко отцу своему сатане. Свирелник же иде к купечестей жене и чадом его, и возвести им все подробну, яже виде и слыша о нем. Жена же и дети его слышавше сие, возрадовашася, и пришедше ко иерею, поведаху ему со слезами, яже о нем слышанная и виденная. И моляху иерея, дабы попеклься о души его помяновением; расточиша же все его имение по церквам и нищим на помяновение.

И по неколицех временех известися об нем иерей, яко свобождена бысть душа его от вечныя муки помянове-

нием сорокоустным. Гроб же его сровняшеся с землею, и не бысть пропасти. И вси возрадовашася, славяще Господа Бога о его милосердии, что каким образом помилова свое создание, и оттоле начася сорокоустие по умершим душам творитися, еже и до ныне творитися.

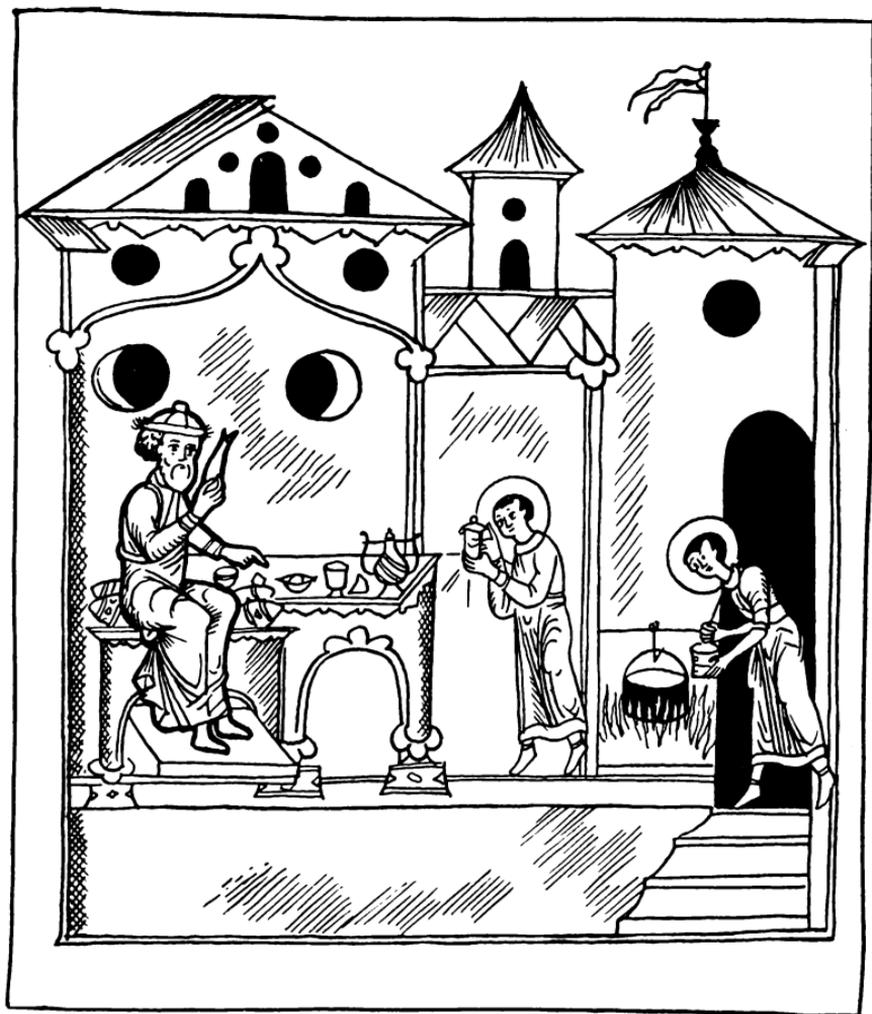
Сказание о богатом купце

Во граде Вавилоне бысть купец богат зело именем Бендер. Имеша у себя много злата и серебра и бысть в великой славе. И устроил пир велики и позва на пир царя и прочих знатных людей, и веселишеся тот день, и, повеселяс, разъехались. И рече купец жене своей: «Жена, бысть у нас царь и протчие персоны были, и призовем и Господа на пир».

И устроиша пир, и учередил мосты, и розьложил сукна, и поставиша сторожей со оружием, и позва Господа на пир, а сам купец сидяша за столом и, смотря в окно, дожидашася Господа к себе.

Грядет Господь на пир убогим образом, и гряде Господь на сукна, и узреша стражи и погнаша Господа с сукна долои, мняша, что нищеи. И рече Господь: «Бранима аз нез <...> его». И гряде Господь к полатам, и бысть пред полатами сотворися камень велик, и седоша Господь на оном камне. И узреша купец Господа на камени медяща и

при нем ангел, и рече Господу: «Аз родися за Черным морем во граде Фантифоне у нищева человека сын именем Фивран. Чем его благословиш?» И рече Господь ангелу: «Аз отдаю сего купца дочь; будет за ним, и все его богатство будет ево, а сей купец зле погибнет». И слыша купец и рече тако: «Аз слышах словеса Божия, да не дам дщери своей и имения своего нищему. Я сотворю по своему имению».

Имееше то, что богат зело, и соороя три корабля, и нагрузи златом и серебром, и поехаша за Черное море гулять. И бысть в пути два года, и придоша во град Фонтифон,

и ста близь гавани, и седоша на малую яхъту, и поехал во град, и стал на фатеру, и дал милостину нищим многа, и воспроша их: «Братия моя, возьмите у меня тысящу злата, да сыщите мне дву лет нищева именем Фиварана». И оне взяша у него злато и сказали того мъладенца и приведоша к купцу. И рече купец нищим отцу и матере того младенца: «Продайте вы мне сего отрака, возьмите у меня злата две тысящи рублей». И сожалеша нищие о своем детище и рече купцу: «Жаль нам чрево свое продать, понеже, что нам ево не видать будет». И рече купец: «У меня он не будет последнеи; на старость и вас призовет». И оне продаша сына своего и взяша за него две тысящи рублей и возрадовашася своему богатъству. И купец взял мъладенца на корабль и поехал в дом свои. И мняша тако о благословлени Господнем, что де Господь глаголет о сем нищем: «Аз что могу над ним, то и зделаю, имею всякую волю».

И бысть в пути семь месяцев. И бысть на море буря великая, и нача карабли бити. И обещася купец к некоторой обители служить молебн, и даде Господь Бог тихои. Приста ко обители и спросил купец у властей поваров. И дали ему поваров, и купец поваром рече: «Возмите у меня по сту червонцав и заколите сего мъладенца. Вынте из него сердце и уготовите мне ясти». И повары взяша мъладенца и отдаша его ко искусной жене для бережения, а ему зарезали щенка. И вынуша сердце и уготовиша ему ясти. И едоша его, и поехал в дом свои, и рече тако, что исполнил свою охоту.

А того мъладенца взяли и отдаша его ко учению для обучения грамоте и протчим наукам. И обучилъся мъладенец всему и стал бысть в великой чести. И живяше во обители тринацеть лет и учередивша его власти начальником над всеми деревнями и любяше его все того ради, что искусен зело и лицом леп.

И приехав купец в дом свои и нача говорити жене своей: «Жена, я того мъладенца доискался и купил его и съел». И живяше в доме своем дванадесят лет, и приспе болезнь единородной дщери ево, и обещася купец в ту же обитель, где мъладенца оставил, для служения молебнов ради дщери своеи. Устроил карабли, и поехал в ту обитель, и бысть в пути шесть месяцев, и приехал, и стал близ обители, и сел на малую яхъту во обитель, и стал на фатеру. На утре бо день поидоша в церкову и узреша того отрака на крыласе стояща и воспевающаго стихеры вельми искусно. И купец стояша в церкви не смотриша на образы,

наипачеи смотри на него и слушая искусное ево пение. И после литургии позва архимандрит своих поданных, тако ж и того купца к себе хлеба кушать. И поидоша к нему и нача купец вопрошати властей: «Отче святы, да скажите о сем отроке, какого он роду, что зело искусен церковному пению и лицом красен зело?» И наказаша ему власти: «В прошедшие леты назад тому тринацать лет ехал из-за Чернаго моря купец именем Бендер и пристал к нашей обители и просил поваров, и мы ему дали поваров, и он даде им плату и сего отрака велел им заколоть и вынеть из него сердцо и велел изжарить, чтоб ему съесть. И повары его отдали ко искусной жене, а ему зарезали щенка и вынели из него сердцо, изготовили ему ясти. И он съедоша его и поехал от нас». И купец мыслит, что тот отрак, и нача власти им говорить: «Продаите мне сего отрака, возьмите злата и сребра за него три тысящи рублей». И оне ему сказали: «Не возьмем мы за него ни трех мешков, понеже он у нас в великой чести». И купец с прилежанием торговал его. И даяша за него два мешка. И оне продаша его купцу тому. И купец взял его на корабли и поехаша в дом свои во град Вавилон и нача говорити жене своей: «Жена, еси отрок тот, котораго я вес иза Чернаго моря из града Фантифона, нищии ест которой по словеси Божию».

И поидоша купец нанимаша себе работников и даях им плату болшую, и нанялис ангели Божи во образ мужей. Приказа им: «И выроите в лесу яму и накладите дров сухих и зажгите». И велел им смотрити: «Когда придет к вам слуга мои именем Фивран, и вы его в скорости возмिति и верзите во огонь». И они поидоша в лес тако. И придоша купец в дом свои и посла слугу своего: «Поиди ты, Фивран, в лес, посмотри тамо работников, которы жгут уголье».

И поидоша Фивран, и случися ему итти мимо церкви Божи, а в ней служат литургию. И купец мняше то, что сожгли ево и поидоша смотрити смерти ево. И работники, ухватиша за руки, поведоша во огонь, и купец возмолися им: «Братия, не сотворите ми зла и не умертвите мя, аз я хозяин, а не слуга». И работники ему сказали: «Твое уготованное место». И въвергоша его во огонь, и купец зле погиб, а слуга ево после литургии поидоша в лес смотрити работников. Ни обретоша тамо работников никово и придоша в дом свои и нача говорити госпоже своей: «Где работники уголье жгут?» И она ему сказала: «Чево искал, то и нашел». Взяв дщерь свою <...> в законую жену и соче-

таша их законом. И живяше они в великом союзе, и так бысть наследником всего имения из богатства, и послаша Романа по отца своего два корабли, и привезоша к себе, и живяше по многа лет. Аминь.

Комментарий

Интерес к древнерусским светским повестям возник еще в прошлом столетии. Новонайденные произведения печатались не только в научных, но и периодических массовых изданиях, их включали в состав своих хрестоматий и антологий Ф. И. Буслаев, Д. А. Ровинский, А. Н. Веселовский, А. Н. Тихонравов, Н. И. Костомаров и др. (Более подробно см.: Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. — М.; Л., 1940. — Вып. 1. — Библиография изданий текстов, исследований, рукописей; Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. — М.; Л., 1955.) А сборник В. В. Сиповского «Русские повести XVII—XVIII вв.» (Спб., 1905) был всецело посвящен светской повести, он и до сих пор остается лучшим собранием древнерусской приключенческой повести.

В советское время древнерусские бытовые повести, наряду с другими разновидностями древнерусских повестей, вошли в антологии, составленные М. О. Скрипилем: «Русская повесть XVII века» (М., 1954) и «Русские повести XV—XVI вв.» (М.; Л., 1958). Наибольшее количество древнерусских повестей представлено в серии «Памятники литературы Древней Руси» (Памятники литературы Древней Руси. М.: Худ. лит.: XI—начало XII в. (1978), XII в. (1980), XIII в. (1981), XIV—середина XV в. (1981), вторая половина XV в. (1982), конец XV—первая половина XVI в. (1984), середина XVI в. (1985), вторая половина XVI в. (1986), конец XVI—начало XVII в. (1987), XVII в. книга первая (1988), XVII в. книга вторая (1989). Издание не завершено). Однако до настоящего времени повести с бытовой тематикой не были собраны и изданы отдельной книгой. А потребности в том имеются значительные. Во-первых, многие тексты повестей остаются вне внимания, поскольку опубликованы в труднодоступных изданиях прошлого и нынешнего столетий. Во-вторых, собранные воедино светские повести дают возможность читателям и исследователям увидеть развитие этого жанра во времени начиная с XV века и заканчивая рубежом XVII—XVIII вв.

К сожалению, в нашу книгу не вошли любовно-приключенческие повести Древней Руси конца XVII—начала XVIII в. Это, конечно же, вершина в развитии древнерусской оригинальной беллетристики. Их много, и они должны составить отдельную книгу. Авантюрные повести — это мост, соединяющий литературу Древней Руси с литературой нового

времени, это жанровые истоки повести и романа XVIII и XIX столетий.

В предлагаемую книгу «Русские бытовые повести Древней Руси XV—XVII вв.» вошло более 40 произведений. Не все они безоговорочно могут быть отнесены к жанру бытовой повести. Некоторые из них в равной степени могут относиться к двум жанрам: скажем, и повести, и житию, т. е. житийной повести. (Процесс жанрообразования на Руси и система жанров древнерусской литературы еще мало изучены.) Мы решили включить их в сборник, поскольку они находятся как бы в процессе перехода к жанру повести или уже в значительной степени обладают чертами повести и к тому же написаны на бытовом материале.

Тексты повестей расположены в книге в хронологическом порядке. Понятно, что датировать древнерусскую повесть с абсолютной точностью не представляется возможным, расхождения могут быть на несколько десятков лет. И тем не менее, чувствуется закономерность в отражении в литературе определенных тем и даже появление цикла повестей одной тематики в определенное время. Так, например, целый ряд повестей о купцах появился в конце XVII— начале XVIII в., когда торговые отношения получили мощное развитие в Русском государстве.

Все повести публикуются на древнерусском языке. Те из них, которые вызывают затруднения при чтении неподготовленным читателем, сопровождаются переводами. К непереведенным повестям составлен словарь древнерусских и иноязычных слов.

Древнерусские тексты печатаются обычным шрифтом с некоторыми изменениями в орфографии и пунктуации, принятыми современными массовыми изданиями: буква «ять» заменяется на «е», «і» на «и», «фита» на «ф», «кси» на «кс», «пси» на «пс», «омега» на «о», йотированные «аз» и «юс» малый на «я», йотированное «есть» на «е», «юс» большой и сочетание «оу» на «у».

Все тексты приводятся без сокращений. Отточия в тексте, заключенные в угловые скобки <...>, обозначают утрату текста. В квадратных скобках [] восстанавливается текст по другим спискам.

Повесть о спасении утопающего

Это произведение повестью названо условно. Его точное заглавие по рукописи: «Чудо святаго пророка Ильи. Створено бысть на память его в Новегороде Нижнем». По жанру оно относится к сказаниям о чудесах святых, а не беллетристической прозе. В нем слабо развитый сюжет. Однако мы решили открыть им этот сборник бытовых повестей, поскольку «Чудо» содержит очень богатый для XV века бытовой материал и описывает более не встречающуюся в древнерусской литературе тему спасения утопающего. Автор проявил интерес и к отражению п е р е ж и в а н и й попавшего в беду человека. Это один из первых шагов в древнерусской литературе к развитию жанра светской повести.

«Повесть» первоначально бытовала в Нижнем Новгороде в устных пе-

республиках, затем, по поручению князя Константина Дмитриевича (1389—1433), была записана нижегородским книжником. По мнению Ю. К. Бегунова, это могло произойти в 1429 г. во время визита в Нижний Новгород князя Константина.

Текст повести печатается по изданию: Бегунов Ю. К. Нижегородская повесть XV века о спасении утопающего // Литература Древней Руси.— М., 1981.— С. 64—68.

В лето 6926-го... индикта 11, месяца июля 20, на память святого пророка Ильи — 20 июля 1418 г. День памяти пророка Ильи приходится на 20 июля по старому стилю, на 2 августа по новому стилю. По народным поверьям, после Ильи — так в народе называют этот праздник — купаться запрещается. Искупавшись в церковный праздник, Григорий Авксентьев совершил грех, за что и понес наказание, но после покаяния был прощен милостивым святым. Пророк Илья (IX в. до Р. Х.), по преданию, был живым взят на небо в огненной колеснице. Очень почитаем в народе, считается спасителем людей.

...великого князя Василия Дмитриевича. — Василий Дмитриевич (1389—1425) — старший сын Дмитрия Донского (1362—1389), его наследник по духовному завещанию, великий князь Владимирский, купивший у Орды в 1390 г. ярлык на Нижегородское княжество.

...преосвященнаго Фотеа, митрополита Киевского и всея Руси. — Фотий был поставлен русским митрополитом в 1393 г., еще при жизни митрополита Киприана (+1406 г.). В 1409 г. был направлен константинопольским патриархом на Русь. В том же году прибыл в Киев, а в 1410 г. — в Москву. Выступал за единую русскую церковь (в то время часть южнорусских земель относилась к Литовскому княжеству) и поддерживал объединительную политику московских князей. Умер 8 июля 1431 г.

...благочестивый князь Костянтин Дмитриевич. — Константин Дмитриевич (1389—1433) — младший сын Дмитрия Донского. В 1429 г. он посетил Нижний Новгород, когда командовал московским войском, направленным на Волгу для защиты ее берегов от татар.

Сказание о Дракуле воеводе

«Сказание о Дракуле воеводе» относится к древнейшим известным нам произведениям оригинальной русской художественной прозы. Его авторство приписывают дьяку Ивана III Федору Курицыну, возглавлявшему в 1482—1484 гг. русское посольство в Венгрию и Молдавию и вернувшемуся на Русь в сентябре 1485 г. Во время этой поездки Федор Курицын и мог узнать ряд историй о «мутьянском», т. е. румынском, воеводе Владе Цепеше, правившем в 1456—1462 и 1477 гг. и прославившемся в своей и окрестных землях особой жестокостью, за что и получил прозвище «Цепеш», что означает «Сажатель на кол», «Прокалыватель».

Уже в феврале 1486 г. «Сказание» было переписано известным кирилло-белозерским книжником Ефросином.

Особенность этой повести в том, что, хотя в основе ее лежали рассказы об историческом лице, она стала произведением сугубо литературным и в ней выводится не образ реального человека, а литературный персонаж. Повесть лишена прямолинейной авторской оценки поступков героя, присущей, скажем, публицистике того времени. Самому читателю предоставлялась возможность делать выводы. А авторская позиция выражена и в отборе материала, и в показе противоречивых черт характера Дракулы (справедливость и жестокость), и в оценке его как «великого государя».

Сходные истории о Дракуле («Драконе») были использованы и другими европейскими писателями: анонимными авторами немецких книжиц конца XV в. «О великом изверге Дракола Вайда»; итальянским гуманистом Антонио Бонфини в его «Венгерской хронике» (90-е гг. XV в.). В немецких сказаниях Дракула изображался только как жестокий правитель. Русская повесть в трактовке образа ближе к «Хронике» Бонфини, который считал соединение жестокости и справедливости обязательным свойством государя, но русская повесть — художественное произведение, а «Хроника» — публицистический трактат.

Текст повести печатается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 554—565. Подготовка текста и перевод О. В. Творогова.

...в Мунтьянской земли... — Мунтьянской землей (от слова «мунтения» — горная страна) в повести названо Валашское княжество. В XV в. Валашское княжество вело борьбу за свою независимость с Турцией и Венгрией.

...Дракула влашеским языком, а нашим — дьяволъ. — Как уже говорилось, прототипом персонажа повести Дракулы был валашский правитель Влад Цепеш. В соседних с Румынией землях за чрезмерную жестокость за ним укрепилось прозвище «Дракула». Некоторые исследователи считают, что это прозвище перешло к нему от отца, тоже Влада (1436—1446), который принадлежал к основанному германским императором рыцарскому ордену Дракона. Позднее, из-за близости к прозвищу румынского слова «dѣас» — дьявол, оно приобрело иной смысл.

...от турьскаго поклисарие... — Поклисарь, поклисарие (от греческого αλοχριστιος) — посол, послы. В повести подразумеваются послы турецкого султана Мехмеда (Магомета II), неоднократно выступавшего войной на Валашское княжество. В Западной Европе впоследствии этот сюжет о послах относили к Ивану IV Грозному.

...бе бо тогда ратуяся с восточными. — Имеется в виду война Мехмеда II с правителем тюркского государства Ак-Кююнлу Узун-Хазаном, происходившая в 50—60-е гг. XV в.

Дракула же поиде, събрався съ всем воинством... — Речь идет о

военных столкновениях Влада Цепеша с Мехмедом II в 1461—1462 гг.

...от угорского короля Маттеаша... — Матвей Корвин (Матиаш Хуньяди) — венгерский король (1458—1490).

...от своих изданъ по крамоле. — Вначале венгерский король Матвей Корвин поддержал валашского господаря Влада Цепеша в его борьбе с турками, но затем, обвинив его в сговоре с турецким султаном, взял в конце 1462 г. в плен, а валашским господарем стал Рада Красивый, брат Цепеша, которого ранее поддерживали турки.

Пожив же мало, яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти. — Это повестная концовка жизни Дракулы. В действительности же Влад Цепеш был восстановлен венгерским королем Матвеем Корвиным на валашском престоле в 1476 г. и его вторичное правление длилось около года.

Конеч же его сице... — Влад Цепеш погиб в 1477 г. в битве с турками. Освободившийся престол занял давний соперник Цепеша Лайот Басараб, из соперничающей династии Данов.

...Михаила. — Михня Злой, в 1508—1510 гг. валашский правитель.

Стефанъ воловьскы... — Стефан (Штефан) Великий — в 1457—1504 гг. молдавский князь, союзник и свояк великого князя Московского Ивана III.

...Владъ, иже бывы чернець и игумень. — Валашский князь Влад Монах был, по одним источникам, сыном, а по другим — братом Влада Цепеша.

Ефросин (Евфросин) — известный книгописец конца XV в., монах Кирилло-Белозерского монастыря. Сохранилось шесть рукописных сборников, частью переписанных им самим, частью собранных им из других рукописей. Не исключено, что он занимался и самостоятельным литературным творчеством. Во всяком случае в некоторых переписанных им произведениях — «Задонщине», «Александри», «О Китоврасе от Палея», «Слове о добрых и злых женах» — есть его самостоятельные вставки и переделки известных текстов.

Сказание о Вавилонском царстве

«Сказание о Вавилонском царстве» («Слово о Вавилоне») представляет собой центральную повесть очень популярного на Руси цикла сказаний о Вавилонском царстве, сохранившегося в списках конца XV—XX в. В этих сказаниях прослеживалась легендарная генеология вавилонских царей: о рождении, избрании на царство и женитьбе царя Навуходоносора, о его сыне Василии, об Артаксерксе, о Немвроде и Иоанне; о строительстве Вавилона, о сооружении вокруг него вала в виде глиняного змея; о причинах запустения Вавилона и гибели царской династии, после которой остались только царские венцы...

«Сказание» считается древнейшим русским произведением из этого цикла произведений о Вавилоне. В его основу, как установил известный

филолог XIX в. академик А. Н. Веселовский, легла устная легенда о византийском императоре Льве VI Премудром (Философе, 886—911). Эту легенду услышал новгородский путешественник Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) во время посещения в 1200 г. Софийского собора в Константинополе, где находилась икона императора. В его записи легенда и пришла на Русь.

Неизвестный автор «Сказания» хотя и опирался на рассказ Антония, все же создал свою версию легенды о посольстве православного царя Левкия-Василия в Вавилон за «знаменьями» царской власти, принадлежащими трем святым отрокам — Онанию, Озарии и Мисаилу, упомянутым в Библии. Увенчанный «знаменьями» православный царь еще с большей ревностью отстаивает христианское благочестие.

По исследованиям Н. Ф. Дробленковой, «Сказание» было написано в кругу митрополита Киприана в 90-х гг. XIV — начале XV в. В более позднее время — в начале XVII в. — при утверждении на русском престоле Романовых, когда актуальным стал вопрос о происхождении царской власти и под возможным влиянием идеи конца XVI в. о преемственности Москвой духовного наследия Византии (теория старца Филофея «Москва — третий Рим»), в «Сказание» проникает мотив передачи греческим царем добытых в Вавилоне царских регалий (в том числе и «шапки Мономаха») великому киевскому князю Владимиру Мономаху.

«Сказание» — произведение переходного жанра от легенды к сюжетной повести. Оно было включено в житийный сборник «Великие Минеи Четьи», стало в один ряд с политическими легендами XVI в.

Текст «Сказания» печатается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М., 1982. — С. 182—187. Подготовка текста, перевод Н. Ф. Дробленковой.

Слово о Вавилоне, о трех отроках. — В повести Вавилон изображен как погибающее царство змея — средоточие язычества, а три отрока символизируют вечную христианскую веру. Согласно Библии, Навуходоносор по пленению Иерусалима отправил в Вавилон, в халдейскую школу трех отроков — Ананию (Онанию), Азарию (Озарью) и Мисаила. За отказ поклоняться языческому идолу отроков бросили в горящую печь, однако они остались невредимы.

...от Леукия царя, а во крещеньи нареченаго Василия... — По мнению А. Н. Веселовского, в отличие от устной византийской легенды, где речь шла о Льве VI Премудром, в русской повести создан обобщенный образ византийского императора, что нашло отражение в его втором — христианском — имени «Василий» (Базилевс), в переводе с греческого — «царь», «государь».

...из Безъ обяжанина... — В древнерусской литературе вплоть до XVI в. слова «Без», «Обез» обозначали Грузию; «обяжанин» — грузин.

...царя Навходоносора... — Навуходоносор — один из самых известных по Библейским сказаниям вавилонский царь, царствовавший с 604 по

561 г. до Р. Х. Он дважды пленял Иерусалим, уводя в Вавилон знатнейших людей и искусных мастеров, увозя царские сокровища. При нем велось крупное строительство в Вавилоне, превратившее город в неприступную крепость.

...створи тело золотое и постави на поле Дирелмстей.— Согласно Библейским сказаниям, идол, сооруженный Навуходоносором.

...и цареце блаженни Александрэ...— У византийского императора Льва VI Философа был соправитель — его брат Александр. По национальности они были армянами. Автор русской повести о Вавилоне под этим именем вывел жену императора — императрицу Александру.

...обежанинъ, именемъ Яковъ, запенъся съ 15 степеню...— Одно из значений имени Яков — «запинатель». Автор обыграл его в тексте повести, заставив героя «запнуться» — споткнуться на 15-й ступени и тем значительно усложнить ситуацию, в которую попали персонажи повести.

...по 3 перпера злата.— Перпер — золотая византийская монета XI—XII вв.

Давидъ же, царь критъскый...— Давид — это имя легендарного библейского царя, прославившегося своей мудростью. В повести это имя дано Критскому царю.

Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле

«Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» дошла до нас в поздних списках, наиболее ранний из которых относится к XVIII в. Это, однако, не мешает исследователям относить повесть ко второй половине XV в. Древнейшей считается «антиохийская редакция» произведения, в которой купец Басарга со своим сыном Борзосмыслом попадает в Антиохию, где и разворачивается действие повести.

Другие, производные от первоначальной, редакции повести имеют определенные отличия, по которым и получили названия. В «киевской редакции» говорится о Басарге — купце из Киева, приехавшего в некий город. В более поздних — «басурманской редакции» злой царь оказывается не «латинянином», а «басурманом», а в «венецианской редакции» герои приплывают в Венецию, а не в Антиохию.

Повесть построена на основе широко известного в мировой литературе мотива о загадках жестокого правителя, которые разгадывает мудрец вместо того человека, которому они были загаданы. В «Повести» таким мудрецом выступает семилетний сын Дмитрия Басарги.

Повесть принадлежит к ранним произведениям древнерусской художественной литературы. В ней занимательный сюжет, вымышленные герои, в воспроизведении которых автор попытался выразить разные черты характера, т. е. повесть отразила наметившуюся в XV в. тенденцию к беллетризации светской литературы.

Текст повести печатается по изданию: Памятники литературы Древ-

ней Руси. Вторая половина XV века.— М., 1982.— С. 566—577. Подготовка текста Я. С. Лурье. Перевод В. В. Колесова.

...во Антиохи...— Город Антиохий — столица Антиохийского княжества в Малой Азии. После захвата в конце XI в. Антиохии католическими крестоносцами, на два последующих столетия развернулась за нее борьба между «латинянами» и православными (Византией). В 1516 г. Антиохию завоевали турки.

...царствовал на царстве царь, именемъ Аркадию... и погребенъ бысть... Амфилогиемъ...— В отличие от всех других персонажей, чертами историчности обладают только византийский император Аркадий (395—408) и патриарх Амфилохий (394—403). Антиохийское княжество до конца XI в. входило в состав византийской Сирии.

...во свою латыньскою веру приводитъ.— Основная коллизия повести сводится как раз к столкновению католических и православных интересов в борьбе за Антиохию в XII—XIII столетиях.

...именем Дмитрей...— В других списках повести купец имеет прозвище «Басарга», которое вошло и в название повести. Оно имеет нарицательный смысл, поскольку в переводе с болгарского «басарга» означает «купец».

...ис Царяграда...— Константинополь (Царьград) — до завоевания в 1453 г. его турками — столица Византийской империи. Акцентируя внимание на том, что Басарга приехал из Царьграда, автор «антиохийской редакции» вносит обострение в коллизию повести, поскольку сразу указывает на вытекающие из этого обстоятельства религиозные противоречия персонажей — православного купца и католика царя.

Не довай царева дяiania чашу, но скры в недры своя...— Этот мотив сокрытия чаши, как полагают ученые, был заимствован из «Сербской Александрии», но в повести остался вне развития сюжета.

Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены

«Повесть о старце» — одно из наиболее ранних произведений светского сюжетного повествования. Она была написана, по-видимому, в конце XV в. Место ее возникновения и автор — неизвестны.

В повести отразились два популярных фольклорных сюжета: о женьтибе на царской дочери и «запечатленном бесе». Последний сюжет — это древнейший «бродячий» мотив мировой литературы о заключенном и освобожденном бесе. Встречается он и в индийских сказках о Викрамадितье, и в монгольских сказках, и в западноевропейских легендах о Виргилии и Парацельсе, и византийских житиях святых Марины и Конона Исаврийского.

На Руси он был так же хорошо известен в XV в. по повестям «Скитского патерика» и легендам о библейском царе Соломоне, нашел отраже-

ние в русских повестях об Авраамии Ростовском и Иоанне Новгородском.

Лейтмотив «Повести о старце» — демонстрация истинности евангельских слов Матфея (7,7): «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам». Правда, слова эти в русской повести выстроены в иной последовательности — в соответствии с развитием сюжета: услышав евангельские слова, старец вначале постучал в царские чертоги, затем попросил руку царской дочери, «искал» ее, выполнив ряд поручений царя, и получил его согласие на брак. Удостоверившись в истинности святых слов, он отказался от руки царской дочери.

В повести сказалось сильное влияние сказки: испытания старца, состязание старца и беса в мудрости, добывание драгоценного камня со дна моря и т. д.

Повесть сохранилась в нескольких редакциях. Древнейший ее список начала XVI в. представляет собой *краткую* редакцию (по классификации Н. Н. Дурново). В этой редакции персонажи повести еще безымянны, сюжет строится по законам сказки.

Более поздние редакции — *обычная* и *сводная* — относятся к XVII—XIX вв. В них усилился дидактический, поучительный характер, персонажи получили имена.

Пространная редакция представлена списками только XIX века, который сказался в стремлении редакторов разрешить, в соответствии с требованиями своего времени, некоторые коллизии повести, объяснить поступки героев.

Текст краткой редакции повести печатается по древнейшему списку первой трети XVI в., изданному в «Памятниках литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века». — М., 1984. — С. 48—51. Подготовка текста и перевод Н. С. Демковой.

Повесть о Тимофее Владимирском

«Повесть о Тимофее Владимирском» («Повесть о презвитере, впадшем в великий грех тяжкий») принадлежит к оригинальным древнерусским сюжетным повестям. Она была создана в последней трети XV в., но сохранилась только в списках XVII—XVIII вв.

По своему типу повесть относится к древнерусским повестям о великих грешниках, прощенных после раскаяния. Обращает на себя внимание индивидуализация писателем героя повести, создание им в литературе XV в. цельного характера, особенности которого сказываются как на отдельных поступках героя, так и на его судьбе в целом.

Повесть печатается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. — М., 1984. — С. 58—67. Подготовка текста и перевод Н. С. Демковой.

...в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича московского и всея Руси, и при митрополите Филиппе. — Иван III Васи-

льевич, великий князь Московский и всяя Руси, правил в 1462—1505 гг. Московским митрополитом Филипп был в 1464—1473 гг. По мнению М. О. Скрипиля, развязка повести «лучше всего соотносится со временем между 1467 г. и 1473 г., т. е. первым неудачным походом Ивана III на Казань и смертью митрополита Филиппа I» (Скрипиль М. О. Повесть о Тимофее Владимирском//ТОДРЛ.— М.; Л.— Т. 8.— С. 289.)

...бежа на чуждую страну, в поганую землю татарскую, в Казань. И тако в Орду прибежавъ...— Наряду с Золотой Ордой серьезным врагом Русского государства на его восточных окраинах было и Казанское ханство. Оно основано во второй четверти XV в. изгнанным из Золотой Орды ханом Улу Мухаммедом. В 1445 г., при его сыне Мамутеке, Казань становится столицей ханства. В 1487 г. при поддержке русских войск на престол сел Мухаммед Эмин, придерживавшийся московской ориентации. В 1552 г. Иван IV Грозный наносит поражение Казанскому ханству, занимает Казань и присоединяет ее к Московскому государству.

Повести о хмеле

«Слово о хмеле о высокоумном хмелю и о худоумных и нестроинных пианицах. О хмелю» возникло в XV в. и относится к распространенным в средние века произведениям, осуждающим пьянство. «Слово» написано в форме монолога «хмеля», в нем отсутствует какой бы то ни было сюжет. Оно нравоучительно от начала и до конца и носит чисто назидательный, а не развлекательный характер. Конечно же, к жанру повести «Слово» может быть отнесено чисто условно. Печатается по рукописи XV в.

В «Повести о хмеле» уже появляется незамысловатый сюжет. Монолог превращается в диалог человека и «хмеля». Намечилась динамика в развитии действия, прослеживается несколько отстраненный взгляд на повествуемое, появился текст от автора и др., что присуще чаще всего бывает сюжетной прозе. Несомненно, «Повесть о хмеле» с большим основанием может быть отнесена к жанру повести, нежели «Слово». Но и в ней так же присутствует нравоучение, напоминающее проповедь против пьянства.

«Повесть» печатается по рукописи XVII в.

Тексты обоих произведений публикуются по изданию: Повесть о Горе-Злочастии.— Л., 1984.— С. 78—83. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Е. И. Ванеевой.

Повесть о Луке Колоцком

«Повесть о Луке Колоцком» (в рукописях: «О явлении чудотворного образа Пречистыя Богородицы и о начале монастыря ея Колоцкого») возникла, как полагают, в Северо-Восточной Руси в конце XV—начале XVI в. В ее основу легли события, о которых многие

древнерусские летописи сообщили под 1413 г.: в 15 верстах от Можайска, в городке Колоче, бедному землепашцу Луке явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы.

Сюжет о явлении чудотворной иконы в принципе был довольно распространенным в древнерусской литературе. Однако многие беллетристические элементы и бытовые детали придают оригинальность этому занимательному повествованию о «неполезной» жизни разбогатевшего за счет иконы крестьянина.

Почти все составители общерусских летописей XV в. связывали эту легенду с борьбой удельных княжеств с московской великокняжеской властью. Разработку сюжета повести в защиту прав удельных княжеств осуществлял Кирилло-Белозерский монастырь, патрональный монастырь можайских князей.

Можайское удельное княжество получило самостоятельность после смерти Дмитрия Донского (+1389 г.). До этого оно принадлежало московским князьям и передавалось по наследству старшему сыну. Но уже в 1454 г. великий князь московский взял Можайск и вновь подчинил Москве. В этот небольшой период самостоятельности Можайского княжества сказания о чудесах иконы Пресвятой Богородицы помогали отстаивать можайским князьям свои права на независимость. С ослаблением этой идеологической борьбы в XVI в. повесть обрела уже иное звучание: прослеживала и прославляла родословную великого московского князя, что дало возможность включать ее в состав официальных летописных сводов XVI в. — Никоновскую летопись, «Степенную книгу».

Текст повести печатается по списку второй половины XVI в., опубликованному в кн.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. — М., 1984. — С. 52—57. Подготовка текста и перевод Л. И. Журовой.

Того же лета... — В 1413 г. праздник Колочской чудотворной иконы Богородицы приходился на 9 июля — день памяти Андрея Дмитриевича (см. ниже).

...во отчине князя Ондreja Дмитриевича. — Андрей Дмитриевич, третий сын Дмитрия Донского, князь можайский в 1382—1432 гг. Кроме Можайска в его вотчину входили Верея и Белоозеро.

...обрете икону Пречистыя Богородицы. — Колочская чудотворная икона Пресвятой Богородицы представляет собой икону-складень. Хранится в Государственной Третьяковской галерее.

...и стретоша ея... митрополит. — Митрополит Московский Фотий (с 1410 г.), преемник Киприана, умер в 1431 г. (см. о нем выше).

...монастырь... Колоцкый. — Колоцкий монастырь — по названию реки Колочи, притока Москвы-реки, был основан в начале XV в. в 25 км от Можайска.

Повесть о царице Динаре

«Повесть о царице Динаре» («Дивна повесть мужествена о храбрости и мудрости целомудреня девица, Динары царицы, дщери иверского царя Александра») была написана, видимо, в первой половине XVI в. Древнейшие списки повести относятся к концу 40—50-х гг. XVI в.

Историческим прототипом царицы Динары настоящей повести, как установлено исследователями, была знаменитая грузинская царица Тамара (1184—1212), унаследовавшая еще до замужества престол своего отца Георгия III, хотя в истории Грузии действительно существовала правительница с этим именем.

Интерес к грузинской царице Тамаре на Руси был вызван ее блестящими победами над турками и ее браком с сыном Андрея Боголюбского Юрием. Правда, брак этот был для русского князя неудачен и закончился разводом...

Причину создания русской повести можно видеть в идейной близости легенд о царице Тамаре и формирующейся монархической идеологии Русского централизованного государства. Идея сильной монархической власти, ответственность правителя перед своими подданными и государством, авторитет царя среди боярства — были насущными вопросами в русском обществе XVI в. и широко обсуждались в публицистике того времени.

Идеологически отвечая всем этим требованиям, «Повесть о царице Динаре» сумела выстоять под натиском публицистики, значительно потеснившей развлекательное чтение. Она возникла в московской великокняжеской среде и была очень популярна на протяжении XVI—XVII вв. Сюжет повести был использован в росписи 80-х гг. XVI в. царицной Золотой палаты в Московском Кремле, а в 90-х гг. в Донском монастыре была написана икона исторической царицы Динары, утвердившей в X в. православие в западной Грузии и считавшейся святой.

Текст повести воспроизводится по списку XVI в., изданному в «Памятниках литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века». — М., 1984. — С. 38—47. Подготовка текста и перевод Н. С. Демковой.

...*Александру Мелеку.* — Мелек (Мелех) — в переводе с тюркского означает царское достоинство, т. е. «Александр Мелек» значит «Александр царь». По-видимому, отцом царицы Динары автор повести считал сильного грузинского царя Александра I (1413—1442).

И ты како имаша часть въ жребии Богоматере? — Как гласит средневековая легенда, Грузия досталась по жребии самой Богоматери для проповеди христианства.

Въспомните Девору и Гедеопа, како победиша множество вои мадиамляны! — Накануне Шамхорской битвы царица Тамара в своей речи перед воинами вспоминала победу библейского Гедеопа над царем Хана-

ана и мадианитянами (Книга Судей, IV—VIII). В этой же библейской истории говорится и о пророчице Деворе. В средневековье эта история воспринималась как символ победы над иноверными с помощью небесных сил.

...и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбенский монастырь.— В названии Шарбенского монастыря, по-видимому, отразились знания автора повести о знаменитом Шатберском монастыре в Сванетии, крупном центре средневековой Грузии. Тевризи — видимо, Тебриз — столица южного Азербайджана, входившего в XIII в. в состав Персии. Под пером автора две разные географические точки объединены в одну, что еще раз подтверждает легендарную основу повести.

...дамъ, госпоже, в домы твоя...— Царица Тамара делала значительные пожертвования в храмы Богородицы (Богородица считалась покровительницей и Русской земли, и Иверии (Грузии)). Особенно большими эти жертвования были после ее победы над турками в Шамхорской битве 1205 г. — в повести битва Динары с персами.

Навходоносоръ — Навуходоносор II (604—561 гг. до н. э.) — вавилонский царь, персонаж библейской истории, прославившийся своей гордыней и неограниченной властью. Автор повести сделал его предшественником персидского царя — врага Динары.

Шамази — город Шемаха, столица Ширвана (северный Азербайджан), в XIII в. вассальное владение Грузии.

...и повсегда пречистые заступлениемъ пребывают, никим же обладаем.— Здесь еще раз проступают легендарные мотивы повести, когда желаемое — сила и независимость Иверского государства — выдается за действительное.

И правяше власть свою 38 лет и шесть месяцъ.— Эти сведения не подкреплены историческими данными. Возможно, на величину периода благополучного правления повлияли указанные в Библии сроки благоденствия Деворы и Гедеона после победы — «сорок лет покоя».

И погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри.— На самом деле место захоронения царицы Тамары неизвестно. Историческая царица Динара (X в.) была погребена в Имеретии.

Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврейскаго...— В средневековье были типичными представления о священном происхождении царской власти и многие царские династии вели свой род от библейских царей. В титуловании грузинских царей указывалось на их происхождение от библейского царя Давида.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» — одно из замечательнейших произведений русской средневековой литературы, возникшее на основе легендарной повести XV в., основанной в свою очередь на двух сказочных сюжетах: о герое-змееборце и мудрой деве.

В связи с канонизацией на Соборе 1547 г. муромского князя Петра и его жены Февронии, легендарная повесть подверглась литературной обработке. Сделал ее выдающийся русский писатель и публицист Ермолай-Еразм. Это был человек духовного чина: в 40-е гг. он служил священником в Искове, затем протопопом дворцового собора Спаса на Бору в Москве. В 60-х гг. принял монашеский постриг под именем Еразма. На 40—60-е гг. XVI столетия приходится и его литературная деятельность.

Ермолай-Еразм принадлежал к писательскому кругу митрополита Макария, работавшему над составлением Великих Миней Четьих — книг религиозного содержания для повседневного чтения. С этой целью переписывались жития многих русских святых и создавались новые. Видимо, и перед Ермолаем-Еразмом стояла аналогичная задача — написать житие новоканонизированных муромских святых. В своей работе писатель использовал муромские легенды о князе Петре и его жене Февронье, и устные источники оказали значительное воздействие на разработку сюжета. В результате «Повесть о Петре и Февронии Муромских» хотя и названа в некоторых списках житием, таковым не является и в жанровом отношении более близка к светским повестям второй половины XV в., построенным на новеллистических сюжетах, — «Повести о Дмитрие Басарге», «Повести о Дракуле».

Текст повести печатается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. — М., 1984. — С. 626—647. Подготовка текста Р. П. Дмитриевой. Перевод Л. А. Дмитриева.

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. — Впервые город Муром упоминается в летописях под 862 г. Он расположен во Владимирской области, на левом берегу реки Оки.

...самодержествуяи благоверный князь... именем Павел... Имеяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра. — Приведенные в повести имена муромских князей Петра и Павла вымышленные, однако в истории Муромского княжества был в 1175 г. случай, когда княжеский престол после смерти отца, князя Георгия, заняли два его сына — братья Владимир и Давид. После смерти старшего брата Владимира в 1203 г. на престоле остался один Давид (+1228 г.).

Этот факт княжения в Муроме двух братьев, а также совпадение исторического имени Давид с принятым в схеме именем героя повести позволяет некоторым исследователям видеть Владимира и Давида прототипами героев повести.

Однако существует и иная версия, по которой князя Петра повести отождествляют с князем Петром, жившим в начале XIV в. и положившим начало роду бояр Овцыных.

Смерть моя есть от Петрова ялеча, от Агрикова же меча. — В русском фольклоре известен сказочный богатырь Агрикан, но на название меча, возможно, повлияло книжное греческое имя Агрика.

Бе же вне града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста.— В письменных источниках конца XVI—XVII в. говорится только о деревянной Крестовоздвиженской церкви, находившейся в самом граде Муроме на посаде. Предполагается, что в XIII в. на этом месте и стоял упоминаемый в повести женский монастырь.

...весь, нарицающуюся Ласково.— Деревня Ласково, Рязанской области, находится в 5 км от бывшего Солотчинского монастыря.

Блаженный же князь Петръ... держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает.— В Евангелии от Матфея приводятся слова Христа фарисеям: «Но я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует» (19, 9).

Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наемника.— Ср. со словами из Евангелия от Иоанна (10, 11—12): «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их».

...во храм пречистыя соборныя церкви...— Главным храмом города Мурома был Собор Рождества Богородицы, расположенный внутри кремля. В правом приделе собора, посвященном Петру и Павлу, находились мощи святых Петра и Февронии. Во время похода на Казань в 1552 г. Иван IV Грозный посетил собор и поклонился «своим сродникам» Петру и Февронии. Долгое время собор был деревянным, но уже в описях Мурома 1624 и 1637 гг. он упоминается как каменный, выстроенный «блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси».

...своима руками шияше воздух...— Воздух — пелена для покрытия церковных сосудов с дарами.

Повесть о целомудренной вдове

«Повесть о целомудренной вдове» написана в конце XV— начале XVI в. Наряду с другими повестями этого периода она разрабатывает «женскую тему» в светской повествовательной прозе Древней Руси. Повесть акцентирует внимание на уме и находчивости вдовы, сумевшей сохранить верность умершему мужу. Этим мотивом она перекликается с повестью XVII в. о Карпе Сутулове.

Повесть печатается по списку конца XV— начале XVI в., опубликованному в «Памятниках стариной русской литературы, издаваемых гр. Григорием Кушелевым-Безбородко под редакцией Н. Костомарова» (Вып. I—II.— Спб., 1860.— С. 214).

Повесть о благочестивом рабе

«Повесть о благочестивом рабе» возникла, скорее всего, в конце XV— начале XVI в. Ее сюжет строится на основе мотива о родительском благословении и наказе, строгое соблюдение которого (в данном случае — посещение церкви во время литургии) сохраняет жизнь герою (см. также «Сказание о богатом купце»).

Этот сюжет известен и в мировой литературе. Он был использован Шиллером в балладе «Der Crang nach Eisenhammer».

Текст повести печатается по списку XVI в., изданному в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых гр. Григорием Кушелевым-Безбородко» (Вып. I—II.— Спб., 1860.— С. 81—82).

...но токмо едино запродадим тя.— В Древней Руси, по сообщениям летописей, практиковалась продажа детей во время сильного голода.

...епарх...— правитель области, префект города. В более ранней рукописи конца XV в., содержащей другой вариант повести, правитель города назван «мечником» — палачом. В данном тексте «епарх» обозначает начальника в широком смысле.

Повесть о папе Григории

«Повесть о папе Григории» была очень популярна в XVII—XVIII вв. и переписывалась вплоть до середины XIX в., дошла до нас в 120 списках и нескольких редакциях и вариантах. Она принадлежит к группе древнерусских повестей о кровосмесительстве (см. «Повесть об Андрее Критском»), в основе которых один из самых популярных в мировой литературе «Эдипов сюжет».

Сама история о папе Григории была известна в Западной Европе из французской народной книги XI—XII вв. «Жизнь папы Григория Великого». Сокращенный пересказ сюжета вошел в широко распространенный у западных славян сборник «Римские деяния», который в 70-х гг. XVII в. был переведен и на Руси. Однако существование древнерусских списков повести, датируемых XVI в., свидетельствует, что эта повесть существовала на Руси задолго до перевода «Римских деяний».

Текст повести печатается по списку XVII в. из Новгорода, опубликованному в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых гр. Григорием Кушелевым-Безбородко» (Вып. I—II.— Спб., 1860.— С. 418—423).

...да будещи папою великому граду Риму.— Некоторые западноевропейские ученые связывали появление повести с именем папы Григория VII (1073—1085), который вел борьбу против близкородственных браков

и движения incestuorum, их поддерживающего. На самом деле нельзя, по-видимому, связывать сюжет о папе Григории с каким-то реальным историческим лицом, поскольку поведенная история известна и по копской «Истории царя Армениоса», созданной еще в домагометанский период. Скорее всего, существовал какой-то общий источник восточного происхождения, пришедший и в Западную Европу.

Повесть об Андрее Критском

«Повесть об Андрее Критском» входит в ту же группу древнерусских повестей на «Эдипов сюжет» (о кровосмесителе), что и «Повесть о папе Григории». Однако, в отличие от последней, «Повесть об Андрее Критском» известна только у восточных славян. Скорее всего, она возникла на Руси в XVI в., была популярна и переписывалась вплоть до середины XIX в. До нашего времени сохранилось 47 списков шести ее редакций и множество вариантов.

Имя героя повести — Андрея Критского, — убившего отца и вступившего в брак с матерью, связано в произведении с историческим именем византийского православного писателя и святого архиепископа Критского Андрея. Между тем каноническое житие Андрея Критского ничего общего не имеет с сюжетом повести. Причиной отождествления имен послужил включенный в состав обязательных служб православной церкви «Великий покаянный канон» архиепископа Андрея Критского, одно из самых известных его сочинений. Очевидно, создатель повести буквально понял и использовал в своем произведении покаянные признания безымянного грешника, отождествив его с самим автором канона. Да и само развитие сюжета повести исходит из основной идеи канона — всесильности покаяния.

Что же касается героя повести, ее сюжета, коллизий, описанных приключений и т. д., то они весьма далеки от агиографических канонов. По своему жанру повесть находится гораздо ближе к занимательной повелле нового времени.

Текст повести печатается по списку XVIII в., опубликованному в «Памятниках литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая». — М., 1988. — С. 270—274. Подготовка текста М. Н. Климовой.

Повесть об Ульянии Осорьиной

«Повесть об Ульянии Осорьиной» (другое ее название — «Житие Юлиании Лазаревской») была написана в 20—30-е гг. XVII в. сыном героини, муромским губным старостой Дружиной Осорьиным (Осоргиным), во крещении Калистратом. В ней чувствуется влияние житийной литературы, однако в жанровом плане это произведение следует отнести к биографическим повестям.

Героиней повести, что никак не характерно для жития, выступает

светская женщина, жена служилого дворянина, которая даже перед смертью не приняла монашеского пострига. Более того, на примере ее благочестивой жизни продемонстрирована возможность достижения святости не только в служении Богу в монастыре, но и в миру, в повседневных обыденных делах, важно только, чтобы поступки человека были при этом высоко нравственными, не забывал он о Боге и жил с пелицемерной любовью к ближнему.

Местное почитание Ульянии Устиновны Осорьиной началось в г. Муроме в XVII в. По месту погребения в селе Лазареве Муромского уезда она получила имя Юлиании Лазаревской (или Муромской).

Этот образ русской женщины высоко оценили В. О. Ключевский и Ф. И. Буслаев, который заметил, что в истории древнерусской литературы «на долю Мурома по преимуществу досталось литературное развитие идеального характера русской женщины».

Повесть известна в двух редакциях, представленных 51 списком. В настоящем сборнике печатается краткая редакция повести по спискам XVII в., по изданию: Русские повести XVII века.— М., 1954.— С. 39—47. Подготовка текста М. О. Скрипиля.

Во дни благоверного царя... Иоанна Васильевича всея Руси.— Во времена правления Ивана IV Грозного — 1547—1584 гг.

...Иустин, пореклом Недюрев, саном ключник.— Отец Ульянии Осорьиной, родовой дворянин Иустин Васильевич Недюрев был в 1542 г. ключником, т. е. служащим какого-то приказа во Владимире. Как свидетельствуют боярские книги, позднее, в XVII в., Недюревы значились в числе московских дворян.

...дщерь Лукина.— Предки Ульянии со стороны матери также были дворянами. По документам известен «казенный дьяк» великого князя Василия III — Алексей Лукин. Были среди них и стольники. Вообще же род Лукиных относился к болховским городовым дворянам

...дщи Дубенского.— В начале XV в. Дубенские числились во владимирских и коломенских городовых дворянах, во второй половине XVI в. — московских. В конце XVI в. служили стряпчими и стольниками. Родной брат упоминаемой в повести бабки Ульянии — Анастасии Никифоровны Дубенской — Иван Никифорович был в 1566 г. дьяком Казанского дворца, а в 1572 г. писцом Шелонской пятины Новгородского уезда.

...жене Арапова.— Род дворян Араповых также существовал уже в XVI в.

...Георгию... Осорьину.— Муж Ульянии, Георгий Васильевич Осорьин, — служилый дворянин. В Муромской десятине 1578 г. о нем написано: «Юрий Васильевич сын Осорьин — сам за собою и окладчики за ним сказали в Нове городе в Нижнем поместья четьреста четьи, а больше того поместья и вотчины сам за собою и окладчики за ним в Муроме и в иных городах не сказали. Быти ему, сказал, на государевых

службах на коне в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, да три человека на конех, в пансырех, в шапках в железных, в саадаках. Один с копьем, человек на мерине с юком». Ниже в повести упоминается его служба в Астрахани.

...попа, Потопия именов.— В 1571 г. священник Потопий стал архимандритом Пименом Муромского Спасо-Преображенского монастыря.

...в селе мужа ея.— Родовое имяне Осоргиных — село Лазарево Муромского уезда, название которого дало Ульянии другое имя — Юлиании Лазаревской.

...и никого же простым именов не зваше.— То есть не называли как простолюдинов — Ванька, Машка и т. д.

Сорокоуст— плата за церковное поминовение и службы в течение 40 дней после смерти. В нее же входила стоимость свечей, ладана, вина, используемых при поминальном обряде.

...и роди сыны и дщери.— Ульяния имела 13 детей. Только дочь Феодосия и сыновья Дружина (Калистрат), Юрий (Георгий), Иван и Дмитрий пережили мать.

В то же время бысть глад крепок во всей Русской земли.— Имеется в виду тяжелый трехлетний голод 1601—1603 гг. во время царствования Бориса Годунова (1598—1605).

В то бо лето преселися во ино село в пределы Нижегородские.— В пространной редакции повести названо это поместье мужа — село Бочнево Нижегородского уезда.

...помяна святого Корнилия.— Св. Корнилий — один из первых язычников, принявших христианство. Согласно «Деяний апостолов» (X, 4, 30—31), он был сотником Итальянского полка в Кесарии Палестинской, и его молитвы в доме своем были приняты Богом.

Повесть о Марфе и Марии

«Повесть о Марфе и Марии» возникла в первой половине XVII в. в Муроме. Она близка рукописной легенде о чудесном явлении креста на реке Унже (См.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. — М., 1859), но расширена за счет введения в повествование судеб двух муромских сестер. В результате в повесть проникли бытовые черты и нравы эпохи, много внимания уделяется человеческим взаимоотношениям.

Текст повести печатается по списку XVII в., изданному М. О. Скрипилем в книге: Русская повесть XVII века. — М., 1954. — С. 48—53.

...бысть между има пря о седении места.— В конце XV в. в Московской Руси было официально признано местничество — обычай, согласно которому место по службе и, как видим, в быту за столом занима-

лось в соответствии со степенью родовитости. Оно было отменено при Федоре Алексеевиче в 1682 г.

...вземше и ввизше каяждо злато и сребро в зарукавие си.— В XVII в. мужская и женская одежда имела широкие и длинные рукава, которые при необходимости использовались в качестве карманов.

...поставиша той святыи и животворящий крест... в... церкви архистратига Михаила.— В писцовых книгах 1629—1630 гг. упоминается Унженский погост Животворящего креста и архангела Михаила. В церкви архангела Михаила еще столетие назад хранился золотой крест, помещенный в серебряный ковчег. Надпись на ковчеге свидетельствовала, что он был сделан в 1615 г. по повелению Михаила Федоровича и его матери инокини Марфы.

Повесть о Соломонии Бесноватой

«Повесть о Соломонии Бесноватой» была написана, скорее всего, в начале 60-х гг. XVII в. священником Иаковом. В основу ее, как свидетельствует автор, положен рассказ самой героини.

Повесть эта интересна во многих отношениях. Хотя в ней наличествуют элементы житийной повести и присутствуют чудеса святых, она содержит и очень богатый бытовой материал. Во-вторых, она развивает тему, затронутую в начале «Повести о Петре и Февронии» — о посещении и «томлении» нечистой силой благоверных жен. Собственно, на этом строится весь сюжет повести.

Тема эта имеет глубокие корни в христианской литературе. Существовал целый ряд апокрифических сказаний на эту тему. В частности, одна из еврейских легенд рассказывала о Лилуте, будто бы первой жене Адама, изменившей ему со злым духом и ставшей праматерью поколения материализованных и смертных бесов.

В Древней Руси среди народа бытовало множество легенд и поверий о бесах, водных демонах и т. д. Что интересно, проводилось даже их разделение на мужские и женские особи. Хотя и редко, но и в современной речи употребляется слово «чертовка». Эти взгляды народа отразились и в «Повести о Соломонии Бесноватой»: «темнозрачная» баба приходит к Соломонии во время ее бесовских родов. Конечно же, повесть вышла из народной среды и поэтому содержит столь обильный материал по народному миропредставлению.

Под впечатлением от древнерусской повести А. М. Ремизов написал свою повесть о Соломонии (Ремизов А. М. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония.— Париж; Оплешник, 1951).

Текст повести публикуется по изданию: Житие преподобного Прокония Устюжского.— Изд. ОЛДП.— Т. 103.— Спб., 1893.— С. 143—195.

...чудотворцы *Прокопий и Иоанн*. — Праведный Прокопий, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец, умер в 1303 г.; в православном церковном календаре его память отмечается 8 (21) июля. Блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец, умер в 1494 г.; его память отмечается 29 мая (11 июня).

...*И в нынешнемъ во 179-мъ году...* — Сокращенное написание 7179 г. В начале повести указан 7169 г., т. е. 169 г., а немного ниже, как прошлый год, указан 7167 г. Летосчисление в повести приводится от сотворения мира, т. е. 7169 г. — это 1661 г. от Р. Х.

Эта авторская ремарка дает возможность полагать, что работа над повестью велась во второй половине 1671 года, после 8 (21) июля.

Повесть о царе Иване и старце

«Повесть о царе Иване и старце» — оригинальное беллетристическое сочинение начала XVII в., основанное на устном историческом предании. Сюжет повести построен на состязании двух героев — царя Ивана IV Грозного и безымянного «крылошанина». Как показали исследования С. К. Росовецкого, прототипом искусного певчего мог быть уставщик Троице-Сергиевого монастыря Филарет (в миру дьякон Фома), принявший около 1569—1570 гг. постриг и более пятидесяти лет иночествовавший в Троицкой обители.

В первые 10 лет иночества Филарет занимал должность головщика — старшего на одном из клиросов, запевалы, как и безымянный герой повести Филарет мог встречаться с Иваном Грозным на рубеже 1570—1580-х гг., во время одного из ежегодных осенних посещений Троице-Сергиевой лавры Иваном Грозным. Талант искусного певца привлек внимание Ивана Грозного, и молодой монах был назначен дьяконом соборной церкви Покрова Богородицы в загородной резиденции Грозного — Александровой слободе. Умер Филарет в 1619 г.

Текст повести публикуется по изданию: Росовецкий С. К. Повесть о царе Иване и старце. //ТОДРЛ.— Т. 41.— М.:Л., 1988.— С. 266—267.

Царь Иван Васильевич — Иван IV Грозный (1530—1584) — великий князь с 1533 г. и царь с 1547 г. всяя Руси.

...*пришел в Сергиев монастырь к бдению.* — Иван Грозный посещал Троице-Сергиев монастырь под Москвою (ныне г. Загорск) 25 сентября в день поминования его основателя и первого игумена Сергия Радонежского (1321/22—1391 / 92), всяя Руси Чудотворца.

...*почали експсалмы петь...* — Видимо, ошибка. В других списках «почали яка псалмы петь»...

Головщик — старший на одном из клиросов, запевала.

Петь поилеилуй — видимо, после алилуйя.

Только-су — «Су» — сокращенное слово «сударь», «государь».

«Пролог» чести — читать из «Пролога». «Пролог» — церковная

книга, в которой собраны из житий святых и творений святых отцов церкви чтения по дням всего года.

Здорное — вздорное.

И заутро праздник Ивана Богослова — 26 сентября — преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова (начало II в.).

...в Александрову слободу — загородную резиденцию Ивана Грозного, фактическую опричную столицу.

Мережами — рыболовными сетями.

Кукурки — «нуколь» — плащ, верхняя одежда.

Долгие стебли — длинные ручки.

Уноровить — попасть.

Повесть о начале царствующего града Москвы

«Повесть о начале царствующего града Москвы» («Сказание об убийстве Даниила Суздальского и о начале Москвы») входит в серию древнерусских сочинений об основании Москвы. Она возникла, видимо, во второй половине XVII в. между 1652 и 1681 гг. и, несмотря на кажущуюся историчность (повесть включалась даже в состав летописца), носит вымышленный характер.

В основу ее сюжета положены события, произошедшие в середине XII в. — основание суздальским князем Юрием Долгоруким Москвы и убийство в 1174 г. Кучковичами его сына Андрея Боголюбского (ок. 1110—1174). Автор повести, однако, переставляет события местами, взаимосвязывает между собой и переносит их в XIV в. (по другим редакциям — в XIII в.) Вместо Андрея Боголюбского появляется князь Даниил, сын Александра Невского, княживший в Москве в 1272—1303 гг., а основание Москвы приписывается его брату Андрею Александровичу. Да и сама сюжетная история о личной жизни князя носит вымышленный характер. Так что с полным основанием можно говорить о повести как чисто беллетристическом сочинении.

Причина появления повести кроется, видимо, в усилении в государственной жизни России XVII в. значения самодержавия и возвращении в середине XVII в. интереса к личности князя Даниила Александровича. В 1652 г. были открыты мощи князя Даниила и он был канонизирован. К тому же, он считался родоначальником московских князей. В его правление Московское княжество стало расширяться территориально, к нему было присоединено переяславское княжество. Дело отца продолжили его сыновья. При Юрии Даниловиче Москва стала великим княжеством, а Иван Калита направил все силы на объединение вокруг Москвы северо-восточной Руси.

На этом подъеме интереса к родословной московских князей и возникла вымышленная история гибели Даниила Александровича (не случайно в тексте повести он сравнивается с великомучениками святыми

Борисом и Глебом, вероломно убитыми братом Святополком) и основания Москвы.

Повесть печатается по списку конца XVII в., опубликованному в книге: Русская повесть XVII века. — М., 1954. — С. 74—81.

...села красныя... боярина Кучка Стефана Ивановича. — В повести, как уже говорилось, наличествуют псевдоисторические факты и имена. В заговоре против Андрея Боголюбского в 1174 г. действительно принимали участие Аким Кучкович и Петр, названный «Кучковым зятем», и об этом свидетельствуют Ипатьевская и Лаврентьевская летописи. Однако о боярине Стефане Кучке, жившем в XIII или XIV вв., источники ничего не сообщают. Интересно обратить внимание на другой факт, нашедший отражение в повести. Во второй половине XII в. Москва имела двойное название «Москва, рекше Кучково». В ней в XV в. имелось урочище «Кучково поле», а в Суздальской земле — волость «Кучка». В повести эти территории, видимо, превратились в «села красныя... боярина Кучка».

...единого пожаловал в стольники, а другога... в чашники. Стольник и чашник — должностные чины при дворе великого князя или государя. Чашники вначале заведовали питейными погребами, руководили дворцовым ведомством; позднее, в XVII в., когда создавалась повесть, в обязанности чашников входило присутствие на торжественных обедах. Стольники в XVII в. прислуживали князьям и царям на таких обедах.

...княгине Улите Юрьевне — вымышленный персонаж.

...к брату своему князю Андрею Александровичу. — Андрей Александрович — великий князь Владимирский с 1282 по 1304 г. В повести ниже он назван и основателем Москвы и первым ее князем. На самом же деле он никакого отношения к Москве не имел.

...перви мученицы Борис и Глеб. — Родные братья Борис и Глеб, сыновья киевского князя Владимира Святославича, крестителя Руси, были убиты в 1015 г. братом Святополком. Они стали первыми святыми великомучениками Древней Руси. Четвертым святым автор повести называет Даниила Александровича: в 1652 г. были открыты его мощи и он был канонизирован. Этот факт и нашел прямое отражение в повести.

И тако соверши град... в лето 6891-го июля в 7 день. И оттоле нача именоватися новосозданный град Москва. — Как известно, в Ипатьевской летописи Москва упоминается впервые под 1147 годом по случаю встречи черниговского князя Святослава Ольговича с суздальским князем Юрием Долгоруком.

...державствовати благословил племянника своего Иоанна Даниловича. — Опять неточная информация. После Даниила Александровича в Москве княжил не Андрей Александрович, а старший сын Даниила — Юрий (Георгий). Иван же Данилович, по прозванию Калита, был великим князем московским в 1325—1340 гг.

Повесть о царе Михаиле

«Повесть о царе Михаиле» («Слово о благочестивом царе Михаиле») возникла на Руси в середине XVII в. Прототипом героя повести стал византийский царь Михаил (842—867), о котором русский автор мог узнать из переведенных на Руси византийских хроник Зонары, Георгия Амартола, Манассии, по русским хронографам и т. д.

Оценка личности царя в византийских источниках и русской повести диаметрально противоположна. Если в исторических сочинениях о нем говорится как о пьянице, самодуре, то в повести отмечается его благочестие. Собственно, таким и должен был быть идеальный царь, который погибает от вероломства своего соправителя.

Историческим прототипом конюха («извоздника») Василия был византийский император Василий Македонянин (867—886). Поскольку повесть возникла в России, в ней много чисто русских бытовых черт и деталей: окружают царя Михаила князья и бояре, а охраняют стрельцы, при приеме гостей царь сидит на престоле, ходит к заутрене и т. д.

Текст повести печатается по списку середины XVII в., опубликованному М. Н. Сперанским: С п е р а н с к и й М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке. // ТОДРЛ. — Т. 1. — Л., 1934. — С. 161—164.

...Московские области извоздникъ некто, имянем Василей...— Здесь явная описка, должно быть Македонские. Занявший царский престол после Михаила Василий происходил из македонских крестьян. Своё прозвище Македонянин он получил за основание на византийском престоле македонской императорской династии.

Сказание о древе золотом и золотом попугае и царе Михаиле

«Сказание о древе золотом и золотом попугае и царе Михаиле» было написано в то же время, что и «Повесть о царе Михаиле», не исключено, что одним и тем же автором.

Сведения по византийской истории для повести могли быть почерпнуты автором из Русского Хронографа, который содержал рассказ о создании императором Феофилом золотого дерева с драгоценными птицами и о его пьянице-сыне Михаиле, пропившем все богатство. Кстати, византийский царь Михаил имел прозвище Пьяница, что нашло отражение в повести, но не в отношении к главному герою — самому царю Михаилу. Как и в предыдущей повести, он изображен благочестивым и мудрым правителем. Ему приписано создание золотого древа, на него перенесены положительные черты отца, а в качестве отрицательного героя выступает вымышленный персонаж — царь Левтасар, которого автор и наделил всеми «достоинствами» исторического Михаила.

Русский писатель придумал комбинационно сложную повесть, объ-

единив в ней три ранее между собой не связанных сюжета, создав оригинальное беллетристическое сочинение.

В основу сюжетной линии второй части «Сказания» легло хорошо известное древнерусским читателям из Библии пророчество царю Валтасару (Книга пророка Даниила, гл. V). Заметна близость имени героя повести библейскому герою. Дарий Мидянин только лишь упомянут в Книге пророка Даниила, и сцену убийства им Левтасара, очевидно, придумал древнерусский автор.

Повесть была широко популярна в Древней Руси и имела различные варианты.

Текст ее печатается по рукописи XVII в., опубликованной М. Н. Сперанским: С перанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке // ТОДРЛ. — Т. 1. — Л., 1934. — С. 164—170.

...в вестовой колоколь... — Очевидно, автор имел в виду вечевой колокол, с помощью которого собирали жителей Новгорода и Пскова на вече — общее собрание.

Повесть о царе Казарине и о жене его

«Повесть о царе Казарине и о жене его» — еще одно древнерусское сочинение на сюжет из византийской истории. В 695 г. византийский император Юстиниан II был низвергнут и выслан в Херсон. Ему удалось бежать в Хазарию, где он женился на дочери (или сестре) хакана Феодоре, и организовать с помощью болгарского хана Тервеля поход на отнятый Константинополь. Город был взят, а узурпатор Леонтий казнен.

Но события в литературном произведении опять изменены: как в деталях, так и в самом сюжете. Захвативший силой престол Леонтий, по сюжету повести, был убит, когда ехал на охоту. Возможно, на такую версию гибели Леонтия автора повести натолкнуло название места казни Леонтия — Кинигий, что значит «псовая охота». Покинутая вновь воцарившимся Юстинианом жена-хазарка (в повести сам император назван хазарином) приходит во дворец отстаивать свои права на мужа у его повой жены-императрицы и добывается своего...

Повесть имела успех в XVII в. и помещалась в исторические сочинения как дополнительная статья после текста летописи или хронографа.

Печатается по рукописи XVII в., опубликованной Н. С. Демковой: Демкова Н. С. Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ // ТОДРЛ. — Т. 37. — Л., 1983. — С. 380—381.

Сказание о молодце и о девице

«Сказание о молодце и о девице» построено в форме любовного диалога юноши и девушки. Оно известно в пяти различных списках XVII—XVIII вв. Точное время возникновения произведения неизвестно,

но, судя по любовной теме, положенной в основу, оно могло возникнуть в середине — второй половине XVII в.

Текст «Сказания» публикуется по рукописи XVII в. по изданию: П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. — М., Пг., 1923. — С. 81—84.

...*Настаси Даниловы жены Вовчева* — героиня русской былины о Даниле Ловчанине. Когда, подстрекаемый приближенными, князь Владимир коварно убивает Данилу Ловчанина, чтобы взять Настасью себе в жены, Настасья закалывает себя над телом мужа.

...*Овдоти Семеновы жены Коромышева*. — Имя Семена Константиновича Карамышева известно из казачьих песен, однако в дошедших до нас текстах его жена не упоминается.

...*Василисты Ставровы жены Годунова*. — Здесь явная ошибка или описка автора. Имелась в виду Василиса, жена былинного богатыря Ставра Годиновича, отличавшаяся особой красотой, умом и смелостью.

...*Раксаны царицы Александра царя Макидонскаго*. — Роксана — жена царя Александра Македонского, персонажа литературного романа об Александре — «Александрия». Совершила аналогичный Настасьиному поступок.

Притча о старом муже и молодой девице

«Притча о старом муже и молодой девице», так же как и «Сказание о молодце и о девице», построена в форме любовного диалога с той разницей, что уже ведет разговор с девицей старик. Скорее всего, обе повести возникли в одно время — во второй половине XVII в., когда любовная тема завоевала место в беллетристике.

Текст притчи печатается по списку XVII в., опубликованному в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых гр. Григорием Кушелевым-Безбородко под редакцией Н. Костомарова» (Вып. I—II. — Спб., 1860. — С. 453—454)

Повесть о разуме человеческом

«Повесть о разуме человеческом» («От книг бытий татарских о разуме человеческом») возникла в русской среде в начале XVII в. Она состоит из двух притч (новелл), сюжеты которых основаны на восточном фольклоре и восходят к глубокой древности. Приблизительно в одно время с обработкой этих сюжетов на Руси они вошли в виде притч в состав «Книги мудрости и лжи» грузинского писателя Сухлана-Сабы Орбелиани (1658—1725).

Первый из них — о двух братьях: глупом и хвастливом, за что едва не полатившемся жизнью, и умном, спасшем своего брата благодаря своей сообразительности. Второй (именем героя связанный с первым) — о свирепом султане и его мудром советнике — нашел отражение в

«Тысячи и одной ночи». Один из мотивов этого сюжета — о птичьем языке — был знаком и русской сказке.

Интересно отметить, что древнейший список этой повести помещен в рукописи следом за Пискаревским летописцем, созданным в 1610-х гг. Как и в случае с повестями о царе Михаиле, литературное произведение помещалось рядом с историческим. Вероятнее всего, повесть возникла в кругах московских приказных, т. е. служилых, людей.

Текст повести издается по списку 1620—1640 гг., опубликованному М. О. Скрипиным — ТОДРЛ.— Т. VI.— М.— Л., 1948.— С. 324—327.

...*Улус* — название становища кочевников или территория, принадлежащая родовой общине.

Пристав — не смотря на восточный сюжет, в повести отразились реалии русской жизни. Пристав — должностное лицо в Древней Руси, приставленное для надзора за исполнением какого-либо дела.

Уланы — в русской армии легкая кавалерия, вооруженная пиками.

Повесть о Ерше Ершовиче

«Повесть о Ерше Ершовиче» возникла в начале XVII в. и принадлежит к самым ранним произведениям «демократической сатиры» — литературного слоя, открытого В. П. Адриановой-Перетц в литературе XVII в.

Повесть изображает земельную тягбу Ерша и Леща «с товарищи» из-за Ростовского озера, в которой отразились социальные перемены периода сложения поместной системы землевладения, когда практиковался насильственный захват крестьянских земель помещиками.

Повесть представляет собой сатиру на судебное разбирательство спора. Несколько позднее появился рифмованный прибауточный рассказ о поиске Ерша, который ушел в хворост, недовольный решением суда.

«Повесть о Ерше Ершовиче» была популярна в XVII в. в народной среде и сохранилась в более чем 30 списках. Ее герой — Ерш Ершович переключал в лубочные картинки и сказки.

Текст повести печатается по списку конца XVII в., опубликованному В. П. Адриановой-Перетц в книге: Русская демократическая сатира XVII века.— М., 1977.— С. 7—12.

...*судные мужики*... — представители местного населения, наблюдавшие за правильностью ведения судебного процесса.

...*за Вандышева сына*... — «Вандышами» называют мелкую рыбешку. Произведенная от этого слова фамилия указывает на худородство героя.

Уличаем Божию правдою да крестным целованием. — «Божия правда», «общая правда», «общая ссылка» — свидетельство, признаваемое на суде обеими сторонами. «Крестное целование» — клятва, судебная присяга.

Сошлемся, господа, из виноватых.— В судебном процессе XVI в. практиковалась «ссылка из виноватых» — ссылка на свидетеля, с условием безоговорочного принятия его показаний, даже если он покажет против сославшегося на него.

...рыба Лодуга.— Лóдог (лóдьба) — северная рыба, водившаяся в реке Сосьве.

...а ездю платить нечем.— «Езд» — оплата доставки понятыми и приставом свидетелей издалека, причем за «общего» свидетеля («общей правды») платили истец и ответчик поровну.

...с Ильина дни да до Семеня дни летоначатьца...— В XVII в. год начинался (по старому стилю) с 1 сентября, на Семенов день, отсюда еще одно название Семена-Симеона Летоприводец (как и времени года, так и года вообще). На Илью, в Ильин день — 20 июля (по старому стилю) заканчивается лето и начинается осень. «Илья лето кончает, жито зажинает», — говорят в народе.

...рыба Кострошь.— Костёръ, костерá — разновидность осетровых рыб.

Повесть о Шемякином суде

В «Повести о Шемякином суде» использован «бродячий» сюжет о неправедных судьях, хорошо известный в средние века на Востоке и на Западе. На Руси повесть возникла в XVII в. на основе сказки и носит оригинальный характер. Автор вводит в повесть черты русского быта XVII в. и описывает бытовавшую в ту пору практику судопроизводства. Написана она в сатирическом ключе по поводу судебных разбирательств и взяточничества судей. Но в ней присутствует и народная самоирония.

В повести описаны два брата — имущественно неравные. Один — богатый, другой — бедный. Но в самом древнерусском тексте только однажды бедный назван бедным. На всем протяжении повести подчеркивается, что он убогий, т. е. не только небогатый имущественно, но и нищ умом. «Убогий» — Богом обделенный умом. Отсюда его нищета. Ведь его имущий брат неоднократно помогал ему, но не смог вывести из нищеты. А почему — видно из глупых поступков убогого. К тому же, он явный неудачник. И в этом тоже его «убогость».

Текст повести печатается по списку конца XVII в., опубликованному В. П. Адриановой-Перетц в книге: Русская демократическая сатира XVII века.— М., 1977.— С. 17—19.

...о Шемякине суде.— Как второе имя или прозвище «Шемяка» было известно на Руси в княжеской среде с XIII в., однако позднее имя сменило среду обихода и с XVI в. встречается у крестьян, дворовых и служилых людей, помещиков. Выражение «Шемякин суд» обозначает «кривосуд», несправедливый суд.

...что будет на него... посылка...— вызов на суд.

...ис приказу. — «Приказная изба», «городовой приказ», «приказные палаты» — помещение, в котором воевода производил суд.

Сказание о крестьянском сыне

Все семь известных нам списков повестей о крестьянском сыне представляют собой самостоятельные варианты сочинения на одну тему. Мы остановились на двух из них. Они возникли в самом начале XVII в. (в скорописной азбуке 1620 г. попа Тихона, входящей в состав его «Прописей», имеется выписка из «Сказания»), но дошли в рукописях только XVIII в.

«Сказание» представляет собой сатиру на двух выходцев из крестьянской среды — лентяя, который предпочел учению легкую наживу воровством у богатых мужиков, и такого вот богатого и глупого мужика, принявшего вора за ангела, поскольку тот комментировал свои воровские действия выражениями, похожими на цитаты из Святого Писания.

Тексты «Сказания» и «Повести» печатаются по спискам XVIII в., по изданию: Русская демократическая сатира XVII века. — М., 1977. — С. 87—89.

Повесть об Иване Пономаревиче

«Повесть о Иване Пономаревиче, како имел брань с турецким салтаном», сохранившаяся в единственном списке первой четверти XVII в., была написана человеком, увлекающимся переводными рыцарскими романами. Под впечатлением от них он и написал приключенческую повесть о богатыре Иване Пономаревиче, используя многочисленные реминисценции из русского фольклора.

Действие повести происходит в «чужой стране» — в Турции и «арипарской земле», соответственно этому герои повести носят чужеземные имена — Кварт, Алиострог, Клеопатра. И только главный персонаж повести имеет особо чтимое у русских имя Иван, по прозвищу Пономаревич. И своим прозвищем (сравните с богатырем Алешей Поповичем), и многочисленными ратными подвигами он напоминает русских былинных богатырей. Автору можно простить некоторые литературные погрешности, ведь его сочинение — один из первых опытов русской авантюрной повести.

Текст «Повести об Иване Пономаревиче» публикуется по изданию: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова. — Вып. I—II. — Спб., 1860. — С. 319—322.

Сказание о Еруслане Лазаревиче

«Сказание о Еруслане Лазаревиче» («Сказание и похождение о храбрости, о младости, и до старости его бытия, младаго юноши и прекраснаго русского богатыря, зело послушати дивно, Еруслона Лазаревича») также относится к оригинальным древнерусским произведениям с заимствованным сюжетом. Появилось оно на Руси, очевидно, в начале XVII в. как пересказ восточного сказания о персидском богатыре Рустеме, имевшего древнейшие корни и уже в X в. входившего в поэму «Шах-наме» («Книга о царях») персидского поэта Фирдоуси.

Исследователи древнерусской повести допускают, что ее автор был знаком с творением Фирдоуси, и поэтому повесть имеет лишь слегка измененные имена основных персонажей «Шах-наме»: Рустем превратился в Еруслана (Еруслона); шах Кейкаус — в царя Картауса Картаусовича; богатырь Заль-Зар — в князя Лазаря Лазаревича и т. д. К тому же, два основных эпизода повести — освобождение царя Картауса и его богатырей из темницы Ерусланом и его бой с сыном — также восходят к сюжету поэмы. В ней использованы и мотивы восточного фольклора, и специфическая лексика.

И тем не менее древнерусское «Сказание о Еруслане Лазаревиче» это оригинальное произведение. В нем в гораздо большей степени чувствуется русский фольклор, на основе которого разрабатывались отдельные эпизоды и сюжет повести в целом. Дальнейшая литературная обработка повести в XVII в. сделала ее полностью «русской». Это одна из самых популярных повестей XVII в., превратившаяся со временем в народную книгу. Ее главный герой Еруслан Лазаревич занял свое место в ряду русских богатырей. Повесть переписывалась, переделывалась, рассказывалась как сказка, издавалась в виде лубочных картинок и, наконец, шагнула из России в Европу: в 1831 г. один из лубков был переведен на немецкий язык и издан в Лейпциге.

Ею зачитывались русские поэты и писатели, делали ее литературные обработки (начиная с М. М. Хераскова). Эпизод встречи Еруслана Лазаревича с богатырской головой использован А. С. Пушкиным в поэме «Руслан и Людмила».

Текст повести публикуется по списку конца 1710-х гг., изданному в кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под редакцией Н. Костомарова. — Вып. I—II. — Спб., 1860. — С. 325—339.

...и сильные гости... — знатные купцы.

...то мне...за обычай... — понятно, ведомо.

...во аграмаках... — т. е. в аргамаках. Аргамак — конь-иноходец из породы крупных азиатских лошадей.

...и имения многое множества... — богатства.

...*седло черкасское*. — «Черкасами» в XVII в. называли запорожских казаков; стало быть, «черкасское» — казацкое.

...*войлочки косячатые* — потник, сшитый из кусков войлока.

...*по губам морским* — по заливам.

...*конь сив подласть* — лошадь сивой масти с рыжеватыми «подпалинами».

...*шти лет* — шести лет.

...*ездит во объездихъ головахъ*. — *Объезжий голова* — в XVI—XVII вв. на Руси начальник конного сторожевого отряда.

...*гоголь* — утка-нырок.

...*во белой епанче* — япанча — плащ, накидка.

...*шляпа сорочинская* — сарацинская, т. е. итальянская.

Повесть о царе Аггее

Первые собственные повести о царе Аггее появились на Руси в конце 70-х гг. XVII в. В основу их был положен международный сюжет о царе, лишенном престола за отрицание истинности слов Святого Писания.

Рассказ о гордом царе можно было прочесть в переведенной в 1677 г. с украинского языка на русский книги Иоанникия Галытовского «Небо Новое». Довольно быстро повесть обрела большую популярность в России, и в 70—80-х гг. появляются многочисленные ее варианты (до нас дошло 16 редакций повести). Все они не отличаются особыми литературными достоинствами, исключение составляет лишь «Повесть о царе Аггее» в литературной обработке Никифора Симеонова (ум. 1686), справщика московского Печатного двора. Это был очень образованный книжник, обладатель значительной по тем временам библиотеки в 300 рукописных и печатных книг, серьезно интересующийся литературой и пользующийся авторитетом среди писателей.

Текст «Повести о царе Аггее» в редакции Никифора Симеонова печатается по рукописи XVII в., опубликованной Е. К. Ромодановской в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. — М., 1988. — С. 267—269.

...*чтущие святое Евангелие...* «Богати обнищают, а нищи обогатеют»... — Здесь неточная цитата из Псалтири.

Повесть о царе и мельнике

«Повесть о царе и мельнике» — еще одно оригинальное древнерусское сочинение конца XVII — начала XVIII в., построенное на заимствованном сюжете. Этот сюжет известен в мировой литературе и фольклоре с IX в. — с арабской версии Ибн-Абдулхакама. По наблюдению В. Андерсона, исследовавшего историю сюжета, насчитывается 595 его литературных и фольклорных вариантов. Однако публикуемая русская повесть

обнаружена позднее и В. Андерсоном не учтена. Она отличается и от польских рукописных жарт, и от народной сказки (откуда и мог быть заимствован сюжет) мотивировкой конфликта между царем и монастырем. В русской версии — это самодурство царя, который на старости был «в разуме неусовершен»

Повесть известна в единственном списке 30-х гг. XVIII в. и печатается по ее публикации: Демкова Н. С., Герасимова Н. М. Русская обработка сюжета о состязании мельника с царем//ТОДРЛ.— Т. 33.— М.; Л., 1979.— С. 367—368.

Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне

«Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Тюмрюковне» возникла во второй половине XVII в. Несмотря на то, что большинство ее персонажей исторические лица, ее нельзя отнести к историческим сочинениям. Ее автор свободно оперирует историческими фактами, выдумывает «точные» даты и впечатляющие цифры и выстраивает сюжетную линию согласно своей воле. В результате причинной связью соединены два реально независимых друг от друга исторических события: присоединение в 1556—1557 гг. к Московскому государству Астраханского ханства и женитьба в 1561 г. Ивана Грозного на Марии Темрюковне, дочери кабардинского князя. В итоге получилось беллетристическое сочинение, основанное на произвольном использовании фактов русской истории.

Повесть затрагивает одну из важнейших тем мировой литературы — тему судьбы и в ее трактовке отходит от традиционного для древнерусской литературы «Божьего суда» — заранее предопределенного наказания за грехи. Наоборот, праведная жизнь героини и ее внезапная гибель заставляют задуматься над человеческой судьбой и превратностями жизни.

Повесть известна в единственном списке. Ее текст печатается по рукописи начала XVIII в., опубликованной С. К. Росовецким в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая.— М., 1989.— С. 5—15.

В лето 7072-го... ходил... под Астрахань... — На самом деле Астраханское ханство было присоединено к Москве в 7064—7065 гг., то есть в 1556—1557 гг., и касимовский «царь» Шихалей (Ших-Али) не принимал участия в этой акции.

А мурза былъ въ то время Теврюгъ Юньгичъ. — Искаженная информация. Темир-Гуки (Темрюк Айдарович), кабардинский князь, никогда не владел Астраханью.

...единородную мою и прекрасную и любезную дочьь Марию Теврюговну... — Мария — христианское имя дочери Темрюка Кученей, полученное ею после крещения 20 июля 1561 г. в Москве. Она имела старшую

сестру, поэтому не могла быть единственной дочерью (то есть «едино родной») Темрюка.

...въ Златой Орде на Кутумовъскомъ острове под градом Астраканью.— На самом деле к тому времени Золотая Орда уже перестала существовать, и владения Темрюка названы так, видимо, под влиянием фольклорной традиции.

...и дядюшка его Никита Ивановичъ Романовъ.— Видимо, имелся в виду боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев.

...Филиппъ митрополитъ...— На самом деле, в 1564 г., о котором повествует сочинение, митрополитом в Москве был Афанасий, а Филипп возглавлял русскую митрополию в 1566—1568 гг.

...и Славенъския земли...— Новгородские земли.

...и подпечатавъ перстнемъ своимъ... на нем же сам написан.— Изображение на государственной печати России Георгия Победоносца, поражающего копьём змея, воспринималось в народе как изображение царя.

И брата ея присного Машрюка с нею въ корабли остави...— На самом деле с Кученей находился другой ее брат — Доманук.

...преосвященному митрополиту Гурию казанскому и свияжскому.

Первый архиепископ казанский и свияжский (с 1555 г.) Гурий ошибочно назван митрополитом.

...просветити святымъ крещениемъ царевну Марию Теврюговну.— В действительности Кученей крестилась 20 июля 1561 г. в Москве.

...и городъ поставиша выбойчатой...— Отзвук о роскошном палаточном городе, поставленном под Серпуховом на Оке летом 1598 г. для Бориса Годунова.

И посла по митрополита Филиппа... Совокупи... законнымъ бракомъ...— Венчал Ивана Грозного и Марию Темрюковну митрополит Макарий 21 августа 1561 г.

И тако поживе... год и месяцъ в...— На самом деле этот брак длился 8 лет.

И окормлена бысть от изменниковъ отравою...— Летом 1569 г. Иван Грозный совершил с женой поездку в Вологду. В пути Мария Темрюковна тяжело заболела и по возвращении в царскую резиденцию — Александрову слободу скончалась. Обвинение в ее отравлении выдвинул сам Иван Грозный. По мнению современных историков, оно безосновательно.

...столика Василья Хомутова — вымышленный персонаж.

Повесть о Тверском Отроче монастыре

В древнерусской литературе к XVII в. уже прочно устоялся жанр повестей об основании монастырей, с определенным сюжетным каноном. Действие повести начиналось с поиска места, Божественного знамения,

указывающего на нужное место, затем шло описание подготовки территории, строительства часовни или храма, обустройства монастыря и рассказ или сообщение о его процветании.

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» также могла строиться по этой сложившейся схеме, если бы автор не увлекся романтической историей любви легендарного основателя монастыря отрока Георгия к девице Ксении. История душевной драмы, ставшей причиной ухода Георгия из мира, предпослана самой истории основания монастыря. А параллельно описана счастливая любовь и брак Ксении и тверского князя Ярослава Ярославича. И хотя в произведении много исторических и географических реалий, воспроизводящих в условиях XVII в. русский быт второй половины XIII в., оно не может служить достоверным историческим источником.

В повести доминирует вымысел, и сюжет в ее первой части строится под воздействием свадебной песни и самого свадебного обряда и лишь во второй — по законам жанра. Использование образов и художественных средств народной поэзии в описании сильных чувств и переживаний героев делает повесть особенно поэтичной.

Она была популярна не только в читательской среде, но и среди писателей XIX—XX вв., использовавших ее в своих сочинениях или же делавших собственную ее литературную обработку: И. Глушков («Ручной Дорожник»), В. Т. Нарезный («Георгий и Елена»), А. Шаховской («Сокол князя Ярослава...»), П. Н. Полевой («Ненароком»), Т. Северцов («Княжий отрок») и др.

Текст повести печатается по списку XVIII в., опубликованному М. О. Скрипицем в кн.: Русская повесть XVII века.— М., 1954.— С. 116—125.

В лета великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго.— Ярослав Ярославич (1230 (?) — 1271) — с 1247 г. великий князь тверской, основатель династии тверских князей, с 1263 г. великий князь владимирский.

...в селе... Едимоново...— село Едимоново на левом берегу Волги в 40 верстах от Твери.

Великая же княгиня его Ксения...— Во втором браке Ярослав Ярославич был женат на дочери новгородского боярина Юрия Михайловича Ксении (ум. 1312).

...отрок прииде... от града Тфери пятнадцать поприщ, на место боровое.— На полях одной из рукописей имеется помета: «ныне стоять именуемое село Бор», а на старых географических картах отмечено село Бор, стоящее на реке Тверце в 15 верстах от Твери.

...со святителем Петром митрополитом московским...— Митрополит Московский и всея Руси Петр был хиротонисан в 1308 г., умер 20 декабря 1326 г., канонизирован в 1339 г.

И назвася место то от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь

монастырь.— По предположению В. Ф. Ржиги, «в то древнее время отрочим мог называться вообще мужской монастырь», в противоположность «девичью» — женскому.

Повесть о Савве Грудцыне

«Повесть о Савве Грудцыне», а точнее «Повесть весьма удивительная и истинная, о случившемся в нынешние дни, как человеколюбивый Бог являет человеколюбие свое народу христианскому», написана в 60-е гг. XVII в. неизвестным автором.

Действие ее охватывает время с начала века и до середины 30-х гг. XVII столетия. Персонажами выступают исторические лица — царь Михаил Федорович, бояре Семен Стрешнев и Борис Шеин. Достаточно известен был в XVII в. и купеческий род главного героя повести — Грудцыных-Усовых, входивший в сотню крупнейших торговцев. В повести описываются реальные исторические эпизоды — осада русскими войсками Смоленска в 1632—1634 гг. Однако это не историческая повесть, а беллетристическое сочинение из частной жизни молодого купеческого сына Саввы Грудцына.

Сюжетными источниками «Повести о Савве Грудцыне» были легенда о согрешившем юноше, который за мирские наслаждения продал душу дьяволу, покаялся и был прощен, и волшебная сказка, из которой взяты мотивы творения бесом чудес, поединков Саввы с вражескими богатырями и т. д.

Использование в повести двух сюжетных схем с переходом по ходу повествования с одного сюжетного прототипа к другому, с легенды на сказку, а со сказки на легенду, создает, по наблюдению А. М. Панченко, не характерный для средневековой литературы «эффект обманутого ожидания», когда вместо предполагаемого знакомого развития сюжета, скажем легенды, неожиданно следовал сказочный эпизод.

Использование неожиданности в качестве художественного приема характерно для литературы нового времени, вот почему «Повесть о Савве Грудцыне» считают первым опытом русского романа.

Автор повести, сочувствуя юноше, попавшему в увлекательный водоворот жизни и не устоявшему перед ее соблазнами, выражает свое отрицательное отношение к «прелестям жизни» — любовным страстям, наслаждению, славе и богатству. Истинный христианин должен противиться этому бесовскому наваждению. Но, как талантливый художник, он отражает эти новые веяния своего времени в созданном им сочинении.

«Повесть о Савве Грудцыне» печатается по списку XVIII в., опубликованному М. О. Скрипилем в кн.: Русская повесть XVII века.— М., 1954.— С. 82—102.

...в лето 7114... попусти Бог на Московское государство... Гришку Растригу Отрепьева.— Речь идет о бывшем монахе («растриге»),

самозванце Григории Отрепьеве, назвавшимся чудесным образом спасенным царевичем Дмитрием. В исторической литературе он известен как Лжедмитрий I (1601—1606). В повести указан 1606 г.

...великаго государя царя... Михаила Феодоровича.— Михаил Федорович царствовал в 1613—1645 гг.

...за Хвалынское море в Шахову область.— За Каспийское море, в Персию. Казань, куда перебрался Фома Грудцын с семьей, была центром торговли с Востоком.

...бысть мещанин града того именем... Бажен Второй.— Бажен — мирское, а не христианское имя. Уточнение «Второй» говорит о наличии у него старшего брата с тем же именем Бажен, но уже «Первый».

...множество юношей крылатых стоящих; лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны.— По христианским представлениям, Божественному «свету» противостоит дьявольская «тьма». Она находится в преисподней (в повести город дьявола находится «в некоем раздole»), сам дьявол и его слуги демоны и бесы «темны», «сини», «черны».

...Михаил Феодорович... изволил послать воинство свое противу короля полскаго под град Смоленск.— Поляки заняли Смоленск в 1611 г. Русские предпринимали три попытки вернуть город. В повести речь идет о второй из них, происходившей в 1632—1634 гг.

...и по его царскому указу... набираху новобранных... солдат.— Начало формирования русских полков относится к 1630 г., времени подготовки к войне с Польшей за Смоленск.

...боярин Семен Лукьянович Стрешнев.— Брат царицы Евдокии, урожденной Стрешневой. В описываемое время ему было 16—18 лет и он еще не был боярином.

Той же Савва поставлен бе... в Зимине приказе.— Стрелецкое войско в XVII в. делилось на приказы, численностью от 200 до 1200 человек. Командовали ими стрелецкие головы, которые подчинялись воеводе. После 1682 г. приказы были переименованы в полки, а стрелецкие головы — в полковников.

...надо всеми же полками тогда боярин бысть Федор Иванович Шейн.— Боярина Шейна, командующего русскими войсками под Смоленском, звали в действительности Борисом Михайловичем. За неудачную осаду города он был обвинен в измене и казнен в 1634 г.

Боярин же начат всякими нелепыми словесы поносити его...— По царскому указу 1632 г. запрещалось записывать в войска торговых людей посада, поэтому Шейн и прогоняет сына купца из действующей армии.

...церкви тоя Казанския Богородицы...— Церковь Казанской Божьей Матери была построена на Красной площади около 1636 г. Ныне, увы, не существует.

Повесть о Фроле Скобееве

«История о российском дворянине Фроле Скобееве» вышла, видимо, из среды обедневшего дворянства или же приказного чиновничества в конце XVII— начале XVIII в.

В ней отсутствует характерное для средневековой литературы религиозно-философское осмысление жизни. Основу ее занимательного сюжета составили удачливые проделки молодого человека и любовная интрига. Не провиденциализм и вмешательство потусторонних сил, а характер героя и среда, в которой он живет, оказывают влияние на его поступки. В повести много бытовых зарисовок, и, несмотря на значительное количество канцеляризов, повесть необходимо отнести к лучшим произведениям древнерусской литературы.

Текст повести печатается по списку XVIII в., опубликованному в кн.: Русская повесть XVII века.— М., 1954.— С. 155—168. Подготовка текста И. П. Лапицкого.

...дворенин Фрол Скобеев... вотчины столника Нардина-Нащокина...— эти фамилии встречаются в документах XVII в., но наши персонажи вымышлены.

...отстань за ябидю ходить...— т. е. перестань заниматься подьячими делами. «Ябида» — площадной подьячий, не состоявший на государственной службе, а зарабатывавший составлением и перепиской различного рода бумаг.

...на Ивановской площади против Ивана Великого.— На Ивановской площади в Московском Кремле, названной по колокольне Ивана Великого, во второй половине XVII в. были сосредоточены правительственные приказно-административные учреждения. Здесь же находилась и Ивановская палатка, где сидели площадные подьячие.

Повесть о некоем убогом отроце

«Повесть о некоем убогом отроце, иже молением матерним ко святому отцу Николаю чудотворцу не токмо богатства получи, но и царем соделася» возникла, видимо, в XVII в. на основе сказок и народных преданий о Николе-чудотворце.

Один из мотивов ее сюжета близок сюжету сказки «Иван — купеческий сын отчитывает царицу», а мотив о «чудесном помощнике» — к древнерусской «Повести о купце, купившем мертвое тело» (см. ниже). Собрав их воедино и умело распорядившись, автор создал оригинальную остросюжетную повесть о бедном юноше, ставшем царем.

В XIX в. тот же сюжет о смерти ведьмы и чтении над ней в церкви Псалтири использовал Н. В. Гоголь в повести «Вий».

«Повесть о некоем убогом отроце» печатается по списку XVIII в.

по изданию: Демкова Н. С. Из истории русской повести XVII в. // ТОДРЛ.— Т. 42.— Л., 1989.— С. 407—409.

Повесть о Горе и Злочастии

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин» вышла из-под пера неизвестного автора скорее всего в середине XVII в. В ее основу положен бытовой сюжет о судьбе «добра молодца», послушавшегося родительского наказа и доведенного нищетой до отчаяния.

Написана она в традиционном стиле устной народной поэзии, народным стихом. Однако это не фольклорное произведение, а литературное. Оно занимает промежуточное, а точнее сказать, связующее положение между древнерусской литературой и литературой нового времени. Для традиций древнерусской литературы новыми были и народный язык, и безымянный герой — выходец из служилого сословия, и осознание ценности человеческой жизни, и тема человеческой судьбы.

«Повесть о Горе и Злочастии» сохранилась в единственном списке первой половины XVIII в. Печатается по изданию: Русская повесть XVII века.— М., 1954.— С. 103—115. Подготовка текста М. О. Скрипиля.

...от едемского древа великаго — то есть райского дерева. Едем — рай.

...место большее — здесь: не соответствующее твоему чину.

...головы кабацкие — то есть завсегдатаи и заводилы питейных заведений (ср. головы стрелецкие).

Повесть о Карпе Сутулове

Хотя традиционно это произведение называют «Повестью о Карпе Сутулове», но на самом деле это повесть о его благочестивой жене Татьяне. Полное название ее: «Повесть о некотором госте богатом и славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене его, како не оскверни ложа своего».

Эта оригинальная древнерусская повесть написана на широко распространенный в мировой литературе сюжет об остроумных проделках женщины, которые помогли ей избавиться от любовных притязаний поклонников. Мотив этот использован в «Декамероне» Боккаччо, в несколько иной интерпретации в древнерусской «Повести о благочестивой вдове» (см. выше). Известен он и русской сказке. Однако «Повесть о Карпе Сутулове» не повторяет в целом ни одно из этих произведений.

Популярный сюжет подвергся на русской почве значительному обрушению. Действие повести разворачивается в типично русской бытовой обстановке с ее купеческим укладом и с воеводской властью в городе.

Герои носят русские имена. Муж героини — Карп Сутулов — уезжает торговать в Литву — привычный путь русских купцов XVII в.

Непривычным было для древнерусской литературы только фривольное осмеяние представителей духовенства. Столь откровенная антиклерикальная сатира могла появиться только в демократической среде.

Повесть сохранилась в единственном списке XVIII в. Печатается по его переизданию в кн.: Русская повесть XVII века. — М., 1954. — С. 148—154.

...како я могу убежати от огня будущего? — Понятие «будущего» в средневековье связывалось с вечной жизнью после смерти. «Будущий огонь» — это адский огонь, в котором будут пребывать грешники.

...во всем разрешу — то есть отпущу все грехи.

...в третьем часу дни... в 6 часу дни.. — В Древней Руси (до 1722 г.) отсчет дневного времени велся от восхода солнца, поэтому его продолжительность менялась в разное время года: от 9 часов в декабре до 15 в июне. В церковной практике день делился на 12 часов, составлявших четыре периода по три часа: утро, первую половину дня, вторую половину дня, вечер.

...шед во град на воевоцки двор. — В 1708 г. воеводская власть была заменена комендантской; стало быть, повесть была написана до начала XVIII в.

Повесть о купце Григории

«Повесть о купце Григории» — еще одно древнерусское произведение, созданное в конце XVII—начале XVIII в. на основе мирового сюжета, почерпнутого, видимо, из польского сочинения «О чернокнижнике и рыцаревой жене».

Древнерусский писатель сделал значительные изменения в сюжете: благочестивый рыцарь заменен православным купцом Григорием; по-другому изображено колдовство чародея; дана более привычная для древнерусской литературы мотивация поступков жены — «по действию диаволу» и «волхованию» и т. д. В результате получилась оригинальная русская повесть на мировой сюжет о жене и чародее.

Текст повести печатается по рукописи первой половины XVIII в., по изданию: С к р и п л ь М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. //ТОДРЛ. — Т. 6. — М.; Л., 1948. — С. 328—332.

Повесть о купце

«Повесть о купце» («Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем») возникла, скорее всего, на рубеже XVII—XVIII вв. В основу ее положен сказочный сюжет о «благородном мертвце». Как и повесть о Савве Грудцыне, она повествует о купеческом сыне, растратив-

шем отцовские деньги. Однако добродетельный юноша «Повести о купце» представляет собой диаметрально противоположность Савве Грудцыну. Его разумные и благочестивые поступки приводят в конечном итоге к богатству, жене-царевне и царству. Этого безымянного героя можно расценивать как литературный и нравственный антипод Савве Грудцыну.

Текст повести печатается по рукописи середины XVIII в., опубликованной М. О. Скрипилем в кн.: Русская повесть XVII века.— М., 1954.— С. 126—135.

...монастырь чудотворца Николая.— Этот монастырь более нигде не упоминается.

Повесть о некоем купце лихоимце

«Повесть о некоем купце лихоимце» возникла в конце XVII — начале XVIII в. В ней, как и во многих небольших беллетристических произведениях того периода, использованы мотивы сразу нескольких сюжетов, и прежде всего сказочного (ср. со сказкой «Скрипач в аду»), на их основе было создано оригинальное произведение.

Героем повести, что не свойственно было средневековой литературе, становится скоморох, который выступает в роли посредника между миром людей и преисподней и одерживает победу в состязании с бесами.

Повесть сохранилась в единственном списке. По предположению Н. С. Демковой, она была написана образованным книжником из новгородско-псковской земли: заметна связь сюжета повести с новгородской повестью XV в. о посаднике Щиле, былиной о Садко; Новгород славился своими скоморохами, а одно из древнейших фресковых изображений скомороха находится в Пскове.

«Повесть о некоем купце лихоимце» печатается по рукописи XVIII в., опубликованной Н. С. Демковой: Д е м к о в а Н. С. Из истории демократической беллетристики XVII в.// Исследования по древней и новой литературе.— Л., 1987.— С. 52—54.

Сказание о богатом купце

История возникновения «Сказания о богатом купце» во многом подобна истории создания «Повести о некоем купце лихоимце». Она появилась в конце XVII — начале XVIII в. и представляет собой обработку различных мотивов, известных по другим сюжетам.

Основной из них, в котором выступает Иисус Христос в образе нищего и наказывает гордого и чванливого богача, был ранее известен в учительной литературе («Пролог» под 18 октября — «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего») и русском фольклоре. Он совпадает с сюжетом известной русской сказки «О Марке богатом» и имеет сходство в некоторых деталях со сказкой о царе Соломоне (замена

младенца щенком). Однако, как полагают исследователи, в данном случае влияние на сказку оказали повести.

«Сказание о богатом купце» представляет пример беллетризации дидактического сюжета, наблюдавшейся в русских повестях конца XVII—начала XVIII в. (см. «Повесть о благочестивом рабе», «Повесть о царе Аггее»).

Текст «Сказания» печатается по его публикации О. А. Белобровой: Белоброва О. А. Сказание о богатом купце//ТОДРЛ.— Т. 21.— М.; Л., 1965.— С. 263—265.

Бранима аз нез...— В рукописи край листа оборван.

Аз родися...— Так в рукописи, по-видимому, здесь пропущено слово «слышах», то есть должно было быть «Аз слышах родися...».

...и даде Господь Бог тихои.— Так в рукописи, но, видимо, пропущено слово «ветр».

...и сел на малую яхту во обитель...— Здесь, по-видимому, пропущен глагол движения «и отбыл», «и поехал» или «и поплыл».

Взял дщерь свою <...>— На этом месте в рукописи слово написано неразборчиво. Да и вся фраза, видимо, переписана с ошибками и пропуском. Поскольку перед этим речь шла о матери, то должен был быть глагол «взяла», а после слова «законным» слово «браком».

Словарь древнерусских слов

А б и е — тотчас

А г а р я н е — мусульмане; иногда — язычники

А е р — воздух

А ж е — что, даже

А ж н о — как, как вдруг

А к и — такой, словно, как

А м и н ь — да будет так; истинно

А м о — куда, где

А щ е — если, хотя

Б а б а — повивальная бабка

Б е з в р е м е н н о — вневременно, постоянно, всегда, вечно; несвоевременно

Б е з д е л и ц а — безделица, пустяк; обман, поругание, бесчестие; небылица

Б е з о м о н к и — без ошибки

Б е з п р о т о р и ц а (б е с п р о т о р и ц а) — отсутствие издержек, расходов

Б е з т у т с т в о (б е с т у т с т в о) — бесстыдство

Б е с ч а с т н а (б е с с ч а с т н а) — несчастна, обижена невниманием

Б и с е р — жемчуг

Б и т ь ч е л о м — низко кланяться, просить о чем-то; жаловаться, подавать в суд

Б л а ж и т и — восхвалять

Б л а з н и т и — обманывать, соблазнять, порочить

Б л и ж н и ц ы — близкие

Б о — ибо, потому что, же

Б о р з о — быстро, скоро

Б р а н н ы е с о с у д ы — военные орудия

Б р а н ь — сражение, битва

Б р а т ч и н а — пир в складчину

Б р а ш н о — пища

В а ю — вашей (род. падеж)

В в и в ш е — положив, завернув

В е ж л е ц — гончий пес

В е л е л е н н ы й — очень красивый

В е л и й — большой

В е р в и е — веревка

В е р г н у т и с я — упасть, прыгнуть вниз, сверзться
В е р с т а — расстояние немногим более километра
В е с т ь, в е с и, в е д ы й — знать, знающий
В е с ь — селение, село
В е т х и — древний, исконный
В з я т и с я — подняться
В и н а — причина
В и н о г р а д — сад, виноград
В л о х и — итальянцы
В м е н я т и (в м е н и т и) — счесть, посчитать; изменить, обменять
В н е г д а — когда
В н и т и — войти
В о б о е м — в обхват
В о з б н у т и, в о з б у д и т и с я — проснуться
В о з г л а в и е — изголовье
В о з г л а в и е л о ж н о е — изголовье кровати
В о з н и к о в — лошадей
В о й л о ч к и — потник, войлочная подстилка
В о н я — благоухание, запах
В о р — преступник, злодей
В т а и — тайно, скрытно
В т о р и ц е ю — вдвойне
В ы н у — всегда
В я щ е — больше, более

Г а р м а т ы — пушки
Г а с н и к — кушак
Г о л о в е н к а — головешка
Г о н з н у т и — избежать
Г о р а з д ы — способны, умелы
Г о с т ь — купец
Г р е б е н и н н ы е — из оческов
Г у н к а к а б а ц к а я — старая изношенная одежда
Г у т ц ы — музыканты

Д е л е с и — дела
Д е н ь г а — мелкая древнерусская монета
Д е р н о в а я — земляная
Д е с н и ц а — правая рука
Д е т е л ь — создатель, творец
Д м е т и с я — пыжиться, надуваться, делаться надменным
Д о б р о т а — красота
Д о б р у б о ж д и в ы — оскудевшие в отношении к добру
Д о в о л ь с т в о в а л а — удовлетворяла потребности
Д о м ы к а л о — довело

До н де же — пока... не, до тех пор, пока
До не ли (же) — пока, пока не
До сп е ти — сделать, причинить; успеть, постараться, позаботиться
До сп е ш н о е о ж е р е л ь е ц о — ворот кольчуги
До су ж и е — способные, умелые
Д ра х (д ра г) — драгоценный
Д ре во де л ь ц ы — столяры или плотники
Д ро в ни — сани
Д ро ч и ти — ласкать, баловать, нежить
Д ру з и и — другие

Е г да — когда
Е ди но ю — однажды
Е же , во е же — которые, что
Е же х о в ы й — ежовый
Е ли к и й — который, какой
Е ли ко — как, сколько
Е пи сто ли я — письмо, послание
Е ры ж н ы е — слуги
Е че ри не (е че ри на) — распря
Е ю — их (вин. падеж)

Ж а д н ы х — желающих, стремящихся
Ж и во т — жизнь; имущество

З а бо ри на — жердь от забора
З а ве ч е н — заговорен (?); дан обет по поводу его рождения
З а з о р — позор, поношение
З а з о р ч и в о — пренебрежительно
З а л е з ти — приобрести, достать, найти
З а не — ибо, так как, потому что; поэтому
З а п н у т и с я — споткнуться, запнуться
З а п я т — сейчас же, тотчас же
З а т о ч н о е — отдаленное; пустынное
З а ч а т и е — основание, возникновение, начало
З а ш и б и т ь — убить
З л а т а р ь — золотых дел мастер
З ле — жестоко
З н а т н о — видно, понятно, знаемо
З о б а т и — есть, кормиться
З р а к — вид, облик, образ
З ы п к а (з ы б к а) — колыбель, люлька

И — его (вин. падеж)
И де же — где, куда

И же — который, кто
Извычай — обычай
Извычен — привычен
Изосеймочи — изо всех сил
Изнурити — расточить, потратить, спустить
Имати — брать, доставать, приобретать
Иматьбыти — должно быть
Иматися — брать обязательства, ручаться, братья за что-то
Имение — имущество
Ино — а, и, же; а, но; потому что, так как, ибо
Исол — ароматическое растение, из которого делали настойки для ритуальных и лечебных целей
Искати — домогаться; добиваться судом что-либо; предъявлять иск в суде
Искусно — умело, со знанием дела; испытующе
Искусити — проверить, испытать
Исполать — на многие лета, навечно
Истязати — требовать; взыскивать; спрашивать

Кабы — если бы
Казать — оказывать
Калита — мешок
Камилавка — монашеская шапочка в виде шляпной тульи, надеваемая под клобук
Камка — шелковая восточная ткань
Книждо (коеждо) — каждый
Клейнот (а) — сокровище, драгоценность
Клепати — звонить
Ковчег — ларец
Козел — козлы, приспособление для распиливания дров
Коль — поскольку
Комонь — конь
Костырь — игрок в кости
Косыщатый — из кусочков
Кропчетца — ворчит
Купля — торговые дела
Купец — кубок
Кутник — настил, нары

Лапотки-отопочки — изношенные лапти
Лепота — красота
Ловы — охота
Ловыдеять — охотиться
Ложница — спальня
Лукавне — тайком

Лукаво — притворно

Лучиться — случиться, приключиться

Мамка — нянечка

Мекинница — сарай для хранения мякны

Метания — поклоны

Мечты — наваждения

Мзда — взятка, откуп

Миро — благовонное масло

Мирро — благовонная смола

Молитвослов — требник

Мост — пол

Мурза — татарский князь

Навыкнути — научиться; познать, узнать что-либо

Назираги — заботиться, опекают, обеспечивать

Наказание — наставление

Налой (аналой) — небольшой высокий столик для богослужбных книг и икон

Наны — на нас

Наперсник — любимец

Напрасно — внезапно, неожиданно; опрометчиво; несправедливо

Нарочитый — именитый; отменный

Наустити — подговорить, подстрекнуть, натравить

Начаяться — надеяться, ожидать, полагать

Небуява — незаносчива

Невемыи — не знаем

Недомышляги — недоумевать; находиться в затруднении, не знать как поступить

Неисправна — виновата

Нелепо — лживо, облыжно, позорно, непристойно

Непщумии — предполагаемые

Нестроение — беспорядки

Несудитися — не сравниться

Неточию — не только

Нослег — почлег

Нудимабе — принуждаема

Нужных — нуждающихся

Нужныя — мучительной

Обавница — колдунья

Обащик — оговорщик

Обаче — но, однако, все-таки, впрочем

Обнести — осрамить, опорочить, оговорить

Образы — иконы

Обыти — охватить, объять; обнаружить, найти
Ов, ова, ово — то, та, то; этот, эта, это
Овагда — иногда
Оглашенные молитвы — подготовительные к крещению
Одесную — справа
Оле — о (междометие); но, а
Оловеник — оловянная кружка
Онамо — там; туда
Опасно — заботливо, тщательно, бдительно
Осклабитися — улыбнуться; проявить уступчивость, податливость
Оскорбетися — рассердиться; опечалиться, огорчиться; занемочь
Ослоп — дубина
Особо — самостоятельно, отдельно
Останошны́й — последний
Острог — частокол, изгородь; крепость
Отай — тайно, скрытно
Отечество — достоинство; происхождение, рождение, знатность
Отнеле (же) — с тех пор как; откуда
Отнюду — откуда; оттуда; почему, потому
Отстужити — отдалить, разлучить, оторвать от кого-то
Отчитатися — отказаться, отречься, отделиться
Ошую — слева

Паки — опять, снова
Паче — больше
Переиначитися — перемениться, измениться
Перечина — распря
Перьсть — прах, пыль, мощи; горстка
Пес-выжлец — собака-ищейка
Печастеся — заботились
Повеленная — дань
Поветерье — удача, успех
Подвизание — усердие, рвение, побуждение; богоугодная деятельность
Подворотня — доска или тяжелый брус, который подкладывали под запертые ворота, чтобы не было щели
Подле — рядом
Подлас — с рыжеватыми «подпалинами», пятнами
Подмост — подполье
Подсолнешник — накидка от солнца
Пожития — проживание
Поимати (пояти) — взять
Покладитися — договориться
Покои — комнаты
Покровы — кровля, крыши

По л а т и — настил для спанья
П о л с т а — холстина
П о н е ж е — потому что
П о н е ж е у б о — так как
П о п р и щ е — расстояние в 20 верст или. суточного перехода
П о р т ы — одежда, платье
П о р у х а — ущерб
П о р я д у — по порядку
П о с е д а н и е — походка
П о с п е х — успех, удача
П о с т р е л — моровая язва
П о с ы л к а — вызов
П о т щ и т ь с я — стараться
П о ч и е т — почивает
П о ч и т а т и — считать, думать.
П р е в о з х о д я щ и й — проходящий
П р е д е л ы — окрестности, округа
П р е д с т а т е л ь — заступник
П р е з р и т и — пренебречь, отвергнуть
П р е л е с н ы е р е ч и — обманные
П р е щ е н и е — запрет
П р и б и р а т и — собирать, прибирать
П р и з р е т и — принять, призреть
П р и л е ж а т — заботятся
П р и л у ч и ж е с я — случилось
П р и н и м а т ь с я — браться, хвататься
П р и с в о й и п р и м о л ь в — приголубь и приласкай
П р и с п е е т — наступит, придет время
П р и с н о — всегда
П р и т в о р — сени, передняя
П р и т и к а т и — приходиться
П р и ч е т ц е р к о в н ы й — священники
П р о л ы г а т ь с я — врать
П р о с т ы й — свободный, отвязанный
П р о ч а я — пребывая в ожидании
П р я — спор
П у с т о ш н ы е — легкомысленные
П я л и ч н о е д е л о — рукоделие, вышивание

Р а з д о л и н а — лог, долина
Р а з р е ш а ю щ а с а п о г — снимающего обувь
Р а с т о к а т и — раздавать
Р е к т и (р е ш а, р е к о ш а) — говорить, сказать (сказали)
Р о г о з и н н а я — рогожая, мочальная
Р о т я щ и е с я — клянущиеся

Руда — кровь
Ряжено — договорено

Свальный бой — рукопашный бой
Сварити — бранить
Свергнуть (сверже) — сбросить, скинуть (сбросил)
Святки — праздничные дни от Рождества до Крещения
Семо — сюда
Семо и овамо — туда и сюда, по сторонам
Сень — тень
Скарлата — ткань
Скатный — круглый
Скважня — отверстие, скважина
Скорь — болезнь, хворь, кручина
Скорынья — челюсти
Скудость — нужда
Слава — величие
Смятошася — заволновались
Снабдети — сохранить
Снити (ся) — сойтись
Собина — собственность
Соблазнитися — ошибиться
Созирати — высматривать
Созретися — повидаться
Сокма — дорога
Спознатися — познакомиться
Спон — препятствие
Срачица — сорочка, рубашка
Сретати — встречать
Срядити — сделать; созвать
Стегно — бедро
Страсть — страх
Строити — делать; строяше — делала
Струги — большие лодки
Сугубейши сего — более того
Сулити — предлагать
Существенным — истинным
Сызмальства — с малых лет

Тать, татьба — вор, воровство
Тебенки — кожаные лопасти по бокам седла
Темница — тюрьма
Тещи — ехать, двигаться
Толкати (толцыте) — стучать (стучите)

Трясовая, трясца — лихорадка
Тчан — чан, ванна
Тщание — усердие, старание
Тщиться — пытаться, стараться
Тщима рукама — пустыми руками

Убогий — недостойный; нищий умом; бедный
Убрус — платок, полотенце
Увем — узнаю
Увериться — сговориться, уверить друг друга
Удовляти — обеспечивать
Уды — члены
Уже — веревка
Ужик — родственники
Узорочный — драгоценный
Унети (унел) — пригласить (пригласил)
Упатки вилavya — хитрые повадки, изворотливость
Урватися — сорваться, упасть
Усмотрети (усмотрел) — узнать (узнал)
Утри (и); во утри (и) — на завтра, на следующий день
Участков — золотых слитков
Уязвити (уязвлен) — ранить (ранен)

Фимиама — благовоние
Флевы — жилы

Хартница — грамотка
Хартня — пергамен, рукопись, чистая бумага
Хоть — желание
Храмина — жилище, дом, палата, покой

Целбоносный — исцеляющий
Цена — деньги
Цка — плита

Чаемый — ожидаемый
Чарование — волшебство, чародейство
Чары — обувь
Часовня — небольшое здание для молений, в отличие от церкви без алтаря
Честный — знатный
Чижевое зголовье — подушка
Чрепы — черепки
Чужд — чужой

Ш к а т у н а — шкатулка, ларец

Ш и р и н к а — платок

Ш у я — левая рука

Щ е п л и в о ю — щеголеватой, нарядной

Ю — её (вин. падеж)

Ю ж е — которую

Я — их (вин. падеж)

Я д ь (я д и) — еда, яства

Я ж е — которых

Я з в и т и — ранить

Я з ы к, я з ы ц ы — народ, народы

Я к о (же) — как

Я п а н ч а — плащ без рукавов, накидка

Я р ы й — свирепый

Я т и (я х с я) — взять, брать (взялся)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис —

Московский Кремль XVIII в. Миниатюра из книги П. Крекшина «Житие Петра I». ГИМ, Собр. Барятинского, № 55, XVIII в., л. 93.

Стр. 23.

Строительство моста через Волхов в 1532 г. ГПБ, «Лицевой летописный свод», Шумиловский том, XVI в., л. 937.

Стр. 29.

Осада города. Миниатюра из «Лицевого летописного свода Ивана Грозного». ГИМ, Синодальное собр., № 962, XVI в., л. 80.

Стр. 43.

Строительство Вавилонской башни. Миниатюра из рукописной книги «Козьма Индикоплов». ГИМ, Щукинское собр., № 475, XVI в., л. 41 об.

Стр. 52.

Приезд знатного троянца к властителю о. Пилос. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГИМ, XVI в.

Стр. 90.

Весенние полевые работы. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГИМ, XVI в.

Стр. 108.

Шитье одежды. Миниатюра из «Лицевого летописного свода Ивана Грозного». ГИМ, Музейное собр., № 358, XVI в., л. 223 об.

Стр. 137.

За работой в поварне. Миниатюра из рукописи «Житие Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 197.

Стр. 141.

Летописец. Миниатюра из рукописи «Житие Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г.

Стр. 155.

Женский труд. Миниатюра. ГИМ, Музейное собр., № 12, XVIII в., л. 24 об.

Стр. 159.

Выгон скота на пастбище. Миниатюра из «Повести о царе Соломоне». ГИМ, Собр. Забелина, № 336, XVIII в., л. 25 об.

Стр. 165.

Строительство Никольской церкви в Новгороде в 1438 г. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГПБ, Голицинский том, XVI в., л. 480.

- Стр. 179.
Крестьянская семья. Миниатюра из «Жития Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 174.
- Стр. 200.
Выпечка хлеба. Миниатюра из рукописи «Житие Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 276.
- Стр. 204.
Московский Кремль XVI в. На переднем плане закладка Покровского собора (храма Василия Блаженного). ГИМ, Синодальное собр., № 962, XVI в., л. 166.
- Стр. 216.
Работа кузнецов и чеканщика. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГИМ, Музейное собр., № 358, XVI в., л. 225 об.
- Стр. 228.
Жители Новгорода XV в. Миниатюра из рукописной книги. ГПБ, 1627 г.
- Стр. 242.
Русская баня. Миниатюра из рукописного «Синодика Шангальской церкви». ГИМ, Щукинское собр., № 143, XVII в., л. 76.
- Стр. 247.
Обучение грамоте. Миниатюра из рукописи «Житие Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 172 об.
- Стр. 284.
Строительство водяной мельницы. Миниатюра из рукописи «Житие Александра Свирского». ГИМ, Музейное собр., № 344, XVII в., л. 57 об.
- Стр. 299.
Свадьба древнерусского князя Андрея, сына Владимира Мономаха в 1118 г. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГПБ, Голицинский том, XVI в., л. 22.
- Стр. 305.
Работа живописца. Миниатюра из рукописи «Житие Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 254.
- Стр. 310.
Город. Миниатюра из «Жития Нифонта». ГИМ, Музейное собр., № 2034, XVIII в., л. 43 об.
- Стр. 315.
Больница. Миниатюра из «Жития Антония Сийского». Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 201.
- Стр. 331.
Школа. Миниатюра из рукописи «Сборник житий». ГИМ, Музейное собр., № 82, XVII в.
- Стр. 335.
Обед в доме знатного русского человека. Миниатюра из «Сборника повестей». ГИМ, Собр. Вахрамеева, № 406, XVIII в., л. 117.

Стр. 343.

Греческий флот. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГИМ, XVI в.

Стр. 349.

Азартная игра. Миниатюра из рукописи «Синодик». ГИМ, Щукинское собр., № 1044, XVIII в., л. 107.

Стр. 371.

Торг в Новгороде. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». ГПБ, Лаптевский том, XVI в., л. 285 об.

Стр. 381.

Музыканты. Миниатюра из «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного». ГИМ, Музейное собр., № 358, XVI в., л. 654 об.

Стр. 385.

Трапеза. Миниатюра из «Жития Антония Сийского». ГИМ, Щукинское собр., № 750, 1648 г., л. 176.

В оформлении книги использованы заставки, концовки и инициалы из старопечатных книг конца XVI—XVII вв., воспроизведенные в книге: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог.— М., 1958.

Содержание

<i>А. Н. Ужанков. Истоки русской художественной прозы</i>	5
Повесть о спасении утопающего	21
Сказание о Дракуле воеводе	27
Сказание о Дракуле-воеводе. <i>Перевод</i>	35
Сказание о Вавилонском царстве	42
Сказание с Вавилонском царстве. <i>Перевод</i>	46
Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле	50
Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. <i>Перевод</i>	58
Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены	65
Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены. <i>Перевод</i>	68
Повесть о Тимофее Владимирском	71
Повесть о Тимофее Владимирском. <i>Перевод</i>	76
Повести о хмеле	82
Повесть о Луке Колочском	89
Повесть о Луке Колочском. <i>Перевод</i>	93
Повесть о царице Динаре	96
Повесть о царице Динаре. <i>Перевод</i>	101
Повесть о Петре и Февронии Муромских	107
Повесть о Петре и Февронии Муромских. <i>Перевод</i>	120
Повесть о целомудренной вдове	133
Повесть о благочестивом рабе	135
Повесть о папе Григории	139
Повесть об Андрее Критском	149
Повесть об Ульянии Осорьиной	154
Повесть о Марфе и Марии	164
Повесть о Марфе и Марии. <i>Перевод</i>	171
Повесть о Соломонии Бесноватой	177
Повесть о царе Иване и старце	199
Повесть о начале царствующего града Москвы	203
Повесть о царе Михаиле	211

Сказание о древе златом и златом попугае и царе Михаиле	215
Повесть о царе Казарине и о жене его	220
Сказание о молодце и о девице	222
Притча о старом муже и молодой девице	226
Повесть о разуме человеческом	230
Повесть о Ерше Ершовиче	234
Повесть о Шемякинном суде	241
Сказание о крестьянском сыне	245
Повесть об Иване Пономаревиче	250
Сказание о Еруслане Лазаревиче	256
Повесть о царе Аггее	279
Повесть о царе и мельнике	283
Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне	286
Повесть о Тверском Отроче монастыре	298
Повесть о Савве Грудцыне	309
Повесть о Фроле Скобееве	329
Повесть о некоем убогом отроце	342
Повесть о Горе и Злочастии	348
Повесть о Карпе Сутулове	360
Повесть о купце Григории	367
Повесть о купце	370
Повесть о некоем купце лихоимце	380
Сказание о богатом купце	384
Комментарий	389
Словарь древнерусских слов	430
Список иллюстраций	440

Русская бытовая повесть XV—XVII веков/
P98 Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Ужанкова:
Оформл. Б. А. Диодорова.— М.: Сов. Россия, 1991.—
448 с., ил.— (Сокровища древнерусской литера-
туры).

Русская бытовая повесть, развивавшаяся как жанр в древнерусской литературе в XV—XVII веках, вобрала в себя достижения летописной повести, житийной, легендарной, апокрифической, фольклорной литературы и стала в свою очередь началом светской литературы нового времени — собственно художественной беллетристики. В повестях появляется новый герой — купец, крестьянский сын, мелкий дворянин, чиновник, расширяется круг тем, усложняется сюжет, повышается интерес к внутреннему миру человека.

Настоящее собрание русских повестей впервые наиболее полно представляет современному читателю растущее тематическое и стилистическое богатство набирающей силу отечественной литературы.

Р 4702010101—002 инф. 91
М-105(03)91

84P1

ISBN 5—268—01157—x

Сокровища древнерусской литературы

Русская
бытовая
повесть

XV—XVII вв.

Редактор Э. С. Смирнова
Художественный редактор Л. Е. Безрученко
Технический редактор Е. В. Кузьмина
Корректоры Т. А. Лебедева,
Т. Б. Лысенко

ИБ № 7113

Сдано в набор 24.07.90. Подп. в печать 17.12.90. Формат 84×108/32. Бумага
тип. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л.
23,52. Усл. кр.-отт. 23,73. Уч.-над. л. 25,15. Тираж 100 000 экз. Заказ 1269.
Цена 7 р. Изд. инд. ЛХ-153.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства
печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Саунова,
13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации
РСФСР 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяпа, 25.

В издательстве
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
выходит в свет книга
«ДОМОСТРОЙ»

«Домострой» — один из известнейших древнерусских памятников, возникший под воздействием средневековой литературы разных жанров и различного происхождения, к середине XVI века получил законченную форму. В объединительных тенденциях Русского государства того времени памятник сыграл важную роль как выражение идеала духовной, социальной и семейной жизни в нравственном их аспекте («духовного, мирского и домовного строения»).

«Домострой» представляет красочные картины средневекового быта во всех тонкостях и проявлениях общественного и семейного бытия.

Добавления к основному тексту знакомят читателей с ритуальным действием свадьбы, праздничного пира и бытового общения. В приложении помещены также «Травники», извлечения из «Лечебника» и «Назирателя», трактующих медицинские и сельскохозяйственные проблемы эпохи средневековья.

В издательстве
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

готовится к изданию в серии
«Сокровища древнерусской литературы»
книга

«ДРЕВНЕРУССКАЯ ПРИТЧА»

Первое собрание древнерусской притчи, оригинальной и переводной, жанр которой имел далеко идущее благотворное влияние на развитие отечественной литературы. В книгу войдут притчи Кирилла Туровского и Максима Грека, выдающихся писателей Древней Руси, притчи из «Повести временных лет», переводной популярной «Повести о Варлааме и Иоасафе» и др.

73.

THE

CHRISTIAN